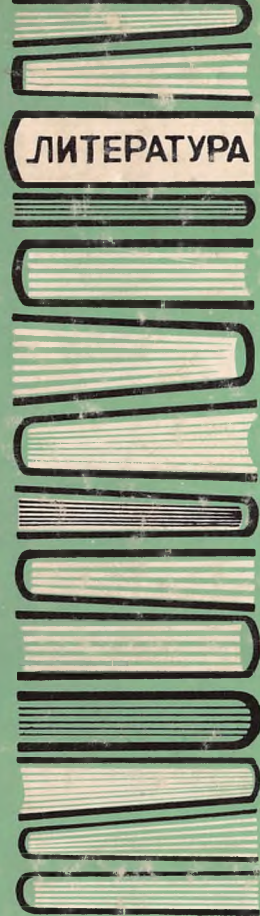

ЛИТЕРАТУРА

РУТ БОНДИ

ЭНЦО
СЕРЕНИ

РУТ БОНДИ

ЭНЦО СЕРЕНИ

37

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

Рут Бонди

ЭНЦО СЕРЕНИ

Рут Бонди

РУТ БОНДИ

ЭНЦО СЕРЕНИ

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

1976

רות בונדי
השליח

Ruth Bondi
Emissary

Перевел с иврита
А. Белов-Элинсон

ציור העטיפה: שרה ברקאי

All rights reserved

כל הזכויות שמורות

ל"ספריה עליה"

ת"ד 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן הזכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק
נדפס בישראל

1976

דפוס מופת. ת"א

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор этой книги, известная израильская журналистка Рут Бонди, родилась, росла и училась в Чехословакии. В числе немногих ей удалось выжить во время немецкой оккупации этой страны. Освободившись из фашистских концлагерей (она провела четыре года в Терезиенштадте, Освенциме, Биркенау, Берген-Бельзене и уцелела лишь чудом), Рут Бонди начала работать в качестве переводчицы в агентстве печати Юнайтед Пресс. В мае 1948 года, когда было провозглашено образование Государства Израиль, добровольно вступила в ряды молодой израильской армии в рамках мобилизации евреев-иностранцев, а в 1949 году окончательно репатрировалась в Израиль. Иврит изучала в одном из ульпанов Хайфы, перебиваясь случайными заработками. Там же впоследствии стала работать местным репортером газет "Омер" и "Давар". С 1953 года — член редколлегии еженедельника "Двар хашавуа", в котором ведет отдел актуальных событий международной и внутренней жизни. Автор ряда книг, среди которых большой успех выпал на долю юмористических сборников "Будет хорошо" и "Половина утешения". Ее книга очерков об израильтянах, их характере и образе жизни переведена на английский.

За книгу об Энцо Серени (на иврите — "Шалиах", т. е., эмиссар), сокращенный русский перевод которой издательство "Библиотека "Алия" выносит на суд читателей, Рут Бонди удостоилась в 1974 году премии имени Ицхака Садэ, присуждаемой за лучшие произведения на военную тематику. В разное время ей присуждались также премии имени Соколова — за актуальную публицистику, имени Райхштейн — за лучший литературный портрет поэта Ури Цви Гринберга и др.

Возможно, лишь перелетные птицы знают,
повиснув меж небом и землей,
что сердце тоскует по двум родинам сразу.

Леа Гольдберг, "Сосна"

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
Глава первая. Дом на улице Кавур	19
Глава вторая. Слишком молод, чтобы быть героем	39
Глава третья. Ада	57
Глава четвертая. Тоска по лучшему миру	70
Глава пятая. Не все итальянцы фашисты	79
Глава шестая. По зову сердца	86
Глава седьмая. Единственный в своем роде халуц	100
Глава восьмая. Незаконный кибуц	131
Глава девятая. Казначей без денег	146
Глава десятая. Конец предприятия братьев Серени	162
Глава одиннадцатая. Эмиссар, прибывший поко- рять	174
Глава двенадцатая. Счел за благо ретироваться...	191
Глава тринадцатая. На одиноком острове и без евреев	217
Глава четырнадцатая. Новый мир, старые беды	229
Глава пятнадцатая. С палкой против ружей	248
Глава шестнадцатая. Потоп	263
Глава семнадцатая. В английской разведке	277
Глава восемнадцатая. В Багдад как вихрь	296
Глава девятнадцатая. Подпольщик, которого все знают	324
Глава двадцатая. "П" означает "проникновение"	338
Глава двадцать первая. Долг спасать	361
Глава двадцать вторая. Последнее испытание	389
Эпилог	407

Энцо Серени

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время опустошает память. Но каждый, кто знал Энцо Серени, даже если это знакомство было случайным, каждый, кто видел его, пусть лишь один раз в жизни, не забудет этой встречи и спустя десятилетия. Потому что Энцо был единственным в своем роде, отличным от всех, и сразу бросался в глаза, выделяясь среди окружающих, хоть и был невысокого роста. Когда друзья Энцо рассказывают о нем, их лица невольно озаряет улыбка, и кажется, будто сам воздух хранит еще тепло его недавнего присутствия. Но для всех других израильтян облик Энцо определяется заключительной главой его жизни: он известен как парашютист-доброволец, отдавший свою жизнь ради спасения евреев, обреченных на гибель. Но его последний прыжок с парашютом был прямым продолжением всей его деятельности, полностью соответствовал его воззрениям и верованиям, его натуре, лишь завершая эту удивительную жизнь.

Еще в ранней молодости, увлекшись литературой, Энцо Серени мечтал написать книгу, в которой отразились бы мысли и переживания целого поколения. В основу ее он хотел положить историю итальянской семьи на фоне бурных событий сложной и противоречивой эпохи между двумя мировыми войнами. Но у него никогда не было времени, чтобы запечатлеть все это на бумаге, так как он жил такой напряженной жизнью, которая поглощала все его силы.

Когда оглядываешь мысленным взором все, что удалось ему "впечатлеть" в неполных сорок лет своей жизни, — а он успел:

изучать философию и писать исследования о молодом Марксе, о британском империализме на Ближнем Востоке и об источниках итальянского фашизма; быть халуцом в Эрец-Исраэль в годы голода и

борьбы за право на труд и основать коллективное поселение (вопреки решениям руководящих национальных инстанций), которое превратилось впоследствии в крупнейший кибуц страны;

указать путь на свою историческую родину еврейской молодежи Германии в роковые дни прихода Гитлера к власти;

заложить основы массового исхода евреев из Ирака;

выполнять задания британской разведки среди итальянцев, находившихся в Египте, и принимать участие в антифашистском подполье;

скитаться по белому свету и укорениться в нашей стране;

любить людей, книги, искусство, работать журналистом, казначеем, сельскохозяйственным рабочим, инструктором молодежи, тайным агентом, посланцем и историком;

быть примерным семьянином и обзавестись бесчисленными друзьями...

— когда думаешь обо всем этом, начинаешь понимать, что свой большой роман он писал не пером, а прожил его бурно и страстно, в духе времени. Сама его жизнь представляется нам сейчас удивительным произведением искусства, которое должны записать на бумагу другие.

Кипучая активная деятельность, равно как и ощущение быстротекущего времени были в крови династии Серени, ведущей свое начало из Рима, по-видимому, со времен разрушения Второго Храма. Стремление принимать непосредственное участие в событиях, а не только наблюдать за ними со стороны, было неотъемлемой чертой мировоззрения Энцо Серени. Он требовал и от себя, и от других постоянной готовности подтверждать свои взгляды делами, не только объяснять мир, но и переделывать его. Твердая убежденность в необходимости полного тождества между взглядами и делами привела двадцатидвухлетнего сына придворного врача короля Италии, доктора философии, которому была обеспечена блестящая науч-

ная карьера, в ряды пионеров освоения Эрец-Исраэль, и он был первым итальянским халуцом, прибывшим в нашу страну. Эта убежденность толкнула 39-летнего Энцо спуститься на парашюте по ту сторону линии фронта, чтобы спасти еще оставшихся в живых евреев Италии и вместе с тем внести свой вклад в борьбу итальянского народа за свое освобождение.

Эта двойная миссия, которую возложил на себя Энцо, наглядно выявляет два важных и равнозначных элемента его личности. Он был евреем и одновременно — итальянцем. Он любил еврейский народ и он любил итальянский народ. Он строил свой дом в Эрец-Исраэль, будучи связанным сердечными узами с пейзажами Италии. Он был сыном поколения, которое проделало путь возврата к еврейству после полной ассимиляции, как Герцль, как Трумпельдор. Этот путь был выбран им вполне сознательно и выражал его непоколебимое желание и стремление. Он шел к Земле Обетованной, побуждаемый к этому внутренним голосом, но какая-то частица его души оставалась в Италии, куда Серени возвращался с постоянством перелетных птиц, которые с наступлением весны проделывают обратный путь на свою первую родину. Он хорошо знал Библию и еврейскую литературу, но фоном, на котором расцветал его интеллект, была литература Италии. Он владел ивритом и был ревностным его приверженцем, но языком его души оставался итальянский.

В детстве и молодости Энцо Серени не было ничего такого, что могло бы привести его к сионизму. Члены семьи Серени со стороны отца и семья Понтекорво со стороны матери давно укоренились на итальянской почве, были тесно связаны с новой Италией, и перед молодым одаренным евреем были открыты все пути — в политику, армию, науку и промышленность. Еврейство было для Серени скорее семейной привязанностью к традициям, чем вопросом религии, веры или национальной принадлежности. И действительно, в молодости Энцо увлекался левым искусст-

вом, футуризмом и даже новым христианством. Он лично приписывал свое обращение к сионизму влиянию старшего брата Энрико, который участвовал в XII сионистском конгрессе и был носителем "микро-ба" сионизма, не будучи приверженцем этого учения.

Но еще больше, чем семейной верностью и солидарностью трех братьев Серени, резкий поворот Энцо от ассимиляции к сионизму объясняется его неустанными поисками цельности бытия, которой он не мог достичь в христианском мире, будучи по происхождению евреем. Его приближение к иудаизму не было результатом того, что он отмежевался от христианства, а скорее явилось следствием его тяготения к обновленному христианству, которое проповедовал его учитель профессор Боанаюти.

Прибыв в страну, Энцо начал искать свой собственный путь сближения с арабами. Он искал друзей среди рабочих цитрусовых плантаций Моше Смилянско-го в Реховоте, среди соседей кибуца Гив'ат Брен-нер в примыкающих к нему арабских деревнях, среди арабской интеллигенции Египта и Ирака. В идейном плане он надеялся на органическое включение Эрец-Исраэль в арабский мир путем компромисса между еврейским и арабским национально-освободительными движениями.

В своем стремлении к гуманному социализму, в последовательной борьбе за право на собственное мнение в рамках единой организации, на право не быть таким, как все, в своем категорическом отказе бездумно следовать кем-то освященным образцам и моделям Энцо кажется особенно близким послевоенному поколению, ищущему новых путей и открыто выражающему свои сомнения. И действительно, когда сейчас изредка встречаются друзья Энцо Серени и говорят о нем, неизменно возникает вопрос: если бы он остался в живых, кем бы был сейчас? Его учитель, наставник и близкий друг Берл Кацнельсон и многие другие видели в нем "одного из наших будущих министров", может быть, даже министра иностранных дел. Но кто знает, смог ли бы Энцо, несмотря на яр-

ко выражаемое еще с юношеских лет стремление к политической деятельности, подчиняться строгой партийной дисциплине, без чего, как известно, нельзя достичь ведущего положения в руководящей верхушке.

Его беспокойная душа, страсть к приключениям, жажда жизни не давали возможности довести до конца ни одного из начатых им дел, будь то теоретическая работа или практическая деятельность. Все его миссии — в Германию, США, Египет, Ирак — прерывались посредине, задолго до завершения. Это объясняется как будто неблагоприятным стечением обстоятельств, но в действительности, подчас, большую роль играли такие факторы, как отсутствие должного терпения и непримиримые противоречия между стремлением к тихой жизни мыслителя и темпераментом бойца, неустанно ищущего новых целей. При всей его любви к родному кибуцу, его жизнь с момента прибытия в страну можно рассматривать как своеобразное расписание движения поездов, пароходов и самолетов. В своем кибуце он видел оплот рода Серени, кибуц был для него прообразом грядущей жизни всего человечества и в то же время он не мог в нем долго усидеть, он уезжал и возвращался; находясь вдали — тосковал о кибуце, находясь в кибуце — тосковал о других местах.

Все евреи Рима были убеждены, что трех братьев Серени ждет большая будущность. И сами братья, еще до того как сформировался жизненный путь каждого из них, не раз говорили о том, что совместными усилиями они могут свернуть горы. Но вскоре выяснилось, что Энцо оказался в одиночестве, и это было для него очень горькой истиной.

Старший, Энрико, самый рассудительный и уравновешенный, умер от газового отравления. Младший, Эмилио, который в молодости также склонялся к сионизму и даже изучал сельское хозяйство, намереваясь идти по следам брата, вскоре стал ярким приверженцем марксистских догм и верований и выдвинулся как один из вождей итальянской компартии. Энцо и Эмилио пытались убедить друг друга, что только их путь

— истинный и верный. Иногда даже кажется, что вся жизнь зрелого Энцо (по мере того, как он мужал), это растянувшийся на годы диалог с младшим братом, диалог на расстоянии и без слов. Одной из причин упорного стремления Энцо весной 1944 года прибыть в Северную Италию, где хозяйничали немцы, и когда все уже знали, что война идет к концу, было желание найти следы своего брата Эмилио, который был схвачен фашистами. Мне кажется, что в его последней миссии была также подготовка к послевоенной встрече с братом: как он мог говорить с ним на равных, когда тот все годы нацистской оккупации действовал в подполье, ежедневно рискуя жизнью, а он, Энцо, пребывал в относительно спокойной и безопасной Палестине. Но решающим толчком для его миссии было ощущение глубины еврейской трагедии и отказ признать свое бессилие перед лицом тотальной катастрофы.

Еще до того как Гитлер пришел к власти, Энцо почувствовал страшную опасность, нависшую над немецким еврейством, и старался побудить своих соплеменников предпринять решительные шаги. По мере того как приближалась Вторая мировая война, в нем росла уверенность, что результатом ее будет гибель большей части европейского еврейства. Задолго до начала организованного уничтожения евреев Энцо почувствовал приближающуюся опасность, и в течение всех лет войны он думал лишь о том, как добраться к евреям Европы, чтобы предупредить их, поднять тревогу, спасти. Но в Европу, оккупированную нацистами, можно было попасть лишь с помощью англичан, а те не торопились использовать евреев-добровольцев, так как опасались противодействия арабов.

Когда Энцо Серени в конце концов удалось, после долгих усилий и ухищрений, вступить весной 1944 года на землю Европы, время в значительной мере было уже упущено. Евреи Италии, не нашедшие себе убежища, находились по пути к лагерям смерти. Половина Италии была уже освобождена. Если руководствоваться холодным расчетом, то не было особой не-

обходимости посылать в Северную Италию человека, возраст которого приближался к сорока, отца троих детей, и к тому же почти не имеющего опыта прыжков с парашютом. И если он все же решился на такой шаг, вопреки желанию жены, друзей и своих руководителей, то лишь потому, что обязался действовать так перед самим собою, потому что его толкала сила более значительная, чем логика и здравый смысл, потому что он считал, что на него возложена эта миссия свыше. В глубине души он уповал на удачу, верил в свою счастливую звезду, надеялся на то, что земля родной Италии не изменит ему. Он верил, что Провидение убережет его от всех опасностей, и он вернется домой цел и невредим.

Сегодня, когда раввины стали желанными гостями во многих кибуцах, и часть молодежи ищет пути возврата к еврейской традиции (может быть, из-за бунта против родителей, может быть, ощущая потребность в какой-то другой моральной опоре), вера Энцо в Бога не вызывает особого удивления. Но в ту пору, в тридцатые годы, когда был провозглашен своего рода социалистический "бунт" против традиции предков, в период освобождения от религиозных взглядов — поведение Энцо Серени было из ряда вон выходящим. Находясь в рамках движения объединения кибуцов, он демонстративно постился и посещал синагогу в Судный день. Он не только верил в высшую, сверхъестественную силу Творца, но и открыто излагал свои взгляды товарищам.

Эта необычайная многогранность Энцо позволяла каждому, кто его знал, видеть его таким, каким хотелось видеть в соответствии с собственной верой и собственными вкусами и пристрастиями. Энцо — социалист, Энцо — верующий еврей, Энцо — политик, Энцо — философ, Энцо — поглощенный выполнением своей миссии, трезвый, скептически настроенный, Энцо — наставник и Энцо — прожигатель жизни, Энцо — притягивающий к себе людей, как магнит, и Энцо — замкнутый, умеющий хранить секреты...

Это была щедрая натура, и он любил наделять

людей щедрой рукой, по собственному выбору. Иногда — из желания ошеломить и поразить: ведь он, как истинный римлянин, любил всякого рода представления и драматические эффекты. Можно сказать, что часы Энцо шли быстрее часов всех прочих смертных — он ел быстрее других, читал быстрее всех, схватывал все налету, умел эффективно работать, иногда действуя согласно библейскому принципу "сделаем и выслушаем",* а не наоборот, как общепринято.

Да, это был удивительно разносторонний и увлекающийся человек, внутри которого горел священный огонь, и когда настал час высшего испытания в фашистском лагере смерти Дахау, в нем открылась большая внутренняя сила и стойкость. Там, где повседневным явлением были муки голода, истязания, пытки, он был организатором Сопротивления, опорой и братом для многих. Там, где делалось все для того, чтобы люди потеряли человеческий облик, он приносил страждущим утешение и вселял надежду. То было последним свидетельством его любви к человеку, и лишь немногие уцелели, чтобы рассказать об этом.

* Так сыны Израилевы ответили Моисею, когда получили из его рук Божественную Тору (Исход, 24, 7). С тех пор это выражение стало символом готовности выполнять, не раздумывая, любой приказ, любое распоряжение, поручение и т. п. (Примечание переводчика).

Глава первая ДОМ НА УЛИЦЕ КАВУР

Большой дом на улице Кавур был предназначен для того, чтобы навеки вечные стать семейной твердыней династии Серени. Когда в девяностые годы прошлого столетия был построен этот жилой пятиэтажный дом, Рим находился лишь в первой стадии расцвета в качестве столицы объединенного итальянского королевства. Евреи Рима в ту пору впервые вкусили сладость свободы и полного равноправия, обретенных благодаря победам воинов Виктора Эммануила Второго, отнявших город у папы римского. Этот дом был первым строением, воздвигнутым семьей Серени за пределами стен старого еврейского гетто на берегу Тибра, и он символизировал новое общественное положение семьи. Строение было основательным, просторным, с рельефами вокруг окон, украшенных коричневыми деревянными жалюзи, с выступами в форме колонн вокруг трех подъездов — солидный буржуазный дом, как и все новые дома на улице Кавур, не превосходящий их, но и ни в чем им не уступающий. Дом, знающий цену себе и своей эпохе.

Открытие ворот гетто в 1870 году и конец светской власти папы римского были восприняты частью местной еврейской общины, насчитывавшей в ту пору пять тысяч человек, как сигнал, чтобы удалиться как можно скорее от места, бывшего символом их унижения в прошлом, и как предлог для того, чтобы решительно порвать с прежним образом жизни и почувствовать себя итальянцами среди итальянцев. Другие же, которым трудно было сразу порвать с душевной теплотой замкнутой и сплоченной общины, с сердечной близостью единоверцев, с ощущением своей принадлежности к ним, поселились неподалеку от еврейского квартала. Дом братьев Серени на улице Кавур

340, был отделен от гетто лишь римским форумом. За считанные минуты можно было вернуться в родные места, туда, где появились на свет Божий все дети Моше-Реувена Серени, который был раввином римского гетто, а также видным купцом, и закончил свой жизненный путь в 1881 году на семидесятом году жизни.

Если для коренных итальянцев семья — это щит и крепость против враждебного мира, то тем более справедливо это по отношению к итальянским евреям. Семья всегда была для них основой бытия, жизненным центром, оплотом против всех бед. Два, три, четыре поколения, братья, дяди, племянники жили совместно и совместно вели свои дела, совместно растили и воспитывали детей. Еще в поколении, которое предшествовало эпохе коренных реформ (а о более ранних поколениях — и говорить нечего), братья Серени вели свои торговые дела совместно. Вначале они торговали тканями, а когда в столице итальянского королевства настала эпоха неограниченных возможностей для предпринимательской деятельности и частной инициативы, они энергично занялись недвижимым имуществом.

Самуэле, самый младший из сыновей Моше-Реувена, был одиннадцатилетним мальчиком, когда скончался его отец. Спустя короткое время он потерял и мать, Юлию, состоявшую в кровном родстве с семьей Серени. Осиротевший мальчик жил вначале у брата Сальваторе, который был на двадцать шесть лет старше его. Затем он перешел к брату Анджело — адвокату, женившемуся на Эрмелинде Понтекорво — очень молодой и необыкновенно красивой девушке. Он поселился на четвертом этаже дома на улице Кавур.

Когда Самуэле вырос и настал его черед жениться, выбор, естественно, пал на младшую сестру Эрмелинды Альфонсу Понтекорво. Она уступала по красоте своей сестре, была более грузной, но выделялась врожденной интеллигентностью, образованностью и характером, прилежанием и способностью к до-

моводству. Одним словом, по всем статьям она подходила для младшего из братьев Серени.

Бракосочетание двух братьев Серени на двух сестрах Понтекорво было, по обычаям того времени, совершено путем сватовства, но с полного согласия и одобрения всех заинтересованных сторон. Итальянский брак в ту пору чаще всего был не столько результатом страстной любви, сколько союзом, основанным на соображениях разума, взаимной симпатии и трезвого расчета. Евреи Италии, та горстка, что насчитывала каких-нибудь сорок тысяч душ, в большинстве своем связанных семейными узами, верили в силу любви, но такой, которая растет и крепнет после брака, построенного на прочных основах воспитания детей, совместного имущества и совместной жизни. Браки тогда заключались не на небесах, а на земле, с помощью родных и знакомых, которые нащупывали почву, всесторонне взвешивали все обстоятельства и лишь затем выдвигали свои предложения заинтересованным сторонам.

В ту пору уважающему себя еврейскому юноше из хорошей семьи не могла даже прийти в голову мысль просить руку девицы, если он не был уверен, что сможет содержать семью в полном достатке. Поэтому Самуэле Серени было уже тридцать лет и он имел звание доктора медицины, когда женился на Альфонсе Понтекорво, которая была на девять лет моложе его.

Молодожены поселились также на улице Кавур, 340, на одном этаже с Анджело и Эрмелиндой. У каждой семьи была своя отдельная квартира, но они соединялись внутренней дверью. Все члены рода Серени встречались чаще всего в послеобеденные часы в квартире Эрмелинды для дружеских бесед, взаимных советов и времяпровождения. Так продолжалось изо дня в день с того времени, когда дом был построен и заселен династией Серени.

Тут, на четвертом этаже дома Серени на улице Кавур, появились на свет друг за другом пятеро детей Самуэле и Альфонсы. Старший Энрико был ро-

весником века, младший Эмилио родился в 1907 году. Между ними родились: Велія (умерла в младенческом возрасте), Лея — в 1903 году и Энцо, появившийся на свет 17 апреля 1905 года и при этом сразу громко заплакавший, — так рассказывала мать. Впоследствии, когда Энцо научился выражать свои мысли, он усмотрел в этом некий символ, отражающий особенности его характера: "быстрый и печальный".

И очень, очень скоро стало ясно всей семье и прежде всего Анджели и Эрмелинде, которые были бездетны, что у Альфонсы и Самуэле растут три маленьких гения. Лея, единственная сестра, не примыкала к этому трио, во-первых, потому что она была девочкой и, во-вторых, потому что она была маменькиной дочкой и очень быстро поняла, что миссия женщины — хранить семейное гнездо ради мужчины, детей и грядущих поколений.

Острый ум, быстрота восприятия, страсть к активной деятельности и неиссякаемая инициатива трех братьев были, по всеобщему мнению, наследием рода Понтекорво, точнее сказать — деда Пеллегрини, отца Альфонсы, этого патриарха из Пизы, крепко сложенного старца, любителя поэзии, музыки и искусства, знатока философии и истории, основателя текстильных предприятий, носивших имя святых Лоренцо и Марты. Фабрики достались ему от бывших владельцев и под его руководством достигли расцвета и давали пропитание двум тысячам рабочих.

Пеллегрини Понтекорво был художественно одаренной натурой. В молодости он изучал живопись, но так как у него было семь сестер, за будущее которых он нес ответственность, пришлось по требованию отца "заняться делом", и он избрал, как и предполагалось, торговлю тканями. За триста пятьдесят лет существования гетто торговля поношенной одеждой была основным источником существования евреев Рима. И после того как отменили все ограничения для евреев, торговля текстилем долгое время оставалась одним из самых распространенных еврейских занятий.

Со временем Пеллегрино перешел от торговли тканями к их производству, а Рим поменял на Пизу, но к живописи он так и не вернулся, она оставалась лишь его любительским увлечением: содержание семьи поглощало все силы. После того как он выдал замуж, в соответствии с законом Моисея, всех своих сестер, у него самого появилось шестнадцать детей — их родила ему его жена Джиудитта, урожденная Таллиакоццо — женщина умная, энергичная, домовитая, обладавшая большими организаторскими способностями, которые были совершенно необходимы, чтобы вести такое огромное хозяйство и руководить столь разветвленной семьей, куда к тому же ежедневно устремлялся целый поток гостей.

Дети семьи Понтекорво с малых лет были приучены к работе, ибо на тяжелом физическом труде держалось тогда все текстильное производство. Сыновья, студенты Политехнического института, ежедневно ездили из Пизы в Ливорно и, возвращаясь домой, прежде всего шли на фабрику помогать родителям и лишь в поздние вечерние часы садились за приготовление уроков. Дочерям вменялось в обязанность копировать образцы расцветок тканей, привозимых из Франции. Все они обучались шить, вязать и другим ремеслам у частной учительницы после того как приходили из гимназии, и ни одна из них не могла себе позволить тратить время попусту. Их руки всегда были чем-то заняты — даже тогда, когда их мысли летели в далекие дали. Этот трудовой уклад жизни принесла Альфонса и в свой новый дом.

В отличие от обычаев буржуазных семейств Рима, пытавшихся кое в чем копировать родовую знать после того как расстояние между этими двумя классами уменьшилось, Альфонса сама растила своих детей, сама водила их гулять, сама шила им одежду — короткие штанишки, прикрывавшие колени, просторные блузы с широкими лентами вокруг круглого воротника. Она сама ухаживала за своеобразным домашним палисадником, расположенным на большой веранде вокруг ее квартиры. Альфонса вста-

вала раньше всех — в шесть и даже в пять утра (для женщин ее круга это считалось глубокой ночью), чтобы полить растения, стоявшие на веранде в бесчисленных вазонах, ящиках и бочках, а также немало пошить, когда никто не отвлекает от дела, и подготовить дом к наступлению утра. Правда, в их семье всегда была служанка — тогда никто не представлял себе, что может быть иначе, — но она была единственной и помогала хозяйке дома в выполнении самых трудных работ — и только.

Альфонса умела жить экономно — и этому она научилась еще тогда, когда дом Понтекорво переживал трудности становления. Ежедневно всю свою жизнь она со скрупулезной точностью записывала все расходы, и если к вечеру баланс не сходился, то упорно искала ошибку, и лишь обнаружив ее, обретала душевное спокойствие. Как может человек планировать будущее своей семьи и своих детей, если он не знает, сколько ему надо денег на каждодневную жизнь?..

У Альфонсы были свои принципы воспитания детей и ведения домашнего хозяйства, для своего времени весьма прогрессивные. Она хотела, чтобы у ее детей было ощущение свободы — в играх, беседах, чтении, выборе друзей и чтобы контроль над этим был ненавязчив. Поэтому веранда ее дома очень скоро стала притягательным центром для детей всей округи, равно как для всех обитателей и всех отпрысков этой большой семьи. Там, на веранде, от детей не требовали тихого и примерного поведения, хороших манер и не мешали детским играм окриками: "Это нельзя" — или — "Смотри, не помни свое платье"...

Все здесь очень любили Самуэле — дети звали его Лилио или цию (дядя) Лилио — сокращенно Циюлио. Он носил очки в золотой оправе, острую бородку, был ростом ниже жены и тоньше ее, отличался добротой и веселым нравом. Все были рады его обществу в немногие, свободные от работы минуты, ибо доктор Серени был очень занятым человеком.

Дома у него не было собственного медицинского кабинета, и он обычно уходил в больницу по телефонному вызову. Чаще всего он шел туда пешком, энергично шагая без пальто (даже в зимнюю пору), всегда куда-то торопясь.

Вдова короля Умберто, убитого в 1900 году анархистом, много времени посвящала социальным проблемам и хорошо знала доктора Серени из туберкулезной больницы, находившейся под ее покровительством. Благодаря ей он стал придворным лейб-медиком. Правда, он не стал лечащим врачом короля Виктора Эммануила Третьего, который, однако, хорошо знал его, а был придворным врачом дворца с его многочисленной челядью.

Поликлиника доктора Серени помещалась в одном из боковых флигелей дворца — низкого строения, окрашенного в коричневые и золотые тона. В добавление к частной практике (доктор Серени пользовался репутацией добросовестного врача и хорошего диагноста, не гнавшегося за модными новшествами), работе в королевской поликлинике и в туберкулезной больнице, он еще был доцентом Римского университета, в котором читал курс гистологии. Немудрено, что он был всегда очень занят, всегда в движении и всегда торопил своих домочадцев, боясь опоздать.

Дети Самуэле и Альфонсы были прежде всего отпрысками семьи Понтекорво* — своей фанатичной целеустремленностью, упорством, готовностью рисковать и идти против течения. Но они были также детьми Серени — своей чувствительностью, ощущени-

* К этой семье принадлежит также Бруно Понтекорво — известный итальянский физик, правоверный коммунист, который после Второй мировой войны переселился в Советский Союз, и Джило Понтекорво, кинорежиссер, ставший идиолом "новых левых" после того, как поставил фильм об алжирских повстанцах. Оба они — сыновья Масимо, брата Альфонсы.

ем быстро текущего времени, ярко выраженной активностью, и Энцо, пожалуй, более всех остальных нес в себе характерные черты семьи отца.

В отличие от других итальянских евреев, хорошо знавших свое генеалогическое древо на протяжении многих поколений, семья Серени знала свою родословную лишь начиная с 18-го века, да и то не совсем точно. В семье бытовало представление, что эта одна из самых старинных, из числа первых еврейских династий, поселившихся на берегах Тибра еще до разрушения Второго Храма. Сознание того, что "мы здесь были еще до появления христиан", вселяло в сердца евреев Рима чувство гордости, помогало выстоять в тяжелые годы гонений и преследований.

И хотя происхождение семьи Серени окутано покровом тайны, несомненно, что она жила в Риме еще до большого наплыва евреев-беженцев из Испании, изгнанных оттуда в конце 15-го века. Местные евреи встретили беженцев со смешанным чувством, как всегда встречают хорошо укоренившиеся старожилы новых поселенцев, усматривая в них возможных конкурентов. Коренные римляне-евреи обратились даже к святому престолу с петицией — не разрешить беженцам поселиться в Риме. Под документом стоит также подпись одного из Серени — об этом не раз рассказывал Энцо в последние годы своей жизни.

Разделение римских евреев по происхождению стойко сохранялось в течение многих поколений, и еще в двадцатом веке молились отдельно и по-разному коренные римские евреи (их вариант молитв был, пожалуй, прямым продолжением еврейских молитв Святой Земли, существовавших до разрушения Второго Храма) и евреи, выходцы из Испании, Сицилии, Португалии, Германии... Они молились в пятнадцати тесных комнатах, расположенных в одном здании, пока Анджело Серени не воздвиг новую центральную синагогу на берегу реки на территории, освобожденной от развалин старых домов еврейского квартала.

Адвокат Анджело Серени был председателем еврейской общины Рима с 1896 года. Тридцать один год занимал он эту должность и пять лет дополнительно носил звание почетного председателя общины. Когда он вступил в должность, община была обедневшей из-за распада традиционного образа жизни. Анджело Серени был той активной силой, которая действовала в целях укрепления общины и ее возрождения, если не в духовном плане, то хотя бы в материальном. Кульминационным пунктом его деятельности было строительство новой синагги, которая стала символом соревнования свободной еврейской общины с христианством. Синагога эта, понятно, не достигла размеров храма святого Петра, но не уступала своими размерами и архитектурными формами другим весьма почитаемым храмам столицы. И над ней возвышался купол с отверстием в центре, через которое проникали в помещение солнечные лучи. И здесь, как в христианских храмах, были колонны в греческом стиле у входа. И в ней были настенные украшения, золотая резьба и белый мрамор.

Анджело Серени был центральной фигурой среди евреев Италии. Невысокого роста, круглолицый, с густыми усами, он слыл преуспевающим адвокатом и был одним из первых сионистских деятелей страны, а также в течение двадцати лет членом узкого Совета римского муниципалитета, председателем Совета еврейских общин Италии, юридическим советником центральных банков, обладателем многих почетных званий и титулов.

Дядя Анджело встречал всех почетных гостей-евреев, приезжавших в Рим, а тетя Эрмелинда — красивая, стройная, элегантная, любительница музыки, придерживавшаяся либеральных взглядов, была "первой дамой" еврейской общины. В их квартире на улице Кавур был большой приемный зал для гостей. Здесь также отмечались разные семейные торжества.

В эту квартиру на четвертом этаже можно было подняться на лифте, в то время как в квартиру Са-

муэле, находившуюся на том же этаже, надо было шагать по лестнице (детям Серени строго-настрого было запрещено пользоваться лифтом).

Сам Энцо не сохранил особых воспоминаний о раннем детстве — "...был большим шалуном, и кроме мамы никто не мог уследить за мною..." Но Альфонса с гордостью рассказывала о признаках острого ума, которые мальчик обнаруживал с первых лет жизни. Так, например, однажды она застала его стоящим в углу комнаты и извергающим целые потоки никак не связанных между собою слов. На вопрос, что это должно означать, Энцо ответил, что он тренируется в ораторском искусстве, так как хочет быть таким, как Демосфен...

Когда ему объяснили значение афоризмов, изречений, крылатых слов, он стал сыпать ими с утра до вечера и даже сам придумал несколько изречений, вроде: "Старшие братья, не выполняющие просьбы младших, получают в школе плохие отметки..." Но с особым удовольствием любила мама рассказывать, как она однажды посетила вместе с девятилетним Энцо доклад тогдашнего министра сельского хозяйства, и когда тот кончил свою речь, ее сынишка подошел к министру, пожал ему руку и сказал с восхищением:

— Вы говорили в точности так, как я думаю!..

Все четверо детей Серени — круглолицые, с большими черными глазами, в которых светился ум, не пошли в первый класс начальной школы. Дело в том, что все они родились в первом полугодии, их мать не хотела, чтобы они потеряли полгода в ожидании начала нового учебного года — в Италии школы открываются лишь в октябре. Выпускница учительского семинария, Альфонса сама готовила детей сразу во второй класс.

Домашние занятия не были регулярными, во всяком случае, дети не чувствовали, что с ними систематически занимаются — может быть потому, что тот материал, который проходят в первом классе, был им в основном и без того хорошо знаком; а еще, видимо, потому, что Альфонса, наделенная педагогичес-

ким талантом, умела превращать занятия в увлекательную игру и объяснять материал ненавязчиво, в непринужденной беседе.

Энцо был записан в начальную городскую школу 3 октября 1911 года — сразу во второй класс. Его учительница Анна Леони-Маркатили — женщина полная, с двухэтажной прической, в соответствии с тогдашней модой — запечатлена на фотографии вместе со своими учениками, одетыми в черные передники с рукавами, склонившимися над раскрытыми книгами в классе со старинными партами, за которыми сидело не одно поколение учащихся. Судя по школьному табелю, датированному июнем 1912 года, Энцо был отличником. По всем предметам у него было 8-9-10*.

Сам Энцо не придавал в ту пору особого значения своим достижениям в учебе, и когда ему было одиннадцать лет, писал о них в своем дневнике между прочим, как о чем-то не заслуживающем упоминания. "Только после семи лет началось мое умственное развитие, доказательством чему служит моя первая влюбленность. Звали ее Марией, и была она смуглой, а познакомился я с ней в 1912 году в Чивитанова — городе, где родился великий Ганнибал. Это была моя самая чистая любовь. Второй была Адриана Пиачентини — синеглазая блондинка, она полностью меня покорила, так что на уроках танцев я не соглашался танцевать с другими. Но и это вскоре прошло, и в ту же зиму 1913 года я влюбился в Сильвану Аскарелли, дочь моей тети".

Сильвана была дочерью Елены, младшей сестры Альфонсы. У нее были светло-синие глаза и быстрый ум. Эта девочка вместе со своими братьями Туллио и Серджио принадлежала к кругу постоянных посетителей дома на улице Кавур. Сплоченная компания детей включала в себя всех отпрысков рода Серени и их родичей, живших в этом доме: Пьеро Серени, Атилио, Альберто и Артуро Милано — все это внуки

* Высшие отметки в итальянских школах.

дяди Сальваторе; Уго и Туллио Милано — сыновей тети Ольги, сестры Альфонсы, женщины со странностями, но чрезвычайно музыкальной, и еще разных племянников и племянниц из того же дома и окрестностей, а также прочих жильцов дома, не принадлежавших к этой семье, которые менялись в зависимости от потребности в жилье и образа жизни самой семьи Серени-Понтекорво. Люди рождались и умирали, молодые женились и выходили замуж, родственники приезжали и покидали этот дом, а он все оставался центром семьи.

И в квартирах Самуэле и Альфонсы произошло немало перемен — следствие изменений в составе семьи. Были там столовая и комната супругов, рабочий кабинет доктора Серени и общая комната трех сыновей, отдельная комната для Леи и, в течение некоторого времени, комната для гувернантки-немки — ее раздобыли, чтобы дети научились говорить по-немецки. Этот язык нужен был для связи с Севером — евреями Германии и Австрии — держав-союзниц Италии с 1882 года.

Когда вспыхнула Первая мировая война, гувернантка сразу вернулась к себе на родину, несмотря на этот союз, и единственное воспоминание, которое осталось от нее, кроме довольно слабого знания немецкого (в устах Серени он звучал весьма схоже с итальянским), было чувство обиды Энцо на свою воспитательницу за то, что она брала у него слишком много конфет — он угощал ее по настоянию мамы, но весьма неохотно, ибо сам с малолетства обладал завидным аппетитом и был сладкоежкой.

Сама Альфонса отводила детей в школу, ждала окончания занятий и гуляла с ними в послеобеденные часы. Она не торопилась передавать их няням и гувернанткам, так как сама наслаждалась их общением. Среди еврейских матерей того времени еще кое-где сохранились воспоминания о насильственном крещении их детей, и страх перед этим был так велик, что пожилые женщины из еврейского квартала остерегались проходить вместе с детьми мимо откры-

тах дверей соборов. Более сорока лет прошло уже после "дела Мортары", которое всколыхнуло всю Европу, а о нем еще продолжали говорить среди евреев. Прислуга-христианка в Болонье проделала обряд символического крещения годовалого еврейского младенца — Эдгаро Мортары, чьей няней была, когда ей казалось, что его жизни угрожает опасность. Спустя шесть лет она рассказала об этом на исповеди своему духовному отцу. Тот сообщил о случившемся главе католической церкви, и ребенок был насильно взят у родителей. Его привезли в Рим, чтобы он вырос истинным христианином.

Тысячи евреев были насильно обращены в христианство в черную эпоху между инквизицией и эмансипацией, но "дело Мортары" было особенно памятным, так как произошло в то время, когда большая часть Европы и значительная часть Италии уже познали плоды более либерального правления. Случай с этим мальчиком вызвал вмешательство целого ряда лиц, от Моше Монтефиоре до Наполеона III, обратившихся к папе Пию IX, но все оказалось безрезультатным. Эдгаро рос и воспитывался в лоне католической церкви, а когда вырос и получил право выбора между иудейством и христианством, отказался вернуться к вере отцов.

В доме Понтекорво много было разговоров об этом случае, и сыновья сохранили воспоминание о том, как к папе римскому была направлена делегация из трех евреев, в числе которых был брат Пеллегрино Понтекорво, дабы просить его сжалиться над ребенком. Вернувшись из Ватикана, они никому не сказали ни слова о том, что с ними там произошло, но в короткое время скончались все трое один за другим.

Была ли то в действительности неестественная смерть или рассказ отразил лишь бытовавшие в народе страхи, но воспоминания о насильственном крещении глубоко запечатлелись в сердцах евреев Италии. Каза деи Катекомени — дом, служивший убежищем для выкрестов — плод ревностной деятельности

отца иезуитов Игнацио ди Лойола, в котором большинство евреев содержалось вопреки их желанию и, по иронии судьбы, за счет еврейской общины, платившей специальный налог для этой цели, — в ту пору еще прочно стоял на своем месте между Капитолием и еврейским кварталом.

Много лет спустя одна израильтянка, занимавшаяся в Италии, спросила у Альфонсы Серени, чем она, собственно, отличается от итальянок, если ведет такой же образ жизни, как они, не соблюдает еврейских традиций, не знает иврита и не является сионисткой. Альфонса, не сумевшая должным образом объяснить сущность своего еврейства, ответила:

— Но в гетто есть еще люди, которые помнят ужасы Каза деи Катекомени...

Энцо, который привык еще с детских лет записывать на небольших листочках своим ясным почерком понравившиеся ему цитаты из прочитанных книг или содержание интересных бесед, записал услышанные от тетюшек воспоминания о Мортаре, а также некоторые подробности из жизни римского гетто, об отсутствии там канализации и гудах экскрементов на улицах, о внутренних переходах между зданиями гетто и т. д. Любопытен записанный им рассказ об Анджело Серени и Ботайло Милано, которые, позвонив с полицейским, скрылись через ворота, добрались домой по известным лишь немногим внутренним переходам, переоделись и вышли с другого конца улицы, притворившись, будто ничего не знают об этой ссоре с представителем власти и, таким образом, избежали верной смерти.

Возможно, что в глазах восточно-европейского еврея семья Серени выглядела как совершенно ассимилированная, но большинству евреев Италии она казалась придерживающейся традиционного уклада жизни. То, чего не смогла достичь католическая церковь тяжким гнетом на протяжении столетий, добился либеральный строй в течение двух поколений. Евреи Италии настолько отделились от веры предков, что она превратилась в какое-то бледное отражение

древней религии, в смутное ощущение своей принадлежности к какому-то старинному семейному клану при полном отмежевании от устаревших обычаев и обрядов, время которых, казалось, миновало. Моше Реувен-Серени, который был раввином, дал своим сыновьям высшее образование — к этому стремились все евреи с того момента, как они получили права гражданства — и в то же время привил им кое-какие сведения, связанные с иудаизмом и еврейской традицией. Самуэле и Анджело умели читать по-еврейски, что было предметом их особой гордости, хотя и не понимали смысла прочитанных слов. Они придали своему дому на улице Кавур традиционно-еврейскую окраску. Дочери Понтекорво росли в более светской среде.

Суббота в доме Серени была обычным будничным днем, отличавшимся от прочих дней недели разве только тем, что женщины по субботам не шили и не вязали. Во время праздника Ханука зажигались свечи, а в Пасху было принято организовывать два торжественных Сейдера, чаще всего в доме тети Эрмелинды в присутствии всех домочадцев, а также гостей из числа почетных членов еврейской общины. Пурим не был веселым праздником, так как считался днем поминовения дедушки Серени. Единственной приметой этого праздника были пироги с маком, которые пекла тетя Констанца, жена Сальваторе, для детей. В Судный день все взрослые члены семьи Серени постились, и дети нередко присоединялись к ним в самом раннем возрасте — не потому, что этого требовали взрослые, а из желания походить на них.

В канун Судного дня было принято всей семьей навещать могилы родных. Сначала шли на древнее кладбище у подножия Авентино (когда наступил век автомобилей, его ликвидировали, и лишь аллея кипарисов, несколько цветочных клумб и мемориальная доска свидетельствуют о том, что здесь было некогда кладбище), а оттуда отправлялись на новое кладбище в конце Виа-Тибуртина. Шли туда пешком и в память о минувших днях клали на могилы предков

небольшие камешки. Дети же бродили между памятниками, прислушивались к разговорам взрослых о родичах, которых нет уже в живых, и дивились этому странному исчезновению навечно, имя которому смерть.

Если своей относительной близостью к еврейской традиции и связью с еврейской общиной семья Серени отличалась от большинства итальянских евреев, то своим отношением к родине они ничем решительно не разнились от своих соплеменников. Все отпрыски этой семьи были всеми фибрами души связаны с культурой Италии, ее обычаями, ее пейзажами, ее языком, ее национальными блюдами; они были ревностными сторонниками ее независимости и ее убежденными и преданными патриотами. Евреи принимали активное участие в освобождении и воссоединении страны, и многие еврейские банкиры были в числе тех, кто финансировал участников этого движения, убежденные, что свобода объединенной и независимой Италии — это и их личная свобода. Евреи воевали в армии короля Виктора Эммануила Второго против русских, австрийцев, французов и солдат папы римского, а относительное количество офицеров-евреев в кадровых частях итальянской армии намного превосходило более чем скромный процент евреев Италии по сравнению с коренным населением страны. Были еврейские династии, особенно на севере Италии, где военная служба стала семейной профессией и из их среды вышел генерал Жозефо Отоленги, советник короля и первый в стране военный министр-еврей.

Игра в войну была одной из любимейших игр среди детей Серени. Но это отнюдь не было детской игрой в оловянные солдатки, столь распространенной в те годы, а военной игрой с довольно сложными правилами и символическими орудиями. Среди них были бумажные полосы, символизировавшие — в зависимости от своей величины и формы — солдат, пушки, лошадей, различное вооружение. По правилам можно было атаковать вражеские армии и отсту-

пать, и тогда среди сражающихся было много жертв; можно было окружать воинские части и брать их в плен. Состав соединений менялся в соответствии с менявшимися в ту пору военными союзами. Менялось командование, менялась и стратегия, и игра соответствовала в какой-то мере событиям Первой мировой войны, вспыхнувшей в августе 1914 года, когда Энцо было лишь девять лет.

Правила игры, менявшиеся по мере того, как росли дети, были в семье Серени особыми, и трудно сказать, кто их придумал, каков был вклад в это дело старшего брата Энрико и его товарищей, и что привнес дедушка Пеллегрини, который в глазах детей олицетворял высшую власть, что придумал Энцо и его младший брат Эмилио, которого все звали Мимо, что добавил Туллио Аскарелли — брат Сильваны и сердечный друг Энцо в течение ряда лет, "настоящий друг, который знает больше всех и все же знает не все" — так записал о нем Энцо в своем дневнике. Туллио был на два года старше Энцо; это был красивый, светловолосый подросток, ростом чуть повыше братьев Серени. И по своей одаренности он не уступал им — может быть, потому, что также был отпрыском двух именитых родов — Понтекорво и Серени.

Игра в "государства" была еще сложнее, чем игра в войну, и длилась в течение многих лет. Граждане государств были поделены на семьи, причем отнюдь не в соответствии с их истинной принадлежностью к той или иной семье, и каждая семья рассматривалась как независимый город. С помощью Пеллегрини Понтекорво, которого все звали Ноно, были выработаны основные правила, к которым в течение времени прибавляли новые законоположения и поправки. В сборнике законов от декабря 1913 года устанавливается, что Энрико и Эмилио относятся к семейству Серени, а Энцо — к семейству Милано (вместе с Атилио и Сильваной), а второй параграф Закона сформулирован совершенно недвусмысленно следующим образом:

"Энцо (Милано) должен жениться на Сильване (Милано)".

Параграф одиннадцатый Закона менял имя Корсо Гарибальди в Риме на Корсо Энрико I — в честь первого правителя королевства, который впоследствии был смещен главным образом из-за подрывной пропаганды, которую вел против него главный политический противник Энцо (Милано) во имя свободы и справедливости. В параграфе двенадцатом устанавливалось, что государственный язык королевства — итальянский, и запрещалось всем гражданам во время игры пользоваться другим языком, например, немецким или французским. А вот текст тринадцатого параграфа Закона:

"Запрещено вести себя на улице, как маленьким детям. За нарушение — штраф в размере 15 тысяч лир".

Параграф семнадцатый Закона обязывал всех подданных государства, издающих книги, передавать экземпляр в Национальную библиотеку, основанную по специальному указу. Но в списке книг этой библиотеки значится лишь один автор: путеводитель по галерее искусств, эссе о Риме 1917 года, парламентские беседы, первый том серии книг о художественной литературе, посвященной Данте, Петрарке и Боккаччо — все это плоды творчества одного прославленного писателя по имени Энцо Серени. Крохотный формат этих книг, размером не превышавших половину открытки, был определен законом, датированным октябрём 1916 года. В нем министр финансов Энцо Серени призывал всех граждан государства максимально экономить бумагу, в которой тогда ощущалась большая нехватка в Италии. Заканчивается этот призыв патриотическим лозунгом: "Экономия приблизит день победы!"

Свои парламентские выступления Энцо Серени записывал довольно точно: "Дамы и господа! В политическом положении страны произошли существенные перемены, — провозгласил сей государственный деятель 20 мая 1917 года. — В каждом городе имеет-

ся сейчас свой мэр и гражданин, ответственный за общий ход всех дел. К королевству присоединился новый гражданин — Эмилио Серени, и я приветствую его от всего сердца. Культурный уровень страны заметно возрос. Я с благодарностью воспринял весть об организации библиотеки и газеты "Жизнь Италии". Этими немногочисленными словами я предваряю новую серию законоположений в надежде на то, что вы все их одобрите".

Во время всеобщих выборов министр призывал:

"Господа делегаты, пробил час избрания премьер-министра. Голосуйте так, как вам подсказывает ваша совесть!"

Нетрудно догадаться, что совесть подсказала всем избрать Энцо Серени как самого подходящего кандидата на этот пост. В позе вождя он стоял у зеркала, глядел на свое отражение в нем и провозглашал со всей серьезностью: "Ил капо дель говерно"*.

Гордый своим центральным положением в руководстве государством, Энцо не скрывал своих стремлений на будущее:

— Вы еще увидите, какой из меня получится политик!

На это Альфонса чаще всего отвечала:

— Лучше мне уж не дожить до этого.

Но она бережно хранила все его "законы", "указы", "государственные распоряжения", книги, газеты и прочее.

Сыновья Серени любили беседовать о том, кем они будут, когда вырастут, и им трудно было остановиться на чем-либо определенном. Одинаково привлекательно выглядели карьеры писателя, политического деятеля, ученого. Все пути были открыты перед ними в новой объединенной Италии, самой терпимой среди европейских держав.

С самого начала Савойского королевства евреи заняли видные дипломатические посты, особенно выделялся Ицхак Артур, личный секретарь Кавура. В

* Глава правительства.

первом парламенте объединенного королевства было три еврея-депутата, а в 1894 году число их достигло пятнадцати. Были евреи министры, а в 1907 году Луиджи Луццато, в прошлом министр финансов, был назначен премьер-министром Италии. В том же году Эрнесто Натан был избран мэром Рима — первый еврей на таком посту с тех пор, как волчица вскормила своим молоком Ромула и Рема.

Знания, таланты и амбиции искали выхода, дабы достичь того, чего их лишали в пору притеснений. Евреи составляли заметный процент среди университетских профессоров, и не было, казалось, такой области знаний, где они бы не прославились: в литературе и филологии, математике и инженерном деле, медицине и юриспруденции, сельском хозяйстве и искусстве....

Италия ждала с распростертыми объятиями братьев Серени, они должны были лишь учиться и желать — дорога к вершинам была перед ними открыта.

Глава вторая

СЛИШКОМ МОЛОД, ЧТОБЫ БЫТЬ ГЕРОЕМ

Энцо закончил четвертый и последний класс начальной школы в июне 1914 года, а в августе, когда ему было всего девять с половиной лет, он переступил порог гимназии имени Висконти — старинного здания в Пиацца Колледжио Романо, с внутренним двором, окруженным сводчатыми коридорами и стенами, покрытыми плющом. Это было новым этапом на пути, приближающем его к Энрико, старшему брату, к которому Энцо испытывал чувство ревности, в то время как тот относился к Энцо с отцовской любовью, подобной той, что сам Энцо испытывал к Мимо — самому младшему из братьев.

Начало занятий в гимназии совпало с бурными политическими событиями, потрясшими Европу. На первом этапе жестокой борьбы европейских держав Италия соблюдала нейтралитет, исходя из политики "святого эгоизма". С одной стороны, уже тогда имелась связь, правда очень слабая, в рамках Тройственного союза (Германия, Австрия, Италия), с другой стороны, был подписан договор о дружбе с Францией и существовала глубокая дружба с Англией, которая поддержала молодое королевство на первом этапе его существования. Правительство Италии с Антонио Саландра во главе и полуевреем Сиднеем Соннино на посту министра иностранных дел считало, что нейтралитет поможет ему получить от австрийцев много больше — в качестве компенсации за изменение статус-кво на Балканах, — и приведет к освобождению итальянских областей, находящихся под властью Габсбургской монархии.

Воинственные настроения широких кругов итальянского народа побудили руководителей правительства начать переговоры с союзниками, которые заверши-

лись подписанием в апреле 1915 года тайного Лондонского договора. В соответствии с ним Италия получила Тироль до Бреннерского перевала, район Триеста и Далмацию, кроме порта Фиуме в обмен на обещание вступить в войну в течение месяца. Габриэле Д'Аннунцио, пророк чувственного романтизма и культа красоты, царская жизнь которого с беговыми лошадьми и гончими собаками, роскошными дворцами и драматическими любовными похождениями волновала современников не меньше, чем его произведения, вернулся на родину после пяти лет изгнания во Франции (куда он сбежал от своих жен), дабы призвать народ участвовать в войне. Он удостоился восторженной встречи, когда провозгласил с балкона отеля "Реджина" перед толпой римлян: "Италия перестала быть семейным заповедником или музеем, она превратилась в живую нацию".

Энцо, который в начале войны объявил себя сторонником Германии (несмотря на глубокую ненависть к австрийцам, итальянцы симпатизировали немцам), был захвачен течением, и спустя короткое время после вступления Италии в войну, стал ее приверженцем, хотя и не был в восторге от союзников. "Я всегда ненавидел англичан, таким останусь и в дальнейшем", — говорил он.

Вопреки ожиданиям вступление Италии в войну на стороне союзников не привело к быстрой победе Англии и Франции. На австрийском фронте силы были равны, и вместо решающих сражений началась позиционная война — затяжная и изнурительная.

Экономика Италии не была подготовлена к длительной войне. В стране отсутствовало исходное сырье для производства оружия, снабжение было организовано плохо, в тылу ощущалась нехватка угля и хлеба. И по мере того как улетучивался в массах военный угар первых фронтовых испытаний на поле боя, росли заботы каждого о создании запасов продовольствия; процветала спекуляция. Семья Серени предпочитала не иметь дела с черным рынком — как из принципиальных соображений, так и из-за решитель-

ного сопротивления Леи, которая очень боялась всякого рода нарушений законов и установлений (в противоположность итальянскому характеру) и предпочитала выстаивать долгие очереди за мясом и другими нормированными продуктами.

Многочисленные дядюшки, знавшие о здоровом аппетите братьев Серени, в меру сил заботились о том, чтобы как-то увеличить скудные продовольственные ресурсы этой семьи, а роль заполнителя желудков при нехватке еды играли жареные каштаны.

Энцо и его двоюродному брату Туллио удалось в конце концов одолеть Пеллегрини Понтекорво, в ту пору — 76-летнего старца, который ненавидел старость, отказывался ее признавать, до последнего года жизни сохранил юношеский блеск глаз и был постоянным участником всех радостей и забот своих многочисленных внуков. Когда Туллио Аскарелли летом 1916 года поддался настроениям пессимизма, Энцо хотел заразить его воинственным духом, направленным главным образом против материалистического мира, который не проявил понимания их совместного стремления посвятить свою жизнь литературному творчеству. И тогда дедушка Пеллегрини сочинил вместе с Энцо, фразу за фразой, письмо к Туллио, которое призвано было вселить в него бодрость и оптимизм. То были последние слова почтенного старца, написанные при полном сознании незадолго до быстрого заката после сильного сердечного приступа. 23 октября 1916 года он скончался в доме своей дочери Елены, матери Туллио и Сильваны, и на короткое время Энцо показалось, что вместе с ним умирает все. "Я смогу, пожалуй, сильно полюбить женщину, но никогда не смогу любить кого-либо другого так, как я любил его, кроме, пожалуй, Туллио". Внуки Пеллегрини болезненно ощущали его отсутствие в течение многих лет. В своем первом рассказе "Хорошие ребята" — автобиографическом очерке о жизни в доме на улице Кавур, как и в своих дневниках, Энцо часто вспоминает доброго деда — мудрого советчика, помощника и друга.

И шестнадцатилетний Энрико, который осенью того же года пошел изучать медицину в Римский университет, дабы продолжить, по желанию доктора Серени, путь своего отца, выражает в своем дневнике глубокую и гнетущую печаль в связи с кончиной человека, которого он так сильно любил "за его стойкость, силу совести, присущую ему справедливость, патриархальное простодушие, за его боевую выдержку и за безграничную любовь к свободе и справедливости — не как абстрактным понятиям, а как к жизненной правде". Даже спустя три поколения, когда внуки стали дедами, члены семьи привыкли рассматривать высокую интеллигентность и силу характера, которую обнаруживали в некоторых из своих отпрысков, как наследие Пеллегрино.

После смерти мужа Джиудитта Понтекорво перешла жить на улицу Кавур, 340. Теперь это была грузная и малоподвижная женщина, проводившая большую часть дня в кресле. Но так как она привыкла вести дом, а не быть в роли квартирантки, ей выделили отдельную квартиру между квартирами Альфонси и Эрмелинды, дабы она не чувствовала своей зависимости от дочерей, однако влияние ее на внуков было незначительным.

После смерти старого Понтекорво Энцо начал, как и Энрико до него, вести дневник. Братьев поощряла в этом начинании их мать Альфонса, видевшая в нем дополнительное русло для избыточной энергии своих сыновей и в то же время возможность следить за тем, что происходит в тайниках их сердец. Для своего дневника Энцо выбрал толстую тетрадь, на обложке которой был портрет Витторио Альфейро — поэта XVIII века, писавшего также комедии, склонного к одиночеству. Его слова — "Я хотел, всегда хотел, страстно хотел" — соответствовали собственным устремлениям Энцо: он тоже хотел всем своим существом, но еще не знал чего именно. Во вступлении к дневнику Энцо представляет себя как парня ростом 1,35 метра, "не толстого, с матовой кожей, черными глазами и почти светлыми волосами. Я чуть нерв-

ный, слегка романтичный, добрый, учтивый, социалист, но люблю девушек (это "но" — из-за неверного в то время представления, что социализм граничит с аскетизмом и увлечение девушками противоречит этому мировоззрению).

Альфонса Серени имела обыкновение читать то, что ее сыновья писали в своих дневниках. Но во время войны Энрико попросил мать более не заглядывать в его дневник, так как он уже не тот верный и праведный человек, каким был. Энцо же не смог побороть естественного любопытства и после длительной слежки обнаружил в конце концов доступ в тот выдвижной ящик, в котором Энрико хранил свой дневник и свои стихи, и он их не только прочел, но и подверг критике: "В некоторых пунктах дневник Энрико не представляет никакой ценности, в других же кое-что есть интересного, а кое-где содержится весьма ценный материал". А вот оценка стихов. Две оды Энцо охарактеризовал одним словом — "глупости", а о переводах с латинского (за исключением первой оды Горация) отозвался так: "Это не Бог весть что". Замечание Энрико в конце одного из своих стихотворений, написанного в связи с его "отстранением" от "президентства" из-за козней его политического соперника Энцо, очень обидело тайного читателя дневника, который с места в карьер бросился в атаку: "Нас ждет шумная арена битвы. Может быть, Энрико придет первым, но мы еще посмотрим, кто пойдет дальше".

Старший брат вторгся даже в его сокровенные мечты и отнял у него Паолю — его Беатриче тех дней, абстрактное небесное создание ("Я не знал ее, и все же она вмешалась в мою жизнь"). Как-то ему приснился сон: "И вот иду я в другое место, не помню, к Туллио или в театр, а затем театр превратился в синагогу, и я вижу Паолю, а я знал, что она тайно помолвлена с Энрико. И я говорю ей: я все знаю, мы пойдем на твою свадьбу. Она отвергает это, сердится на меня, я же говорю: я — твой шурин, и она целует меня. С большой ясностью видел все лица в синагоге

и ощущал подлинную печаль и радость в связи с по-молвкой и поцелуями Паоли“.

Сильное половое влечение, которое мучило его особенно по ночам и с которым он боролся в меру своих сил (в его дневнике запечатлен вопль отчаяния: "Это отвратительно! Я свинья!"), казалось ему оскорбительным извращением возвышенной мечты о чистой, идеальной любви. Но каждая проходившая мимо девушка занимает его воображение, и он даже посвятил большое любовное стихотворение некоей Сарре Лампсон, хотя видел ее лишь считанные минуты в обществе британского офицера на открытии выставки в здании муниципалитета, посвященной фронтовым фотографиям, куда был приглашен вместе с Энрико дядей Анджело.

Смерть, говорившая с ним с этих фронтовых снимков, была в годы кровавой войны понятием вполне конкретным и близким, она и побудила Энцо в двенадцатилетнем возрасте составить завещание. Энрико в нем досталась лишь книга сказаний, в то время как на долю Мимо приходилось 100 лир, на долю Туллио, Сильваны и Серджио Аскарелли — по 25 в дополнение к изрядному количеству его любимых книг, в числе которых — "Новая жизнь" Данте и стихи Джакомо Леопарди — лирического поэта, склонного к меланхолии (его стихотворение "Ракитник" сопровождало Энцо все дни его жизни). В канун своей предполагаемой кончины Энцо не мог решить, кому передать в наследство свои любовные стихи — Сильване Аскарелли или девушке по имени Альмерия Браччини, но все свои письма он безоговорочно предназначил для первой с правом публикации лишь после его смерти...

В октябре 1917 года, когда положение на фронте осложнилось, семнадцатилетний Энрико ушел добровольцем в артиллерию, тем самым оставив далеко позади своего брата Энцо, боровшегося за первородство. Это был период серьезного политического кризиса в Италии, на фронте и в тылу. В народе росло отчаяние из-за беспримерного массового убийства (Италия

потеряла в Первой мировой войне 600 тыс. человек). Возросло влияние социалистов, которые с самого начала противились участию Италии в этой войне. На севере страны вспыхнули беспорядки, но они были жестоко подавлены правительством Орландо. В ту пору немцы и австрийцы попытались на севере Италии прервать связь фронта с тылом, и их внезапный штурм повлек страшный разгром под Капоретто — он стал для страны символом поражения, позора и бессилия. "В эту страшную трагическую минуту, переживаемую Италией, когда не знаешь, что ждет нас завтра, я чувствую, что Италия нуждается в нашей помощи, и все мы окажем ее. Да здравствует Италия! Да здравствует война!" Сожаление о том, что он слишком молод, что он может внести свой вклад в победу лишь ухаживая за ранеными, но не может сражаться на фронте, сопровождало Энцо все годы войны и даже после ее окончания. "Когда будет снова война? Когда я смогу вернуться с орденами и медалями, с рубцами ран? Когда, если только мне вообще суждено вернуться? Как это плохо, ужасно плохо, что я молод, слишком молод"...

Энрико большую часть времени в годы войны провел на учениях в офицерской школе, но в октябре 1918 года попал на фронт. Он участвовал в последнем трудном штурме против австрийцев и в глазах домочадцев был героем.

Учеба в гимназии никогда не доставляла Энцо особых хлопот. У него постоянно были по латыни, греческому, итальянскому, философии, истории, географии отметки 8-9-10, с временными колебаниями вниз, когда дело касалось французского и математики. Устаревшие системы преподавания делали упор на механическое заучивание, и учителя редко преподносили на уроках такой материал, который бы Энцо не знал или который бы в считанные минуты не усваивал на ходу. Не было даже особого стимула отличиться. Энцо не только мог проводить вспомогательные занятия с товарищами по классу, но изредка даже

выполнял обязанности преподавателя. Доклады Энцо о Д'Аннунцио и о Торквато Тассо — "великом поэте, жизнь которого была загублена доносом и людской подлостью" (его книгу "Освобожденный Иерусалим" подарил брату незадолго до этого Энрико), вызвали восхищение учителя литературы и сразу выдвинули Энцо среди школьников. Но эти доклады отнюдь не вызвали особых симпатий в среде его тозарищей по классу, что Энцо сразу почувствовал. И в своем дневнике он делит гимназистов на группы — симпатизирующих ему, стоящих в стороне, нигилистов и поддерживающих его главных противников: Люсиниолли ("немного завидует") и Скарли ("немного антисемит, немного поверхностный").

Это первый и единственный раз, когда вопрос о еврейском происхождении упоминается в дневнике в связи со школьными отношениями. В гимназии было мало евреев и они растворились в огромном католическом большинстве. Ненавист и любовь произрастали на почве личных отношений, а не на религиозной почве. Ведь не было никакой разницы ни во внешнем виде, ни в образе жизни между учениками католиками и евреями, кроме, пожалуй, трех дополнительных праздничных дней, которые доставались евреям из-за их религиозной принадлежности. И если Энцо аргументировал противодействие ему антисемитскими побуждениями, то лишь за-за повышенной чувствительности в этом вопросе. Евреи переживали тогда период особого возбуждения из-за обещанного им "Национального дома", и напряженные чувства Энцо чутко воспринимали все отклики на события тех дней, проникавшие в их дом на улице Кавур.

В мае 1917 года Анджело Серени сопровождал Нахума Соколова, прибывшего в Рим в качестве представителя сионистского движения для встречи с тогдашним главой правительства Паоло Бозелли. Италия проявляла живой интерес к судьбам Святой Земли — и в силу своих империалистических устремлений, и как католическое государство — и сочла необходимым в июне 1917 года направить на восточный средизем-

номорский фронт небольшую воинскую часть. Она участвовала в сражениях за Газу и тем самым обеспечила Италии равенство прав с Британией и Францией в будущем международном управлении Палестиной, которое проектировалось в связи с надвигавшимся распадом Османской империи.

После известной декларации Бальфура от 2 ноября 1918 года — итальянцы расценили ее как попытку англичан единолично властвовать в Святой Земле, — когда было решено направить в страну сионистскую делегацию во главе с доктором Хаимом Вейцманом, сионистская организация согласилась включить в нее двух итальянских делегатов (в дополнение к делегатам Британии и Соединенных Штатов) в надежде заручиться поддержкой Италии. Анджело Серени был посредником между сионистским движением и итальянскими властями в основном при контактах с министром иностранных дел Сиднеем Соннино. Анджело Серени принадлежит мысль о назначении двух делегатов из Италии, роль которых состояла больше в соблюдении интересов своей страны, чем в содействии сионизму. Это были военный врач — офицер Джакомо Артом и капитан фрегата Анджело Левиньяни (который погиб в 1920 году, когда арабы атаковали поезд, шедший из Дамаска в Хайфу).

Период усиленной деятельности в Риме, когда сюда по пути в Палестину прибыла сионистская делегация и Анджело Серени организовал торжественный прием в честь американских представителей, совпал с подготовкой Энцо к Вар-Мицва — религиозному совершеннолетию. Беседы подростка с главным раввином Рима Анджело Сачердоти возбудили в нем мысль о связи между религиями, между Вавилонской башней и титанами,* Иувалом** и Аполлоном, между

* Титаны — в древнегреческой мифологии дети Урана (Неба) и Геи (Земли), родоначальники многих богов.

** О нем сказано в Библии: "Он был отец всех играющих на гусях и свирели" (Бытие, 4, стих. 21).

Тувалкаином и Вулканом.*

Из-за войны празднование Бар-Мицва состоялось в скромном семейном кругу, в зале тети Эрмелинды. Энрико еще служил в армии и доктор Серени был мобилизован в качестве военного врача. По обычаю той поры большинство гостей преподнесло виновнику торжества книги, но среди подарков, как отметил Энцо в своем дневнике, было 100 лир — подарок тети Эрмелинды. Бабушка дала ему 150, а тетя Розина — лишь 10. Тетя Клара, красивая сестра Альфонсы, которая была замужем за Альберто Колорни, богатым миланским купцом, подарила ему часы плюс 15 лир.

29 марта 1918 года в присутствии большого количества людей взволнованный Энцо с блестящими глазами и пылающими щеками (позднее выяснилось, что он заболел корью) был на вечерней молитве в новой синагоге на улице Бальбо, открытой в 1914 году благодаря стараниям Анджело Серени. Все шло гладко, "и только в конце, в молитве "Творящий мир", я чуть напутал. 30-го утром я прочел главу из Пятикнижия без единой ошибки, как и тринадцать догматов веры, и раввин пожелал мне гармонично и с честью выполнять одновременно обязанности итальянца, гражданина и еврея".

Энцо был сфотографирован по случаю такого события. На фото мы видим его в коротких штанишках чуть ниже колен, в коротком пальто с поясом, а вокруг накрахмаленного воротника — лента в крапинку; на ногах — высокие и не очень новые ботинки. Полногубый мальчик с очень живыми глазами одну руку положил на пояс и застыл перед аппаратом в позе вождя, стоящего перед толпой, полный сознания важности происходящего. "Я понимал, что в такие минуты надо отбросить всякие колебания, малейший страх, и уста мои произнесли: Слушай, Израиль, Господь — Бог наш, Господь — один! Когда я под-

* Тувалкаин, согласно Библии, "был ковачем всех орудий из меди и железа" (Бытие, 4, стих 22). Вулкан у древних римлян — бог огня.

нялся к скинии со свитками Торы, я почувствовал, что сбылось одно из моих мечтаний и осуществилось то, к чему я стремился, и я увидел, что не зря уповал на Бога Израиля. И я был поистине счастлив". В этот час не были забыты и отсутствующие: дядя Сетимио, "туманное детское воспоминание, отец, полный милости, и дед, суровый, но справедливый воспитатель, взыскующий и милосердный одновременно". Он ощущал тоску по Энрико — "моему сильному и храброму брату, обладающему железной волей".

Когда Энцо мысленно подвел итог тринадцати годам своей жизни, которые казались ему годами больших трудов и лишь немногих удовольствий, он пришел к выводу, что не все они растрочены без пользы. Празднование Бар-Мицва прошло с быстротой молнии, а с ним — и беспорочное детство: "До сих пор я был ребенком, и никто не думал, что можно со мной говорить на определенные темы. И я ощутил большое утешение, как каждый, кто осознает свою чистоту и непорочность". И вдруг детство убежало, умчалось и никогда не вернется, и он понял, "что другая жизнь, даже если она большая, даже если она полна уважения, открывается с детства, которое лишь вчера казалось мне таким плохим".

Границы между действительностью и литературой были настолько тонкими, что они быстро стусеивались и как бы исчезли. Дневниковые записи начали казаться Энцо набросками романа, а стиль Данте, Кардуччи, Леопарди и Д'Аннунцио — его собственным стилем. Окружавшие его люди, члены семьи, девушки, которых он встречал, стали действующими лицами возвышенных поэм, пьес, романов, а центральный герой этих произведений был удивительно похож на автора, каким он виделся ему в зеркале его собственных устремлений.

Это был период лихорадочной писательской деятельности: героическая поэма о Гарибальди, роман "Долг", новелла "Три сестры", пьеса "Страстные желания" и план комедии, где "ослепший солдат женится на красотке, с которой познакомился до войны,

она ему изменяет, и он кончает жизнь самоубийством...“ Темы его произведений — всегда большие и возвышенные: любовь, измена, героическая смерть. Так как все это творчество было в большей мере состязанием между его амбициями и реальными силами, нежели выражением его подлинных мыслей, мнение окружающих было для юного автора столь же важно, как сам творческий процесс. Поэтому копии свежее испеченных произведений тут же отсылались в редакции литературных журналов, писателям, в издательства. Обращался он лично совместно с Туллио Аскарелли, втайне от родителей, и лишь часть этих обращений удостоивалась ответа, иногда — с абстрактно поощрительным призывом продолжать учиться и работать, иногда — с критической или комплиментарной оценкой.

Для Клаудио Тревеса, редактора социалистической газеты "Темпо", был предназначен роман об итальянской молодежи "Навстречу чести, вдали от заката". Членам семьи и избранным товарищам по классу иногда предоставлялась возможность знакомиться с плодами его творчества. Дядя Джакомо Понтекорво из Пизы, брат Альфонсы, как-то назвал свободно зарифмованные строки Энцо "уже слишком свободными", однако вставал на защиту молодого литератора во время домашних бурь, вызванных литературными увлечениями Энцо и Туллио. Но если родители Энцо, отнюдь не будучи в восторге от писательской лихорадки, которой заболел их сын, все же мирились с этим, то родители Туллио, особенно его отец Аттилио Аскарелли, профессор судебной медицины Римского университета, решительно воспротивился увлечениям сына. Они мечтали о более практической профессии для своего сына, чем поэзия, и когда обнаружили, какое влияние оказывает Энцо на своего двоюродного брата, твердой рукой стали наводить порядок. Туллио был удален от Энцо, ответы редакции — разорваны на куски, а все произведения — преданы огню.

Энцо, веривший, что литература — его истинное призвание, решил не покоряться. Даже если все будут заниматься науками, он останется верным литерату-

ре. И все же его пугала мысль потерять единственного друга, который так хорошо понимал его душу, с которым он планировал побег из дома. Замужество сго двоюродной сестры Джулии, первой из молодых обитателей дома № 340 по улице Кавур, покинувшей семейное гнездо, вдохновило Энцо на поэтическую картинку, в которой появляются девушки, увенчанные цветами, как в картине "Весна" Сандро Боттичелли, и все счастливы и веселы, лишь он один плачет.

Пора созревания была для него мучительной ощущением полного одиночества, скрытыми конфликтами с домочадцами, отвращением к своим собственным поступкам, находившимся в противоречии с идеалом чистоты и нравственности, который он предъявлял героям своих произведений. Он испытывал страх перед пошлыми и низменными грезами, гнетущую усталость от вечной борьбы с чувственной страстью, "этой гнетущей заразой, имя которой — плоть", терзался болью из-за безответной любви, чувством неполноценности, незнанием, как себя вести с девушками — он был или слишком смел, или болезненно застенчив. Учеба и чтение казались ему в ту пору единственным лекарством, хотя и после него он чувствовал "какую-то слабость при взгляде женщины".

И в своем литературном творчестве он не находил опоры. Из задуманного им большого этимологического словаря, названного "Историческим словарем итальянского языка", в котором, по его мысли, должны были быть опубликованы специально для широких масс однозначные слова на итальянском, латинском, иврите и греческом, ему удалось завершить лишь тезисы. "Ничего из того, что я делаю, не закончено. Большинство стихотворений готово лишь во фрагментах, и форма их бедна. Проза тоже не разработана. Все, что я делал, ждет моего совершеннолетия". Но ему казалось, что на пороге стоит смерть.

"Возможно, что это последние слова, которые я записываю в дневнике. Я думал, что умру, составившись, среди книг, но теперь я уверен, что паду на

баррикадах". Были минуты, когда самоубийство казалось ему единственным выходом.

Терзания молодости плюс итальянский характер, предпочитающий рассматривать действительность под эстетической вуалью и видеть в жизни лишь одну из форм искусства, в сочетании с чисто еврейским почти-тельным отношением к каждому написанному слову — все вместе взятое образовало пьянящий напиток, вызывавший сильное головокружение. Дом Серени был переполнен книгами. Кроме семейной библиотеки была еще научная библиотека д-ра Серени (главным читателем которой еще с гимназических времен был Мимо), личная библиотека Энрико, а затем библиотеки Энцо и Мимо, которые с восьмилетнего возраста стали получать карманные деньги на приобретение книг и были в дружеских отношениях со всеми римскими букинистами. Вообще-то, в этом доме не принято было запрещать детям чтение определенного рода книг из-за возрастных соображений. Альфонса лишь выразила пожелание, чтобы ее дети не читали детективы Сальгари, в ту пору весьма популярные, которые казались ей безвкусными и написанными дурным стилем. Иногда вмешивался Энрико, когда выявлялся чрезмерный интерес Энцо к половому вопросу. Излишне говорить о том, что запреты Энрико касаться той или иной полки книг не возымели действия, и Энцо откровенно отмечает в своем дневнике "большое удовольствие, которое доставляет чтение "Сатирикона" Петро-чиа с описанием грубого разврата". В четырнадцать лет Энцо получил разрешение постоянно посещать Национальную библиотеку, и этот день он отмечает как один из лучших в его жизни: "Я счастлив, счастлив!".

С окончанием войны в ноябре 1918 года в насыщенную и наполненную до краев жизнь Энцо вторгся новый важный фактор: общественная жизнь вокруг "Джорналино делля Доменика" — детской газеты либерально-патриотического направления, которая была основана в начале столетия, во время войны прекратила свое существование, а сейчас снова стала выходить в свет. Газета осуществляла связь с читателя-

ми с помощью "синих листов" и организовала из своих отделений конфедерацию, которая строилась в соответствии с нормами парламентской демократии, с местными выборными властями — мэрами городов, казначеями, совещательным советом и т. д. Это была первая в Италии попытка организации молодежного движения — обширное поле деятельности для братьев Серени, полностью соответствовавшее их устремлениям, и естественное продолжение игры в "государства".

Большая часть встреч "Джорналино" в Риме проходила по воскресеньям возле трех сосен в большом живописном саду Вилла Боргезе — с небольшими прудами, лужайками, павильонами и скульптурами. Членам газетного кружка была дана возможность соревноваться в выполнении различных общественных обязанностей, участвовать в политических действиях, произносить речи и завоевывать сердца, приобретать новых друзей, знакомиться с девушками вне школьных стен, играть в разные игры. Энцо с головой окунулся во все эти увлекательные затеи, и почти все другие темы исчезают из его дневника.

Габриеле Д'Аннунцио, который вернулся с фронта как национальный герой, 6 мая 1919 года обратился к жителям Рима с Капитолийского холма — символа власти с момента существования города. Среди его воодушевленных слушателей был и Энцо Серени, которому посчастливилось в огромной толпе протиснуться к поэту, обменяться с ним несколькими фразами и даже получить разрешение встретиться завтра в гостинице. Назавтра в назначенный час взволнованный Энцо предстал перед поэтом — невысоким, лысым человеком с кожей воскового цвета и руками нежными, как у женщины, и тот благосклонно наделил его двумя автографами на двух своих книгах, которые принес с собой Энцо, любезно с ним побеседовал и даже пригласил прийти вторично. Видимо, Д'Аннунцио почувствовал тот священный пламень, который горел в душе подростка, а может быть поэта подкупили его исключительная восприимчивость и знание литературы (Энцо помнил наизусть многие его стихи и целые

сцены из его пьес), и он выделил этого мальчика из тысячи своих поклонников, обивавших пороги его гостиной. Во всяком случае, за три недели пребывания в Риме он нашел время, чтобы несколько раз встретиться с Энцо, подписал ему одну из своих речей, напечатанных подпольно, а сын поэта разрешил мальчику прочесть одну из речей отца прямо в рукописи. 29 мая Энцо Серени провожал Д'Аннунцио на вокзал, и даже после того, как поезд исчез из виду, он еще долго ощущал сладкий вкус близости к прославленному поэту.

После Д'Аннунцио и увлечения национальным романтизмом для Энцо наступил новый этап, в духе того времени, сближения с футуристами, во главе которых стоял поэт Филиппо Маринетти. Он первый внес понятия крови и расы в современную итальянскую литературу, и Энцо был очарован, как и многие другие, соблазном освободиться от цепей условностей. 20 июня Энцо провел целый день в кругу ультра-революционных футуристов, подружился с Энрико Рокка, редактором "Рома футуриста", участвовал в демонстрации памяти итальянского патриота, павшего в Фиуме, и день этот остался в его памяти как великолепный: "Группа из двухсот молодых людей (и я в их числе) пошла на Корсо, а нас преследовали карабинеры. Корсо был закрыт рядами полицейских. Мы свернули в сторону и бегом достигли парламента, но площадь была полна солдат. Только мы приблизились — послышались сигналы труб. Карабинеры обнажили мечи, толпа рассеялась, люди побежали на соседнюю площадь... В конечном итоге сегодняшний день можно рассматривать как первый день итальянской революции!"

20 июня 1919 года не был в действительности первым днем итальянской революции, как думал Энцо, но лишь еще одним шагом по пути к революции, о которой говорили все: левые рабочие и правые активисты — с надеждой, буржуазия — с тяжкими опасениями.

Победа большевиков в России оказала решаю-

щее влияние на настроение итальянских социалистов. Часть из них предпочла сейчас вместо реформ, за которые боролась до 1917 года, "диктатуру пролетариата"...

В этот же период Энцо написал сочинение, которое назвал "Военной книгой", но, судя по дневнику, его мысли были тогда посвящены более важной теме, чем политика: любовным мукам. Три фигуры были тогда одновременно в центре его интересов: Николетта Сабатуччи — кокетка, но умная и симпатичная, которая замечательно сыграла роль официантки в пьесе Энцо Серени, показанной в рамках "Джорналино". От слишком большого воодушевления Энцо сказал ей после окончания спектакля несколько слов, которые должны были ее очень разозлить, и даже перестарался в достижении этой цели. "Странный путь, неправда ли? Когда какой-либо человек мне нравится (лишь немногие мне так по душе, как она), я стараюсь отдалить его от себя. Кстати, я сам об этом очень сожалею".

Главной притягательной силой Евгении Дамиани был ее брат, павший на фронте. Эту любовь Энцо характеризует как "странную, но красивую". Чтобы быть ее достойным, он надеялся участвовать в будущей войне и вернуться к избраннице сердца раненым во имя Родины...

Но основное внимание было отдано Эмме Маши, временному мэру города Рима от имени все той же "Джорналино" — "действительно симпатичной, но относящейся ко мне с какой-то жалостью, как Дамиани, а может быть даже большей. Неужели меня всегда будут только жалеть?"

Настроения этой Эммы, которая умела со свойственной ее возрасту эгоизмом использовать слабости своего ухажера, переменчивы, как сводка погоды. Один день она мила и приятна и во время встречи в "Джорналино" сидит все время рядом с ним, в другой же день она называет его "несчастливым мальчиком"; однажды она дает ему право силой своей власти временного мэра города целых двадцать минут излагать

свои взгляды, и никто не смеет его перебивать, а при следующей встрече провозглашает за его спиной — и всегда находятся добровольцы, охотно передающие ему эту весть, — что она его не выносит; Эмма бывает с ним откровенно жестока, — "может быть, чтобы замаскировать свои чувства ко мне", утешает себя Энцо, иногда же она так и сияет приветливой улыбкой...

Из-за Эммы Энцо упросил мать перевести его из гимназии имени Висконти, в которой занимался с 1914 года, в находившуюся неподалеку гимназию имени Теренцио Мамини. Неясно, сумела ли Альфонса на сей раз свое собственное желание внушить сыну, или их желания случайно совпали, но она уже давненько подумывала о переводе его в другое учебное заведение. Ее огорчало особое отношение к ее сыну в школе, и особенно — воспитателя класса, который разрешал Энцо на своих уроках заниматься чем угодно, и не радовали высокие оценки, которые он получал без особого труда. Не радовали и восторженные отзывы учителей, высказываемые в присутствии сына. Альфонса опасалась, что от чрезмерных похвал у него закружится голова и испортится характер, и она предпочла гимназию Мамини, которая славилась своей строгостью и чрезмерным педантизмом.

Энцо знал лишь то, что он победил в своей борьбе за новую гимназию, и 20 октября 1919 года он впервые появился в очках вместе с Эммой в новой школе. Во дворе их встретила Ада Аскарелли, родственница и по отцу, и по матери (ее отец и отец Туллио и Сильваны были братьями, а бабушка Розина была дочерью Серени). Низкорослая и круглолицая Ада с большими карими глазами и длинной черной косой училась в том же классе, куда зачислили Энцо. И хотя были опасения, что здесь он не будет получать таких хороших отметок, как в старой школе, Энцо был доволен произошедшей переменой. Мимо, верный единству братьев Серени, тоже впоследствии перешел в эту гимназию.

Глава третья

А Д А

Сильно развитое чувство критики и самокритики не раз возвращало Энцо на твердую землю, когда, казалось, вот-вот высокие волны воодушевления унесут его в зыбкий мир фантазий. Можно сказать, что он весьма успешно применял мерило критики по отношению к человеку, которого знал лучше всех и мог посмотреть на него пытливым взглядом постороннего. В своем дневнике Энцо записывает:

"Не думаю, что есть на свете более парадоксальный человек, чем Энцо Серени. Иногда он использует парадокс в качестве оружия против своих противников, иногда же парадокс служит ему лишь игрушкой для забавы и собственного удовольствия. Подчас можно предположить, что скептическая улыбка, постоянно блуждающая на его устах, — намек на насмешку и издевку, но редко я встречал среди молодежи человека, который бы так легко воодушевлялся и менее всего был бы способен на сатиру и шутку, чем упомянутый выше Энцо Серени. Часто он делает грубые ошибки, но это ошибки художественной натуры. Чувство критики в нем очень обострено. Энцо Серени никогда не найдет в своем противнике что-то цельное, и требуется особое настроение (которое сейчас, после чтения Святого Франциска, стало более благоприятным), чтобы признать, что и у оппонента есть кое-какие достоинства. Правда, если он услышит, что кто-то изливает свой гнев на другого, то тогда (возможно, из духа противоречия) он тут же встанет на его защиту".

Четыре самых чувствительных места создателя этого автопортрета, которых запрещено было касаться, были: Д'Аннунцио, футуризм, Томмазо Кампанелла и классическое искусство во главе с Вергилием. Но

появление на арене борьбы, именуемой духовным миром Энцо, святого Франциска, любящего все живое, свидетельствовало о новом идеале — увлечении христианством.

"Не знаю почему, но Серени вызывает у меня ощущение опустошенности. Во всех его проявлениях видна диспропорция между человеком и мыслью, между мыслью и действием. Не раз после прогулок в его обществе (велико стремление Серени бесцельно расхаживать, ведя при этом беседы в духе софизмов, всегда на одни и те же темы: политика, философия, литература), потрясенный его громовыми речами, будто специально предназначенными для предвыборного собрания, я чувствовал себя, как в вакууме. Казалось, что Серени вырвал с корнем весь чертополох и все тернистые кусты, произраставшие в его палисаднике, но посадить на их место что-либо другое ему не удалось".

Создателю этого автопортрета было также нелегко точно определить политические взгляды Серени: "Хотя он превозносится над всеми политиками, ему не хватает, как мне кажется, одного важного качества: упорства в борьбе. Я не говорю, что он непоследователен, что у него нет своей позиции. Напротив, он усердно работает, с неиссякаемой энергией и методично. Он глотает книги и собирает обширную библиографию, его голова — это целый каталог (в школе его называют живым словарем), но нет у него упорства в борьбе, нет у него силы отстоять свои позиции, когда кто-то пытается их ниспровергнуть. Он боится быть смешным и поэтому, вопреки всем своим заявлениям, живет главным образом не для себя, а для людей. Кстати, он наделен многими ценными для политика качествами: умением говорить легко, непринужденно и метко, силой воздействия своей личности на других в минуты воодушевления, умением быстро схватывать политические факты и события. Но все же Серени преимущественно художественная натура. Во всяком деле он видит только возможность для художественного эффекта (или отсутствие такой возможности),

и мне кажется, что во время своих скитаний по городским улицам, которые он так любит, Энцо думает не только о своих девушках, но и о каком-либо художественном предприятии на будущее...”

”Горе человеку, который выражается неточно, ибо Серени — ревнитель чистого языка. Надо быть осторожным, разговаривая с ним, так как он способен вести многокилометровые дискуссии на самые незначительные темы. Не знаю, почему его не любят люди. Спросите большинство его близких — и они вам скажут, что с трудом терпят его. Только избранные, которые знают его очень хорошо, говорят, что он милый парень. По отношению к себе, например, я различаю четыре этапа. Первое впечатление от Энцо: приятный. Второе: отталкивающий. Третье: противный. Но четвертое, заключительное: милый друг. Надо вооружиться большим терпением, чтобы достичь четвертого этапа”.

”Серени застенчив. Этого не заметишь с первого, поверхностного взгляда. Но стоит понаблюдать за его отношением к тем, кем увлечен. Серени, дерзкий Серени, никогда в жизни не рискнет объяснить девушке, что она ему нравится, и все это из-за застенчивости. Даже не верится...”

Вскоре после поступления в гимназию Мамиани Энцо стал выделяться своим умом и знаниями, особенно по литературе, истории и философии, и после первой трети учебного года у него по всем предметам, кроме физики, были очень хорошие отметки — 8 и 9. Он был не только гордостью класса, но и гордостью школы.

Энцо очень требователен и к себе, и к другим. С ним было трудно спорить, даже когда он не вел себя агрессивно, ибо немногие могли устоять перед логикой его доказательств, и в конце концов он заставлял своих противников соглашаться с собой. Были такие, которые его опасались, боясь силы его суждений, были и такие, которых он увлекал за собой, которые им восхищались.

Если трудно было устоять в споре с Энцо, то

дискутировать с тремя братьями Серени было вообще невозможно. Как в годы детства, так и в годы отрочества и юности, когда они посещали гимназию и лицей (так назывались последние три класса средней школы), дом на улице Кавур стал излюбленным местом собраний молодежи, и всегда на них присутствовала мать Серени, угощавшая компанию чаем с пирогами собственного изготовления. В этих трех братьях с их сосредоточенным взглядом, энергичных, агрессивных, обладавших широкими познаниями, было нечто такое, что всегда влекло к словесным баталиям — и тех, кто хотел их, и тех, кто не хотел, но итог их был предрешен: юные противники братьев Серени оказывались повергнутыми в прах, и для многих оппонентов потребовалась изрядная дистанция времени, чтобы высвободиться от их власти.

Гвидо Калоджеро, новый товарищ Энцо по гимназии и главный его соперник за первенство в классе, неизменно терпевший поражения в дискуссиях с братьями Серени, получил некоторое удовлетворение в тот день, когда Энцо в горячке спора опрокинул на старинный стол в своей комнате бутылку чернил. Услышав приближающиеся шаги матери, Энцо побледнел, и она в присутствии товарищей отчитала его, как отчитывает малыша воспитательница детского сада, а он стоял перепуганный, не в силах что-либо сказать в свое оправдание.

...Это было в конце первого года обучения в новой гимназии. Энцо получил награду за свои успехи в учебе и, по случаю такого события, первый раз в жизни надел длинные штаны. Во время летних каникул семья Серени, включая Альфонсу, бабушку Джулитту, Энрико, Лею, Энцо и Мимо, выехали для традиционной семейной встречи с многочисленными отпрысками семьи Понтекорво в дачный городок Порте де Марми. То лето нельзя назвать счастливым: тетя Клара Колорни, сестра Альфонсы, писаная красавица, натура чувствительная с манерами гранд-дамы, потеряла недавно мужа Альберто и находилась в подавленном настроении. Энцо, верный традициям се-

мы и всегда бережно хранивший память об усопших, сочувствовал ей и сам остро переживал отсутствие этого дяди с добрым, смеющимся лицом.

Флоренция, которую он увидел впервые, была для него целым открытием: "Мне кажется, что красивые вещи сосредоточены здесь в большем количестве, чем в других местах. Я ведь не расхаживаю по заранее намеченному плану, а просто гуляю по улицам". Архитектура собора показалась ему чудесной. Его внимание привлекли также исторические могилы Макиавелли, Альфьери, Галилео, но жизнь влекла еще сильнее. Блондинка Эдвиж была приятной и женственной, и он пытался ей понравиться. Ему повезло — его заявление, что "мир это не что иное, как борьба интересов", произвело на нее впечатление.

Когда он вернулся в Рим, появились новые надежды: Мария-Тереза, Клара, Юлия, Идита, Ада... Ощущение физической неполноценности главным образом из-за низкого роста — 159 сантиметров, никак не выше — ослабело, и за большим обеденным столом в доме Серени Энцо возгордился, почувствовав, что имеет успех у девушек. В тот период окрепла его дружба с Пауло Милано, также родственником семьи и также низкорослым, но с богатым интеллектом и темпераментом, как у всех Серени. Ему Энцо дал для оценки свое последнее большое произведение — "Буржуазная трагедия", и написал Пауло глубокое критическое исследование* и прочитал его в рощице "трех сосен" в саду Вилла Боргезе перед собранием членов кружка "Джорналино", в котором тоже состоял.

Довольно часто молодежь шла на концерты в Огусто — круглое здание, бывшее некогда мавзолеем Тиберия и Калигулы и превращенное в XIX веке в концертно-театральный зал. Это было излюбленное место встреч римской молодежи в те далекие времена, до наступления эры кинематографии. Студенты по-

* Пауло Милано остался верен своему юношескому увлечению и впоследствии стал одним из видных итальянских литературных критиков.

купали самые дешевые билеты, которые давали им право на места под куполом и часами выстаивали в очередях, чтобы быть первыми, когда откроются ворота этого рая.

Трех-четырёхчасовое ожидание в очередях давало чудесную возможность спорить и вести дискуссии на любые темы, а также обмениваться информацией, которую в быту называют сплетнями: кто в кого влюблен, кто за кем ухаживает. И было о чем поговорить. В ту пору трудно было хранить сердечные секреты: юноши и девушки не разгуливали парами, разве только маскируясь, когда всей гурьбой шли в гимназию или домой. Чаще всего попытки сблизиться делались на уроках, во время лекций, на спектаклях и концертах, когда усаживались рядом, и во время прогулок: многозначительные рукопожатия при расставании, неуверенные прикосновения к волосам, некие таинственные словечки, вставленные в общие фразы.

Даже среди студентов, носителей прогресса, не было принято, чтобы девушка из приличной семьи проводила время с юношей наедине, без сопровождения кого-либо из членов семьи или, на худой конец, ее подруги, и уж во всяком случае не по вечерам. Её-то домов были закрыты, ключи хранились у родителей, и о случаях, когда в гостях засиживались допоздна, знала вся округа. Поэтому в молодежных компаниях было хорошо известно обо всем, что относится к делам сердечным, тем более, если это касалось Энцо, который был не в состоянии скрывать свои чувства. И даже Мария-Тереза, обладавшая "великолепными волосами", некоторое время очаровавшими Энцо, которая говорила о нем, что он праведник и спокойная натура, стала замечать, что Энцо "тает" перед Адой Аскарелли (в особенности после того, как тот публично заявил, что "Ада изменилась к лучшему"), а Ада "тает" перед Энцо.

Вначале Энцо ставил в своих дневниковых записях вопросительный знак: "Флирт с Адой?" И Ада колебалась. Выйдя из школы, когда Энцо поджидал ее под дождем, т. к. у нее не было зонта, она как-то

раз сказала: "Любопытные вещи я слышала о тебе. Говорят, что год назад ты был влюблен в Эмму, и она — героиня твоего романа". Энцо отказался признать себя виновным, а спустя некоторое время он заменил в дневнике вопросительный знак восклицательным — "Ада! Ада!"... "Дай Бог, чтобы это было так", — вздыхал Энцо и надевал только длинные брюки.

"Ада проникает все глубже в мои помыслы. Из состояния ничем не омраченной радости я перешел в состояние радости, исполненной противоречий. Всеми силами я стремлюсь быть вблизи нее. О, если бы это было правдой, — я был бы совершенно спокоен".

28 декабря 1920 года в 4 часа утра бабушка Джуидитта скончалась от рака в доме своих дочерей после многомесячных страданий. Энцо по случаю траура не пошел в школу, но у него нашлось в этот день время, чтобы написать Аде свое первое письмо. Ада становилась все более милой его сердцу. Она сидела рядом с ним на собраниях в "Джорналино", шла вместе с ним в Дом Ренто на доклад, затем Энцо провожал ее домой. Утром в школе она тоже сидела рядом на уроке, который вел учитель Барзилай, и казалась очень, очень близкой. В начале нового года он записывает в дневнике: "Ада — еще больше... Уже долгое время живем одной жизнью. Когда я сегодня вышел после доклада с нею и с Пауло Милано, тот спросил меня: "Скажи правду, когда вы возвращаетесь вместе домой, вам временами не скучно?" Ада категорически отрицала и добавила: "Год назад он иногда вызывал во мне отвращение своим пальто и шляпой".

Забота об эстетическом облике своей одежды никогда не была характерной для Энцо, возможно — вследствие влияния мамы, которая не очень-то думала о своей внешности и надевала бесформенные платья, более подходявшие для старух. А возможно, что он одевался небрежно из-за постоянной спешки, не оставлявшей времени, чтобы завязать шнурки ботинок и поправить носки. Ада была в этом отношении полной

ему противоположностью: она была всегда безукоризненно одета, всегда сдержана, всегда красива, даже в черном переднике, который гимназистки носили в школе.

Бабушка Ады была урожденная Серени, но между ее семьей и семьей Энцо было мало общего. Отец Ады, Этторе Аскарелли, был потомком выходцев из Испании. В его роду значилась Дебора Аскарелли, известная итальянская певица XVI века. Он был преуспевающим бизнесменом, членом компании, производившей овечий сыр, предназначенный преимущественно для экспорта — для любителей спагетти в Соединенных Штатах, ему же принадлежали огромные стада овец в Сардинии. Его дети — старший сын Валерио, дочь Ада и ее младший брат Джулиано — росли в доме, где царил полный достаток.

В родительском доме у Ады была своя собственная небольшая квартирка — комната, спальня и даже ванная — в ту пору это встречалось не столь уж часто. Она так привыкла к свободному обращению с деньгами, что в ее кармане чаще всего был пустой кошелек...

Этторе Аскарелли, любитель литературы и владелец большой библиотеки, был убежденным атеистом, следуя традициям новой Италии, и еврейский вопрос для него был окончательно решен еще в 1870 году, когда местные евреи получили равноправие. Но он знал Ветхий Завет и во время семейных трапез рассказывал детям библейские легенды об Аврааме, Исааке и Иакове — к огорчению своей супруги Эммы, урожденной Таллиакоццо, которая хотела знать, сколько еще времени ей придется обедать в обществе этих почтенных старцев. Госпожа Аскарелли не придавала никакого значения религии, будь то иудаизм или любая другая, но во время летних прогулок, когда семья изрядно уставала после посещения различных церквей и соборов, воздвигнутых в честь святых чудотворцев, которыми так богата Италия, она зажигала свечу по обычаям тех мест: если это не принесет пользы, то ущерб невелик, он равен стоимости свечи,

а если же поможет, то разве приобретение друга в сонме святых не стоит свечи?..

Эttore Аскарелли умер в 1919 году, когда Аде было четырнадцать лет, и оставил после себя душевную опустошенность и незаживающую сердечную рану. Между Адой и ее матерью — красивой, элегантной женщиной, любившей жизнь, удобства и деньги, не было должного взаимопонимания. Мать не скрывала своего намерения выдать дочь замуж за богатого и преуспевающего дельца, который мог бы ей предоставить все земные блага. После смерти отца семья Аскарелли перешла жить на некоторое время в дом деда Таллиакоццо, неподалеку от улицы Кавур. У Энцо была сейчас возможность для продолжительных совместных прогулок с Адой — он провожал ее домой, делая большой круг, затем она провожала его. Так это продолжалось, пока возвращение домой становилось неизбежным.

На уроке математики Ада сказала Энцо нечто такое, что он, не расслышав, неправильно понял. Ему показалось, что она спросила: "Знаешь ли ты, что мой дед думает, что ты в меня влюблен?" "Я испугался: если она признается первой и вроде бы посмеивается над моей влюбленностью, что я должен делать? Но потом выяснилось, что я неверно понял фразу: ее дед в меня влюбился, хочет пригласить меня на обед и узнать мое мнение о некоторых вещах. Я надеюсь, что открою или приоткрою перед ней свое сердце в моем новом романе "Верить в Бога", который кончается как раз на Аде. Дай Бог, чтобы это была настоящая и последняя любовь!"

Ада прочла этот роман, который ей дал Энцо, и он ей понравился. "Это было для нее, которая меня плохо знала, целым открытием". Но она не сказала, поняла ли, что женщина, которая появляется в конце книги — это она сама, а Энцо не мог принять молчание за утвердительный ответ. "Я тебе открою, кто героиня книги, если ты обещаешь мне честно высказать свое мнение". "Да". Я сказал: "Это ты". Она была поражена. Я спросил: "А ты об этом не подумала?"

Сначала она ответила: "Да", а затем добавила: "Нельзя было это знать наверняка".

Ада оставалась замкнутой, улыбалась почти насмешливо, но знала наизусть целые фразы из романа. Она сказала, что Энцо весьма романтичен, как и все это повествование. И автор, который долго готовился к этой, решающей его судьбу, беседе, был обескуражен, решив, что он не смог должным образом повлиять на нее. Остались сомнения: Ада говорила о Туллио Либмане, Энцо чувствовал, что тот ей симпатичен, и ревновал. Он обиделся, когда она сказала, что Энцо обижается из-за пустяков, и мысленно терзался, почему открытка, которую она послала ему из Генуи, куда уехала на прогулку, такая сухая: сердечный привет всем — и только.

Всей компанией они как-то направились в Ватикан, и Энцо беседовал с ней о христианстве в надежде, что его слова произведут на нее впечатление, сидел рядом с ней в театре, ходил с ней по разным соборам вместе с Леей, Сильваной и небольшой группой друзей, говорил с ней о Боге. Он провожал Аду домой, она провожала его домой, он снова довел ее до дома, и тогда Ада сказала ему, что хотела бы верить в Бога, но не знает как. Энцо предложил ей прочесть Евангелие. Ада сказала, что ей нужен духовный наставник. А может быть, это потребность в любви? Она сказала, что ищет человека, который проник бы в душу и сказал: делай так! поступай так! "Дай Бог, чтобы этим человеком был я!"

Евангелие он предложил ей не случайно. Покоить Аду означало также склонить ее к своим идеям, а в 1921 году Энцо был далек от Д'Аннунцио, и его привлекали к себе таинства христианства. Возможно, что в некоторой мере сказывалось влияние молодых интеллектуалов Италии. Поколение, потерявшее во время войны иллюзии о святости родины и о мире между народами, нуждалось в моральной поддержке. Многие находили ее в вере в счастливое социалистическое будущее, другие же обретали новый смысл жизни в христианстве. Это была как бы реакция на анти-

клерикальное поколение отцов, которое боролось с церковью ради идеалов свободы.

Лето принесло большое разочарование. Энцо никогда не принадлежал к числу самых дисциплинированных учеников класса, и учителя удостаивались чести видеть его среди тех, кто участвует в занятиях лишь тогда, когда призывали к его здравому смыслу, а не тогда, когда приказывали. Так как он всегда отличался по гуманитарным предметам, а большинство учителей умело ценить одаренных учеников, Энцо позволял себе нарушать общепринятые правила поведения. У него были стычки с преподавателями естественных наук, благо оные его не интересовали. Учитель математики, который славился своей трусостью, как-то обнаружил на своем столе дымящуюся чернильницу. Послышались взволнованные предупреждения: "Профессор! Будьте осторожны! Все взорвется!". Он заметил также проволоку, подозрительно свисавшую с потолка, и класс утверждал, что по ней пропущен ток. И если Энцо даже не был причастен к этим шалостям, он не увиливал от коллективной ответственности.

Чтобы хоть частично преодолеть ужасающую скуку на уроках, Энцо, Калоджеро и другие бунтовщики тайком читали на уроках разные книжки, а когда приближалась опасность в виде учителя, дежурный дергал за сигнальную веревочку, соединявшую увлеченных чтением подростков. Чтобы отомстить профессору греческого и латыни, который мешал им наслаждаться чтением, Энцо и его друзья начинали громко кашлять, когда учитель слишком пристально смотрел на какую-либо из хорошеньких учениц. Но не все в школе согласны были примириться с верховодством ученика Серени, и когда учителю химии, которого Энцо открыто презирал, представился подходящий случай, он отомстил ему полной мерой.

Самым способным ученикам седьмых классов была дана возможность "перепрыгнуть" восьмой класс и сразу перейти в университет — при условии, что их отметки не ниже 8 и если они были согласны экзаменоваться сразу после летних каникул. Энцо наде-

ялся, что в шестнадцать лет станет студентом университета, как в свое время его брат Энрико. Он исходил из того, что если даже учитель химии поставит ему низкую отметку, все остальные учителя окажут на него давление, чтобы не тормозить переход в университет первого ученика класса из-за одного какого-то балла. Но когда в конце учебного года Энцо подошел к большим доскам во дворе школы, на которых вывешивались отметки, у него потемнело в глазах: учитель химии выставил ему 7, и это был приговор, не подлежащий обжалованию.

То был час тяжелых переживаний для Энцо, который не умел переносить поражения. Именно он, обучавший Карло греческому, Энрико — философии и писавший за всех сочинения, остался в школе среди посредственностей, а Гвидо Калоджеро, для которого Энцо подбирал книги для чтения и открыл перед ним целый мир Бенедетто Кроче — литературного критика, историка и философа — опередил его по учебе на целый год. И эта досадная задержка, которая, по словам Альфонсы, должна послужить ему хорошим уроком на будущее, произошла именно в тот момент, когда он видел себя на пороге величия.

Однажды в доме Сильваны Аскарелли собралась компания молодежи, и ее отец, профессор Аттилио Аскарелли, предложил каждому написать, что, по его мнению, он будет делать через десять лет. Эти записи должны были храниться в специальном закрытом конверте до наступления срока. Лея знала, к чему она стремится, и видела себя в роли матери и домашней хозяйки; Туллио Аскарелли хотел стать министром, большим и важным человеком (все Аскарелли слишком увлечены деньгами и карьерой, — говорили в доме Серени); Мимо хотел быть организатором рабочих и крестьян, а Энцо решил просто: буду премьер-министром.

...В пору летних каникул в Порте де Марми Энцо немного оправился после разочарования, забывая о своих горестях во время великолепных прогулок в горах, тосковал по Аде ("Я верю, что Ада будет моей.

Ада! Ада! Она мне нужна!“) и думал, как она будет выглядеть, когда он вернется в Рим.

Энцо быстро выросл. 10 сентября 1921 года он записал в своем дневнике: “*Incipit vita nova*”. Итак, отныне — новый дневник, новая жизнь, новые отношения с Адой“. И тут, как в настоящем викторианском спектакле, занавес опускается вместе с первым взволнованным поцелуем. Не было больше смысла писать в дневнике о любви, поскольку любовь была в действительности, на земле. В некотором отношении дневник в целом стал ненужным. Реальная действительность взяла верх над литературой, во всяком случае, в первом тайме.

Было нечто пуританское во всех Серени — может быть, из-за спартанского воспитания дома, а может быть, потому, что все боялись даже тени Альфонсы. Все три брата отступали перед своими страстями, каждый на свой лад. Мимо был дико застенчив, а самый сдержанный Энрико, для которого минувшая война была, как для многих его современников, — вроде первой любви, пока не пришло болезненное отрезвление, придерживался взглядов о полном равноправии женщин. Это, в частности, должно было выражаться в том, что мужчина, подобно женщине, обязан воздерживаться от половых связей до вступления в брак, быть девственником.

Такая точка зрения полностью противоречила итальянским обычаям, которые разрешали мужчине то, что запрещали женщине. Энцо, самый чувственный из братьев, был прежде всего итальянцем: когда какая-либо из девушек его класса держала в руках “Сатирикон” Петрония, который взяла в школьной библиотеке, Энцо, тот самый Энцо, который “получил такое удовольствие от грубых острот “Сатирикона“, вырывал эту книгу из ее рук под тем предлогом, что такого рода литература не подходит для девушек ее возраста.

Глава четвертая

ТОСКА ПО ЛУЧШЕМУ МИРУ

Осенью 1921 года по Италии путешествовал д-р Израиль Рейхарт, питомец факультета естественных наук Берлинского университета. Цель его поездки была усовершенствоваться и пополнить свои знания в связи с предстоящим открытием опытной сельскохозяйственной станции в подмандатной Палестине. Рейхарт, который прибыл в страну из Польши в шестнадцатилетнем возрасте и был первым еврейским учителем, обучавшим еврейских детей ботанике путем наблюдения за флорой Святой Земли, а не по привезенным книгам, во время своего пребывания в Германии действовал также как сионистский посол. Он заложил основы молодежного халуцианского движения "Гапоэль Гацаир" ("Молодой рабочий") — по имени одноименной рабочей партии, акцентировавшей в своей деятельности национальное возрождение, а не классовую борьбу. В Судный день д-р Рейхарт оказался в красивой синагоге Флоренции и слушал взволнованную проповедь раввина Самуила Цви Маргалита (он же Марголис в ашкеназийском произношении). Глава местной раввинской семинарии и один из родоначальников сионистского движения в Италии, он призывал свою паству вернуться на древнюю родину и прислушаться к шагам Мессии, которые раздаются в стране предков.

Как и многие представители восточноевропейского еврейства, Рейхарт был очарован аристократическим образом жизни итальянских евреев и решил передать местным сионистам привет от трудовой Палестины, призывающей своих соплеменников к возрождению и вызволению через труд на земле предков и к созданию нового общества, базирующегося на равенстве и справедливости. Слова д-ра Рейхарта воспламеняли

сердца, и местные сионисты, среди которых был Моисей Бейлинсон, активно работавший в ту пору среди евреев Италии, попросили его побеседовать с несколькими молодыми одаренными людьми, отдалившимися от еврейства, в том числе с Энцо Серени.

Израиль Рейхарт поехал в Рим — в ту пору в сионизме большое значение придавалось индивидуальной работе с каждым человеком, представлявшим ценность для движения, — и вместе с Бейлинсоном отправился в Колледжио Романо, где Энцо присутствовал на лекции профессора Боанаюти. Бейлинсон, давно знавший Энцо, с которым встречался в доме Анджело Серени, обождал, пока профессор закончил лекцию и Энцо отошел от круга дискутировавших. Представив ему посланника из Израиля, он сразу же удалился.

Энцо, находившийся еще под впечатлением лекции Боанаюти, говорившего о пророке Осии и о его представлении Божественной справедливости, с просветленным лицом и сияющими глазами нарисовал перед д-ром Рейхартом новый мир, в котором не будет угнетателей и угнетенных. Он может быть построен только на религии всеобъемлющей любви. Рейхарт как опытный агитатор, умеющий приспособиться к ходу мыслей собеседника, говорил об истинном учении пророков Израиля, о житейской мудрости создателей агады, о любви благочестивых евреев ко всем угнетенным, об исключительности еврейства и о стремлении воплотить мессианский идеал путем создания нового общества в Эрец-Исраэль, общества, очищенного от грязи, которая пристала к еврейскому народу в годы его скитаний на чужбине.

Беседа, начатая в опустевшем дворе Колледжио Романо, перешла затем на ночные улицы Рима и продолжалась на холме сада Пинчио, откуда весь город виден как на ладони. От прошлого д-р Рейхарт перешел к настоящему, к репатриации евреев-идеалистов, к халуцианской идее физического труда как к средству очищающему душу, к коллективной жизни без эксплуатации чужого труда (не входя в неприятные детали реальной жизни, вроде безработицы и борьбы

с крестьянами-фермерами). А когда заря осветила башни Рима, не Рейхарт, а Энцо был тем, кто говорил об Эрец-Исраэль и даже выразил горячее желание немедленно приступить к созданию в Италии рабочего халущанского движения, ибо время не ждет и не терпит отлагательств.

Израиль Рейхарт хотел создать в Италии движение по образцу действующей в Германии организации "Гапозель Гацаир". Бейлинсон, который примыкал к более левой рабочей организации "Ахдут Гаавода" ("Единство труда") и был итальянским корреспондентом ее печатного органа "Гакунтрес" ("Тетрадь"), противился этому. Он выразил убеждение, что нет смысла вводить молодых итальянцев во все перипетии межпартийной борьбы еврейских рабочих Палестины и диаспоры. Между ними было решено предложить новой внепартийной организации нейтральное название "Авода" ("Труд").

Спустя несколько дней в доме Серени на улице Кавур состоялось первое собрание в присутствии трех основателей — Рейхарта, Бейлинсона и Энцо. На собрание пришли молодые люди, в большинстве своем состоявшие в родстве с семьей Серени. Присутствовал также Данте Латтес — председатель сионистского комитета Рима, блестящий журналист и публицист, широко образованный и очень скромный человек, весьма терпимый в вопросах религии, хотя сам он имел развинское образование. Собрание открыл Рейхарт, а главным аратором был Энцо, с воодушевлением говоривший о большей роли, которую призвана сыграть сионистская молодежь Италии, и о необходимости внести решительные изменения в жизнь итальянских евреев, дабы спасти их от гибели. Торжественно было объявлено об организации кружка "Авода", и Энцо был избран его секретарем. Тогда ему было неполных семнадцать лет.

Кружок "Авода" разработал план, целью которого было:

"Возрождение еврейского народа в Эрец-Исраэль путем создания свободного еврейского общества, в ко-

тором не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, дабы евреи, рассеянные в диаспоре, смогли вернуться к творческой жизни и к живой еврейской культуре". Далее в документе говорилось:

"Для воплощения этой цели мы требуем:

1. Чтобы каждый член кружка рассматривал себя как халуца (зачинатель-пионер) возрождения.

2. Чтобы каждый член кружка овладел основными средствами живой еврейской культуры — языком, литературой и т. д.

3. Чтобы каждый член кружка подготовил себя к переезду в Эрец-Исраэль.

4. Чтобы каждый член кружка позаботился о создании для себя надлежащих условий продуктивного существования в диаспоре.

5. Чтобы каждый член кружка работал в меру своих сил и возможностей в массах, дабы приобщить их к труду и еврейской культуре".

Эта наметка напоминает большей частью своих пунктов халуцианские программы, которые тогда процветали во многих странах Европы. Д-р Рейхарт хорошо был с ними знаком, но требовался энтузиазм Энцо, чтобы попытаться внедрить такую программу в итальянскую действительность. Спустя десять лет, бросив ретроспективный взгляд на содеянное, он отметил, что организация группы "Авода" зимой 1921 года "было большим, чем попытка обновить итальянский сионизм и влить в него новую кровь. Это было и осталось самым лучшим из того, что создало наше движение в Италии со дня своего рождения и первого расцвета". Но Энцо был, пожалуй, единственным, который относился тогда к этой затее со всей серьезностью.

Энцо овладевал еврейским самосознанием, по его собственным словам, мучительно и болезненно, но в непреклонном атакующем стиле. Уже в первые месяцы существования группы "Авода" в Риме он прочел для ее членов доклад о Герцле, об истории антисемитизма и состязался с Бером Бороховым — создателем теории о перевернутой пирамиде и необходимости "про-

дуктивизации" еврейского народа. В кружке "Авода" была ликвидирована система докладчиков со стороны — все члены группы по очереди были докладчиками, точнее говоря — открывали дискуссию на тему, которая была известна всем кружковцам несколько недель загодя, чтобы каждый мог к ней подготовиться. Члены кружка обязаны были работать также дома и отчитываться перед общим собранием о достигнутом прогрессе: каждый должен был систематически изучать разговорный иврит.

И Ада Аскарелли прошла ускоренный курс сионизма во время совместных с Энцо прогулок по узким римским переулкам и главным образом во время тайных прогулок на холме Авентино между древними монастырями и волшебными садами над рекой, где время будто остановилось. Но она не участвовала ни в какой организованной сионистской деятельности. Госпожа Аскарелли наложила строгий запрет, видимо, из здорового материнского инстинкта, почуяв опасность со стороны интеллектуальных мечтателей типа Серени своим планам обеспеченной будущности для дочери. А так как Энцо и Ада были единственными евреями в классе, не было большого резона вербовать сторонников сионизма в этой гимназии. С другой стороны, было невозможно не посвящать соучеников в новый идейный мир, открывшийся перед Энцо, и поэтому сионистскую подготовку прошли также несколько гимназистов-католиков из его класса...

Члены группы "Авода", не желавшие ограничить свою деятельность небольшим кружком интеллектуалов, начали действовать среди еврейской молодежи — учеников школ и гимназий и, главным образом, среди детей римского гетто, которое в глазах процветавшей еврейской буржуазии было позорным местом, источником бедствий. Она не смогла по достоинству оценить настроения тысяч евреев, предпочитавших жить сплоченной группой — в темных переулках, в переполненных, тесных домах, среди рыночного шума и детей, игравших возле прилавков, — когда перед ними был открыт весь город.

Дети гетто — трезвые реалисты, хорошо знающие жизнь и далекие от идеализма членов кружка "Авода" — не могли увлечься сионистской деятельностью, предпочитая сигары, кино и бокс, но Энцо не отчаивался. Это была первая попытка организовать детское сионистское движение в Италии, и он действовал, используя не в малой мере свой опыт, связанный с газетой "Джорналино". Две группы детей в составе тридцати человек выезжали раз в неделю на прогулки, играли, занимались гимнастикой, изучали иврит и историю сионизма. Не хватало инструкторов-руководителей и, особенно, средств, и Энцо ткнул указующим перстом обвинителя в сторону богатых евреев: "Знайте, что позор моральных и физических условий, существующих в гетто, это ваш позор!"

В кружке, существовавшем во Флоренции, не было детей из гетто, но там разгорелась оживленная дискуссия по проблемам продуктивизации еврейского населения: нанять ли участок земли и обрабатывать его в свободное время, как предлагал Чиро Гласс — один из руководителей группы и редактор книгоиздательства "Израэль", или заняться ремеслом, на чем настаивал Энцо Бонавентура — специалист по психологии.*

В июле 1922 года, когда Энцо Серени в качестве секретаря римской группы "Авода" подытожил первые шесть месяцев работы кружка, он не пытался игнорировать тот факт, что сделан лишь первый небольшой шаг к намеченной цели. Но если сравнить достигнутое с другими видами сионистской деятельности в Италии, было основание для чувства удовлетворения. Его отчет заканчивался словами благодарности д-ру Бейлинсону, энергичному и инициативному руководителю. Энцо нашел в нем хорошего учителя и наставника. Моше (Моисей) Бейлинсон, в ту пору

* Профессор Бонавентура был убит спустя 25 лет, когда находился в караване работников Иерусалимского университета, направлявшемся на гору Скопус.

32-летний молодой человек, воспитанный на русской культуре и не имевший еврейских корней, активно участвовал в революциях 1905 и 1917 гг., но разочаровался в социализме, извращенном большевиками, покинул свою родину и заменил юношеские увлечения пламенной верой в сионистский социализм. Он открыл мир социализма и для братьев Серени.*

Несмотря на то, что она глубоко укоренилась в древней итальянской культуре и в жизни новой Италии, а может быть именно благодаря этому, большая часть еврейской молодежи Рима была в известной мере провинциальной, замкнувшейся в своем маленьком мирке. В то же время Бейлинсон, который жил в России, Германии и Швейцарии, а с 1918 года — в Италии (здесь он поменял медицину на журналистику и переводческую деятельность), был широко, по-европейски образованным человеком и видел Италию такой, какой она была в действительности, и ее истинную роль — отнюдь не центральную — во взбудораженной Европе.

Это была дружба, сотканная из противоречий: Энцо легко взрывался, легко сходилась с людьми, говорил без удержу. Бейлинсон был молчалив, замкнут, уклонялся от публичных устных выступлений, был постоянен и трезв в суждениях и прежде чем вымолвить слово — долго жевал свой ус или папиросу, вечно торчавшую во рту. Бейлинсон, приблизивший Энцо к сионизму и социализму, чувствовал большую ответственность по отношению к своему питомцу, который был на пятнадцать лет его моложе, и это чувство ответственности не оставляло его до самой смерти.

В 1922 году кружку "Авода" была посвящена постоянная колонка в газете "Израэль" — единственной сионистской газете Италии и, в известной мере, уни-

* Спустя сорок лет, когда Эмилио (Мимо) Серени был депутатом итальянского парламента от коммунистической партии, он вспоминал Бейлинсона как человека, оказавшего на него особенно большое влияние.

кальной среди сионистской прессы всего мира. В ней, наряду с превосходной публицистикой и новостями еврейской жизни подмандатной Палестины и диаспоры, наряду с переводами произведений еврейских мыслителей, публиковались также статьи о еврейских обычаях, заповедях, запретах и религиозных установлениях, как их понимали оба редактора газеты — Альфонсо Пачифичи и Данте Латтес. Они не довольствовались платоническим водянистым сионизмом старшего поколения, а требовали от своих читателей сближения с еврейством диаспоры, знания первоисточников, изучения иврита и религиозного обновления.

Спустя полгода колонка группы "Авода" перестала появляться в газете, но Энцо регулярно в ней сотрудничал, и его первая большая статья, которая появилась в начале сентября 1922 года под названием "Дабы не умереть", верно отражала все, что он пережил за первые девять месяцев своего обращения в сионистскую веру: "Не требования бунтующей мистики привели меня к поискам, благодаря которым я нашел свою еврейскую сущность, — писал он. — Это было, пожалуй, ощущение удушья, скованности всего бытия, ощущение, что я не могу быть цельным человеком, если я отказываюсь от своей еврейской сущности. И с каждым днем мне становится все яснее, что мое еврейство — это самый естественный и основной факт моей жизни".

Но его ищущая трепетная мысль все еще не отрывается от итальянской почвы: "Признак глубокого вырождения итальянских евреев — та дискуссия, которая среди них ведется: оставаться ли им евреями. А ведь мы никогда не встречали итальянца, который бы спрашивал себя, оставаться ли ему итальянцем или не оставаться, и это естественно. Евреи тоже должны вернуться к естественному существованию. От итальянских евреев никто не требует, чтобы они отказались от своей итальянской сущности ради еврейской, но примерный итальянский гражданин отнюдь не обязан расставаться со своей еврей-

ской культурой... Какое еврейское содержание внес Израиль в итальянский мир с помощью своих сынов, рассеянных на этой прекрасной земле? Наша миссия — обогатить новым умственным течением итальянский мир. Сейчас во всем мире существует религиозная совесть, в основе которой лежит еврейская мораль... Однако нет историка хасидизма и движения ессеев, который распространил бы знания об эти двух религиозных течениях, здесь неизвестных. Мы должны преподнести миру нечто свое, достойное народа Библии и Талмуда“.

Глава пятая

НЕ ВСЕ ИТАЛЬЯНЦЫ ФАШИСТЫ

В июле 1922 года Энцо, как и ожидалось, с отличием завершил свое среднее образование и избрал, следуя своим склонностям и стремлениям, философию — вне всякой связи с требованиями сионистской халуцианской морали. Ада, которая в противоположность ему предпочитала естественные науки, хотела специализироваться на изучении химии. Но так как новое здание естественного факультета было очень отдалено от старого здания, где размещался гуманитарный факультет, она остановила свой выбор на литературе: учеба и, главное, совместное хождение на занятия и домой предоставляли молодым людям исключительную возможность для бесед без соглядатаев и телохранителей.

Перед открытием университета, в тот день, когда они шли регистрироваться, мосты оказались закрытыми колючей оградой и охранялись отрядами солдат: город готовился к борьбе с фашистами, которые сосредоточились в предместьях, чтобы начать поход на Рим.

Немногие в ту пору понимали с такой ясностью значение прихода к власти фашистов, как Энцо, которому было лишь семнадцать с половиной лет: "Со вчерашнего дня, — писал он в своем дневнике, узнав, что новый кабинет поручено сформировать Муссолини, — начинаются дни, решающие нашу судьбу. Фашизм безумствует. Страшная угроза. Сегодня гулял пополудни. Видел своими глазами разгром редакции газеты "Эпока". Отвратительно, больше ничего не могу сказать. Отпор будет страшный".

Назавтра Энцо присутствовал во время столкновений между социалистами и фашистами в рабочем районе Сан-Лоренцо. Он писал: "Всюду фашисты,

они обыскивают, задерживают прохожих, в руках у них пистолеты и ружья. Я подошел к железнодорожному мосту, там стоят фашисты, притворился человеком, который ищет якобы находящегося в их рядах родственника... Оставили мост и вернулись в город. Стреляют из окон. Я ушел из Сан-Лоренцо, потрясенный. Демократия не умрет. Да здравствует демократия!"

Никто из евреев не видал в Муссолини антисемита, хотя он еще в 1919 году опубликовал несколько статей, клеймя позором "господство еврейского капитала над миром". Ведь среди основателей фашистского движения и членов фашистской организации были и евреи (более 700 человек до марша фашистов на Рим). Главный раввин Генуи поздравил Муссолини с победой, когда тот пришел к власти, а новый премьер-министр Италии ответил ему сердечным письмом. Евреи тогда во множестве состояли во всех партиях, от крайне левых до крайне правых, и те, кто противились фашизму, делали это в качестве итальянцев, а не евреев.

Во время душевной депрессии из-за победы фашизма Энцо читал "Записки из Мертвого дома" Достоевского и увидел в них очень сильное произведение, но болезненное до отчаяния. Он продолжал заниматься ивритом и начал изучать философию, читая сочинения Иммануила Канта — и ничего не понял. Впрочем, сложное и запутанное учение этого философа приводило в отчаяние не одного Энцо. "Это все так трудно, что я подумал: может быть, ошибся, выбрав свой жизненный путь".

Он избрал философию, когда растаяли его грезы о славе на литературном поприще. Энцо окончательно оставил работу над большим романом, который должен был охватить несколько поколений: "Не для искусства я создан. И все же иногда мне кажется... и я надеюсь..."

В августе 1923 года Энцо поехал в Карлсбад на XIII сионистский конгресс — он жаждал лично познакомиться с еврейским народом и его парламентом.

В 8.30 вечера в зал вошел Вейцман, и все собравшиеся встали и приветствовали его бурными, долго не смолкавшими аплодисментами. После того как было зачитано приветствие президента Чехословакии Масарика, Вейцман начал свою речь на иврите и выразил надежду, что арабские народы, обладающие огромными территориями, помимо Эрец-Исраэль, где западный и восточный берег Иордана образуют историческое, географическое и экономическое единство, признают возрождение еврейского народа и его государственности и проявят понимание происходящего.

Энцо был воодушевлен, хотя с трудом понимал иврит и идиш — два главных языка, на которых велись дебаты в Карлсбаде. Для него очень многое значил сам факт живого общения с мировым еврейством, которое резко отличалось от всего того, что он знал ранее. С наивностью восемнадцатилетнего, который все видит в радужных красках правды и идейности, он писал: "Здесь, через все препоны и преграды, я нашел, пожалуй, свой путь, который отныне будет все более и более сугубо еврейским. Тут я почувствовал, что по-настоящему стал евреем. Вчера слушал речь Вейцмана до двух часов ночи. Я испытал глубокое восхищение и великий душевный подъем".

В своей программной речи Вейцман потребовал — он говорил тихо, монотонно, без риторики, и лишь изредка, в самых патетических местах его голос чуть вздрагивал, — чтобы весь еврейский народ, а не только сионисты, участвовал в строительстве Эрец-Исраэль с помощью расширенного, как это проектировалось, Еврейского Агентства. Вейцман сообщил (в глазах Энцо он был одним из крупнейших, если не самым крупным деятелем, которого дало восточно-европейское еврейство после того как распахнулись ворота средневековых гетто) о предстоящем открытии Еврейского университета в Иерусалиме. Затем председатель сионистского исполнительного комитета Менахем Усышкин отчитался в том, что делается в подмандатной Палестине, рассказал о постройке завода "Шемен" ("Елей"), о покупке 73 тысяч дуна-

мов земли в Изреэльской долине, об организации поселений Нахалал, Эйн-Харод и Тель-Йосеф, о создании рабочего банка и постройке квартала имени Нордау в Тель-Авиве для тех, кто не имел жилья.

Прения продолжались тринадцать дней, всегда до поздней ночи, но Энцо был доволен: "Все тут очень интересно. Позавчера утром познакомился с Мартином Бубером. Он оставил большое впечатление. Высокий, приветливый. Сегодня утром снова встретился с Бейлинсоном; мы определили основы сионистской идеологической деятельности: воспитание масс главным образом в восточной диаспоре".

Энцо, который всегда стремился объять необъятное, понял, что он должен сосредоточиться на одной цели. Выбор был сделан. И этот выбор определил весь его жизненный путь. Если сионизм, значит и халуцианство. Если халуцианство, значит и алия (репатриация). Если алия, то вместе с Адой и Мимо. Ада знала, что они поженятся, когда Энцо закончит учебу и станет самостоятельным. Она была готова и к сионизму, и к алии.

Чтобы завоевать в мире симпатии для фашистского режима, Муссолини широко открыл двери итальянских университетов перед иностранными студентами. Особые условия — освобождение от платы за учение, льготные билеты для поездок по железной дороге и по морю — были широко использованы еврейской молодежью Польши, Венгрии и Румынии, которая не могла заниматься у себя на родине из-за процентной нормы или из-за отсутствия средств.

Среди приехавших в Италию была также большая группа молодежи из Эрец-Исраэль, где в ту пору еще не было возможности получить высшее образование. Новички учились в Риме, Неаполе, Флоренции, Падуе и связались с местными сионистскими кругами, с Бейлинсоном, которого знали по его корреспонденциям в "Гакунтрес", с Данте Латтесом в сионистском комитете, с Пачифичи и профессором Касуто во Флоренции и с семьей Серени.

Так как большинство приезжих было лишено средств к существованию, еврейские иностранные студенты искали заработков, и многие, прибывшие из Палестины, занялись преподаванием иврита. Бейлинсон изучал иврит у Иммануэля Бен-Дора, приехавшего из Иерусалима изучать археологию. Энцо и Мимо занимались у его брата Рафаэля, студента-архитектора. Но в то время как Бейлинсон боролся за овладение ивритом, как упрямый ухажер, со вздохами и мучениями, иврит покорился братьям Серени без особых трудностей, и спустя год они уже бегло говорили и писали.

Студентам из Палестины трудно было понять вечные споры местных сионистов о том, что такое еврей и кто является евреем. У них не хватало терпения следовать за длинными философскими дискуссиями о сущности еврейства. Для них все проблемы, связанные с этим, были уже давно решены. С другой стороны, они чувствовали, что прибыли из заброшенной провинции, где не было ни музея живописи и ваяния, ни концертного зала, ни настоящего театра, ни какого-либо эстетического воспитания. Они были невеждами по сравнению с еврейскими студентами Италии, которые так много знали, а тем более по сравнению с братьями Серени.

Энцо был их учителем, инструктором и гидом. Он демонстрировал им чудеса Рима, водил по музеям, устраивал прогулки, знакомил с творениями Караваджо, показывал скульптуру Афродиты, выходящей из воды, объяснял, учил, декламировал целые главы из "Божественной комедии" и воодушевлялся вместе со своими слушателями.

Студенты группами ходили по самым дорогим билетам в Огусто на концерты, они часами выставляли в очередях, ведя горячие дискуссии — не о проблемах Италии, а о будущем Эрец-Исраэль. Многие беседы велись на иврите, вызывая удивление окружающих — никто не мог догадаться, что это за странный язык. Братья Серени любили классическую музыку, Энцо любил Бетховена и особенно Девятую

симфонию, но он не признавал Мендельсона: еврей, принявший христианство, не мог быть в ладу с самим собой, и его музыке не хватает внутренней цельности и чистоты.

Более основательный Мимо шел к Сиону окольным путем: он решил изучить сельское хозяйство в Университете Портичи возле Неаполя и стать агрономом в соответствии с нуждами страны. Разветвленная семья Серени, вначале довольно спокойно восприняла сионистские увлечения двух братьев и даже примирилась с агрессивным фанатизмом и усиливающимися сионистскими течениями, все чаще дававшими знать о себе в доме на улице Кавур. Но впоследствии эта болезнь начала у людей рассудительных вызывать озабоченность.

Ну, с одним сионистом в семье еще можно смириться, но их уже два, и один заупрямился и хочет изучать сельское хозяйство, от которого нет никакой пользы в жизни буржуазной Италии — это уже превышало все меры терпения, принятые на улице Кавур. Особенно были встревожены доктор Серени и дядя Анджело, который хоть и был старым и верным сионистом, но в разумных рамках здравого смысла. Он любил Сион издавна и ему даже не приходила в голову мысль совершить туда хотя бы кратковременную прогулку.

Отец Серени дерзнул обратиться за помощью к своему старшему сыну Энрико, в ту пору уже доктору Энрико Серени, специалисту по физиологии, который проводил какое-то исследование в Лондоне. Он попросил его повлиять на Мимо, приехавшего погостить к брату, и отговорить его от сионизма. Энрико ответил отцу, как сын, верный традициям Понтекорво:

"Я разделяю мнение мамы, которая убеждена, что не следует менять систему полной свободы, в которой мы всегда росли. Понятно, что у каждой системы есть свои дефекты, но нельзя вдруг отказаться от принятой системы, дабы избежать ее недостатков. Я уверен, что применение силы к Мимо приведет лишь к его разрыву с семьей".

Мимо шел своим путем: учился в Портичи и ездил еженедельно из Неаполя в Рим и обратно. В Портичи было много студентов-евреев из Палестины, а также группа русских революционеров, покинувших Россию, но Мимо предпочитал жить со своим другом, набожным католиком, который следил за своим еврейским коллегой, чтобы тот аккуратно выполнял все предписания иудейской религии.

Мимо был настолько верен заветам Торы, что когда ездил из Неаполя в Рим и видел, что солнце заходит и наступает святая суббота, выходил из поезда посередине пути на ближайшей станции и ночевал в провинциальном городке, не позвонив даже встревоженным родителям, так как он не пользовался телефоном по субботам.

В начале своей учебы Мимо написал статью в "Израэль" — эту газету читали в его семье — о проблемах еврейского земледелия в подмандатной Палестине и его возможностях. Он обратил особое внимание на вопрос о возможности организации новых еврейских поселений без ущерба для интересов арабских крестьян. Да, следует бороться за внедрение еврейского труда повсюду, — утверждал Мимо, но следует искать новых путей в сельском хозяйстве и промышленности и вкладывать много средств и труда, дабы не изгонять из страны людей, которые живут здесь в течение ряда поколений.

Глава шестая ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Муссолини назначил философа-неогегельянца Джiovанни Джентиле министром просвещения в своем правительстве. Возможно, это был жест в сторону христианской Народной партии. Джентиле ввел коренные реформы в систему образования, в том числе обязательное изучение закона Божьего в народных школах. Большинство евреев отнеслось к этому отрицательно: учащимся евреям этих школ придется оставлять класс во время занятий по католической вере, и это приведет к отчужденности между ними и их товарищами по классу. Если же они будут присутствовать на занятиях, то подвергнутся влиянию христианской идеологии. Многие опасались, что религия проникнет и в преподавание других школьных предметов.

В декабре 1923 года в Риме собралась группа видных евреев, в том числе главный раввин Рима Сачердоти, блестящий юрист, учитель короля сенатор Витторио Полакко, председатель совета еврейских общин Анджело Серени и несколько известных профессоров. И одним из ораторов оказался Энцо Серени, начинающий студент. В отличие от большинства присутствующих Серени-младший приветствовал реформу министра просвещения: "Бог, который возвращается в школу, вернется и к нам. Мы должны организовать еврейские школы и изучать в них иудаизм. Тот, кто полагает, что власти будут неодобрительно смотреть на отдельные еврейские школы, ошибается. Ведь министр Джентиле всегда был сторонником свободы вероисповедания, и он действовал согласно принципу, что представители всех религий имеют право организовывать собственные школы".

В конечном итоге еврейские школы в Италии так и не были организованы. Еврейские школьники продол-

жали заниматься в общих учебных заведениях, и часть из них посещала уроки по иудаизму, которые проводились обычно по воскресеньям.

Энцо изучал историю древнего христианства у профессора Боанаюти и семитологию у профессора Леви делла Вида, и с обоими был связан тесными узами личной дружбы, которая выходила за рамки обычных отношений между студентом и его педагогами. Вопреки своей близости к сионизму (а может быть, благодаря ей, так как это учение тоже питается верой в обновление души) Энцо оставался одним из любимцев Боанаюти. Вместе они совершали длительные загородные прогулки и традиционные восхождения к церкви святой Троицы в Монтс Ауторе, что в горах Аbruццо. Об особом отношении профессора Боанаюти к Серени свидетельствует факт, что тот опубликовал работу студента второго курса "Критический обзор Ветхого Завета" в научном журнале, который редактировал.

Леви делла Вида — выдающийся ученый и незаурядный человек — видел в Энцо своего наследника в науке и будущего руководителя кафедры общей семитологии.

Несомненно, это не случайное совпадение, что оба ученых были в числе тех немногих итальянских профессоров (одиннадцать человек по всей стране), которые отказались присягнуть на верность фашистскому режиму, когда у них это потребовали в 1931 году. Боанаюти остался в Италии и был подвергнут бойкоту со стороны государственных и церковных властей, а Леви делла Вида уехал в США и вернулся в Италию лишь после Второй мировой войны глубоким старцем.

Молодой еврей, в котором была хотя бы искорка политической бдительности, не мог не реагировать на то, что происходило тогда вокруг. У него были три возможности: примкнуть к фашистам, примкнуть к крайне левому лагерю из убеждения, что лишь радикальные действия могут привести к изменению режима, или приблизиться к сионизму и еврейскому духовному наследию, как к ценностям, которых не коснулась

грязь современной политической жизни. Поиски выхода нашли свое выражение в конференции молодых евреев, состоявшейся в ноябре 1924 года в Ливорно и продолжавшейся три дня.

От имени молодых евреев, которые рассматривали себя прежде всего как итальянцев, выступил Нелло Росселли (брат Карло Росселли, известного социалиста и антифашиста, с которым братья Серени — главным образом Энрико — сотрудничали в некоторых политических изданиях). Нелло, отпрыск старинной флорентийской семьи, утонченный и благородный юноша, светловолосый и синеглазый, провозгласил перед двумястами участниками конференции: "Я, в отличие от других, буду немногословен". Как еврей, не соблюдающий субботы, не принадлежащий к сионистам, не знающий иврита и не придерживающийся традиций, для которого еврейство не является главной жизненной проблемой, а лишь затрагивает некоторые аспекты бытия, Нелло видел в своем еврействе нечто такое, что трудно поддается определению: чувство ответственности перед некоторыми группами общества, веру, которая заставляет его рассматривать другие религии как идолопоклонство. По его мнению, "именно наше еврейство должно побуждать итальянских евреев быть большими итальянцами, чем сами итальянцы".

На трибуну поднялся Энцо. Невысокий, с руками, находившимися в непрерывном движении, он выступил против Нелло. Он, Энцо Серени, не отрицает, что среди наших евреев действуют определенные итальянские факторы. Все здесь собравшиеся заседают в итальянском зале, говорят по-итальянски, близки душевно к итальянским поэтам и мыслителям. Об этом свидетельствуют сердца всех присутствующих. "Но еврейство — это доминанта, определяющая всю нашу жизнь, и трудно понять, как Нелло Росселли делит свою душу на части, и на одну часть наклеивает итальянский ярлык, на другую — еврейский. В некоторых вопросах он ведет себя, как еврей, в других — как итальянец. А ведь фактически он всегда остается одним и тем же, всегда остается евреем".

То была итальянская вариация вечного спора, который ведется среди евреев во всех диаспорах, всюду, где происходит еще не завершившийся процесс ассимиляции. И оба были правы каждый по-своему — и Энцо, и Нелло: невозможно еврею делить себя пополам, и невозможно рожденному в диаспоре оставаться цельным человеком.

То было не единственное столкновение на этой конференции, насыщенной переживаниями и волнениями, с исповедями и покаянными речами, душевным подъемом и совместной вдохновенной молитвой в заключение. Энцо был первый из поколения продолжателей, который не мог удовлетвориться пассивным морально-нравственным сионизмом отцов, верностью идеалам пророков и их древнему языку. Он глубоко ненавидел благодушную болтовню без каких бы то ни было практических дел.

Энцо потребовал от еврейской молодежи радикального решения — пролетаризации, и это — от добропорядочных буржуазных детей, родители которых делали все, чтобы избавиться от мелкой торговли и промысла макулатурой и тряпьем. "Не капиталисты и еврейские директора нужны в Эрец-Исраэль, а крестьяне и рабочие, в противном случае нас оттуда выгонят, как выгнали из Испании и Польши", — провозгласил Энцо в Ливорно. — "Только на базе нормальной экономики, которая будет создана в Эрец-Исраэль, возможна самобытная еврейская культура. Мы едем в страну, чтобы жить там в качестве свободных евреев, со всеми радостями и мучениями, которые есть в человеческой жизни. В этом страшном процессе подготовки и приспособления будут несомненно жертвы — духовные и физические, но мы идем в эту страну с убеждением, что это необходимые жертвы. Мы молимся за сохранение нашей чистоты, ибо тот, кто воздал нам за грехи отцов наших, Боже милосердный, хранящий Свою благодать из поколения в поколение, сжалится во имя нашей праведности над нашими детьми".

Если в этой речи и не было ничего нового с точки зрения идейной (Борохов, Гордон и Пачифичи сфор-

мировали его мировоззрение), в ней прозвучала новая нотка, весьма характерная для Энцо: желание немедленно претворить слова в дела, признание, что человек обязан действовать в соответствии со своей верой.

Публичная декларация Энцо — "я еду в Палестину!" — не потрясла мир: Нино Гирш, молодой человек из Феррары, был единственным, который подошел к нему после этой речи и сказал — "Я еду с вами", — и сдержал свое слово спустя двенадцать лет. По иронии судьбы не гордые и сознательные сионисты были первыми, кто оставил Италию и переехал в Эрец-Исраэль, а семья Спаниолетти из римского гетто. После убийства, в котором оказался замешан один из членов этой семьи, она решила бежать из Италии. Благодаря настойчивым просьбам дочери Клары (она была одной из воспитанниц Энцо в кружке "Авода" в гетто, но, по мнению Энцо в ту пору, совершенно ненадежной для сионизма) эта семья — родители и четверо детей — уехала в Палестину и впоследствии открыла лавку в Тель-Авиве.

В то же примерно время в Эрец-Исраэль уехал доктор Бейлинсон и присоединился как рядовой сельскохозяйственный рабочий к "переходной группе" в Петах-Тикве. Было ясно, что он долго не проживет без своих итальянских друзей: Энцо и Мимо придут по его следам.

На многолюдной встрече еврейских студентов Италии, состоявшейся весной в 1925 году во Флорентийском университете, Энцо произнес пламенную речь. О том, как он преуспел в освоении теории сионизма свидетельствовали его ожесточенные нападки на членов антисионистского Бунда, к которому принадлежали некоторые выходцы из Польши и России. Студенты, прибывшие из Эрец-Исраэль, которые с трудом выносили итальянских евреев из-за их патриотизма, а выходцев из стран Восточной Европы — из-за их заботности и приниженности, восхищались его ивритом и его сионистским жаром. Они видели в Энцо почти одного из "своих", и он был избран председателем организации еврейских студентов Италии.

Мимо продолжал свои занятия в Портичи, он разъезжал между Неаполем и Римом, а каникулы и воскресные дни проводил среди своих многочисленных родичей, друзей-сионистов и еврейских студентов, прибывших из подмандатной Палестины.

Учеба на гуманитарном факультете не требовала всех сил человека, в особенности, когда студент происходил из зажиточной семьи и его не волновали проблемы существования. И Энцо находил время для очень важных дел, включая сионизм, любовь и журналистику. Он регулярно сотрудничал в газете "Израэль", а летом 1924 года послал даже свою корреспонденцию на совещание еврейских студентов в Антверпен. По своему обыкновению он одновременно учился и обучал, открывал для себя в книгах новые миры и тотчас оповещал об этом читателей газеты "Израэль". Когда он писал о Герцле, о политическом положении польских евреев или об Ахад-Гааме, трудно было предположить, что автору — неполных двадцать, и уж совсем казалось невероятным, что год-два назад он сам понятия не имел о том предмете, о котором сейчас так основательно рассуждает. Все три брата Серени обладали завидным умением убедительно говорить даже о таких вещах, которые были вне пределов их компетенции, и создавалось впечатление, будто они полны знаниями, как гранат зернами.

Дядя Анджело поручил Энцо привести в порядок архив еврейской общины Рима, и в результате появились два исследования. Одно — "Об осаде римского гетто в 1793 году по воспоминаниям современника", второе — о еврейской общине Рима и кровавом навете в Дамаске (оба они были впоследствии опубликованы). Исследование о Дамасском деле в знак любви и уважения посвящено дяде Анджело. В нем говорится преимущественно о неизвестном ранее обмене письмами между главами римской общины и Моше Монтефьоре. Он в 1840 году отправился из Лондона в Александрию через Италию, чтобы встретиться там с египетским вице-королем и положить конец гонени-

ям на евреев Сирии, которые вспыхнули в связи с исчезновением итальянского монаха брата Томассо из Сардинии вместе с его слугой.

По совету учителя профессора Леви делла Вида Энцо выбрал книгу Товия в качестве темы заключительной работы на соискание степени доктора (по нынешним требованиям это скорее кандидатская диссертация), которая присуждалась после четырех лет учебы в университете. В ней Энцо разбирает вопрос о научных представлениях до и после вавилонского плена и в обновленных источниках иудаизма после возвращения изгнанников на родину. Он пришел к выводу, что основная причина столкновений между евреями, которые вернулись из вавилонского изгнания, и теми их собратьями, которые оставались жить в Эрец-Исраэль — ослабление чувства национального самосознания у коренных жителей — с одной стороны, и высоким национальным самосознанием вернувшихся — с другой. Находясь в Вавилонии, евреи прониклись высокими идеалами пророков и видели в изгнании Божье наказание, потому-то они и вернулись в страну решительными поборниками национальной чистоты и непримиримыми противниками смешанных браков. По мнению исследователя, заслуга обновления иудаизма принадлежит бывшим изгнанникам, иначе говоря, избранной верхушке, которая в Вавилонии прониклась верой в учение пророков и в понятия справедливости, вокруг которых постоянно билась ищущая еврейская мысль. Звание доктора он получил в 1925 году, когда ему минуло двадцать лет.

Профессор Боанаюти опубликовал докторскую диссертацию своего ученика Серени в трех номерах журнала "Студи релиджиози". Это исследование, посвященное "моим учителям А. Боанаюти и Леви делла Вида" и увидевшее свет осенью 1928 года, имеет следующее редакционное примечание: "В это важное исследование не смогли быть внесены последние поправки, т. к. автор, верный своей благородной мечте о переезде в Эрец-Исраэль, которую долго лелеял и осуществил в последние дни, не успел его завершить".

Делая свою докторскую диссертацию, Энцо в то же время работал над переводом "Вступления к Ветхому Завету" Шимеона Бернфельда с немецкого на итальянский. Этот перевод вышел в свет в 1926 году с предисловием Энцо, подчеркнувшего, что Библия — это не отрывок из истории, завершившийся с разрушением еврейского государства, а вступление и начало истории народа, корни которого уходят в седую старину. Народ этот живет и существует в современном мире и полон надежд на будущее.

Когда Энцо решил оставить философию и пренебречь карьерой ученого, которая была ему обеспечена — через три года он мог достичь профессорского звания, — то делал это из глубокой веры в осуществление сионистского идеала, корни которого были заключены в его характере. Несмотря на свою большую любовь к книгам, невозможно предположить, что такой человек, как Энцо, был бы способен всю свою жизнь провести между книжными полками и письменным столом, в стенах университета, жить ради науки. Энцо был прежде всего человеком дела, и он хотел влиять сейчас, непосредственно, практическими действиями на текущие события и современную жизнь. Это он побудил своего товарища по учебе Гвидо Калоджеро писать о проблемах современности, а не витать в философских высях, где нет соприкосновения с реальной жизнью, с людьми, с тем, что происходит вокруг.

Однажды Энцо заявил Аде как бы между прочим: "Я хотел бы, чтобы на моей могиле было написано: "Тут покоится человек, который любил людей, книги и газеты". Почему газеты? Потому что они — зеркало жизни.

Если Энцо и продолжал действовать в антифашистском подполье, то делал это совершенно законспирированно. Становилось все труднее сочетать сионистскую деятельность с антифашистской, хотя бы из опасения поставить под удар все сионистское движение, которое в ту пору пользовалось официальным признанием со стороны властей. Когда Нахум Соколов был в 1926 году принят Муссолини, тот обвинил евреев в том,

что они антифашисты. Соколов ему возразил, сказав, что евреев можно найти во всех лагерях, среди правых и левых, но есть лишь один подлинно еврейский лагерь — сионистский.

Несмотря на свое враждебное отношение к фашистскому режиму и сионистский энтузиазм, Энцо не мог себе даже представить, что он приедет в Палестину, не выполнив предварительно своего гражданского долга в Италии — не отслужив года в армии Его Величества короля. Для отпрыска древней римской семьи это было долгом чести. Как человек с высшим образованием он был освобожден от ряда малоприятных солдатских обязанностей. Большая часть его службы протекала в Риме и его окрестностях, и там он впервые встретился с простой солдатской массой. Он любил солдат и учил их ценить время, отведенное на военную подготовку, воспитывал в духе самопожертвования ради родины. Энцо с отличием окончил курс офицеров пехоты и удостоился высокой оценки командования "за незаурядный ум, хватку, дисциплину и тактические способности". Но и в военной форме, сшитой из грубой шерсти, в специальных брюках с обшлагами для езды верхом младший лейтенант Серени выглядел точно так, как студент Энцо: неряшливо одетым...

...То был бледный и весьма смущенный офицер, когда в начале 1926 года он явился к Ривке Ашбель — студентке из Палестины, учившейся в Риме, — за советом: Ада беременна. Лишь тот, кто был знаком с итальянской действительностью, мог понять силу и последствия этого ошеломляющего удара: студентка литературного факультета, дочь состоятельных буржуа и молодой человек, который был не в состоянии прокормить свою семью... Мать Ады, которая противилась самой дружбе с Энцо... Семья Серени, занимавшая почетное положение в еврейской общине и славившаяся своей приверженностью к моральным устоям... И вдобавок ко всему планы на алию в Израиль...

В Палестине того периода никого особенно не удивляло, когда к раввину являлись за благословением,

точнее — чтобы обвенчаться, халуцианские парочки за несколько месяцев до родов, или когда вообще обходились без раввина.

Ривка Ашбель дала ему добрый совет: не волноваться и обо всем чистосердечно признаться матери.

Альфонса Серени тогда еще не оправилась после операции на почках, и первый из домочадцев, к кому обратился Энцо, был Энрико, у которого эта новость вызвала поток горячих чувств к младшему брату.

Альфонса осталась верной себе и после первого потрясения, когда до нее дошла эта весть. Ведь в конце концов это был ее сын, и она сама воспитала его в духе свободы, а, кроме того, речь шла о ее внуке, который должен был родиться. Она распространила свое покровительство и на Аду. Был зарегистрирован брак, и сделано это было тихо, без широкой огласки. Единственное фото, сохранившееся с тех времен, верно передает истинное положение дел: Энцо — с опущенными глазами; Ада — в бесформенном платье с маленькой шалью на округлившемся животе; Энрико стоит за Альфонсой, и их тесно сжатые губы свидетельствуют о твердом решении нести ответственность пред всем миром. Даже тени улыбки нет на лицах, и единственный цветок запечатлен лишь на платье госпожи Аскарелли, которая сидит выпрямившись, и взгляд ее суров. Это был скандал, о котором говорили все евреи Италии. Люди старшего поколения обвиняли слишком свободное поведение молодежи и сионизм с его революционными взглядами, а люди младшего поколения реагировали то ли с уважением, то ли с удивлением: что ж, почему бы и не придерживаться прогрессивных взглядов? Но зачем их осуществлять в своей личной жизни?..

Когда в июле 1926 года родилась дочь Хана, были забыты кошмары неожиданной беременности. На первой семейной фотографии с представителем самого молодого поколения Альфонса с гордостью держит внуку, Энцо сияет, а Ада, верная духу современности, срезала свою длинную косу и заснята с короткой стрижкой.

По плану Энцо, Ада и Хана должны были вскоре переехать в Палестину и присоединиться к кибцу Ган-Шмуэль (связь с ним была организована с помощью одного из тамошних студентов, обучавшихся в Италии). Предполагалось, что Энцо проживет там года полтора — два, пока не приедет Мимо, который был в ту пору целиком погружен в изучение сочинений Маркса и Ленина, готовя свою диссертацию о коллективном хозяйстве. Но тут вмешались Альфонса и Самуэле Серени: если Энцо хочет отправиться в эту темную и примитивную страну, никто его не станет удерживать, но свою внучку они не пустят в среду, где, как известно, свирепствует малярия и распространены другие болезни. Было решено, что Энцо поедет вдвоем с Адой, на месте разберутся в ситуации и возьмут свою дочь лишь тогда, когда для этого создадутся благоприятные условия.

Главным противником выезда Энцо в Эрец-Исраэль был дядя Анджело, который пытался убедить любимого племянника "железной" логикой: среди евреев Италии немного людей такого масштаба, как Энцо, и поэтому Италия нуждается в нем больше, чем Сион. Но Энцо в ту пору был выше всяких сомнений и колебаний и прислушивался лишь к внутреннему голосу, который звал его в Землю Обетованную.

Последнюю статью, которую он написал на итальянской земле для еженедельника "Исраэль", Энцо посвятил своим товарищам Эудженио, Гвидо и Энцо (Таллиакоццо). Энцо Серени верил, что хотя он первый в боевых отрядах первооткрывателей и хотя более рассудительные считают всю эту затею сумасбродством, в конце концов и остальные совершат внутреннюю революцию и придут в Палестину по его стопам. Все трое — Эудженио Колорни (сын тети Клары, идеалист и легко возбудимый молодой человек), Гвидо Понтекорво (сын дяди Массимо, весьма одаренный, как и большинство его домочадцев) и Энцо Таллиакоццо (уроженец Неаполя, далекий родственник и интеллектуал, самый молодой из династии Серени и восторженный почитатель их талантов) — в

ту пору склонялись к сионизму больше под сильным влиянием незаурядной личности Энцо Серени, чем из внутреннего побуждения. "Если еще есть молодые люди с беспокойными сердцами, — писал он, — пусть они мобилизуются в ряды пионеров Эрец-Исраэль и оставят все, пожертвуют всем!.." "За мной!" — провозгласил Энцо, — и с открытым забралом отправился на битву один, без друзей.

Его влекла не жажда приключений: "Те, кто ищут приключения, пусть отправятся в Африку ловить тигров или в Америку рубить джунгли. И не погоня за славой влечет нас — кто жаждет известности, пусть едет в столицы мира, где живут миллионы. Нет у нас оснований надеяться на идиллический покой. Жизнь в стране трудна, и нас ждут впереди кровавые столкновения, но в Эрец-Исраэль мы хотим начертать новые формы человеческого сотрудничества, новые формы жизни, которые будут означать не только новые общественные и политические порядки, но и новые душевные связи, обновленные братские отношения между людьми, нашедшие свое первое выражение в киббуце". Тот большой внутренний голос, который слышал Энцо, был прежде всего голосом его старой мечты об обновлении жизни.

В феврале 1927 года Энцо распрощался от своего имени и от имени своей подруги со страниц "Исраэля" с Альфонсо Пачифичи и со всеми своими друзьями. В эту волнующую минуту его мысли были обращены "ко всем далеким и близким, кто дал нам возможность сделать этот шаг; к нашим учителям, которые уже живут в Эрец-Исраэль, как доктор Рейхарт и доктор Бейлинсон, и к тем, кто лишен возможности осуществить свою мечту и продолжают свою трудную и неблагодарную работу в Италии, в особенности к Данте Латтес и к Анджело Сачердоти. О, если бы угодно было Всевышнему, чтобы мы преуспели в наших действиях и делах ради Израиля..."

Идя навстречу новой жизни, Энцо добавил к своему старому имени новое — Хаим — в честь председателя Всемирной сионистской организации Хаима Вейц-

мана. Мимо избрал для себя имя Уриэль — из уважения к Уриэлю Акосте, философу-бунтовщику, опальному вольнодумцу, которого до конца жизни преследовали за его взгляды.

Перед отъездом Ады и Энцо в доме Серени состоялся скромный прощальный вечер, на котором присутствовали домочадцы, товарищи по университету и члены израильской колонии. Последние подняли бокалы за счастье молодых и удалились.

Перед отъездом Энцо долго прогуливался по улицам любимого Рима вместе с товарищем по факультету Франческо Габриэли. По своему обыкновению они беседовали о философии и политике. Это было последнее прощание с городом, в котором он знал каждый камень, с научной карьерой, с итальянским образом жизни, со всем тем, что так было дорого, пока он еще принадлежал Италии.

7 февраля родные проводили Энцо и Аду на вокзал к поезду, идущему из Рима в Неаполь, и, несмотря на улыбки, похлопывания по плечу и энергичные рукопожатия, это были трудные минуты для всех. В Неаполе их ждал Чиро Гласс — одна из самых колоритных фигур в итальянском сионистском движении. И он пришел к иудаизму как к образу жизни путем логических умозаключений, но, в отличие от демократически настроенных Серени, был до мозга костей аристократом. Он тщательно следил за своей внешностью и всегда был элегантно одет — не только потому, что к этому привык, но и — подобно Герцлю — во славу сионизма. Вместе с Чиро Энцо и Ада в последний раз пообедали на итальянской земле в самом шикарном ресторане Неаполя, а назавтра отплыли на пароходе "Италия" в Александрию. На том же пароходе была большая группа израильтян и халуцов, которые громко распевали сионистские песни и танцевали на палубе ойру (хору), несмотря на то, что зимнее море было беспокойно. Но молодая пара не принимала участия в веселье: Ада — потому что это было не в ее характере, а Энцо, который любил петь, хотя иногда и фальшивил, — потому что стра-

дал морской болезнью. Большую часть путешествия он провел на койке.

После короткой стоянки в Египте, прогулки по Каиру и обязательного посещения пирамид Энцо и Ада отправились ночным поездом по линии Кантара — Бейрут. Женщины в чадрах сидели в вагоне отдельно от мужчин.

Когда занялась заря, они увидели в окне пальмовые рощи Эль-Ариша, а утром поезд задержался в Рамле. Там они пересели на поезд, курсирующий по линии Иерусалим — Яффа. Это было типично восточное зрелище: страшная неразбериха на станции, оглушительный шум, пассажиры, в большинстве арабы, бегут, толкаются, кричат, входят в вагоны и выходят из них, поднимают и опускают тюки, а железнодорожный персонал, переполненный чувства собственной важности, явно злоупотребляет пронзительными свистками.

Через полчаса, когда поезд начал двигаться в сторону Яффы, Ада и Энцо увидели среди красноватых песков зеленые цитрусовые сады и белые домики еврейских поселений.

17 февраля 1927 года в девять часов утра они прибыли по назначению.

Глава седьмая

ЕДИНСТВЕННЫЙ В СВОЕМ РОДЕ ХАЛУЦ

Тель-Авив был предместьем, старавшимся выглядеть как город. В нем были белые и сероватые домики, одноэтажные или двухэтажные, стиль которых сформировался частично под воздействием простого и непритязательного образа жизни, частично — под влиянием местечка в "черте оседлости", частично — как плод мечтаний евреев диаспоры о Востоке, о крае вечной весны. Красой Тель-Авива были аллея Ротшильда и здание гимназии "Герцлия", создавшие атмосферу "настоящего" города, но большинство его узких улиц быстро обрывалось в песках, откуда выглядывали бараки и уродливые времянки среди пустых, отгороженных площадок.

Прелесть первого еврейского города была в прозрачной синеве его неба; в вывесках с квадратным еврейским шрифтом; в каретах с арабским возницей на облучке, искусно управлявшим лошадкой, а то и парой гнедых; в пестрой смеси одеяний и лиц; в фуражках рабочего люда; в дамах с сумочками, шляпками, перчатками и прочими атрибутами городских женщин; в смуглых йеменитских евреях с корзинами овощей; в купцах и коробейниках, которые выглядели так, будто только сегодня покинули Лодзь или Варшаву. Тель-Авив напоминал Энцо и Аде итальянское местечко на берегу Средиземного моря, и это лишь укрепило их решение поселиться в деревне. Если Эрец-Исраэль, то сельское поселение. Если город, то уж лучше Рим.

Первая дорога от маленького вокзала в конце улицы Иегуды Галеви привели их к Моше Бейлинсону, в ту пору уже жителю Тель-Авива. Он оставил путь сельскохозяйственного рабочего, которым шел в первые годы своего пребывания в стране, и с лета

1925 года был членом редколлегии "Давар" — новой рабочей газеты, которую редактировал Берл Кацнельсон — центральная фигура рабочего движения в стране. После нелегкой длительной борьбы с тайнами языка своих предков Бейлинсон был сейчас в состоянии писать статьи на иврите, не прибегая к услугам переводчика. В качестве литератора и близкого сподвижника Берла он принадлежал к руководящей верхушке рабочего движения. То был человек молчаливый, сосредоточенный и замкнутый, лишенный корней и далекий от еврейских традиций, стоявший как бы в стороне. Бейлинсон жил тогда на углу улицы Алленби и аллен Ротшильда, в трехэтажном доме — одном из самых высоких зданий Тель-Авива. Здесь находилась также контора журнала "Гакунтрес". Редакция этого издания размещалась на кухне квартиры редактора журнала Ицхака Яцива, а его жена, красавица Мери (за столом которой Бейлинсон, друг семьи, завтракал, обедал и ужинал) вынуждена была готовить в ванной комнате на керосинке, стоявшей на ящике.

В ясный зимний день в квартире Яцива раздался звонок. Мери открыла дверь и увидела молодую улыбающуюся пару, державшуюся за руки, одетую по-европейски и спрашивавшую Бейлинсона. После сердечной встречи в его крохотной комнате на мансарде Бейлинсон, давно и не без душевного волнения ждавший приезда своего воспитанника, сделал то единственное, что мог сделать общественный деятель левого толка, когда перед ним вставала важная проблема: он повел Энцо к Берлу Кацнельсону.

Берл — живое воплощение совести еврейских трудящихся, к которому пионеры-халуцы валили толпами, как правоверные хасиды к своему ребе, — уже знал об этом единственном в своем роде репатрианте, слава которого достигла берегов подмандатной Палестины задолго до прибытия самого Энцо: доктора философии, исследователя, литератора, сына придворного врача, принесшего живой привет от евреев чарующей Италии. Рабочим Эрец-Исраэль, в большинстве своем выходцам из местечек Восточной Европы, еще не до-

водилось видеть подобных халуцов, и их сердца были полны восхищения.

Берл, с пышной волнистой шевелюрой, нависшей над пронизательными глазами, всегда искавший молодые таланты, которые могли бы составить "поколение продолжателей" (трудовая еврейская Палестина была тогда еще очень молода, и человек лет сорока, как Берл, считался уже пожилым), тотчас по достоинству оценил силу мысли и эрудицию новичка, почувствовал всю искренность его юношеской веры. И он избавил Энцо от самых больших тягот и страданий, выпадавших на долю новых репатриантов — от бесплодных скитаний по стране в тщетных поисках какой-либо случайной работы. В качестве из ряда вон выходящего дружеского жеста он написал рекомендательное письмо Моше Смилянскому, руководителю союза фермеров (в основном людей весьма состоятельных) и попросил его найти для Энцо работу в своем цитрусовом саду в Реховоте.

Серени остановились в гостинице "Барский" — скромной и по-домашнему уютной, как все гостиницы Тель-Авива 1927 года. На следующий день Энцо и Ада вышли из шумного торгового центра в конце улицы Герцля и сели в скрежетающий автобус компании "Дром-Иегуда", чтобы добраться до Реховота. Они все еще улыбались, вспоминая свой первый обед на Святой Земле: Ада заказала в ресторане рыбу, но ей принесли котлету в холодном соусе. "Спасибо, — сказала Ада официанту по-немецки, — но я не заказывала мяса". Официант заупрямился: "Это рыба, как вы просили". И лишь тогда эти выходцы из Италии узнали секрет фаршированной рыбы — любимого традиционного субботнего блюда восточноевропейских евреев.

Более или менее мощная дорога кончилась сразу после Ришон-ле-Циона. Далее автобус поехал, увязая в глубоком песке, затем быстро скатился вниз по крутому берегу вади и с шумом и воем поднялся на второй берег. Этот сложный маневр ошеломил Аду, но другие пассажиры отнеслись к нему совершенно спо-

койно. Тяжело дышавший автобус совершенно успокоился в центре Реховота, и Энцо с Адой направились прямо к дому Моше Смилянского на улице Иакова.

Смилянский — коренастый мужчина в светлом костюме, какие носили тогда люди с положением, фермер, солдат, политик, литератор и редактор — не был в состоянии понять, несмотря на всю силу своего писательского воображения, чем может заняться в его цитрусовом саду итальянский доктор философии и какое он имеет отношение к сельскому хозяйству вообще. Но доктор, для которого "продуктивизация" еврейского народа в целом и его лично — в частности, была неотъемлемой частью его веры и убеждений, стоял на своем. И Смилянский уступил, согласившись принять его на свою ферму в качестве рабочего с оплатой десять груш в день. Надо сказать, что в ту пору еврейские поденные рабочие получали уже семнадцать груш ежедневно. Но истины ради следует признать, что Смилянский тогда не нуждался в дополнительных рабочих, а тем более — в новичках со столь нежными руками. Но чего только не сделаешь ради Сиона, из уважения к Берлу Кацнельсону и когда попадается столь из ряда вон выходящая личность?..

Это был год экономического кризиса и массовой безработицы — последствия внезапного подъема, который последовал после четвертой алии, состоявшей в своем большинстве из мелких купцов и ремесленников Польши. Те небольшие капиталы, которые они с собой привезли, репатрианты вложили главным образом в строительство домов, спекуляцию земельными участками, организацию небольших предприятий и сети лавок и магазинов. Это была неожиданная и незапланированная алия, которая стимулировалась тогдашним польским правительством, а в стране не было еще ни экономического базиса, ни организационных средств для приема и устройства 62.000 человек, прибывших в 1924-26 гг. Поэтому сразу же начался резкий экономический спад, строительство было парализовано. Подрядческая компания Гистадрута "Солел-Боне"

оказалась на грани банкротства, торговля земельными участками пришла в упадок, новые предприятия обанкротились, а число безработных достигло в начале 1927 года восьми тысяч человек, что составляло в ту пору треть всех наемных рабочих. Положение, особенно в городах, было отчаянным, атмосфера — удручающей: скелеты недостроенных зданий, пустые дома, лавки и участки с надписями: "продается", "сдается"... На уходивших из страны кораблях было больше пассажиров, чем на тех, что прибывали. В том же 1927 году Палестину покинуло 5070 человек, а прибыло лишь 2713.

Энцо, который до своего приезда в Палестину думал, что хорошо знает страну, ее природу, все цифры и все данные, был подобен человеку, который долго разглядывал какой-то пейзаж издали и был уверен, что знает не только его общие очертания, но и детали, что ничего не скрылось от его глаз. Но в ту минуту, когда он приблизился к этому знакомому пейзажу вплотную, оказалось, что все здесь выглядит по-другому, будто он это видит впервые в жизни. Ему было трудно уйти из-под власти множества деталей, с которыми он здесь сталкивался впервые на каждом шагу, и охватить всю картину в целом. Но он сделал необходимые усилия и уже через две недели после приезда отправил в газету "Исраэль" свою первую статью об экономическом кризисе в стране. Редактор Пачифичи опубликовал ее с примечанием, что газета не несет ответственности за политические и социальные взгляды автора, в настоящее время — сельскохозяйственного рабочего, который явно переборщил в своей критике демагогических экспериментов крайне левых — с одной стороны, и богатых евреев диаспоры — с другой. Им обоим Энцо противопоставил чувство национальной ответственности рабочего класса Палестины.

Некоторое время спустя Энцо отправился на экскурсию по стране в обществе члена бельгийского парламента и Шломо Цемаха — одного из старожилов Второй алии. Во время поездки по Изреельской до-

лине Цемах обрисовал тернистый путь пионеров-халуцов, которые в поте лица своего, расплачиваясь здоровьем, осушают болота и не разрешают себе даже таких "излишеств", которые насущно необходимы домашней скотине... Для нее они строят каменные помещения, а сами живут в палатках. Путешественники прошли мимо живописно разбросанных домиков Афуды — будущей столицы долины, и остановились на ночлег в Дегании, матери коллективных хозяйств, где все общее — жизнь, труд, воспитание детей.

Семейный уклад, спокойный и рациональный, краснощекие, веселые, жизнерадостные дети, смуглый от солнечных лучей халуц, кожа которого была цвета меди, — все это произвело на Энцо сильное впечатление. Халуц этот объяснял ошеломленному бельгийскому парламентария, что если хозяйство дает доход, — это признак того, что земля, предоставленная этой группе, превышает ее потребности, и потому "наш долг часть земли передать другой группе..."

В субботу Энцо посетил Иерусалим и видел мужчин в традиционных меховых шапках, а женщин — в странных бархатных платьях, которые шли по узким улочкам Старого города к Стене плача. И тут Энцо удалился от своих спутников, чтобы "самому, лично соприкоснуться на некоторое время со своим народом, смешаться с плачущей и молящейся толпой, целующей камни священной Стены, целиком еврейской, целиком нашей, нагой, пророческой, трагической. Разве не такова и история нашего народа, которая вся — в сердце, внутри, без впечатляющих пейзажей, как в Греции и Риме? И мне очень стыдно, что я не могу молиться словами и выражениями, излучающими красоту и величие наших предков, излить то, что у меня на душе..."

"Мы выходим, и с нами два мальчика, худых, стройных, с черными широкополыми шляпами на головах и пейсами вдоль щек. Они говорят на иврите — ученики большого ешибота "Древо жизни"... Им 11-15 лет. На устах их улыбка. Они замкнуты и презирают нас, безбожников, людей другого мира, не идущих, подобно им, стезями святой Торы..."

"Я должен посетить этот ешибот. После того, как я побывал у Стены плача, в моей памяти почти стерлись впечатления от Долины и ее героических сыновей, и я ничего не воспринимаю, кроме того, что узнал сегодня, и что живет во мне и в моем народе. И вот я пришел. Просторная школа, где меня встречает шум многих голосов... Дети от семи лет и старше склонились над широкими листами: они изучают Талмуд. Они громко повторяют отдельные фразы, каждый на свой лад, а глаза их обращены к учителю. Они готовы вобрать в себя все из этого источника мудрости. Читая тексты, они раскачиваются всем телом и непрерывно теребят проворными руками пейсы. И здесь создается душа нации? У меня закружилась голова от множества дум. И как все гармонично в этом беспорядке!"

"Над произносимыми вслух текстами высится тихий мотив, и я его понимаю. И насколько живее здесь учебный процесс, чем в образцовой современной школе, которую я видел в Тель-Авиве! Не могу забыть это несправедливое сравнение, которое тем не менее было для меня символичным. В тель-авивской гимназии я смог наблюдать лишь урок гимнастики, а тут весь класс погружен в прошлое. Да, у этих детей очень глубокие корни в нашем народе. Я выхожу из здания. Я на распутье. Каков же наш путь далее? Сердце полно сомнений и колебаний: перед моими глазами проходят, как в ярком сновидении, люди, загоровшие под палящим солнцем, эти святые пионеры из Дегании и Долины, и эти дети из Иерусалима, худые, склонившиеся над фолиантами. А нет ли пути, ведущего от одних к другим? Как соединить опыт и страсть всех минувших поколений с тем пламенем, которое охватило наших современников, отвергающих все ограды и не признающих никаких границ?"

Энцо и Ада снова поехали в Реховот, на сей раз, чтобы там поселиться. Носильщик, который помогал им тащить чемоданы от далеко расположенного вокзала через пески к поселению, был не только еврейским носильщиком, но говорил на девяти языках и знал

литературу и Талмуд, что привело в изумление ново-приезжих. Чета Серени сняла комнату в доме этого ученого носильщика (его звали Ицхак Козн) в восточной части поселения, с общей кухней и выгребной ямой во дворе. Хозяин и его набожная жена, тщательно соблюдавшая все предписания о кошерной пище, были потрясены невежеством новой квартирантки, которая не знала даже идиш. Когда шла подготовка к Пасхе, госпожа Козн велела Аде привязать все вилки, ложки и ножи к веревке и несколько раз опускать их в кипящий котел. Эта женщина была огорчена до глубины души, когда нашла у Ады в доме, полностью подготовленном к празднованию Пасхи, бутылочку со спиртом, а та, со своей стороны, никак не могла понять, что есть некошерного в алкоголе.

Ада, знавшая греческий, латынь и итальянскую литературу, не умела стряпать, однако она все же готовила обеды дома, потому что предпочитала итальянскую кухню и не могла привыкнуть к ашкеназийским блюдам, таким, как сладкий цимес, фаршированная рыба и кислосладкий борщ.

В дождливый осенний день Энцо приступил к работе в цитрусовом саду Смилянского, и глаза всех рабочих, в числе которых были и халуцы, и йеменитские евреи, и арабы, обратились к невысокому человеку с интеллигентным лицом, в темносером шерстяном костюме. Поработав лишь несколько часов на рытье ям для посадки деревьев, Энцо весь покрылся потом, а костюм его — грязью, руки были в волдырях, но он, одержимый амбицией, еще пытался из последних сил догнать передовых рабочих, опередивших его на целый ряд. Руководитель работ посоветовал ему сменить элегантный костюм на спецовку, а Моше Смилянский, хотя и был весьма рачительным хозяином, перевел своего доктора философии на более легкую работу по обрезанию сучьев (в глазах халуцов, поборников профессиональной чести, это считалось работой низшего порядка) и дал ему в напарники другого интеллектуала из своих рабочих — Иону Косого (впоследствии

— Иона Кесе), который также, по пророческому слову своего работодателя, не мог рассчитывать на то, чтобы стать квалифицированным батраком.

Старые рабочие показали Энцо, как пользоваться садовыми ножницами, как чистить ствол после обрезки ветвей, и спустя несколько дней Энцо выглядел как кадровый рабочий (он относился к своим новым обязанностям и преподанным ему урокам с такой же серьезностью и сосредоточенностью, как в свое время относился к учению Канта). К рабочей одежде он привык довольно легко и отныне появлялся в саду в рубашке без воротничка, в запыленных брюках с подтяжками наружу, в старых поношенных ботинках и в старой кепке, с широкой мотыгой, на которой висела плетеная корзина.

Работа продолжалась зимой с самого утра до четырех дня с часовым перерывом на обед. Дабы чем-то занять свой мозг в длинные часы механической работы, Энцо громко декламировал наизусть целые главы из "Божественной комедии" Данте и длинные стихотворения других итальянских поэтов. Иона Косой ничего не понимал, но находился под сильным впечатлением этой звучной декламации, которое еще более усилилось, когда за короткий срок Энцо выучил наизусть ивритский перевод нескольких глав "Божественной комедии", сделанный Жаботинским, и читал Данте попеременно — на итальянском и на иврите.

В полдень рабочие усаживались под деревом и съедали то, что приносили с собой — чаще всего хлеб с маслинами, закусывая апельсинами из сада Смилянского. Энцо, чемпион быстрой еды, первый справлялся с обедом и погружался в чтение газеты "Коррьере делла сера" ("Вечерняя почта"), которую получал регулярно, или книги.

Смилянский, который обрабатывал не только свои земли, но и citrusовые посадки владельцев, живших за границей, в отличие от большинства местных фермеров, привлекавших к работе лишь арабов, применял и арабский, и еврейский труд. Он делал это не из экономических соображений, а из принципа, будучи убеж-

денным сторонником сосуществования обоих народов. У него работали выходцы из Восточной Европы, йеменские евреи из поселения Шаараим, арабы из деревень и даже бедуины из далеких окрестностей Реховота. "Хаваджа (господин) Серени" был добрым другом всех, он хлопал по плечу и Мухаммеда, и Ахмеда, и Али, запоминал их имена, спрашивал, как они живут, интересовался их происхождением, посещал их дома. Тогда было открытое соревнование между арабскими и еврейскими рабочими. Из соображений престижа еврейские местечковые парни и бывшие студенты пытались работать в темпе лучших арабских профессиональных рабочих, привыкших с детства к физическому труду. Случалось, что новички к концу рабочего дня харкали кровью и валились с ног, но национальная честь была спасена. Энцо был далек от этого соревнования.

Зарплата — десяти грушей в день — хватало лишь на почтовые расходы и литературу, и питались Серени на деньги, присылаемые из Италии. У них появился домик: в конце поселка освободилась отдельная квартира во втором домике Ицхака Коэна. Этот дом был построен из небольших камней, скрепленных глиной, и состоял из двух двухкомнатных квартир и общей кухни. Было здесь важное техническое новшество: душ и уборная внутри дома.

Ада в конце апреля выехала в Рим, чтобы привезти дочурку и библиотеку Энцо, и вернулась в Реховот в начале мая. Ей показалось, что она попала на другую планету, расположенную от столицы Италии на расстоянии многих световых лет. Там люди сидят в кондитерских и потягивают кюрасо, элегантные дамы разъезжают в автомобилях с шофером в форме, улицы ярко освещены, а Серени ежедневно собираются у тети Эрмелинды в большом доме на улице Кавур.

Реховот тех дней был сельскохозяйственным поселением, существовавшим уже тридцать лет и насчитывавшим 1200 жителей, в большинстве своем — выходцев из России. Правда, местные крестьяне несколько отличались от жителей Петах-Тиквы и поселений ба-

рона Ротшильда — они были более независимы, более сионистски настроены и более открыты влияниям внешнего мира. Среди них были даже литераторы и ученые, были и такие, которые принимали во внимание интересы еврейских сельскохозяйственных рабочих. Но в конечном итоге это было все же захудалое поселение на южном конце еврейского ишува.

Был в Реховоте Народный дом со сводчатыми окнами, в котором время от времени выступала еврейская опера Голинкина или заезжая труппа, игравшая на идиш. Доклад об истории страны с демонстрацией диапозитивов рассматривался как выдающееся культурное событие, а излюбленным времяпрепровождением рабочих (к тому же весьма дешевым) было слушание докладов. И надо признать, что руководители рабочего движения умели хорошо выполнять эту выпавшую на их долю миссию: они произносили двух-трехчасовые речи, а некоторые ораторы — во главе с Берлом Кацнельсоном — умели держать в напряжении своих слушателей даже пять-шесть часов подряд! Да, это были поистине великаны, непревзойденные мастера ораторского искусства.

Энцо выходил в шесть утра на работу в цитрусовые сады и возвращался домой в пять часов пополудни. Он умывался, обедал, сажал дочурку Ханеле в колясочку и возил ее по немощеным дорогам. Вечерами он появлялся в рабочем бараке, который был биржей труда, культурным центром, рабочим советом и клубом одновременно. Там распределитель работ пытался при тусклом свете керосинки разделить по справедливости среди ста кандидатов, основная пища которых состояла из нескольких чашек кофе, двадцать рабочих мест, которые ему удалось найти за целый день утомительных поисков. Его окружали толпы рабочих, дискутировавших и терпеливо ждавших, нуждавшихся в поддержке и помощи.

Старшее поколение рабочих Реховота по традиции принадлежало к партии "Гапоэль Гацаир", отрицавшей классовую борьбу и делавшей упор на создание таких экономических условий, которые позволят фор-

мирование еврейского пролетариата и приобщат десятки и сотни тысяч людей к физическому труду. Однако часть новых халуцов поддерживало движение "Ахдут Гаавода", которое не признавало эту партию, полученную в наследство от диаспоры, и призывало объединиться всех, кто живет трудом рук своих, вне зависимости от взглядов — религиозных, философских, идеологических, — дабы воссоздать страну и построить в ней общество, основанное на принципах справедливости. И "Ахдут Гаавода" не была марксистской партией, но, в отличие от "Гапоэль Гацаир", стремилась к строительству социализма и к связи с рабочими организациями других стран.

Энцо не состоял ни в одной из этих партий и не только потому, что, по его убеждениям, человек не в состоянии полностью проявить свою личность в партийных рамках, — основные программные положения обеих партий казались ему недостаточными для подлинно революционной деятельности. Однако его все считали сторонником "Ахдут Гаавода", так как по многим практическим вопросам он солидаризировался с ней. К тому же два самых близких ему человека — Бейлинсон и Берл Кацнельсон — были ее основными публицистами.

Активисты "Ахдут Гаавода" в Реховоте с большой радостью приняли подкрепление в лице Энцо Серени, деятели же "Гапоэль Гацаир" отнеслись к нему с опаской и подозрительностью. Подлинная буря разразилась, когда решено было украсить рабочий барак портретами вождей, которые бы соответствовали идеологии Гистадрута, объединявшего всех еврейских рабочих страны. Деятели "Гапоэль Гацаир" повесили портрет А. Д. Гордона из Дегании, проповедовавшего возрождение нации через физический труд, в то время как активисты "Ахдут Гаавода" сочли необходимым вывесить не только портрет Бера Борохова, но и самого Карла Маркса. Энцо стоял на скамейке один против целой компании ниспровергателей отца научного коммунизма, опираясь о стенку, и разъяснял на шероховатом, но довольно беглом иврите с ярко выраженным

итальянским акцентом значение его теории и роль его личности.

Сам Энцо не принадлежал к числу правоверных и фанатичных марксистов, но уважал святой гнев, разоблачавший несправедливость, царящую в мире — им пропитаны все строки сочинений Маркса, — и придавал большое значение его анализу экономических отношений в обществе. В то же время он отмежевывался от его диалектического материализма как философского учения, не выдерживающего критики. Ему казалось, что Маркс недооценивал силу идей, способных воспламенить человеческие сердца...

Буря вокруг портрета Карла Маркса долго не затихала, накал страстей был так велик, что вспыхнула драка, и решение вопроса было перенесено в высшие инстанции, в Тель-Авив.

Энцо вскоре стал заметной фигурой в рабочем комитете Реховота, как и Иона Косой, его товарищ по работе, обладавший густой, запутанной шевелюрой и рьяно поддерживавший партию "Гапоэль Гацаир".

Высшей судебной инстанцией для рабочих был тогда суд Гистадрута (кому могло прийти в голову искать правосудия у англичан? — Только кулакам-фермерам), и Энцо был его председателем. Справа и слева от него во время заседания сидели члены суда из числа старых халуцов, прибывших в свое время из России. Товарищеский суд, заседавший обычно по субботам, привлекал массу людей, и барак Гистадрута был полон. Молодой председатель не мог примириться с "домашним" шумом во время заседаний и в конце концов добился своего: абсолютной тишины во время судопроизводства. Его слова, полные неподдельного пафоса, всегда выслушивались с большим уважением.

Ада же сидела в это время с маленькой Ханой в одиноком домике, за которым простирались окутанные тьмой цитрусовые плантации. Сюда доносились лишь лай собак, вой шакалов и тихий скрип песка, по которому ступали десятки ног одновременно. Это арабы возвращались домой после работы. И днем у нее не было с кем поговорить: итальянский в Реховоте никто

не знал, немецкий знали очень немногие, а на иврите Ада изъяснялась с трудом. Ей не с кем было посоветоваться (в Риме госпожа Аскарелли заявила друзьям Энцо и Ады, что из всех стран мира самая ненавистная для нее Палестина, потому что она отняла у нее дочь), некому было пожаловаться на трудности жизни: обед приходилось готовить на керосинке; покупать продукты нужно было ежедневно — не было ни холодильника, ни льда; толкать коляску с ребенком по проселочной дороге тоже было нелегко. Ада была одинока, удручена и снова была в положении.

Энцо знал всех в поселке, и все знали его, но он испытывал потребность в близких друзьях и потому время от времени отправлялся к "литовской группе", что жила в палаточном лагере, разбитом за синагогой, находившейся на окраине поселка, неподалеку от дома, где жили Серени. В этом палаточном лагере был также небольшой барак, служивший кухней, столовой и клубом одновременно.

"Литовцы" в большинстве своем были детьми мелких торговцев и ремесленников, они придерживались старых традиций, но умели хорошо работать, так как до приезда в Палестину (весна 1926 года) прошли специальную халуцианскую подготовку. За недолгое время своего пребывания в стране они познали и безработицу, и голод, и идейный разброд. Для укрепления их морального духа секретариат кибуца Эй-н-Харод послал в эту группу своего представителя Хаима Бен-Ашера, который уже целых три года жил в стране и считался ветераном. Он должен был сплотить павший духом коллектив и добиться присоединения к нему новых людей, чтобы организовать из "литовцев" ядро нового поселения.

Бен-Ашер, выходец из России, имел высшее социологическое образование. Он был склонен пофилософствовать, легко загорался и был на два года моложе Энцо. То был единственный здесь человек, который мог утолить его жажду идейных споров и разговоров на возвышенные темы. И Энцо был для Бен-Ашера

подлинным открытием: товарищ, учитель, соратник по планам и грезам. Они подолгу гуляли вдвоем по окраинам поселка, декламировали, спорили, а заодно и высматривали участки, годные для нового поселения.

С семьей переписывалась преимущественно Ада, так как Энцо был очень занят, но "Письма из Палестины" для газеты "Израэль" Энцо отсылал регулярно — один, два, а то и три раза в месяц. Каждое его письмо — это своего рода воззвание с призывом к итальянским братьям помогать строить еврейское государство, изучать иврит, держать тесную связь с евреями Палестины, присоединиться к ним. Энцо рассказывал итальянским евреям о трех газетах, выходивших тогда в стране, чтобы способствовать их распространению. Он рекомендовал им "Гаарец" и, понятно, с еще большим рвением — "Давар", а о правой желтой "Доар хайом" он писал лишь, что было бы лучше, если бы она не выходила. И для того, чтобы итальянские читатели не могли ссылаться на трудности подписки, Энцо предлагал свои услуги всем, кто хотел читать еврейские газеты и книги. Он сам брался их покупать и высылать. Все заинтересованные могут обратиться по адресу: Энцо Серени, Реховот, Эрец-Израэль.

Отдаленный от своей старой родины пространством и временем, Энцо снова и снова анализирует "итальянский сионизм", и снова, как и прежде, приходит к одному и тому же выводу: сионизм остался здесь столь ограниченным лишь потому, что к нему предъявляли мало требований. Серьезные люди отдаются только таким делам, которые требуют серьезных жертв. Да, настал час обратиться к еврейской молодежи Италии с серьезными и ясными требованиями. Это не значит, что надо потребовать от всех или большинства немедленного приезда в подмандатную Палестину, но надо, по крайней мере, зажечь пламя в сердцах тех, для кого сионизм — это вопрос жизни и смерти.

Энцо планировал самым подробнейшим образом организацию итальянского поселка и ждал приезда Мимо, Эудженио Колорни, Гвидо Понтекорво, Энцо

Таллиакоццо, Аттилио Милано, всех своих друзей и членов их семейств. Сначала речь шла о хозяйстве из десяти семейств с тем, чтобы найти затем другое место для новых итальянских репатриантов. Мимо отдавал предпочтение окрестностям Тель-Авива, но Энцо противился: по его мнению, у Тель-Авива нет большого будущего, поскольку порт строится в Хайфе. Правда, в настоящее время самый большой еврейский центр в Тель-Авиве, и все окружающие поселения интенсивно развиваются, но для нового сельскохозяйственного поселения предпочтительнее окрестности Иерусалима или Хайфы. Десять семейств, по мнению Энцо, был тот минимальный коллектив, который мог бы обеспечить удовлетворение таких потребностей, как библиотека, квалифицированное воспитание детей, медицинское обслуживание, хорошие санитарные условия и т. п. Одиночным семьям добиться этого почти невозможно, а ведь выходцы из Италии привыкли бесперебойно удовлетворять свои основные потребности, с чем необходимо считаться, "дабы они не стали лет через десять разочарованными калеками". В будущем хозяйстве должны развиваться животноводство, зерновые культуры, птицеводство, цитрусовые насаждения. Все практические детали Энцо оставил для своего брата, специалиста по сельскому хозяйству.

Планы его суживались по мере того, как уменьшались надежды на приезд других представителей рода Серени-Понтекорво. Его родственники начали отдаляться от трудовой еврейской Палестины и от сионизма вообще — с той минуты, как уменьшилось личное влияние на них Энцо. У каждого были свои мотивировки, которые базировались прежде всего на тесной связи этих людей с судьбами Италии. Большинство из них стало, как Энрико, активными деятелями социалистических антифашистских групп.

Поскольку не нашлось итальянских евреев, близких ему по происхождению и образу мыслей, Энцо готов был довольствоваться в запланированном им поселке репатриантами, которые, по крайней мере, знали Италию и были с ней связаны: выходцами из Палес-

тины, окончившими итальянские университеты. Но и они не спешили присоединиться к нему.

Вопрос о людях для нового поселения встал очень остро, и Серени искал с огнем по всей стране кандидатов — и не находил никого, кто подошел бы для задуманного им хозяйства. Он хотел жить только в кибуце, хотя прекрасно знал опасности, подстерегающие небольшой коллектив. За месяцы в качестве батрака ему стало ясно, что жены рабочих обречены на порабощение, если нет сильного коллектива, и что в этой стране ничего не добиться без концентрации сил. Доктор Рейхарт и его друзья твердили, что надо заранее покупать землю, так как цена на нее растет. Знакомые рекомендовали участок по цене 11 лир за дунам возле болгарского поселения, которое организовывалось в Кубейбе, неподалеку от Реховота. В своем письме брату Мимо Энцо нарисовал точную схему их будущего совместного дома с внутренним бассейном, центральной комнатой для семейных трапез и встреч, кухней, семью жилыми комнатами и большой верандой, общей детской комнатой. Главным было сейчас согласие Мимо. "Что ты думаешь предпринять? Есть ли сейчас возможность для реализации наших планов? Чему отдаешь предпочтение?"

После окончания занятий на сельскохозяйственном факультете в Портити Мимо должен был отслужить свой срок в итальянской армии. Но еще до окончания службы он предложил своей невесте обвенчаться, пусть даже свадьба будет очень скромной, и маленькая Ксения охотно согласилась. Свадьба состоялась в синагоге с соблюдением всего ритуала после того, как невеста была обращена в иудейское вероисповедание в соответствии с законами религии. В честь молодоженов в кафе "Библиотека" был организован дружеский вечер. На полках вдоль стен вместо книг стояли бутылки. Присутствовали еврейские студенты из Палестины и Энрико, сейчас уже профессор физиологии. Он отростил усы, выглядел весьма солидно, но в свои двадцать восемь лет был еще холост, к великому огорчению Альфонсы. Рядом с ним сидела Дебора Рабино-

вич, одна из израильтянок, изучавших в Риме ботанику, и когда официант принял их за молодую супружескую пару, в зале вспыхнуло веселое оживление.

В то время Мимо был уже связан с итальянской коммунистической партией, действовавшей в подполье, изучал русский язык и уже был довольно далек от пути, избранного его старшим братом. Но так как идейный кризис еще не миновал, и выяснение основных проблем еще не завершилось — по словам самого Мимо, — Энцо надеялся, что в результате письменной дискуссии "мы снова обретем согласие, и это, пожалуй, принесет пользу еврейскому народу в Палестине".

Мимо успокаивал: "Не волнуйся, я приеду", — но пространно объяснял при этом брату, что он не разделяет теорий идеализма и сионизма. Этому были посвящены многостраничные письма идейно-философского содержания. Энцо отвечал ему столь же обстоятельно и не менее аргументированно, тоном любящего и вразумляющего отца, в котором, однако, сквозила глубокая тревога: все его честлюбивые мечты были неразрывно связаны с Мимо, и без него жизнь в подмандатной Палестине не могла стать такой, какой должна была быть. Не было недостатка в цитатах из Маркса, Энгельса и Ленина, но переубедить Мимо было трудно.

Его догматизм вытекает, пожалуй, из характерного для всех Серени максимализма, из их стремления полностью отождествиться с той проблемой и тем идеалом, которые их в данный момент занимают, — утешал себя Энцо. И он оставил дверь открытой. "Но я хотел бы знать, намерен ли ты присоединиться ко мне, чтобы совместно вести хозяйство? Не вижу причин для раскола, даже если мы стоим на разных идейных позициях, и надеюсь, что этого не произойдет. Я уверен, что между нами не будет личных раздоров, на работе мы будем ладить к взаимной пользе. А потому жду твоих указаний и, со своей стороны, ставлю лишь одно непреложное принципиальное условие: личный труд. Мне становится все более и более ясным, что мы не должны действовать в одиночку, если не хотим

поработить наших жен". Требование личного производительного труда обуславливается не тем, что "таким путем я намерен прийти к социализму, — он вытекает из моей ненависти к типу образованного организатора, коими мы вынуждены будем стать, если пойдем иным путем. Я убежден, что коллектив, а еще в большей мере — киббуц, для нас двоих и для наших жен — наилучшая в настоящих условиях форма практической жизни, так как она позволит нам полностью проявить свои силы".

Центром раздоров оставался еврейский вопрос: "Политика Третьего интернационала направлена против решения еврейского вопроса в Эрец-Исраэль. А я убежден, так как здесь живу, что лишь в нашей стране эта проблема может быть решена". Энцо был противником евреев-коммунистов как в России, так и в подмандатной Палестине (в результате экономического кризиса их ряды здесь пополнились), из-за того что они не считали нужным "пролетаризироваться" личным участием в физическом труде, а также потому, что они были оторваны от традиций. Он спрашивал: что такое еврейский народ без своей истории? Что же касается английского империализма, то он считал, что лучше бы было, разумеется, если бы не существовало британского мандата на Палестину. "Но есть ли в тебе мужество пожертвовать одним принципом (Эрец-Исраэль) ради другого (борьба с английским империализмом)? У меня лично нет, совершенно определенно. Мы должны возможно скорее стать здесь большинством и добиться независимости. Ты мне писал: "Ты приносишь социализм в жертву национализму" (у этой фразы есть гимназический привкус, мне было странно услышать ее из твоих уст!). Так же как большевикам имело смысл подписать мирный договор с немецким империализмом в Брест-Литовске, чтобы не потерять всего, так и нам стоит временно мириться с мандатом, ибо пока не видно какого-либо политического решения без англичан, такого решения, которое обеспечило бы строительство страны и, главное, репатриацию евреев".

Еще существовала идея совместной библиотеки братьев Серени. Энцо просил немедленно выслать ему книги о выращивании овощей, разведении птиц, английскую грамматику. "Согласен ли ты купить полное собрание сочинений Ленина на немецком? Мне ясно, что ты предпочел бы иметь на русском, но Ленин ведь не был тонким стилистом, и лучше избегать ненужного дублирования".

Энцо читал длинные-предлинные письма Мимо в цитрусовом саду во время обеденных перерывов, лежа на земле между деревьями, вдыхал запах зрелых плодов — большая часть этой идеологической полемики в письмах приходится на зиму 1927 года — и обвинял себя вслух перед своим напарником Ионой Косым, что слишком поторопился приехать сюда, оставив Мимо одного со своими сомнениями. С этой точки зрения он был, пожалуй, прав: самостоятельный идейный путь Мимо был прежде всего результатом высвобождения от опеки старшего брата. Пока еще Мимо не отвергал в принципе частичное решение еврейского вопроса в Палестине, но для него лично вопрос состоял в том, стоит ли ему самому работать ради сионизма, добиваясь репатриации евреев в Палестину.

Энцо готов был к компромиссу: если Мимо не хочет жить в сельском селении, он сможет работать, скажем, на опытной станции или в университете, но с одним условием: "Понятно, что мы не сможем быть союзниками, если ты поставишь перед собой задачу бороться с сионизмом". А что думает об этом его подруга жизни Ксения? Нет, от Ксении тщетно было ждать какой-либо поддержки. Она думала точно так, как Мимо, который открыл перед нею чудесный мир Маркса, Энгельса и Сталина и приблизил ее к коммунистической партии. Она безгранично была предана мужу и готова была идти за ним в любое место — в Палестину, в Крым, в Москву, в изгнание, даже в ад...

Энцо обычно писал брату по ночам, при свете копилки, смертельно уставший после напряженного трудового дня (обрезка ветвей, рыхление почвы, сбор плодов). И хотя мозг его работал ясно и четко, не хватало

физических сил, чтобы подробно писать. В феврале 1928 года Энцо еще надеялся, что Мимо изменит свои взгляды на исторический материализм и на еврейский вопрос, в частности. В аргументации младшего брата, по мнению Энцо, было больше психологии, чем идеологии. Он надеялся, что когда в октябре того же года Мимо завершит свою военную службу, вопрос прояснится и "мы полюбовно решим все проблемы, ибо то, что нас объединяет, сильнее, чем братская любовь. Ты ведь знаешь, что у меня разрывается сердце, когда я отвечаю на твои письма. Надеюсь, что время зарубцует раны и положит конец разрыву, губительному для нас обоих, а ведь, действуя совместно, мы можем очень многого достигнуть в жизни".

Письмо, которое Энцо Серени начал писать вечером 6 февраля 1928 года, начинается с обстоятельных ссылок на философские учения Джентиле и Бергсона, а завершается короткой деловой справкой, написанной тем же бисерным почерком: "Кончаю писать письмо, которое начал, когда Ада мучилась в родовых схватках. Сейчас 11.30, и она родила дочь".

Роды происходили дома в присутствии старейшей акушерки поселка и прошли благополучно. Во время ночной прогулки с Бен-Ашером и двумя девушками из трудового отряда Энцо искал для малышки красивое имя, символизирующее еврейско-арабское братство, в которое Энцо свято верил, и он остановился на имени Агарь.

С первой минуты своего пребывания в стране Энцо рассматривал арабо-еврейские отношения как центральный вопрос для Эрец-Исраэль, и он сразу же начал искать пути его решения в человеческих взаимосвязях, в постоянных и разнообразных контактах. Он верил, что взаимное знакомство перерастет со временем в дружеские связи. Когда в июле 1927 года в стране произошло землетрясение — небольшое по сравнению с теми, какие бывают в Италии, но все же погубившее более ста человек, Энцо увидел и кое-что положительное в том бедствии, так как оно сопровождалось демонстрацией дружбы между евреями и арабами. Ев-

реи начали сбор пожертвований в пользу пострадавших арабов, самый большой взнос сделал крупный капиталист Натан Штраус, а еврейский Тель-Авив снабдил хлебом и продовольствием потерпевших жителей Шхема (Сихема), который был известен как крупнейший очаг антисионизма. "Сами по себе эти факты мелкие, но, возможно, в них таятся зерна, из которых со временем может вырасти нечто значительное".

При всей своей любви к арабам Энцо придерживался принципа еврейского труда в еврейских хозяйствах — из-за солидарности и твердой веры, что безнравственно базировать еврейские поселения на использовании труда арабов. Когда вспыхнули столкновения между еврейскими батраками и фермерами в Петах-Тикве, потому что те стали широко использовать арабов на сборе фруктов зимой 1927 года, в то время когда в поселке было около тысячи безработных евреев, Энцо обратил весь свой гнев на владельцев цитрусовых плантаций — они баснословно наживались и для них не существовало ни еврейского вопроса, ни сионизма. Это были бизнесмены, ненавидевшие еврейских рабочих, этих нищих и голодных идеалистов, оборванцев, проповедовавших "продуктивизацию", возвращение на землю, и веривших в образование еврейского большинства в стране (когда евреи составляли менее 20 процентов населения). Рабочие ставили у входа на плантации пикеты — фермеры обращались за помощью к британской полиции. Вспыхнули беспорядки, двенадцать рабочих было ранено и двенадцать задержано. В Петах-Тикве было объявлено чрезвычайное положение, британские солдаты заняли дом Совета поселка, и Энцо вспомнил горькие слова Бялика: "Велика боль, но еще более велик стыд..."

Минул уже год после его приезда в страну, и все еще не было ни малейших признаков репатриации его друзей из Италии. Вместо этого итальянские сионисты записали его и Аду в золотую книгу Национального фонда развития сельского хозяйства...

Поблагодарив всех в ответном письме на имя своего друга Пауло Милано, Энцо писал: "Сколько товарищей подчеркивали свою личную близость нашему де-

лу. Я не скажу, что жизнь здесь легкая и простая, но в этот момент будет уместным заявить, что моя жертва, если таковая была вообще, полностью вознаграждена всем тем, что дает нам — и даст еще больше! — сама атмосфера страны. Обновление человека, еврея, которое происходит с каждым, кто сюда прибывает, — в том особое значение Эрец-Исраэль для всех, даже для того, кто не сионист и не помышляет о репатриации“.

По мере того, как уменьшались надежды, что со временем будет организовано самостоятельное хозяйство Серени, росло его стремление присоединиться к кибуцу. Еще больше, чем Энцо, к этому стремилась Ада — она чувствовала, что у нее нет больше сил вести такую жизнь. Она не была создана из того материала, что большинство итальянок, способных найти в теплом семейном гнезде свой мир. К этому еще присоединялось ощущение неловкости, что она и Энцо нуждаются в материальной помощи, получаемой из Италии, несмотря на подвижнический образ жизни. Еще более угнетало сознание того, что домашнее хозяйство ее полностью порабощает.

Энцо требовал от жены немало (когда заболел малярией один парень из литовского отряда, жившего в палатках, Энцо, естественно, поместил его в своем домике, Ада же была в это время беременна и ухаживала за маленькой Ханой). Но он не смелился требовать от нее переезда в кибуц, пока она сама этого не захотела. Ведь было ясно, что такое жить в кибуце в те годы: низкий жизненный уровень, однообразное питание, плохие жилищные условия. Каждый раз, когда Энцо разговаривал с Бен-Ашером об Аде, рассуждая вслух о ее самоотверженности — она готова на многое ради него, — он цитировал любимый стих из Иеремии: “Вспоминаю милость юности твоей, любовь твою, когда была невестою и последовала за мной в пустыню, в землю невозделанную“.

Бейлинсон, которому Энцо и Ада рассказали о своем намерении пойти в кибуц, невольно воскликнул: “сумасшествие!“ — Он противился этому шагу главным образом из опасения, что Ада, дочь аристокра-

тов, не выдержит суровых условий жизни в новом кибуце. И тогда разачарованный Энцо может не только оставить кибуц, но и вернуться в Италию.

История того поселенческого ядра в Реховоте, к которому думал присоединиться Энцо, убедительно свидетельствовала о правоте опасений Бейлинсона. Многие пионеры-халуцы, сделанные из более крепкого материала, чем Ада, и несравненно более привычные к физическому труду, чем Энцо, были сломлены в тех условиях. Из отряда "литовцев", прибывшего два года назад в страну, остались считанные единицы. Они говорили, что если им удалось выстоять и уцелеть в этих тяжелейших условиях, то хуже уже не будет. Было ясно, что тринадцать человек, оставшихся в отряде, не смогут долго продержаться, если не поступит подкрепление.

Для того, чтобы создать жизнеспособное ядро, секретариат Объединенного кибуца слил их с группой репатриантов из России, называвшей себя "Мааян" ("Источник") и жившей неподалеку от Реховота в Нес-Ционе. С точки зрения занятости, здесь положение было относительно хорошим, но и эта группа боролась за свое существование в связи с прекращением алии из России и усилившимися прокоммунистическими настроениями (что объяснялось разочарованием людей, тяжкими условиями жизни, усилением частного капитала, экономическим кризисом). Третьим членом общества стала группа "Вольны" выходцев из Южной Украины (которая была в ту пору оккупирована Польшей). "Вольнцы" жили уже около трех лет в Хадере и пребывали тогда в растерянности: прибыв в страну, они рассматривали себя как передовой отряд, за которым последует подкрепление в виде многих сотен молодых людей, проходивших подготовку в Клесове (возле города Сарны), дабы создать крупный кибуц. Но из-за экономического кризиса в стране алия приостановилась, нового пополнения сил не было, а старые иссякали: в Хадере были лишь сезонные работы, которые чередовались с длительными периодами безработицы. Многие болели малярией, дизентерией и были не в состоянии работать, группа обеднела и залезла в

долги. И, несмотря на все бедствия, "волынцы" не спешили перейти в Реховот — из-за гипотетической возможности найти землю на юге. За три года они успели привязаться к земле Хадеры и акклиматизироваться здесь.

В декабре 1927 года, когда первая группа "волынцев", согласившихся соединиться с "литовцами", прибыла в их лагерь в Реховоте, настроение у новоприбывших было мрачным. Они увидели разодранные палатки, жалкий барак с тусклой керосиновой лампой и арабской печкой для выпечки хлеба, небольшой огород и удрученных людей, одетых в отрепья. Так же примерно было и у них в Хадере. Бен-Ашер перевез по железной дороге из Хадеры в Реховот два барака, принадлежавших "волынцам", и сделал это тайно, опасаясь, что их отнимут кредиторы. Теперь южному отряду поселенцев, желавших здесь обосноваться, не хватало для этого самой малости: земельного участка.

Получить тогда землю для нового поселения было очень трудно, разве только приобрести за крупные деньги. Политика заселения, проводимая в ту пору исполнительным комитетом сионистской организации (во главе его стоял Гарри Сакер, адвокат по профессии, получивший образование в Англии, любивший во всем порядок и тщательное планирование), была крайне неблагоприятной для энтузиастов-пионеров с халуцианской закваской, которые всегда исходили из того, что финансовые дела сами как-то впоследствии уладятся, если есть группа мечтателей, желающих организовать коллективное поселение. Лозунгами того периода были эффективность и сбалансированные бюджеты. Существовала тенденция не организовывать новые кибуцы, так как группа американских специалистов, прибывшая в страну, дабы обследовать на месте положение дел, установила, что лишь одному единственному кибуцу Гева удалось избежать дефицита. Во имя принципа эффективности, бывшего в их глазах решающим, специалисты рекомендовали отказаться от трех других принципов, освященных еврейским рабочим движением: национальная земля, личный труд и свобода выбора типа поселения и формы ведения хозяйства в соот-

ветствии с взглядами самих поселенцев. Естественно, что вся трудовая еврейская Палестина во главе с Берлом Кацнельсоном решительно восстала против этих рекомендаций.

Энцо из всех сил воевал против фетиша "эффективности", и не только потому, что это было чуждо его характеру: всем своим нутром он чувствовал, что пророческие видения важнее бухгалтерии. "В ту минуту, когда мы пожертвуем принципом личного труда как основы строительства страны во имя эффективности, сионизм не сможет более претендовать на решение еврейского вопроса".

...Три принципа оставались в силе, но и стремление ограничивать количество кибуцов продолжало действовать — главным образом потому, что касса сионистской организации была пуста (Национальный фонд развития вынужден был ликвидировать очередь из поселенческих групп и выделял землю лишь тем хозяйствам, которые имели средства на приобретение участков).

Хаиму Бен-Ашеру стало известно об участке из 200 дунамов в четырех километрах южнее Реховота. Эта земля была в распоряжении Национального фонда развития после того как из-за отсутствия денег остался нереализованным план организации районного питомника растений. Бен-Ашер вместе с Энцо отправились осмотреть участок, расположенный на холмах, покрытых жалкой растительностью, и оба убедились: земли здесь хорошие. Каменистый холм, глядевший одной стороной на море, а другой — на Иудейские горы, вполне подходил, чтобы на нем поставить жилые дома, а вокруг было 150 дунамов орошаемой земли, годной для citrusовых насаждений и для злаков. Эти земли граничили с участками Англо-Палестинской компании, руководитель которой Моше Смилянский планировал организовать здесь citrusовые сады.

Смилянский — сильная личность, человек авторитетный и в поселении, и у англичан, и в сионистской организации, привыкший, что к его словам прислушиваются, хотел предоставить участки, граничащие с его землями, двадцати семействам рабочих, которые

у него постоянно работали. Он обязался также обеспечить новых поселенцев водой и предоставить им заем для первого крупного взноса. Его сопротивление организации нового кибуца, лишенного экономической базы, обуславливалось многолетним опытом: одинокие, неорганизованные рабочие были в большей зависимости от работодателя и менее были склонны кочевать с места на место, чем халуцы.

Гистадрут обратился в Национальный фонд развития, и тот согласился предоставить двести дунамов рабочим Реховота, но как лучше использовать эту площадь должен был решить отдел сельскохозяйственных поселений сионистской организации. В своем решении этот отдел записал: "До сих пор у нас был печальный опыт с кибуцами, которые организовались за последние четыре года. Большинство кибуцов распалось, а их имущество погибло". Таким образом, эта площадь предоставлялась отдельным семьям батраков, а для кибуцников оставалось не более 25 дунамов для организации своего собственного лагеря. Сельскохозяйственный центр не согласился с этим решением: не следует ставить коллективы в худшее положение, чем отдельные семьи. "Где имущество, которое якобы было уничтожено? Убытки незначительные, в среднем 2 лиры 60 грош на человека, но это ничтожно мало, если учесть огромную пользу от подготовки людей к сельскохозяйственному труду. Где же печальный опыт?"

Но и сельскохозяйственный центр Гистадрута, во главе которого стоял Авраам Гарцфельд, разработавший план организации тысячи новых индивидуальных хозяйств вокруг уже имеющихся поселений, не согласился передать все двести дунамов столь дорогой земли одному лишь отряду Объединенного кибуца: в районе было еще пять организованных групп, имевших право на получение земельных участков.

Обаяние и настойчивость Энцо, которого Бен-Ашер неизменно брал с собой для подкрепления при переговорах, на сей раз не помогли: "Гарцфельд грозился исключением из Гистадрута всех тех, кто займет участки без согласия руководящих организаций, а исклю-

чение из Гистадрута было в ту пору не меньшим наказанием, чем отлучение от синагоги в средние века. И когда в Реховоте распространился слух, что Смилянский собирается провести первую борозду на участках Англо-Палестинской компании, граничившими с вождеденными 200 дунами (кто мог знать, где он остановится!), стало ясно, что надо действовать быстро. Прежде всего необходимо поставить всех перед свершившимся фактом.

Члены рабочих отрядов Объединенного кибуца в Реховоте колебались. Были такие, что опасались занять землю вопреки воле руководящих организаций; были такие, что, взвешивая свои весьма ограниченные средства, не верили в возможность существования без поддержки, без бюджета с дотацией из разных фондов; были такие, что опасались одиночества, изоляции и отдаления от центрального поселка; были и такие, которые уверяли, что захват земли приведет к потере еще имевшихся немногих шансов получить землю на законном основании в более отдаленном будущем. Старожилы Реховота считали всю эту затею с поселением на отдаленном пустынном холме чистой авантюрой, очередной безумной выходкой "этих сумасшедших" (так они называли халуцов). Мало того, члены группы Шиллера — единственного в этих местах коллективного поселения, не разрешили нелегальным поселенцам пройти через свою территорию в тот день, когда те хотели занять землю.

В субботу 24 марта в Реховоте состоялось заседание южного отряда с участием Энцо и Авраама Таршиша, представителя секретариата Объединенного кибуца. Он разъяснил присутствующим, большинство которых было настроено скептически, что у поселенцев достаточно сил, чтобы занять землю и организовать новый кибуц, даже если это будет обозначать начало военных действий против Гистадрута, Смилянского и других. И действительно, было решено — не в малой мере благодаря стараниям Энцо — занять землю возможно раньше. Большая группа, которая вышла в ту субботу посмотреть эти участки (до того видели их лишь немногие), вернулась огорченная: они целый час

добирались от поселения до холма, и это усилило ощущение оторванности и отдаленности.

Но то, что решено, должно быть выполнено. В канун Пасхи 1928 года два разобранных барака были доставлены на подводах на возделенную землю через арабскую деревню Зарнуга, и после утомительной поездки через вади они достигли цели. Груз быстро разгрузили, установили на холме три круглые палатки (издали они выглядели, как три белых флага), и когда в праздничный пасхальный вечер вся группа явилась в свой новый дом, сразу были забыты все опасения и тревоги. В приподнятом настроении парни и девушки танцевали при свете костров ойру и пели песни о Сионе. На месте остались два сторожа, которым было поручено подготовить площадку, собрать бараки для конюшни и коровника, главное же — они должны были служить живым доказательством свершившегося факта.

В реховотском отряде никогда не обсуждался вопрос о присоединении к нему Энцо. В глазах всех он был как бы пришельцем с другой планеты, превосходящим их своей образованностью, знаниями, связями, способностью руководить; и если он хочет жить совместно с ними, о чем тут говорить? Если он, доктор наук, имеющий постоянную работу у Смилянского, отец семьи, живущий в каменном доме, готов идти с ними в пустыню — это признак того, что у нового поселения на холме есть будущее.

Еще до перехода на новое место Энцо был избран в "комиссию трех", которая должна была внести ясность в финансовое положение отряда и выработать план ликвидации долгов, и Энцо уже видел себя заправским крестьянином: "Есть здесь четыре возможности развития: птицеводство, молочное хозяйство, цитрусовые насаждения и зерновые культуры. И прежде чем мы приступим к работе, надо обратиться к секретариату Объединенного кибуца, чтобы он помог нам людьми, знакомыми с этими отраслями хозяйства".

Энцо был оптимистом. Постепенно улучшалось положение в экономике страны, рассасывалась безрабо-

тица. Появилась новая надежда: к западу от земель Национального фонда развития простирался большой участок, на котором росли жалкие посевы ячменя — владения богатого араба Ахмеда Шукри, жившего в окрестностях Нес-Циона. Как стало известно, он собирался этот участок продать.

Ощущая срочную необходимость действовать, ибо вторично такой возможности не представится, Энцо обратился за помощью к Иегошуа Ханкину. Это была легендарная фигура еврейской Палестины тех лет. В детстве он дал обет посвятить все свои силы вызволению земель Эрец-Исраэль для еврейского народа и многие годы скупал все, что удавалось, от имени общества по подготовке поселений сионистской организации. Ему было в ту пору уже шестьдесят пять.

Ахмед Шукри согласился продать свои земли на таких условиях: 950 дунамов по цене 9 лир за дунам, причем 1000 лир следовало внести немедленно, 3500 лир — через полгода, а остальные деньги — через два года. Энцо предложил Ханкину взять на себя ответственность за покупку взамен обещания найти суммы для первых взносов. Ханкин — старец с длинной бородой и лицом пророка, спросил низкорослого молодого человека, которого ранее не знал, на каком основании он может ему довериться, на что Энцо ответил: "Я отец двух дочерей".

По случаю рождения внучки Агари в Палестину приехала навестить родных мать Энцо, а вслед за нею — профессор Серени с 500 лирами, собранными среди итальянских евреев — первый скромный шаг для приобретения земли. Энцо и Бен-Ашер вышли в субботу пешком из Реховота в Тель-Авив, чтобы сообщить эту радостную весть Берлу Кацнельсону, но оказалось, что тот лечится сейчас в санатории "Арза" в горах Иерусалима. На завтра доктор Серени, Энцо и Бен-Ашер отправились в "Арзу", на сей раз — на такси за счет итальянского налогоплательщика, и Берл — Сократ трудовой еврейской Палестины — одобрил сумасшедший план, чтобы кто-то из членов отряда (речь шла, разумеется, об Энцо) совершил поездку с целью раздобыть эти 9000 лир — сумму, равняющуюся, по

меньшей мере, десятилетнему доходу среднего по размерам кибуца. Берл Кацнельсон изъявил даже готовность получить гарантию Рабочего банка под залог в тысячу лир, которые семья Серени обещала собрать среди евреев Италии.

Энцо повел свою мать на новые земельные участки. Песчаная почва, покрытая дикой растительностью. Время от времени у их ног пробегали ящерицы. Показывая матери земли, он с гордостью говорил: тут будут стоять жилые дома, тут будет столовая, тут — хозяйственные постройки, а там — Центральный дом культуры. Коллективное поселение вырастет на славу. Альфонса обнаружила полное понимание — точно так, как в дни молодости ее сына, который мечтал тогда о всеобщей справедливости и собирал в народной школе завтраки у всех школьников своего класса, чтобы разделить их поровну между бедными и богатыми.

Глава восьмая НЕЗАКОННЫМ КИБУЦ

Пока завершили подготовку на холме, выравнивали площадку, построили сарай, конюшню и центральный барак, из восьмидесяти "литовцев", "вольтцев" и группы "Мааян" ("Источник"), которые собирались осесть здесь на земле, осталось ядро из тридцати пяти человек, включая Энцо, Аду и их детей. В пятницу 28 июня 1928 года (11 тамуза 5688 года по еврейскому календарю) все работали как обычно, дабы не потерять дневного заработка, и лишь вечером, погрузив свой скудный багаж на две телеги, тронулись в путь по дороге, ведущей к Джабель Хаджар — Каменному холму, как его называли местные арабы. Когда были поставлены палатки и выгружены вещи, вся компания вместе с Энцо (Ада и дети остались на некоторое время в поселке) расселись во временной кухне и опорожнили бутылку вина, произнеся традиционное "Лехаим". И впервые все ощутили, что достигли желанного покоя, некой стабильности. Летняя ночь была ясной, звезды казались очень близкими.

Первые дни были особенно трудными. Хотя жизнь наемного сельскохозяйственного рабочего среди черствых своекорыстных фермеров была далеко не сладкой, поселок — это посёлок, в нем есть вода, лавка, рабочая кухня, есть люди и ощущение уверенности. Тут было ощущение одиночества. Воду они получали через группу Шиллера, которая, в свою очередь, получала ее из цитрусового сада Левинсона, находившегося по соседству. По тонкой трубе вода текла до середины дороги между двумя пунктами, а оттуда ее в ведрах возили на осликах, осторожно поднимаясь по тропинке на холмы. В том совершенно пустынном месте, где труба кончалась, оборудовали временную прачечную: поставили палатку, стол и стиральную доску.

Днем здесь работали девушки, а вечером они доставляли чистое белье в лагерь. Однажды ночью исчезли палатки, стол и доска: проходивший мимо на юг караван бедуинов счел, очевидно, своим долгом прихватить "бесхозное" имущество...

Лишь немногие из коллектива имели работу в окрестностях — между холмом и Реховотом. Большинство бесплодно обивало пороги работодателей и, в лучшем случае, люди, получив какую-то случайную работу, тратили два-три часа на дорогу только в один конец. Тот, кто после трудового дня хотел принять душ, выходил с ослом и двумя ведрами к заветному крану, наполнял ведра, возвращался, выливал воду в боченок, установленный над шатром, составленным из рогож, и лишь тогда имел возможность искупаться, если у него еще оставались для этого силы. Отхожие места были оборудованы на лоне природы.

Через несколько дней в лагерь прибыла Ада с дочерьми Ханой и Агарью — Ада Серени, урожденная Аскарелли, балованная дочь Этторе и Эммы, рожденная, как казалось ее родителям, для богатства и беспечной жизни. Искupать малышей в ванне было нелегким делом, стирка белья — поистине каторжной работой. Когда девочки заболели воспалением слизистых оболочек глаз, и мать должна была ежедневно доставлять их в реховотскую поликлинику (тащить детскую коляску через пески было немыслимо), Ада несла одну девочку на руках несколько десятков метров и усаживала ее на землю, возвращалась, брала вторую, несла ее и усаживала рядом, и так далее, все четыре километра, пока наконец добиралась до цивилизации — Реховота 1928 года.

Единственной семье среди холостяков выделили место в бараке, кое-как огородив его. Там была кухня и столовая. В жилье, отведенном семье Серени, были две комнаты без пола и без потолка, но с черепичной крышей. Там стояли одна большая кровать и две маленькие. Остальное место было заставлено личными вещами товарищей, нашедших здесь временное пристанище. Когда они впоследствии выбрались, в

большой комнате разместились также письменный стол Энцо, привезенный из Италии, и его библиотека. Она была доступна всем любителям чтения. Тут были книги в старых кожаных переплетах с золотым тиснением, целые серии книг на древнегреческом, латыни, итальянском, классики мировой литературы, философские сочинения, политические труды, источавшие ароматы далеких миров.

Некоторое время спустя у коллектива, обосновавшегося на холме, появились соседи: около тридцати юношей и девушек из Движения рабочей молодежи. Они долго блуждали по стране в поисках места, где бы обосноваться, пока не достигли Реховота, и посчитали для себя большой удачей осесть на земле по соседству в надежде, что это спасет их от вечной нужды.

Пока что обе группы были в роли самовольных захватчиков. Отдел сельскохозяйственного заселения Сионистской организации, узнавший о самовольных заселениях из информации, опубликованной в газете "Давар", потребовал от сельскохозяйственного центра Гистадрута принять все необходимые меры, дабы "оккупанты" немедленно покинули эти места, которые заняли безо всякого разрешения: "Ясно, что если кибуцы не пожелают внять нашему требованию — уйти с вышеназванной земли, которую им никто не давал, они не смогут рассчитывать ни сейчас, ни в будущем на получение какой-либо помощи от какого-либо из отделов Сионистской организации"...

Это был суровый приговор. Надо было создавать коллективное сельскохозяйственное поселение, не имея за душой ни гроша и не получая помощи — все имущество новоселов состояло из четырех мулов, породистой коровы, двух ослов и осленка.

Месяц спустя после нелегального перехода на землю эти места посетил Авраам Таршиш — представитель движения Гакибуц Гамеухад (Объединенный кибуц), которое несло ответственность за всю авантюру, и он не скрыл своего разочарования: "В ходе хозяйственных работ чувствуется растерянность и отсутствие возможности создать что-либо значитель-

ное. Есть ощущение слабости и зарождается сомнение в рентабельности отдельных отраслей хозяйства, не приносящих прибыли“.

Были люди, которые усиленно поговаривали об уходе, были и такие, которые уже оставили коллектив, полные сомнений, разочарований, даже отчаяния.

Осенью работы было мало. Наступил мертвый сезон. Все ждали дождей. Дефицит все возрастал. В ночь на еврейский Новый год (Рош-Гашана) сюда прибыли для собеседования активисты движения Гакибуц Гамеухад Табенкин, Банковер, Таршиш и потребовали от отряда послать трех людей в Эйн-Харод, благо из-за очередного раскола этот кибуц совсем обезлюдел. Табенкин просил лично Энцо перейти в Эйн-Харод — переход из одного поселения в другое в рамках одной организации был тогда явлением нередким, — но Энцо ответил решительным отказом: тут его будущее, тут его дом. Несмотря на вздохи товарища Тейха, который говорил о внутренней слабости коллектива, об отсутствии минимального бюджета, о слабой надежде на приток новых людей, об отсутствии воды, об отдаленности от поселка, Энцо считал главным для отряда вопрос кадров. Будет больше людей — и все образуется, все станет на свое место.

Постепенно Энцо забросил свою постоянную работу у Смилянского (мечта каждого наемного рабочего) и посвящал все свое время новому коллективному хозяйству, главным образом его финансам (которых не было). Обязанности казначея, секретаря и ответственного за внешние сношения были в ту пору очерчены не очень четко, и после того как казначей сложил с себя полномочия — после конфликта с Энцо, — последний временами выполнял все три обязанности сразу, и все они сводились к одной заботе: раздобыть средства, кредиты, продовольствие, чтобы как-то просуществовать.

Так как разница между голодом и сытостью заключалась главным образом в хлебе, первым важным хозяйственным мероприятием была постройка хлебопекарни. Энцо получил в Рабочем банке кредит в разме-

ре 50 лир, муку тоже раздобыл в долг, печь приобрел на складе излишков британской армии, и хлебопекарня начала действовать в бараке, который некогда служил конюшней. Был снят первый зимний урожай на огороде, апельсины же бесконтрольно поедались во время работы в цитрусовых садах, и можно было кое-как перебиться зиму.

Еврейская Палестина тех времен жила, приравливаясь к приливам и отливам людей. Каждая новая массовая алия была добрым вестником улучшения экономического благосостояния всего населения. Она была необходимым условием существования десятков коллективных хозяйств, разбросанных по всей стране. Она пополняла те коллективы, которые деградировали, стали нежизнеспособными из-за болезней, ухода более слабых и неустойчивых, а также смертей (в первый год на холме, где обосновались Энцо с товарищами, были две смерти: покончил самоубийством юноша из Персии из Движения трудовой молодежи и еще один скончался от мальтийской лихорадки) и, что еще хуже — из-за "обуржуазивания" и ухода от продуктивного труда. Когда появились первые организованные халуцы-пионеры из Германии — это было в октябре 1928 года, после двухлетнего перерыва — Бен-Ашер и Энцо страстно хотели заполучить этих парней, воспитанников молодежной организации "Юнг-идишер-вандербунд — Брит олим", которые были сознательными, идейными, образованными и прошли суровую школу, работая у немецких крестьян возле города Хамельн.

Лишь немногим выходцам из Германии удалось абсорбироваться в коллективных хозяйствах, созданных халуцами восточноевропейских стран. Неудачные попытки новоприбывших акклиматизироваться в кибуцах оставили горький осадок у обеих сторон. Питомцы немецкой культуры были в плену идеалов чистой возвышенной жизни и видели в своем воображении возрождение еврейского народа несколько в ином свете, чем выходцы из России и стран Восточной Европы, у которых были глубокие корни в еврейской традиции. "Восточники" были простонароднее выход-

цев из Германии, более тесно связаны с международным рабочим движением и хорошо знали, что они — строители трудовой Палестины — для того сюда и прибыли. Многие, и не только выходцы из стран Восточной Европы, пришли к выводу, что "немцы" не в состоянии выполнять халуцианских требований по созданию новых поселений, и лучше им теперь заняться другими делами, пока восточноевропейские халуцы не подготовят для них почву.

Когда Энцо и Бен-Ашер прибыли к Ицхаку Табенкину — центральной фигуре в движении Гакибуц Гамеухад, личности сильной и обаятельной, имевшей огромное влияние на окружающих, — и предложили ему присоединить к их коллективу группу немецких халуцов, он отнесся к этой мысли очень сдержанно. Только после продолжительных дискуссий было дано согласие с предупреждением: вся ответственность за их абсорбцию ложится на Бен-Ашера и Энцо.

Новички не испугались разодранных палаток, столовой без пола, мышей, разгуливавших повсюду, голых стен, а также — и это, возможно, главное — не испугались и долгов. Вместе с новоприбывшими перешел в отряд Энцо и Ури Розенблат (Авигад) из Эйн-Харода — один из первых немецких халуцов, парень внушительный, из крестьянской семьи, прямой, работага, уравновешенный и к тому же, чудесный певец. Он стал одним из ближайших друзей Энцо — вероятно, из-за резкого несходства их характеров.

Осенью 1928 года на общем собрании коллектива было принято принципиальное решение. "Мы готовы абсорбировать новоприбывших в соответствии с нашими нуждами, условиями и возможностями". И когда в начале следующего года сюда прибыла первая группа выходцев из Германии (с тремя "литовцами" впридачу), в этом многие увидели признак того, что самый трудный период позади, и отныне дела улучшатся. Правда, большинство новоприбывших почти не знало иврита (а в ту пору все старались овладеть им, если не знали русского), но для них нашелся отличный учитель: Элиэзер Гравиский (Регев), выпускник учи-

тельского семинара в Иерусалиме. Он был выходцем из семьи польских хасидов, членом организации Социалистическая юность, примыкавшей к партии Ахдут Гаавода (Единство труда). Регев вместе с Зевом Шерфом из той же организации присоединился к реховотскому отряду. Элизер был ровесником Энцо и также числился в свои двадцать четыре года среди "пожилых". И он по своей натуре был педагогом и воспитателем, готовым нести на своих плечах груз ответственности. Парень принадлежал к числу немногих в этом коллективе, чья душа была крайне привязана к традициям предков.

Отряд переселенцев привык всецело полагаться на финансовые таланты товарища Серени, граничившие с волшебством. На общем собрании на него была возложена обязанность раздобыть средства для постройки колодца, покупки труб для оросительной системы и сооружения водоема. А в глазах девушек, работавших на кухне, Энцо был последней надеждой, когда продуктовый склад оказывался совершенно пустым. Он был оплотом во всех денежных делах, залогом того, что дела в конце концов как-то будут упорядочены. Энцо изоощрялся и комбинировал из всех сил, брал всюду, где только можно было, обещал вернуть и добивался отсрочки. Там, где не действовали чары итальянца, помогала уверенность, что за его спиной стоит сам Берл Кацнельсон — это открывало перед ним двери, сердца и кассы.

Члены кибуца, которые полагались на Энцо и были уверены, что он выведет их из любой беды благодаря своей расторопности и присущей ему дерзкой хватке, по той же причине иногда и отмежевывались от него: он не был уравновешен, не был в достаточной мере рассудителен — одним словом, был совсем другим, особым. Парочки, с течением времени образовавшиеся в отряде, крадучись, таясь ото всех, проникали в семейный шатер. А Энцо во весь голос говорил о любви, о необходимости брачных уз и предлагал играть свадьбы. Чувствительные души девушек, влюбленных в Пушкина и Достоевского, содрогались от

некоторых его речей, но они великодушно прощали ему многое, в чем видели проявление необузданного южного темперамента. И они смущенно опускали глаза, когда видели его идущим в душ, облаченным лишь в полотенце... Эта символическая одежда не мешала ему по пути вести оживленные беседы на общественные и экономические темы и окликать встречающих не по имени, а по кличкам, вроде "Большевик" или "Раба ханаанский", которые он сам же выдумывал.

Лишь осенью 1929 года вопрос о приобретении тысячи дунамов вступил, наконец, в стадию реализации. Ханкин взял на себя ответственность за покупку земли, когда Энцо обязался раздобыть 3250 лир дополнительно к 1000 лир, собранных евреями Италии и внесенных в качестве аванса. На вопрос руководителя общества "Подготовка поселений" доктора Руппина, которого уже в течение двадцати лет считали воплощением совести еврейского ишува, — как Энцо осмелился впутать старого Ханкина в эту сомнительную сделку, ответил с места сам Ханкин: "Я верю в этого молодого человека". Ведь он, Егюшуа Ханкин, был еще моложе Энцо, когда рискнул приобрести 10000 дунамов земли, не будучи уверенным, что найдутся покупатели (спустя некоторое время эту площадь купило общество "Менуха венахала", которое построило на приобретенной земле поселение Реховот).

На решающем для судеб нового кибуца заседании общества "Подготовка поселений" и руководства Национального фонда развития, в котором приняли участие доктор Руппин, Егюшуа Ханкин, Берл Кацнельсон и ряд других выдающихся деятелей, присутствовал также Энцо в качестве единственного представителя вновь созданного коллектива. Остальные кибуцники, сильно волнуясь и переживая, ждали результатов в вестибюле.

Руководители Национального фонда развития с симпатией отнеслись к просьбе кибуца приобрести эту площадь в качестве национальной земли за деньги, взятые в кредит, которые коллектив сам обязался раздо-

быть. Энцо был в приподнятом настроении, хотя и не представлял себе, где сможет до ноября достать такие деньги. На озабоченные вопросы своих соратников он отвечал: "поживем — увидим..." В тот же вечер Бен-Ашер и Энцо купили бутылку вина и отпраздновали начало осуществления их мечты о земле на квартире Мери и Ицхака Яцива вместе с Бейлинсоном и Берлом. Эта квартира была пристанищем для всех активистов трудовых сельскохозяйственных поселений, которым доводилось бывать в Тель-Авиве. Они являлись сюда в любой час дня и ночи, разумеется, никого заранее не предупреждая, и были уверены, что для них всегда найдется место на полу, чтобы переспать ночь. Сидели на кроватях и ящиках, пили чай и ели, что Бог послал хозяевам, чаще всего — хлеб с соленой селедкой, которую хозяйка покупала в "Гамашбуре" в кредит на вес (исходной единицей был тогда "ротель" — 2880 граммов). Когда дела шли отлично, Яцив шел в Яффу и покупал там говяжьи ребра. Но каково бы ни было угощение, скудным или обильным, разговоры за столом не умолкали до глубокой ночи.

Благоприятные шансы на получение земли коренным образом изменили настроение обитателей Каменного холма. Пышным цветом расцвели различные проекты: цитрусовые насаждения, виноградники, животноводство, зерновые — на тысяче дунамов можно развернуть многоотраслевое хозяйство.

Энцо считал, что начинать надо с животноводства, чтобы у членов кибуца было молоко и масло. Желательно было, по его мнению, лошадей заменить трактором, потому что лошади едят и тогда, когда не работают. На общем собрании, состоявшемся 20 июня, Энцо с воодушевлением отметил, что уровень занятости в Реховоте и состояние хозяйства делают возможным абсорбцию большого количества людей. Можно даже удвоить число членов кибуца (в ту пору их было шестьдесят). Более осторожные товарищи, как, например, Достровский, указывали на то, что дополнительная репатриация из Германии, о которой идет речь, ожидается лишь осенью, когда наступает мерт-

вый сезон, и максимальное число новичков, которое в состоянии принять кибуц, не превышает двадцати человек. Альфред ван дер Вельде — высокий и красивый юноша, интеллигентный, авторитетный, восходящая звезда из "немецкой" группы, требовал приоритета для выходцев из Германии, чтобы сконцентрировать в кибуце членов той группы, к которой он сам принадлежал. Энцо придерживался более гибкой позиции: наряду с "немцами" следует принимать в коллектив и "литовцев".

Было решено — точнее говоря, Энцо решил, а весь коллектив утвердил это решение, — что Энцо поедет в Италию раздобыть деньги для приобретения земли. В канун своего отъезда Энцо отчитался перед товарищами за свою деятельность в качестве казначея (стоимость инвентаря — 448 лир, дефицит за июнь и за июль — 59 лир) и дал наказ тому, кто его должен был заменить: надо подготовить "консолидацию долгов"...

По мнению Альфреда ван дер Вельде, система работы, которой следовал Энцо, была ошибочной. Если и дальше так будет обстоять дело, они скоро обанкротятся. Иного мнения придерживались товарищи Заславский и Сычук. Они считали систему ведения финансовых дел, принятую Серени, верной. Но тот заявил, что его решение отказаться от обязанностей казначея кибуца — окончательное, и когда он вернется из Италии, он этим делом заниматься не будет.

Однако еще до выезда Энцо в Италию в стране произошли события, которые изменили образ жизни всего еврейского населения Палестины. Непосредственной причиной того, что разгорелись страсти, был конфликт, возникший вокруг Стены плача, которая была собственностью мусульманского совета. У евреев было право молиться возле нее, но им запрещено было ставить поблизости скамьи, запрещено было устанавливать перегородку, чтобы отделять мужчин от женщин, запрещено было трубить в "шофар" (бараний рог). Эти запреты и в прошлом приводили к столкновениям, а ныне, когда ревизионистский Брит Трум-

пельдор организовал 9 ава, в день национального траура, демонстрацию у Стены плача, арабы организовали назавтра контрдемонстрацию. Арабское население было взбудоражено слухами, которые усиленно распространяли подстрекатели, о намерении евреев овладеть святыми для ислама местами. В пятницу 23 августа молящиеся мечети Эль-Акса, которых спровоцировал иерусалимский муфтий Амин эль-Хусейни, напали на жителей еврейского квартала Старого города. В течение девяти дней в Палестине было пролито немало еврейской крови.

Это была не спонтанная, самопроизвольная вспышка, а заранее тщательно запланированная акция насилия, и она потрясла все еврейское население страны масштабами и жестокостью. То было покушение на само существование евреев в Палестине. Потрясение было тем сильнее, что погром разыгрался после восьми лет относительного спокойствия — во-первых, и что самая жестокая резня произошла в Хевроне и Цфате (Сафед) — во-вторых. Здесь ведь были старейшие еврейские общины, которые всецело полагались на добрососедские отношения, сложившиеся с арабами в течение ряда поколений. Нападения арабов происходили повсюду — поселение Рамат-Рахель было сожжено, спящие жители поселения Моца были вырезаны, Хартов, Кефар-Урия, Безр-Тувия и Хульда были разрушены, а пока британские власти размышляли, как им действовать, 108 евреев было убито и 190 ранено.

Жители Каменного холма, окруженные с трех сторон арабскими поселениями, не имели никакой возможности обороняться — ведь на местности не было ни одного каменного здания. По указаниям Хаганы, это место было оставлено. Мужчины примкнули к соседней группе Шиллера, где столовая, окруженная мешками с песком, зысившимися до уровня окон, служила крепостью, женщины же и дети перешли в Реховот. Ада с двумя детьми поселилась в доме Моше Смилянского, который был командиром Хаганы всего района. Энцо был командиром позиции — так назы-

вали тогда колодцы, вырытые среди цитрусовых плантаций, и под его началом было шесть человек: трое отдыхали, трое несли караульную службу, причем лишь у одного было ружье, остальные были вооружены железными прутьями.

В противоположность своим товарищам, которые были полны горечи из-за вероломства арабов, Энцо твердил, что атмосфера вражды рассеется и будут найдены пути для взаимопонимания.

Днем некоторые из членов кибуца выходили на Каменный холм, чтобы работать и охранять имущество, но вечером все возвращались в группу Шиллера.

Когда пришла весть о том, что английские войска готовятся к столкновению с боевыми отрядами арабов, сконцентрированными возле Гедеры, которая была оставлена жителями, сюда прибыл Смилянский с автобусом и приказал членам двух кибуцов, вопреки их воле, сесть в автобус и отступить в Реховот. Окрестности Реховота считались тогда потерянными для евреев, и это было страшно — видеть издалека Каменный холм и знать, что все рухнуло, — все усилия, весь тяжкий труд, все надежды.

Арабские банды не дошли до холма, и спустя две недели кибуцники вернулись к себе, да еще привели 15 репатриантов из Литвы, которые прибыли в страну в разгар событий. На 15 человек кибуц разбогател, а на шесть палаток обеднел — их тем временем стащили арабы. С психологической и нравственной точки зрения кровавые события, убийства и разрушения были такой травмой, которая оставила свой след на многие годы среди еврейского населения Палестины. С узко практической точки зрения еврейские наемные сельскохозяйственные рабочие извлекли из них даже некоторую пользу: фермеры-евреи предпочитали сейчас еврейских рабочих арабам, и в Реховоте полностью исчезла безработица.

24 сентября, когда положение на Каменном холме полностью нормализовалось, Энцо уехал в Италию. В течение шести недель он объездил все города страны, чтобы собрать необходимые деньги в виде займа. Он

мобилизовал друзей, знакомых, родных, появлялся у Нино Гирша в Ферраре и у раввина Кастельболонези в Падуе, взял солидную сумму у тети Эрмелинды в Риме, оказывал давление, убеждал, просил денег, но не как милостыню или благотворительную поддержку, а как надежное и выгодное вложение капитала.

17 октября из телеграммы, подписанной Берлом Кацнельсоном и Гарцфельдом, он узнал, что Национальный фонд развития принял в конце концов положительное решение о землях соседней Зарнуги и дает под них вексель на 8600 лир: "Постарайтесь достать в Италии эту сумму..." Энцо оправдал возложенные на него надежды: с разрешения министерства финансов Италии собранные им деньги были переведены в качестве займа под проценты на счет Еврейского Национального фонда в Палестине. И широкая еврейская общественность узнала, что на небосклоне засияла новая финансовая звезда в лице Энцо, сумевшего мобилизовать солидные суммы среди своих соплеменников в Италии.

Дом номер 340 на улице Кавур все еще продолжал оставаться центром династии Серени. Итальянские евреи, которые занимались лишь своими делами и не противодействовали фашистскому режиму, имели возможность вести прежний образ жизни. Леа, выйдя замуж за Альберто Рокаса, следуя семейной традиции, осталась жить с мужем в доме Серени, и тут в 1928 году родилась ее старшая дочь Паоля. А Мимо, который жил со своей Ксенечкой в Неаполе, стал отцом очаровательной девочки. Вся семья вздохнула с облегчением, когда родилась дочь, а не сын: Мимо, верный своей новой марксистской религии, заранее объявил, что не намерен исполнить обряд обрезания, если родится мальчик. Сердца всех Серени трепетали: на протяжении двух тысяч лет существования династии такого еще не бывало. Ксения и Мимо назвали дочь Леа-Оттобрина (Октябрина) — в честь великой русской революции, и когда Мимо получал свидетельство о рождении, служащий мэрии крепко пожал ему руку и взволнованно заговорил о его патриотизме: дав до-

чери такое имя, Серени мол, увековечил октябрьский поход фашистов на Рим...

В том же году правительство Муссолини назначило дядю Энцо Анджело Серени членом государственного совета, на который была возложена обязанность подготовить законопроект об организации еврейских общин (до того времени у них не было юридического статуса). Большинство евреев Италии приветствовало этот шаг, хотя нашлись и такие, которые обвинили главного раввина Рима в желании с помощью нового закона стать чем-то вроде папы римского.

И 29-летний Энрико в конце концов женился, и его выбор возбудил в сердце Энцо искорку надежды, что, может быть, вопреки всему, все Серени, когда-либо встретятся на своей исторической родине в Эрец-Исраэль. 23-летняя Дебора Рабинович, внучка ашкеназийского иерусалимского раввина (третье поколение в стране), приходившаяся также какой-то родней знаменитому раввину Куку, изучала в Риме ботанику и тогда же познакомилась с семьей Серени. Энрико встретился с Деборой, жизнерадостной и энергичной, ревностной сторонницей сионистских идеалов — на свадьбе у Мимо. Когда обнаружилось, что Энрико ею заинтересовался, младший брат предупредил его: она не для тебя, она фанатичная сионистка. Уравновешенный и методичный Энрико шел своим путем: он предложил молодой ботаничке занять место ее подруги Ривки Ашбель, которая неожиданно вернулась в Палестину, и стать его ассистенткой в Неаполитанском аквариуме.

Дебора согласилась переехать в Неаполь, главным образом чтобы сэкономить родителям деньги: им было нелегко содержать дочь за границей. Энрико же записал в своем дневнике после сугубо официального разговора с девушкой: она согласилась стать моей женой...

Однажды вечером, когда ученый и его ассистентка надолго задержались в лаборатории — он возился с приборами, а она вела записи, — Дебора, обладавшая чувством юмора, предложила почтенному профессору, дни и ночи проводившему за исследованиями, поды-

скасть себе жену через объявление в газете. И тогда — неожиданно для нее самой — он попросил ее руки.

В столь великий час своей жизни оба в ту же ночь поднялись на вершину огнедышащего Везувия, и Дебора поставила три условия: чтобы их будущие сыновья подверглись обрезанию, чтобы все дети носили еврейские имена и говорили на иврите, и тогда, может быть, с течением времени все они будут жить в Эрец-Исраэль.

Отец и мать Серени приняли новую невестку с распростертыми объятиями, а для римских евреек был снова повод для сплетень: вот новое доказательство эксцентричности этих Серени! Взять в жены девушку неизвестного происхождения, без приданого и даже без предварительной помолвки, как подобает при солидном бракосочетании. Правда, Энцо посетил в Тель-Авиве своих будущих родственников, и его отчет был весьма положительным: это не рядовая еврейская семья, а из числа самых знатных и родовитых. Но почтенные римские матроны не успокаивались: к чему такая спешка? Однако Энрико хотел жениться немедленно, чтобы взять с собой жену на научный конгресс в США, куда ему предстояло ехать летом. Как убежденный социалист, верующий в торжество свободы, равенства и братства, он назначил свадьбу на 14 июля — годовщину великой французской революции.

Обряд венчания состоялся в большой римской синагоге, и раввин по такому случаю вставил в свою речь большую тираду, посвященную Моше Гессу и его знаменитой книге "Рим и Иерусалим". На фотоснимке, сделанном в день свадьбы, мы видим сияющих Альфонсу и Самуэля: все четверо их детей сейчас имеют свои семьи, и продолжение рода и династии Серени обеспечено.

Глава девятая

КАЗНАЧЕЙ БЕЗ ДЕНЕГ

В мире еще раздавались отклики на кровавые события лета 1929 года — Италия требовала лишить Британию мандата и передать его католической державе, Франции или Италии, — а евреи Палестины начали заново организовывать свои силы. Британские власти проявили полную беспомощность или нежелание защищать евреев. И если удалось избежать больших разрушений, то лишь благодаря организации еврейской самообороны. Главным велением времени стало крепить Хагану, которой раньше занималась только Всеобщая федерация грудящихся (Гистадрут), поставить дело защиты мирного населения на более широкую основу. И хотя существовало недоверие между имущими гражданами и рабочими, между правыми и левыми, было достигнуто согласие — не в малой мере благодаря Моше Смилянскому — об организации совместного командования в Хагане. Все пришли к общему выводу: нуждам обороны необходимо уделять больше внимания, в хозяйствах следует строить прочные каменные здания, надо улучшить телефонную связь и всюду, где можно, сооружать вокруг еврейских поселений солидные оборонительные ограды.

Энцо, как и все, был очень зол на британские власти, он разделял всеобщее мнение, что отныне должны быть созданы такие условия, которые сделали бы невозможным повторение кровавых событий 1929 года. Первым условием прочной обороны он считал соединение разрозненных еврейских поселений в цельные блоки. "Отныне организация поселений — первостепенный стратегический фактор, от которого зависит жить нам или погибнуть", — писал он в начале ноября 1929 года, сразу по возвращении из Италии.

Стратегическое положение его отряда было, от-

кровенно говоря, из рук вон плохим. Главный барак сгорел при загадочных обстоятельствах, остался лишь палаточный лагерь, окруженный арабскими деревнями. Было совершенно необходимо построить хотя бы один каменный дом, но вето, наложенное на этот кибуц руководством сионистской организации, оставалось еще в силе.

Положение с жильем в ту зиму было отчаянным, и Энцо обвинил в этом руководство сионистской организации со страниц газеты "Давар": оно повинно в плохих жилищных условиях, в большом количестве больных и в неудовлетворительном санитарном состоянии. Весь отряд, включая Энцо и Аду, жил тогда в палатках (часть из которых к тому же была порвана и ненадежно обветшала), и это лишало кибуц возможности принимать новых членов. В каждой семейной палатке был "примус" — так называли в те дни третьего постоянного жильца. Хаим Бен-Ашер был "примусом" в палатке Серени, и это приводило к систематическому недосыпанию: когда в палатке появлялся Бен-Ашер, не было конца разговорам. Снаружи свистел ветер, а в крошечной ночной тьме Энцо и Бен-Ашер говорили о жизни в потустороннем мире, о вечной бессмертной душе и о сущности Бога...

В конце концов отряд получил 560 лир на строительство каменного дома из фонда помощи (за короткое время благодаря заинтересованности евреев диаспоры было собрано в этот фонд 600 тысяч фунтов) и 50 лир на сооружение ограды вокруг стана. При этом было выдвинуто условие, что отряд должен целиком перебазироваться на другую землю — на соседний холм, более высокий и просторный, который высился над всей округой.

С самого начала своего существования новый коллектив был известен под именем "Отряд Реховота движения Гакибуц Гамеухад". Теперь, когда он был признан де-факто руководящими организациями, настало время дать новорожденному имя. 15 февраля 1930 года, после того как общее собрание обсудило ряд экономических вопросов, связанных с капиталом

вложениями и строительством, Серени заявил, в качестве ответственного секретаря, что надо придумать название новому коллективному хозяйству. Был выдвинут ряд предложений: "Бицарон" ("Крепость"), "Гив'ат-Хадаром" ("Южный холм"), "Шаар-Ханегев" ("Ворота Негева"), "Тель-Цур" ("Холм-скала"), "Гив'ат-Бреннер" ("Холм Бреннера"). Решено было поставить вопрос на голосование, отдав приоритет воле большинства присутствующих. На собрании присутствовало 78 человек, из них 44 проголосовали за "Гив'ат-Бреннер" — в честь писателя, который сумел в своих сочинениях хорошо выразить то, что было у них на душе: отчаяние, отсутствие иллюзий и при всем этом пламенную веру в возвращение в Сион. И Энцо торжественно провозгласил:

— Наш коллектив отныне называется "Гив'ат-Бреннер".

Все встали и отметили это событие пением "Интернационала".

Вопрос еврейско-арабских отношений, который в течение ряда лет считался второстепенным (главная цель — строительство Национального дома в Эрец-Исраэль), приобрел особое значение в свете недавних трагических событий. Энцо оставался верным своей принципиальной линии: "Мы всегда считали, а после последних событий лишь укрепились в своем мнении, что благо всего населения страны базируется на ускорении экономического развития, а это лежит в основе развития демократического государства. У арабских феллахов и еврейских репатриантов одинаковая заинтересованность в создании аграрной демократии, построенной на интенсивном сельском хозяйстве, а этот поворот может быть осуществлен лишь с помощью больших капиталовложений, единственный источник которых — еврейский народ. Ускорить развитие еврейских поселений означает ускорить также развитие арабских поселений"...

"Скажем же твердо: еврейский рабочий и арабский рабочий связаны судьбами навеки. Вместе мы должны наступать, вместе нам суждено и отступить. Еврей-

ский рабочий не будет трудиться восемь часов в день, если арабский может работать десять и даже двенадцать часов. Еврейский рабочий не будет получать 30 груш в день, если арабский рабочий будет продавать свой труд за 15 груш и еще дешевле. Еврейский сельскохозяйственный рабочий не может существовать без значительного улучшения условий труда и условий жизни, а такого улучшения не будет без совместной организации с арабским рабочим, которого используют в качестве кнута против еврейского рабочего. Говорят о повышении заработной платы в мошавах. Но ведь каждому ясно, что большинство фермеров ответит на это приемом на работу дешевых (арабских) рабочих, которых вполне хватает. Забастовка нам в данном случае не поможет, напротив, существует опасность, что фермеры натравят против нас арабских рабочих, и дело дойдет до войны между еврейским батраком и арабским батраком в то время, когда истинная война происходит между организованными и неорганизованными рабочими. Эта опасность будет устранена лишь тогда, когда и арабские, и еврейские рабочие будут объединены в рамках единой организации, и не будет больше возможности создавать искусственные национальные противоречия, ибо каждому будет ясно, что речь идет о классовой борьбе“...

”К союзу с арабским рабочим мы стремимся не только из идеологических мотивов, обязывающих нас создавать международные организации, но также исходя из тех реальных условий, в которых находится еврейский рабочий, и стремление к единству ни в коем случае не является какой-то уступкой и отходом от нашей сионистской позиции и от нашего стремления создать еврейское большинство в стране. Освободительная борьба еврейского народа в его стране не только не лишает права, но, напротив, требует освобождения арабских масс, и не только путем интенсификации хозяйства арабских феллахов, но также путем улучшения условий арабского батрака, работающего в капиталистическом хозяйстве — арабском и еврейском“.

Энцо в данном вопросе проявил полную солидарность с левым крылом "Поалей-Цион" — маленькой марксистской партии, которая организовала "Братство рабочих" — совместную еврейско-арабскую организацию, и его позиция здесь находилась в явном противоречии с позицией его учителя и идейного руководителя Берла Кацнельсона. В один из летних вечеров 1930 года Берл прибыл в кибуц Гие'ат-Бреннер, и четыре часа подряд проникновенно говорил на тему "Почему я не член организации "Братство рабочих". Основной его довод заключался в том, что прежде всего следует позаботиться о национальных нуждах. Затем встал Энцо, готовый к борьбе, и в течение полутора часов объяснял, почему здравый смысл диктует развивать братство между еврейскими и арабскими рабочими.

В этом отношении он был у себя в коллективе одинок, и многие называли его "брит-шломником",* и звучала в этой кличке нотка издевки. После кровавых событий 1929 года носить такую кличку было особенно неприятно. Основателем организации "Брит-Шалом" ("Союза мира") был доктор Руппин, а ректор Иерусалимского университета профессор Магнес был среди ее членов (большинство которых составляли лица с высшим образованием, выходцы из Германии). С 1925 года "Брит-Шалом" состоял из небольшой группы интеллектуалов, которая опубликовала несколько разъяснительных брошюр в защиту идеи мирного арабо-еврейского сосуществования даже за счет далеко идущих политических уступок со стороны евреев. После кровавых событий лета 1929 года "Брит-Шалом" попытался разделить ответственность за то, что произошло, поровну между арабами, англичанами и евреями, чем навлек на себя гнев всего еврейского населения. Возникла буря, которая никак не соответствовала реальному значению контактов руководителей этой группы с некоторыми арабами.

* Производное от "Брит-Шалом" (Примеч. переводчика).

Энцо отдавал должное усилиям и честным намерениям членов "Брит-Шалом", но никогда не был в их числе. Он называл их "безнадежными демократами" и не признавал за профессором Магнесом права вести переговоры с арабами, не получив на это соответствующих полномочий. В то же время Энцо любил профессора Гуго Бергмана, который тоже был одним из основателей "Брит-Шалом", и несколько раз навещал его, чтобы освежить свои философские воззрения. Он выступал против воинственно настроенных еврейских студентов университета, которые докучали почтенному профессору во время его лекций по философии (хотя материал, который они изучали, не имел никакого отношения к его взглядам на арабо-еврейские отношения).

Девяносто процентов членов кибуца Гив'ат-Бреннер были членами Мапая — новой рабочей партии, организованной в январе 1930 года на базе объединения "Ахдут Гаавода" с "Гапоэль Гацаир", и Берл был одним из отцов этого объединения, но Энцо не хотел присоединиться к Мапаю. Он предложил членам кибуца Гив'ат-Бреннер идти на выборы рабочего совета Реховота со своим собственным списком — из экономических соображений, дабы получить возможность больше влиять на распределение работ — и оказался единственным сторонником этой идеи. Во время выборов в Национальный совет Энцо голосовал за Мапай, но при выборах в Гистадрут он голосовал за левое крыло Поалей-Цион, полагая, что революционная социалистическая партия сможет лучше защищать интересы рабочих.

Энцо требовал свободы индивидуума в рамках кибуца для себя и для других — свободы в воззрениях, в поведении, в личных потребностях. Он защищал право каждого быть не таким, как все — в большом и малом.

Когда товарищ Моше Брахман попросил на общем собрании отпуск на неделю, потому что нуждался в зубном враче, а в городе у него был друг, который мог лечить его бесплатно, многие кибуцники воспро-

тивились этому из принципиальных соображений: личная дружба, мол, не дает права на дополнительные льготы. "А если завтра кто-то найдет друга-работодателя?.." — Энцо саркастически заметил, что равенство отнюдь не означает зубной боли для всех — и общее собрание предоставило Моше Брахману желанный отпуск. Но когда Энцо предложил ввести тайное голосование при приеме новых членов, чтобы кибуцники почувствовали себя свободнее, "ибо открытое голосование — это ложь, приводящая к конфликтам и не дающая истинной свободы выбора", все единодушно проголосовали против.

Стремление к свободе личности в коллективе было главной причиной последовательной борьбы Энцо за большой и развитый кибуц. "Если кибуц не открыт — в самом широком понимании этого слова — не только для приема новых членов, но и для восприятия новых идей, новых привычек, над ним нависает опасность замкнутости и окаменения", — писал он.

Когда кибуц лишь организовался, Энцо и Ада были там единственной супружеской парой среди коллектива холостяков. Это было одной из причин неудовлетворенности Энцо, верного наследника итальянского еврейства. В своем воображении он видел кибуц как сообщество семейных людей с большим количеством детей. И он сам мог служить примером. Ада снова была беременна. Энцо крайне отрицательно относился к тем кибуцам, где стремились ограничить рождаемость, исходя из экономических соображений: для чего же создан кибуц — разве не во имя интересов будущих поколений?

Из тех же соображений он был противником неупорядоченных половых отношений, не влекущих за собой семейных обязательств, которые существовали среди части халуцов главным образом среди выходцев из Германии. "Семейная ячейка — это не только основная ячейка существующего общества, но и единственная, которая останется в будущем, ибо она базируется на глубокой необходимости. Можно ликвидировать племя, муниципалитет, государство, заменив их чем-то другим, но нельзя поколебать семейной жизни, по-

строенной на основах моногамии, без того, чтобы не поколебать одно из самых больших достижений человеческого общества. Правда, коллективная экономическая база в кибуце разрушила буржуазную семью, основанную на материальном сотрудничестве, но нельзя разбивать моногамной основы семьи, если мы не хотим разрушить любви вообще, ибо любовь требует этой парной ячейки и разрушается без нее“.

В марте 1930 года у Энцо родился сын Даниэль, красивый ребенок, черноглазый и круглолицый, как все дети Серени — предмет большой гордости отца и залог продолжения рода, внук Самуэле, первое поколение, родившееся в стране.

Пока семья Серени была в кибуце единственной, Ада сама ухаживала за своими детьми, но после того, как в кибуце появились и другие дети (на втором году его существования их было восемь), уход за детьми был поручен специальным воспитательницам, в соответствии с принципами кибуцного движения.

Мнения о системе воспитания детей и о желаемой степени влияния родителей расходились, в этом вопросе не было единства даже внутри семьи Серени. Энцо считал, что “не следует привлекать родителей к воспитанию детей и обязывать их в этом отношении больше, чем других членов кибуца, потому что у родителей нет более современных и более совершенных знаний в этой области, чем у других кибуцников. Мы должны доверить воспитание ребенка человеку, имеющему соответствующие знания, и ребенок должен быть связан с ним и не связывать родителей. Не следует заниматься экспериментами в вопросах воспитания, ибо мы достаточно экспериментировали на нашем пути по дороге к кибуцу, в нашей совместной жизни. В вопросах совместного воспитания следует полагаться на воспитательниц, и нельзя ставить воспитание в зависимость от воли родителей“.

Ада была не только матерью, но к тому же итальянской матерью, и она решительно восстала на общем собрании против идеи секретаря кибуца. Во-первых, следует различать и не путать уход за детьми и вос-

питание детей; во-вторых, нельзя всецело полагаться на воспитательниц, ибо нет у них должного подхода к детям. Правда, воспитательницы утверждают, что родители им только мешают, но, по ее мнению, они должны постоянно советоваться с родителями. Энцо Серени, обладавший врожденным чувством дипломата, предложил избрать воспитательскую комиссию и снять с повестки дня вопрос об отношениях между воспитательницами и матерями.

Кибуц находился в постоянном движении. Появлялись новые кандидаты, иные же не выдерживали испытания; абсорбировались новые люди, иные же уходили. Вначале испытательный срок был трехмесячным, но по предложению Альфреда ван дер Вельде, утверждавшего, что за столь короткий срок коллектив не может хорошо узнать человека, этот срок продлили до пяти месяцев.

Чаще всего дискуссия о приеме новых кандидатов проходила в их присутствии, и не всегда это было приятным зрелищем. Все недостатки, слабости и личные проблемы кандидатов обнажались перед всем коллективом, и не следует удивляться, что товарищ Майзельс в разгар дискуссии о его приеме, встал и объявил о своем решении не вступать в этот кибуц, так как выяснилось, что в отряде есть люди, которые его терпеть не могут...

Против приема товарища Шварцвальца возражали на том основании, что он болен хронической дизентерией, и кибуц сейчас не в состоянии включить в свои ряды хроника. Шварцвальд попросил отложить обсуждение до того времени, когда выяснится истинное состояние его здоровья. В глазах Энцо тут не было места для колебаний и расчетов: "Вопрос о приеме хронических больных связан с нашим мировоззрением. И больной человек имеет право на существование, и ответственность должны нести все члены общества. Если товарищ хочет быть в нашем кругу, даже если он болен, для него следует найти место". На общее собрание слова Энцо произвели впечатление, и большинством голосов Шварцвальд был принят в кибуц,

но, почувствовав себя уязвленным, он заявил: "В качестве больного я не хочу здесь оставаться..."

При обсуждении личных качеств кандидатов, когда иногда кое-кто сводил при этом личные счёты, позиция Энцо была четкой:

— Кибуц строится на основе массового движения, а не в качестве касты избранных. Не следует углубляться в вопросы психологии. Я не хочу знать о душевных свойствах данного товарища, а лишь о его делах. Мы вовсе не желаем быть обществом, в котором могут жить лишь аристократы духа".

Это было большим, нежели желание защитить честь индивидуума. Речь шла о важном принципе. "Все содержание нашей жизни и планирование нацелены на создание большого кибуца, но практически большинство коллективов, объединяемых нашим движением Гакибуц Гамеухад, состоит из небольших групп товарищей, в которых господствуют привычки, традиции и психология небольших групп. Не следует преувеличивать, но нельзя и уменьшать роль количественного фактора. Недостаточно того, чтобы была идеология большого кибуца, нужны также условия большого кибуца, которые сделают возможным реализацию наших идей. Для нас стремление создать большой кибуц — не красивая утопия, а результат критического рассмотрения жизни небольших кибуцов".

Боязнь утопических недолговечных решений по образцу первых социалистов-утопистов, которых он хорошо узнал во время учебы в университете, не давала ему покоя, и он нередко высказывался по этому поводу: "Кибуцы — не утопия, не изолированное сомнительное мероприятие, плод стремления единиц, но органическая часть большого исторического движения".

Понятие "растущий кибуц" таило в себе и некоторые отрицательные стороны в повседневной жизни: отсутствие должного порядка в коллективе, импровизированный стиль руководства и т. д. Понятие "растущий кибуц" мешало экономической и хозяйственной кристаллизации, мешало новичкам почувствовать крепкую опору, ощутить человеческое тепло и бли-

зость, свою принадлежность к коллективу, а ведь они, недавно прибывшие в страну, особенно в этом нуждались. Энцо же боялся выкристаллизовавшегося, устоявшегося быта: "Как бы это не показалось жестоким, но секрет открытого кибуца заключается в том, что в нем никогда не возникает непоколебимых, никем не оспариваемых традиций. Основа перманентной молодости кибуца в том, что в нем никогда не может утвердиться такой стиль жизни, который отгородит его от внешнего мира. Успех открытого кибуца — не только в том, что он всегда готов абсорбировать новых людей, но и в том, что он всегда открыт новым идеям и представлениям, которые приносит каждая новая алия. Понятно, есть такие люди, которые видят в этом разрушение своих грез о некой тесной дружеской компании внутри большого кибуца. Кто тешит себя подобными иллюзиями, ему не место среди нас. Абсорбция алии требует гибкости, избавления от грез об интимной компании людей, которые раз и навсегда определили свой жизненный стиль, а сейчас хотят покоя, умиротворения и понимают под абсорбцией приспособление новичков к их привычкам и образу жизни данного места. Абсорбция алии в кибуце — это перманентная революция. Поэтому в большом кибуце нет места людям, которые ищут покоя и умиротворенности".

Те, кто не были согласны с такой линией или не смогли приспособиться к постоянным переменам, оставили кибуц. Но и среди тех, кто остались, было немало таких, которые стремились к более упорядоченному коллективу и тосковали по привычному для них образу жизни. Особенно распространены были такие настроения среди выходцев из Германии. Летом 1930 года одновременно оставили кибуц 11 "немцев", и некоторые видели причину этого в том, что в кибуц было принято много "литовцев" и "немцев" из числа прибывших с последней алией. Среди "немцев" были такие, которые предпочитали жить в чисто "немецком" коллективе. Но и среди "немцев" было немало противников обособления, веривших, что в Палестине следует

изменить старые привычки и смешаться с восточноевропейским еврейством, завязать тесные узы дружбы с рабочими. Такие воззрения питались не в малой мере печальным опытом молодежной организации выходцев из Германии "Блау-вайс", которая хотела и в Эрец-Исраэль сохранить в неприкосновенности свою замкнутость и обособленность, отказалась от контактов с Гистадрутом и в результате потерпела полный крах и распалась.

"Литовцы" подозревали "немцев" в намерении превратить кибуц Гив'ат-Бреннер в центр алии из Германии и в попытках избавиться от "посторонних". Другие же возмущались высокомерием "немцев", более сведущих, более образованных, воспитанных в духе западноевропейской культуры, любителей искусства и музыки. На работе отношения были более или менее нормальными, но в часы досуга жизнь протекала в двух различных руслах. Даже в столовой во время совместных трапез чувствовалось размежевание; в одном конце сидели "немцы", в другом — "литовцы", Энцо же бегал из конца в конец между двумя лагерями, убеждая всех, что он не "ашкенази" и не "сефарди", не западник и не "мизрахи" (выходец из стран Восточной Европы), а римлянин... И хотя кибуц оставался верным своему принципиальному решению — принимать в свои ряды и "немцев", и "литовцев", прошли годы, пока завершилась "болезнь роста", по определению Энцо, и началось подлинное "смешение", верным признаком которого были первые "смешанные" браки.

По своим культурным запросам Энцо был ближе к "немцам", но сердце его было с "литовцами" благодаря их отношению к работе, глубоким корням в еврейской традиции, деловитости и владению ивритом. "Если алия будет идти только из Германии — здание развалится. "Литовцев" надо принимать по целому ряду соображений, но прежде всего потому, что они в большинстве своем знают иврит".

Его собственный иврит был в ту пору далек от совершенства. Насколько его стиль в итальянском был

по-настоящему литературным, богатым, насыщенным цитатами, настолько был беден, сух и не эмоционален его иврит. Может быть, именно поэтому он так ревностно относился к ивриту и не упускал случая упрекнуть "немцев", когда они между собой говорили по-немецки: "Ребята, иврит!" Он настоял на том, чтобы все воспитательницы детского сада отменно владели ивритом. Он снова и снова провозглашал, что здесь, в стране, все должны говорить на иврите. Надо на некоторое время отказаться от чтения иностранной литературы, даже если это на первых порах ограничит кругозор, и читать книги только на иврите. Сам Энцо показывал пример — читал романы Мапу, Фаерберга и других и даже одолел Шолом-Алейхема на идиш к вящему удовольствию "литовцев".

Так как в повседневной жизни для чтения оставалось мало времени, Энцо старался читать всегда и всюду, где только можно было, — в столовой во время еды, в автобусе, до открытия заседаний, во время перерывов — и не только из жажды чтения, но и чтобы доказать себе и другим, что быть членом кибуца во все не означает деградировать в культурном отношении.

О том, как нелегко давался ему иврит, несмотря на искреннее желание овладеть им в совершенстве, свидетельствуют записи Энцо, которые он вел регулярно в качестве секретаря кибуца в 1930 году. Чаще всего он писал на "фирменной" бумаге своего отца профессора Самуэле Серени, доцента Римского университета и придворного врача (все эти титулы были отпечатаны сверху на каждом листке). Доктор философии, блестящий ученик видных итальянских ученых, писал со многими орфографическими ошибками о 73 парах сандалий и 7 парах рабочей обуви, сшитой в сапожной мастерской кибуца за полгода, о завершении строительства большого каменного двухэтажного здания, которое обошлось на 220 лир дороже, чем было запланировано, о коровах, не имеющих должной защиты от дождей и ветров и страдающих из-за нехватки подстилки. Со вздохом он добавлял: "Составление сметы — де-

ло непростое, и сбор нужных материалов требует большой работы“.

Несмотря на свое торжественное заявление перед отъездом в Италию осенью 1929 года, что он больше никогда не согласится быть казначеем, ему пришлось вскоре после возвращения снова взяться за казначейские дела, так как его товарищ по секретариату Добромил был откомандирован из кибуца по делам алии.

Часть товарищей протестовала против методов работы, характерных для Энцо даже при ведении финансовых дел, критиковала его нежелание строго придерживаться заранее разработанного бюджета, результатом чего был, по их мнению, постоянный дефицит. Энцо с ними не соглашался: "Мы испытываем трудности из-за больших вложений, и я — за такого рода трудности. Товарищи должны понять: требования жизни — сильнее нас, и смета не может стать панацеей от сложностей жизни. Когда идет абсорбция алии, нельзя заранее знать, каков будет бюджет, да и рынок труда не зависит от нас“.

Товарищи требовали текущих отчетов о всех действиях казначея, но Энцо не соглашался с этим: "Не надо злоупотреблять принципами демократии. Сегодня я не считаю, как думал некогда, что все товарищи должны знать о всех бедах, сопутствующих нашей казне“. И он был прав: если бы товарищи знали о всех дерзких и порою отчаянных действиях, предпринятых казначеем с целью дать кибуцу возможность продержаться на поверхности и не пойти ко дну, то, возможно, общественная мораль бы сильно пострадала. Письма кибуцников задерживались подчас на многие недели — не было денег для марок. Товарищи требовали увеличить количество газет (получали одну газету на 10 человек) — Энцо назвал это "демагогией“, что повлекло за собой резкий протест Альфреда: Серени не имел права пользоваться столь оскорбительным термином.

И уравновешенному Добромилу не всегда удавалось сохранять спокойствие и рассудительность, когда товарищи критиковали дела финансовые. И он подчас

взрывался, называя своих оппонентов "мальчишками" и "приготовишками", что вызывало на общих собраниях целую бурю. Даже Энцо возмущался: "Я не специалист по ивритской филологии, но понимаю, что выражение "приготовишка" — недостойный термин, ниже всякой критики"...

Товарищи критиковали методы работы Энцо и Добромилы и хотели, чтобы в руководство кибуца вошли новые люди, однако на очередных выборах в секретариат снова были названы те же кандидаты. Добромил доказывал, что кибуцники выставят себя в смешном виде, если выберут тех людей, которых сами же так критикуют, однако, после голосования (было предложено двенадцать разных вариантов) Энцо снова оказался осенью 1930 года членом секретариата.

Несмотря на критику, долги, нерешенные проблемы абсорбции, частичную безработицу, можно было гордиться итогами 1930 года, — тем, что было достигнуто спустя полтора года после незаконного захвата земли. Отряд располагал 1200 дунами, ныне узаконенными и записанными в соответствующих реестрах на имя кибуца Гив'ат-Бреннер. Группа "рабочей молодежи" перешла осенью того же года — после периода напряженных отношений с соседями и кризиса из-за борьбы за источники существования — на свой собственный земельный надел и организовала собственное поселение (между Реховотом и Рамлой, возле арабской деревни Наана). Количество членов кибуца Гив'ат-Бреннер увеличилось пятикратно и достигло 150 человек (плюс 12 детей).

На холме высился двухэтажный каменный дом и блочный четырехкомнатный. Был приобретен большой барак, служивший столовой. Был сооружен бассейн площадью 150 кв. метров, вырыт колодец, а к нему проведена электропроводка. Были построены душ и вполне современная хлебопекарня, имелся трактор. В хлеву стояли восемь породистых коров и один теленок. Действовали столярная, слесарная, сапожная мастерские и кузница. Имелось 40 дунамов цитрусовых насаждений с оросительной системой (она обошлась

лишь в первый год в 700 с лишним лир), 400 дунамов пахоты, большой питомник, виноградник и огород площадью в 30 дунамов. На холме была посажена сосновая роща, а на старом месте, где стояли когда-то палатки — эвкалиптовая роща. И все это — на деньги кибуца благодаря финансовому жонглированию, кредитам и займам (за исключением каменного дома, построенного на средства "фонда помощи", и колодца с электронасосом, который был сооружен на средства итальянских евреев для увековечения памяти Чиро Гласса — человека ибсеновского склада, который покончил с собой, когда оказался на краю пропасти, так и не сумев примирить свои сионистские убеждения и грезы с итальянской действительностью).

Глава десятая

КОНЕЦ ПРЕДПРИЯТИЯ БРАТЬЕВ СЕРЕНИ

В стране с диктаторским режимом не принято задавать лишних вопросов. Мимо не скрывал от семьи своих левых взглядов, но никто не знал о его активной деятельности в коммунистическом подполье, о ячейке, которую он возглавлял, о его тайных поездках в Париж и встречах с руководителями Коминтерна, о его участии в издании нелегальной газеты "Унита". Всю правду знала лишь Ксенечка (ее подпольная кличка была Марина) — верная помощница Мимо во всех его делах. Поэтому ее охватила глубокая тревога, когда 15 сентября 1930 года не явился в назначенный час на свидание товарищ Мимо по учебе и подпольной работе Меналио Росси-Дориа. И действительно, в тот же день в маленькую квартиру четы Серени в Неаполе нагрянула полиция. Мимо был дома, а его жена мыла в ванной комнате младенца. Тщательный обыск не дал результатов. К счастью, никто из сыщиков не обратил внимания на пышную грудь молодой мамыши — там были спрятаны документы и рукопись исследования Мимо о корнях экономического кризиса в Италии.

Вскоре после ареста Мимо был переведен из Неаполя в Рим, где он должен был предстать перед особым трибуналом. Ксения вместе с Леей-Оттобриной переехали жить на улицу Кавур в бывшую комнату девочек, где еще хранились их детские книжки.

Когда был арестован Мимо, Энрико, тоже живший в Неаполе, находился в Венеции на научном конгрессе. По совету друзей он домой не вернулся. Энрико не был коммунистом, он симпатизировал либеральным социалистам, однако он также принимал участие в антифашистском подполье. Энрико был близким другом Карло Росселли, который был арестован еще в 1927

году фашистскими властями, когда демонстративно, среди бела дня, пересек границу Лигурии после того, как помог перебраться на Корсику социалистическому лидеру Филиппо Турати. Состоялся сенсационный процесс, на котором Росселли был осужден на изгнание на Липарские острова.

Энрико тоже стал к тому времени отцом — у него родилась дочь Ада. Как и все Серени, за исключением Агари и Даниэля, она родилась на четвертом этаже дома № 340 на улице Кавур. Когда Энрико находился на Конгрессе в Венеции, Дебора с Адой жили в доме свекрови; там они и остались, получив от друга семьи сообщение о том, что Энрико на некоторое время уходит в подполье. Теперь обе невестки с двумя внуками жили в доме Альфонсы, она была для них главной опорой.

Когда два ее сына жили в Неаполе, Альфонса время от времени ездила туда из Рима ночным поездом, нагруженная корзинками с колбасой, печеньем и сдобой собственного производства. Утром она приезжала в Неаполь, навещала сыновей, помогала невесткам и к вечеру возвращалась домой. Она — из принципа — ни разу у них не заночевала, и когда однажды Дебора выразила сомнение, позволительно ли только получать у родителей, ничего не давая взамен, Энрико ей ответил, что таков дух их семьи. Дети платят родителям лишь любовью, и они, в свою очередь, тоже будут все давать детям, ничего от них не требуя для себя. Было ясно, что пока этот дом стоит на улице Кавур и пока живы Альфонса и Самуэле, у их детей, невесток и внуков есть убежище, крепость и защита.

Энрико прибыл в Рим для короткой тайной встречи и поднялся вместе с женой на холм Джинаниколо, откуда вся столица Италии видна во всем своем великолепии, чтобы надолго расстаться с этим родным для него городом. Они решили перейти французскую границу, каждый в отдельности, и встретиться в Марселе.

У Деборы был паспорт, но туда не был вписан ребенок, а всякое обращение к властям могло возбудить

подозрение. Поэтому Дебора переправила дочурку через пограничную заставу в тюке с постельными принадлежностями, которые обычно не просматривались. Крошка Ада проявила высокую сознательность, не издав ни звука во время этой рискованной операции.

В Марселе Дебора ждала со все возрастающим отчаянием своего мужа, который появился с многодневным опозданием. Будучи опытным альпинистом, он пересек границу в горах и при том ночью. Они остались почти без всяких средств — в Риме нельзя было взять в банке солидную сумму, не привлекая к себе внимания, и Дебора захватила с собой лишь ту весьма скромную сумму, которая была в наличии у свекрови в день ее отъезда. Решено было поехать в гости к Энцо в Палестину, как будто ничего не произошло, и ждать, как повернутся дела у Мимо и в какой мере фашистские власти заинтересуются также судьбой Энрико.

В последние годы некоторые тамошние евреи были уволены со своих постов, но их уволили как антифашистов, а не потому, что они евреи. Профессор Серени все еще был придворным врачом. После ареста Мимо он обратился к королеве Елене, жене Виктора Эммануэля III, и попросил ее вмешаться в это дело. Было ясно, что приговоры по политическим делам выносятся заранее фашистской верхушкой. И действительно, королевская семья обещала Серени-старшему, что наказание, определенное для Мимо, будет минимальным, если он будет отрицать свою принадлежность к коммунистической партии.

Альфонса и Самуэля совместно посетили тюрьму (по особому разрешению), чтобы поговорить с сыном и сообщить ему об обещании королевского двора. Мимо понял по голосу матери (она была для него главным лицом в семье), когда она сказала: — "Я должна сообщить тебе, что есть возможность... если будешь отрицать", — что она сама не верит в то, о чем говорит. Ведь она всегда учила сыновей защищать свои убеждения. Мимо отказался что-либо отрицать и был осужден на двадцать лет тюрьмы особым трибуналом в

присутствии своего дяди Анджело Серени (ему как адвокату разрешили присутствовать на суде).

Ошеломленная Ксения знала лишь одно: она должна быть рядом с Мимо, чтобы ни случилось. И изо дня в день, все годы ареста, она писала ему подробные письма, зашифрованные с помощью особого кода. Он находил их в тексте тех научных книг, которые ему разрешено было получать после короткого периода полной изоляции. Мимо использовал пребывание в тюрьме для самостоятельного изучения китайского языка — русским он к тому времени уже владел довольно прилично.

Энрико, Дебора и малышка были очень радушно встречены в Палестине. Известный профессор физиологии, специалист по гормонам морских рыб, профессор Серени был приглашен прочесть курс лекций в Иерусалимском университете. Он путешествовал по стране в качестве почетного гостя, и ни один человек, кроме Энцо, не знал истинной причины его внезапно-го визита в подмандатную Палестину. Рядом с Энрико, носившим тонкие, тщательно выхоленные усы и одетого с иголочки, который был значительно выше и крупнее своего брата, перемены произошедшие с Энцо, особенно бросались в глаза. Он очень загорел, одет был, как простой рабочий: на теле — спецовка, на ногах — ботинки почти без каблуков. В кибуце Энцо ходил вообще босиком. Он часто носил на руках своих детей, на которых не было ничего, кроме рубашки и штанишек (субботние платья Ханы и Агари украсила вышивками жена Махмуда, друга Энцо из соседней арабской деревни).

Космополит Энрико, воспитанный на европейской культуре, не хотел оставаться в полуколониальной стране, и когда руководитель Неаполитанского аквариума предложил ему возобновить там свою научную работу и сообщил, что ему сейчас уже не грозит опасность, он вернулся с семьей в Италию. К ним присоединилась Ада с ее тремя детьми.

Положение в Гив'ат-Бреннере было катастрофическим. Денег не хватало не только, чтобы рассчитаться

с долгами, но и на повседневную жизнь. Единственное место, откуда могло прийти спасение, была Италия, и семейный визит Ады представлялся Энцо подходящей возможностью замаскировать истинные цели ее поездки: найти человека, который дал бы тысячу стерлингов и спас бы кибуц от голода.

Подмандатная Палестина переживала период экономического спада — следствие мирового экономического кризиса и резкого уменьшения репатриации. Кровавые события лета 1929 года, отнюдь не способствуя росту стремления эмигрировать в Эрец-Исраэль, побудили британское правительство принять ряд мер, сильно затруднивших въезд евреев в страну. Министрство колоний Англии назначило комиссию по расследованию причин "беспорядков", во главе которой стоял судья Шау. Ее выводы были опубликованы в марте 1930 года, и в них отмечалось, что Палестина не может прокормить дополнительные земледельческие поселения. Комиссия усмотрела непосредственную причину "беспорядков" в репатриации евреев. В дальнейшем, по мнению комиссии, это могло привести к резкому увеличению числа арабов, лишенных земли. Если выяснится, говорится в отчете, что интенсивная обработка земли в Палестине возможна, можно будет допустить в страну ограниченное число евреев.

В результате выводов комиссии Джону Хопу Симпсону было поручено подготовить отчет о проблемах иммиграции. Этот отчет, в котором отмечается, что в стране нет места для евреев-иммигрантов, родил печально известную "Белую книгу", опубликованную в октябре 1930 года, которая сильно ограничивала возможность приобретения земель евреями, устанавливала иммиграционные квоты в соответствии с уровнем занятости арабского населения и рекомендовала образовать законодательный совет, в котором ведущее положение оставалось бы за арабским большинством. Это было сильным ударом по еврейскому ишуву и, особенно, по рабочему движению.

"Белая книга" была подписана лордом Пассфилдом, он же Сидней Вебб — отец британского социа-

лизма, и утверждена правительством Рамсея Макдональда, который несколько лет до этого посетил страну в качестве гостя Гистадрута (с тех пор стало традицией: лейбористские вожди — друзья сионизма... когда они не у власти).

Как большинство евреев Эрец-Исраэль того периода, Энцо различал непримиримо настроенных арабских националистов от мирных арабских тружеников Палестины и соседних стран, с которыми можно было прийти к почетному соглашению. Он писал: "Это не столь уж важно, что арабские лидеры, опьяненные победой (которая не столько плод их подлинной силы, сколько плод интриг министерства колоний) радуются ликвидации сионистских грез. Недалек тот день, когда лопнет их мечта о разгроме сионизма, наткнувшись на скалу действительности, и новые арабские руководители вынуждены будут искать мирные пути и сотрудничать с еврейским ишувом в Эрец-Исраэль, с мировым сионизмом. Будем же готовиться к этому часу, который, возможно, не наступит завтра, но во всяком случае он близок и несомненно придет".

Тем временем в его киббце снова наступил период вынужденного безделья из-за неблагоприятной экономической конъюнктуры, а в Реховоте вообще не было работы. На расширенном заседании секретариата киббуца Гив'ат-Бреннер 13 ноября 1930 года Серени объявил, что киббуцники могут заняться освоением богатств Мертвого моря. Дирекция завода по производству поташа не хотела использовать труд еврейских рабочих на столь изнуряющей работе, но для того, чтобы избежать вытеснения евреев из этой важной отрасли промышленности, Исполнительный комитет Гистадрута решил мобилизовать членов киббуцов.

Энцо за это ухватился. Он подчеркнул, что на эту работу нужно направлять отборных парней, физически и морально хорошо подготовленных к преодолению трудностей, чтобы не ударить лицом в грязь и поддержать престиж еврейского рабочего. Киббуцники, однако, не проявили особого энтузиазма. Энцо употребил

все свои способности убеждать, и на следующее утро около двадцати товарищей во главе с Энцо отправились автобусом в Иерусалим. В кооперативной столовой Иерусалима Энцо раздобыл для своего отряда бесплатный завтрак, затем все они побывали у Стены плача. Оттуда они отправились к Мертвому морю, к руководителю предприятия Новомейскому.

Сбором карналлита, остававшегося в водоеме после испарения воды, в ту пору занимались арабы из Трансиордании. Они работали босые. Кибуцники Гив'ат-Бреннера работали в ботинках, но за очень короткое время их обувь превратилась в жалкие опметки, а ноги у всех покрылись волдырями и язвами. Люди приуныли. Энцо пытался вначале прибодрить людей, игнорируя факты, но когда положение ухудшилось, начал борьбу с дирекцией завода, требуя, чтобы всех рабочих снабдили резиновыми сапогами, — и своего добился. Сапоги были доставлены специальным рейсом из Иерусалима, и производительность труда кибуцников, ко всеобщей радости, намного превысила нормы, выполнявшие арабами.

Когда Энцо увидел, что дела налаживаются, он вернулся домой, но по пути из Реховота в Гив'ат-Бреннер потерял от боли сознание: и его ноги были в глубоких язвах, но он, руководитель боевого отряда, скрывал это до победоносного завершения трудовой битвы.

Как-то на заседании Исполнительного комитета Гистадрута, Энцо узнал, что есть возможность занять некоторое количество людей на строительстве железнодорожной линии Реховот—Лод. "Условия очень тяжелые — 9-часовой рабочий день за 15 пиастров, но я — за, так как это может частично помочь преодолеть кризис".

Кибуцница Ханни высказала на общем собрании мнение, что следовало бы прикрепить к такому большому отряду медицинскую сестру, что вызвало резкую реакцию со стороны Серени: "Все виды обслуживания должны быть в руках самих наших товарищей. Мы не можем себе позволить такую роскошь, как содержание медсестры. Если бы в нашем коллективе была

дипломированная медсестра, я бы поискал для нее работу на стороне. Столь высокий жизненный уровень для нас сейчас совершенно недопустим“.

Расходы на питание были снижены до четырех с половиной пиастров на человека — в хорошие времена на это расходовали восемь и даже девять пиастров: “Положение в стране вызывает сильную тревогу. Кредиты на экономическом рынке иссякли, а в нашем нынешнем положении мы не можем думать о том, чтобы покупать за наличные. Наши доходы покрывают лишь половину расходов на существование, и если бы не само хозяйство, положение было бы нестерпимым. Главные расходы нашей общественной кухни — мыло и черный хлеб, который хорошо насыщает и дешевле белого, и мы не можем разрешить нашим товарищам, чтобы они предъявляли к поварихе такие требования, которые невыполнимы“. Видеть членов рабочего отряда с пустыми тарелками, просивших “небольшую добавку“ и слышать испуганные крики поварихи (боявшейся, что кому-то вообще ничего не достанется) — “Нельзя! Нет! Где я возьму?“ — было очень неприятно. Это было гнетущее зрелище.

Безработица приводила к частым конфликтам на бирже труда в Реховоте, и Серени рассылал энергичные письма протеста: “Мы не можем согласиться с политикой систематического урезывания наших прав со стороны биржи труда и требуем от вас принять соответствующие меры, чтобы положить конец нетерпимому положению. Вот наглядный пример: из 155 членов отряда 30 заняты в сфере обслуживания, 9 — в хозяйстве, 4 больны и лишь 5 человек имеют постоянную работу. Остальные — 107 человек — заработали в течение декабря 100 лир, меньше чем по лире в месяц на человека, в то время как пять постоянных наших рабочих заработали 20 лир и 175 пиастров“.*

* Всюду речь идет о лирах Эрец-Исраэль, выпущавшихся мандатными властями. Стоимость лиры соответствовала стоимости английского фунта стерлингов.

И действительно, в начале февраля 1931 года в Рабочем Совете Реховота в присутствии Энцо и представителей Гистадрута состоялся разбор жалобы Серени на незаконное урезывание прав кибуцников при распределении работы. Представитель биржи труда утверждал, что кибуцники обходят это учреждение, когда им выгодно, и ведут прямые переговоры со Смилянским и Левинсоном — самыми крупными работодателями округа, соглашаясь работать за оплату, которая ниже минимальной — 17,5 пиастра. Серени сознался в этом проступке, наносящем ущерб классовой борьбе, но добавил, что постоянная дискриминация кибуцников со стороны биржи труда не дает представителям последней морального права предъявлять кибуцникам какие-либо претензии. Представителям кибуцов было обещано, что отношение к ним изменится к лучшему, но постоянной работы для них никто не мог гарантировать. По иронии судьбы значительная часть выходцев из Германии прошла у себя на родине перед приездом в страну основательную профессиональную подготовку, и были среди них: восемь отличных столяров-мебельщиков, группа строителей, сапожники, умелые кузнецы. — все люди с большим опытом. Но, увы, работы для них не было...

Энцо послал тревожное письмо Аде в Италию — "Мы теряем свои позиции, не спим по ночам из-за забот", — но Ада могла приступить к добыванию денег лишь после того, как разведала обстановку среди родных и знакомых. И выяснилось, что есть лишь один источник: отец и мать Серени. Заем в тысячу лир был дан без особого воодушевления. Даже для профессора Серени это была солидная сумма, которая накапливалась с трудом в течение ряда лет в результате бережливости Альфонсы и ее постоянной готовности выполнять лично все работы по дому. Если бы речь шла о помощи только их сыну, они, вероятно, не колебались бы, но кибуц казался им бездонной бочкой: сколько ни давай — все поглощается бесследно. На общем собрании кибуца Гив'ат-Бреннер Энцо, слегка волнуясь, сообщил товарищам:

— Мы получили сейчас заем в тысячу лир с целью упорядочить финансовое положение нашего отряда. Ясно, что если об этом узнают кредиторы, они смогут оказать на нас давление. Пустив же эти деньги в оборот, мы можем изрядно заработать.

Энцо не сообщил собранию о подлинном источнике этих денег. Он ограничился расплывчатым заявлением:

— Мы получили их из Италии на условиях, которые еще окончательно не уточнены, но, несомненно, что срок возврата ссуды будет не менее 7—10 лет и что проценты будут невелики. Но эти 1000 лир не предназначаются для снабжения продуктами. Нам придется ограничивать себя во всем и в будущем.

Ада была еще в Италии, когда Энцо получил телеграмму из Неаполя: скоростижно скончался Энрико...

Вернувшись в Италию, Энрико стал снова научным руководителем Аквариума, будто ничего и не произошло. Первого марта, в воскресенье, Энрико и Дебора должны были принять участие в прогулке вместе с группой зарубежных гостей (иностранные ученые часто приезжали знакомиться с научной работой, которая здесь велась). День был дождливый, и Энрико не хотелось покидать квартиру, Дебора же, по совету врачей, должна была побольше двигаться в связи с осложнением после родов. И она пошла на прогулку с гостями без мужа. Энрико, любивший нежиться в ванне, взял в ванную комнату и малышку, но когда та заплакала, передал ее няне. Боясь угореть (такие случаи были нередки, когда печи отапливались углем и газом), Серени не закрывали на ключ ванную комнату. Когда няне понадобилось зайти туда, она постучалась в дверь и услышала: "Погодите немного". Спустя четверть часа она постучала вторично и, не получив ответа, открыла дверь и обнаружила Энрико без признаков жизни. Живший в этом доме врач, прибывший через несколько минут, констатировал смерть. Когда Дебора вернулась после прогулки домой, она застала возле дома толпу друзей и работников Аквариума. Энрико, казалось, мирно спал...

Альфонса тотчас прибыла из Рима, навела порядок в квартире, ухаживала за внучкой, утешала потрясенную случившимся Дебору и взяла ее и Аду с собой в Рим, где должны были состояться похороны. По обычаю евреев Италии, Альфонса и Дебора во время похорон оставались дома, и свекровь взяла у невестки слово, что та никогда не будет плакать в присутствии маленькой Ады, дабы девочка росла веселой и счастливой, как все дети.

Никто не знал, как была потрясена Альфонса смертью своего первенца. Она оставалась внешне спокойной и уравновешенной, а когда Дебора возобновила научную работу, взяла на себя все заботы по уходу за малышкой.

Энцо тотчас отправился в Италию, и, как все Серени, был спокоен и сдержан перед лицом смерти. Может быть, такое поведение вытекало из постоянной связи семьи с усопшими. Самуэле, как и его предки прежде, записывал день памяти по еврейскому и гражданскому календарю всех ушедших в мир иной членов разветвленной семьи, и почивших не забывали долгие годы. Их поминали и в день рождения, и в день смерти, и в Судный день, и на всех семейных торжествах. Смерть здесь не была чем-то неожиданным и из ряда вон выходящим, она считалась неотъемлемой частью жизни.

...Когда в Гив'ат-Бреннер пришла весть о смерти красивого, всегда сияющего Альфреда ван дер Вельде, который был послан организацией "Брит олим" (Союз репатриантов) в Германию и умер в Вене от тифа, заразившись еще в Палестине, все кибуцники были страшно подавлены. Никто не ел, не говорил, не зажигал света. Гнетущее молчание парализовало кибуц. Неожиданно явился Энцо с патефоном в руках. Он поставил пластинку с финалом Девятой симфонии Бетховена со знаменитой одой "К радости".

Внешне жизнь в доме на улице Кавур вошла в обычную колею. Никто не плакал в присутствии других, и каждый занимался своим делом. Энцо собрал все письма, а также дневники Энрико, которые тот вел

большую часть жизни. В них было много философских размышлений о мире и вселенной, о музыке и литературе, о своем отношении к любви, семье, смерти, о печальном опыте пережитой войны. Через несколько недель Энцо издал книжку памяти брата — хорошо оформленную, исчерпывающую и без малейшего налета слезливой сентиментальности.

Его поездка в Европу была неожиданной. Один из руководителей "Брит олим" Яков Оппенгейм предложил послать Энцо в Германию, чтобы раздобыть для кибуца деньги. Энцо хотел совместить эту миссию с другой — с вербовкой молодежи и попросил секретариат своего кибуца и секретариат вышестоящей организации Гакибуц Гамеухад это санкционировать. Согласие было получено, и в апреле 1931 года он выехал в Германию.

Глава одиннадцатая

ЭМИССАР, ПРИВЫВШИЙ ПОКОРЯТЬ

Молодые сионисты Германии, впервые увидевшие эмиссара — невысокого, с кипой газет под мышкой, в плаще, доходившем до лодыжек, в непомерно большой кепке, сползавшей на уши (оба предмета — подарок одежного склада кибуца Гив'ат-Бреннер), а под кепкой — очки, прикрывавшие горящие глаза, — не знали, как себя с ним вести. Они наслаждались его остроумием и умением без запинки часами говорить на любую тему, его обширными знаниями, но не верили ему. Зезв Орбах, один из руководителей "Брит олим" — молодежной халуцианской организации, видевший Серени в мае 1931 года, вскоре после его приезда в Германию, охарактеризовал Энцо, как "приятного и очень энергичного парня, которому нельзя не прощать его недостатков, довольно изрядных. В некотором отношении он даже опасен, но умеет увлекать за собой людей своей спонтанной силой, силой жизни и силой воли. Есть план оставить его в Германии".

Для Энцо пребывание в Германии и знакомство с молодежным еврейским движением было как бы возвращением к молодости, к его прежним колебаниям между религией, сионизмом и социализмом. Он подумывал о том, чтобы остаться в Германии, дабы доказать свою силу убеждения там, где многие весьма известные и всеми признанные сионистские лидеры потерпели неудачу. Но он хотел, чтобы эта инициатива исходила от других. В своем письме Берлу Кацнельсону, написанном в начале июня, он говорит о коротком визите "с сугубо практической целью", но когда ему удалось ближе познакомиться с молодежным движением и встретиться со многими людьми, Энцо увидел более или менее цельную картину того, что делается в Германии. После этого он писал: "Когда вер-

нуса в страну, о всем расскажу подробно, но сейчас есть дело, не терпящее отлагательства: "Гашомер Гатцаир" пытается покорить Германию, и благодаря своей основательной работе и продуманной тактике есть опасность, что они преуспеют в этом деле. В данный момент они хотят организовать такой "фокус": под маской учителей иврита внедрить в ряд городов своих людей, которые станут затем опорой их движения. Вам должно быть ясно, какая опасность кроется в этом. Веление времени — послать в Германию наших учителей. С точки зрения финансов (кроме стоимости билета) проблем не будет..."

В конце июня Энцо отправился на XVII сионистский конгресс, состоявшийся в Базеле, родине возрожденного еврейского парламентаризма. Во время бесконечных речей он вспоминал своего покойного брата, который привез в Италию с сионистского конгресса 1921 года "микроб" сионизма. Энцо улыбался, вспоминая свою наивность, когда ему было восемнадцать лет и когда он впервые в жизни побывал на сионистском конгрессе. Теперь-то он хорошо знал, что подлинный конгресс происходит не в конференц-зале возле трибуны, а в кулуарах, коридорах и различных комиссиях. Но несмотря на всю критику недостатков, присущих подобным съездам, и на безнадежность попыток решить за две недели все наболевшие проблемы, он почувствовал на сей раз, что "самый большой дар Герцля еврейскому народу — это Конгресс, его голос, возможность высказаться и сплотиться".

Энцо, формально не бывший делегатом Конгресса, ощущал себя частью его рабочей фракции, чувствовал себя там как дома и очень внимательно оценивал все выступления. Он отдал должное и иррациональной пламенной патетике, звучавшей в словах Авраама Гарцфельда, и тонкому сарказму Хаима Арлозорова — новой восходящей звезды: в 32 года он был избран руководителем политического отдела Еврейского Агентства. На него произвел сильное впечатление и Нахум Гольдман, которого "открыли" на этом Конгрессе. "Этот человек пойдет далеко, если вооружится терпе-

нием“, — предсказывал Энцо. Он был пленен риторическим искусством Берла Локера, красноречие которого украсило бы заседания любого парламента Европы.

Когда Локер позволил себе в пылу полемики сравнить ревизионистов Жаботинского с гитлеровцами, в зале начался переполох и пришлось прекратить прения. Они возобновились лишь на следующий день, когда Локер извинился перед оскорбленными делегатами.

Это был очень ответственный конгресс, самый бурный в истории сионистского движения. В результате волны протестов, которую вызвала "Белая книга", премьер-министр Британии Рамсей Макдональд решил слегка смягчить ее содержание и сделал это в форме письма на имя Вейцмана, которое было оглашено в палате общин. На Конгрессе Вейцман был атакован главным образом ревизионистами во главе с Жаботинским за то, что согласился принять это письмо вместо новой "Белой книги". Мало того, ревизионисты подготовили еще одну "бомбу": малоизвестное интервью Вейцмана газетам, в котором председатель Всемирной сионистской организации провозгласил, что он не понимает тех, кто требует еврейского большинства в Палестине, и не согласен с ними: ведь не это, мол, является решающим условием для развития еврейской культуры в Эрец-Исраэль, но может вызвать опасные подозрения у арабов и в мировом общественном мнении...

Вейцман — бледный, согбенный и уставший — пытался объяснить Конгрессу свои слова, сказанные в этом интервью, изменил некоторые выражения, но не смог успокоить возникшую бурю: ревизионисты, поддержанные фракцией "Мизрахи", потребовали принципиального обсуждения конечных целей сионизма, и уже до самого окончания Конгресса только об этом шла речь.

Энцо, как и Вейцман, видел в этом признак отсутствия политической мудрости. Вместо того, чтобы обсуждать конкретные и срочные проблемы, не терпевшие отлагательства, такие, как отношения с арабами,

планы развития, использование еврейских капиталов, Конгресс занялся определением политических принципов, что в конечном итоге привело к утверждению старой Базельской платформы. "Это — растрата дорогого времени, которое работает против нас. Вот основное различие между нами и всеми другими народами, переживающими период национального возрождения: другие могут ждать, пока враг устанет, ведь они находятся у себя дома. Мы же должны еще войти в свой дом. Какой же смысл сейчас обсуждать в качестве центральной проблемы цели сионизма?"

Открывая Конгресс, Вейцман заявил о своем намерении уйти в отставку по состоянию здоровья, но Конгресс решил все же проголосовать предложение о недоверии ему. Голосование было поименным. После голосования, когда выяснилось, что принят вотум недоверия, кто-то из делегатов зааплодировал. Вейцман, по его собственным словам, был охвачен "порывом тут же на месте разбить "скрижали завета", но у него не было той внутренней силы, которой был наделен наш величайший законодатель Моисей. Вейцман был отстранен после того, как он тринадцать лет возглавлял Всемирную сионистскую организацию, но ревизионисты своего не добились: новым президентом вместо него был избран Нахум Соколов, который в течение ряда лет был как бы министром иностранных дел при Вейцмане, а Жаботинский, демонстративно разорвавший свой делегатский билет и воскликнувший — "Это не сионистский конгресс!" — снова остался в оппозиции.

Удрученный Вейцман заявил с сарказмом: "Да, стены Иерихона пали при трубных звуках и возгласах народных,* но я еще никогда не слышал, чтобы такими средствами воздвигали стены..."

На последнее заседание Конгресса он вошел вместе с рабочей фракцией, как рядовой делегат, но Эн-

* Намек на падение иерихонских стен от трубных звуков и возгласов толпы (Книга Иисуса Навина, гл. 6).

цо смотрел далеко вперед, когда писал: "В этом человеке таится такая сила, что она еще найдет для себя поле деятельности. Режим Вейцмана не завершился, он лишь временно прерван".

В основе дискуссий этого бурного Конгресса был вопрос о том, чему отдать предпочтение — политической борьбе, как того требовали ревизионисты (и левые группировки тоже склонялись к этому), или строительству страны и укреплению еврейского ишува. Точка зрения Энцо хорошо выражена в его следующих словах: "Первое веление времени, каково бы ни было политическое положение, — стать такой силой в стране, чтобы ни одна держава на свете, ни Англия, ни Коминтерн, ни иерусалимский муфтий не смогли бы нас сдвинуть с места".

В это лето в Германии уже явственно проступали признаки времени. Веймарская республика после тринадцати лет непрерывных потрясений находилась в состоянии распада, Адольф Гитлер был уже личностью, с которой приходилось считаться. Австрийский капрал с квадратными усиками и гладкими волосами, падавшими на лоб, который в двадцатых годах, одержимый манией величия, был всеобщим посмешищем из-за путаных и вздорных мыслей, высказанных им в книжонке "Майн кампф", числился руководителем эфемерной партии, девятой по количеству депутатов в немецком рейхстаге. И вдруг неожиданно явилось спасение — развал биржи на Уолл-стрите в 1929 году и все, что за этим последовало: банкротство немецких банков, паралич промышленного производства, миллионы безработных. На общих выборах в Германии в сентябре 1930 года обнищавшие массы искали спасения у двух партий, обещающих коренные изменения обанкротившегося строя: коммунисты получили четыре с половиной миллиона голосов, а национал-социалисты — шесть с половиной миллионов и 107 депутатов в парламенте, став второй по величине партией Германии.

Социал-демократам не удалось удержать в своих руках власть из-за нашествия множества мелких партий в рейхстаге и нескончаемых трений между ними, из-

за категорического отказа коммунистов сотрудничать с ними, даже если это означало торжество реакции (по их мнению, кратковременное — до наступления "диктатуры пролетариата"), из-за слабости и усталости большинства их руководителей. В начале 1931 года президент Гинденбург назначил премьер-министром Генриха Брюнинга — католика, реакционера, педанта, который не пользовался уважением даже в рядах собственной партии католического центра. Гинденбург был стар, он поддался влиянию своего сына Отто и его компании, во главе которой стоял генерал Курт фон Шлейхер — направляющая сила, добивавшаяся назначения Брюнинга. Он казался представителем "доброго старого времени", предшествовавшего эпохе "гнилой демократии".

Второй срок пребывания Гинденбурга на президентском посту должен был закончиться весной 1932 года, и для того, чтобы избавить престарелого генерала от избирательной борьбы, Брюнинг попросил согласия рейхстага продлить срок президентства без выборов. Чтобы добиться этого, Брюнинг нуждался в поддержке национал-социалистической партии, но Гитлер отказался с ним сотрудничать — то ли он не верил Брюнингу (который обещал выдвинуть Гитлера спустя некоторое время в качестве преемника Гинденбурга), то ли потому, что почувствовал, что он может прийти к власти вполне законным путем и без Брюнинга. Этим Гитлер отличался от других, намеревавшихся захватить власть в свои руки. Он хотел достичь своей цели в рамках существующей законности и уж потом менять ее в соответствии со своими нуждами, ликвидировать "прогнившую демократию, эту марксистско-иезуитско-еврейскую сточную канаву" и вернуть Германии ее бывшее величие и ведущую роль.

Генерал Шлейхер постоянно наставлял национал-социалистического вождя, будучи уверенным, что всегда сможет подчинить его себе, и в октябре 1931 года Гитлер при его посредничестве был впервые принят Гинденбургом для беседы. У него "капрал из Богемии", как он называл Гитлера, не вызвал восторга.

Гинденбург говорил, что, быть может, тот со временем сможет стать неплохим министром почты, но канцлером — никогда в жизни.

Однако воротилы немецкой промышленности были прозорливее престарелого президента. "Мои друзья промышленники и я были уверены, что нацистская партия очень скоро придет к власти", — рассказывал спустя 25 лет Вальтер Функ, редактор биржевого листа; он оставил свою должность, чтобы стать связным между нацистами и промышленными тузами, которые поддерживали Гитлера, спасли его партию от финансового банкротства и дали ему возможность организовать свою личную армию — отряды эсэсовцев, одетые в коричневые рубашки и силой насаждавшие порядки, угодные их хозяину.

Энцо не сомневался, что Гитлер придет к власти, как Муссолини до него, и что лишь тогда начнется его, Энцо, подлинная миссия в Германии. Вопрос был лишь в том, когда это произойдет. Пока же он оставался в этой стране как глава организации "Гехалуц", насчитывавшей тогда всего 500 членов, вместо Элизера Ливенштейна из Эйн-Харода, который собирался вернуться в страну. Ада с тремя детьми переехала из Италии в Берлин, и вся семья зажила своеобразной коммуной в очень большой квартире на Александерштрассе, расположенной в рабочем квартале.

Здесь жили совместно несколько руководящих работников местного "Брит олим", "Гехалуца" и посланцы из Эрец-Исраэль. "Коммуна", состав которой часто менялся из-за приезда новых людей и отъезда старых в длительные командировки, с большим трудом обеспечивала свои нужды, потому что лишь немногие получали заработную плату, да и та была мизерной.

Меблировка комнат была убогой. В спальне Энцо и Ады, кроме кровати, стоял еще запертый сейф — память о прежних жильцах, которые, видимо, были зажиточней нынешних. Большую часть недели здесь царила атмосфера вокзала, но в пятницу вечером накрывался белой скатертью большой стол в общей столовой, вокруг которого стояли скамьи, и женщины го-

товили горячий ужин. Вечно замотанные руководители молодежи оставались в этот вечер дома, и коммуна становилась "главным центром Берлина", как писал Энцо в своих письмах в Эрец-Исраэль.

Энцо не понимал тех эмиссаров, членов киббуцов, которые во время пребывания на чужбине пытались отдохнуть от коллектива и предпочитали жить на частной квартире. Для него само понятие "отдохнуть от жизни киббуца" было противоестественным по самой своей сути: "Мы должны подчеркнуть и провозгласить с помощью практических дел, что коллектив, здесь, как и в Палестине, без различия — это наша естественная форма жизни, без которой мы — как без воздуха. И не считаясь с тем, тяжело это или легко, возможно или невозможно, мы должны создать и здесь, в диаспоре, атмосферу киббуца“...

Кроме принципиальной стороны, жизнь коммуной имела для Энцо ряд практических преимуществ: совместное проживание делало возможным тесное повседневное общение и разбор спорных вопросов без того, чтобы созывать официальные заседания. Члены коммуны в часы досуга совместно посещали концерты, музеи, театры — это были годы расцвета театра Макса Рейнхарда в Берлине. И Ада была снова свободна — впервые после четырех лет активного материнства, благодаря другим женщинам коммуны, которые подменяли ее в уходе за подростками. Она смогла заняться своим самообразованием — слушать доклады в университете, читать книги в Национальной библиотеке главным образом на политические темы, что имело особое значение в бурлящей Германии. Под руководством Энцо она штудировала Плеханова, Каутского и других теоретиков. В то трудное время, когда сотни молодых немецких евреев искали последнее спасение от реакции в рядах коммунистов, для Энцо Серени представилась возможность активно выступить против этой тенденции, выступить во всеоружии знаний, накопленных во время его дискуссий с Мимо о коммунизме и социализме.

Уже тогда Энцо указывал на поразительное сход-

ство тоталитарных режимов, фашистского и коммунистического, в их стремлении создать единого стандартного человека. А так как евреи по своей натуре очень разные и противятся единству, каждый диктаторский режим, от самого левого до самого правого, вынужден в конечном итоге стать антиеврейским. Но Энцо был прежде всего тактиком (и, несмотря на критику, сохранил любовное отношение к Советскому Союзу), и когда "культурное общество еврейских рабочих" в конце октября 1931 года организовало симпозиум на тему "Коммунизм и социализм" с участием коммунистов, социалистов и сионистов, он положил в основу своего выступления марксистские принципы и признал, что имеется якобы "положительный поворот" в Советском Союзе в еврейском вопросе, в борьбе с антисемитизмом и в организации "еврейской автономии" в Биробиджане*. Энцо доказывал, что сионизм не является реакционным, как твердил Коминтерн, а, напротив, способствует ликвидации устоев феодализма в Палестине и успеху в классовой борьбе.

Некоторые участники молодежного движения, которые слышали, как сегодня в дискуссии с коммунистами Энцо использует марксистские доводы, а завтра убежденно и страстно доказывает существование Бога; среди приверженцев Мартина Бубера** говорит о "конце дней" и о приходе Мессии; здесь выступает, как сторонник Бера Борохова***, а там рассуждает, как глубоко верующий человек, — видели в этом мак-

* Только человек, совершенно незнакомый с советской действительностью, мог усмотреть в этой афере "положительный поворот" в решении еврейского вопроса. (Примечание переводчика).

** Мартин Бубер (1878—1965) — известный еврейский философ и теолог, горячий приверженец сионизма.

*** Бер Борохов (1881—1917) — идеолог марксистского направления в сионизме. Его теория социалистического сионизма легла в основу программы движения "Поалей-Цион".

иавеллианство, ханжество, недостаточную искренность и требовали от него четкого ответа: какие же у него истинные взгляды? Энцо снимал все эти претензии одним нетерпеливым взмахом руки: хороши все пути, будь то социалистические или религиозно-универсальные, которые ведут к Сиону. Не то важно, что думает эмиссар, а важно, чтобы он покори́л человека, превратил его из космополита в сиониста. Пути аргументации не имеют особого значения по сравнению с главной целью — строительством и возрождением Эрец-Исраэль и возможно скорее.

Для того, чтобы завоевывать сердца, Энцо готов был подлаживаться под своих слушателей, устраивать для них представления. Он хорошо владел немецким, даже переписку с Исполнительным комитетом и секретариатом организации Гакибуц Гамеу-хад вел тогда по-немецки, чтобы экономить на секретарской работе и на перепечатке документов, — но, когда это казалось подходящим и возбуждало сочувственный отклик, — он мог говорить с такими ошибками, что волосы становились дыбом. В дни детства он ездил со всем кланом Серени в горы, сохранился даже снимок, как он проверяет свои силы в лыжном спорте. Сейчас же он готов был играть роль уроженца знойной Палестины, который впервые в жизни видит окружающий пейзаж под снежным покровом.

Он с улыбкой отвергал обвинения в двуличности: "Зачем так серьезно относиться к словам?" Но сам он очень серьезно относился к словам и заполнял сотни маленьких листочков цитатами из прочитанных им книг, полагая, что это может когда-нибудь ему пригодиться. Многие "импровизации" в его выступлениях были заранее тщательно подготовлены.

Он читал доклады в левых еврейских кругах, чтобы доказать (главным образом с помощью Борохова, труды которого он издавал в виде брошюр), что нет никакого противоречия между социализмом и сионизмом. Для еврейских студентов Германии он организовал два курса по истории рабочего движения с на-

мерением хотя бы поколебать убежденность своих слушателей (излюбленная им система) и склонить их к переоценке идей сионизма. Но его сердце было отдано членам еврейских молодежных организаций "Вперед" и "Камераден" ("Товарищи").

В молодежном движении немецкого еврейства были сильны элементы снобизма. О людях судили преимущественно по их образованности, пониманию музыки и литературы главным образом авангардистской, которая еще не стала всеобщим достоянием, по тому, как они воспринимали Франца Кафку, Марселя Пруста, Томаса Манна. Учащаяся молодежь чувствовала свое превосходство, когда имела дело с эmissарами, которые получили свое начальное образование в традиционном хедере и говорили на идиш, но никак не по отношению к Энцо. За короткое время он стал своим человеком в музеях и библиотеках Берлина и ориентировался в них лучше многих уроженцев этого города. Он руководил семинарами, посвященными Гегелю, Канту, Шопенгауэру, и без особого труда демонстрировал перед слушателями, что значительно лучше их разбирается в различных философских концепциях.

Для сионистски настроенной молодежи, колебавшейся в нерешительности, образ и личный пример Энцо был лучшим доказательством того, что репатриации в Палестину вовсе не означает сужение умственных горизонтов и что халуцианство отнюдь не равнозначно интеллектуальному увяданию.

Отправляясь в походы, посещая молодежные лагеря и собрания, доктор Серени — в ту пору 26-летний молодой человек, который лишь на 5-6 лет был старше своих подопечных, — надевал трусы и майку, как все юноши, участвовал в их играх, пробегах, состязаниях, беседах и спевках у костра. В этом была его сила в молодежном движении: он говорил с молодежью не как человек со стороны, а как один из своих, живущий ее жизнью.

Энцо предвидел неизбежность экономического упадка немецкого еврейства. Он писал: "Сотни семейств, которых мы вчера еще наблюдали в роли буржуа,

постепенно нисходят до уровня пролетариата. У них нет ни работы, ни какой-либо другой базы для существования и ни малейшей надежды вернуть себе прежнее положение. И в то время, когда целые сонмы евреев интеллигентов — врачей, адвокатов, дантистов — лишены работы и даже шансов получить ее, сотни тысяч продолжают учиться — под прессом какой-то таинственной инерции, которая побуждает их даже сегодня искать спасения от этого ада только в личном, индивидуальном плане: спасай себя, только самого себя с помощью чуда, с помощью тех особых качеств и достоинств, которые тебе присущи“.

Решение всей сложной совокупности проблем немецкого еврейства в 1931 году Серени видел в сионизме. Это — единственное лекарство против присущего этому еврейству индивидуализма (по мнению Энцо, оно граничило с умопомешательством). Он считал, что сейчас разворачивается последний и решающий бой между полной ассимиляцией, утерей всех еврейских специфических черт и между сионизмом, требующим от каждого внутреннего обновления. Оба эти пути были болезненными и нелегкими. В количественном отношении оба лагеря делились на две неравные части. Сионизм опирался тогда на меньшую часть полумиллионного еврейского населения Германии. Энцо писал: "Кому выпало на долю, как мне, находиться в этот критический час среди еврейства Германии, видит трагическое колебание этой общины не только в повседневной жизни, но и в историческом освещении. Лучи заката Европы освещают сцену нашей истории. И тебя невольно охватывает трепет, когда ты чувствуешь, что каждый человек, которого ты завоевал или, напротив, потерял для нашего движения, может перевесить чашу весов в ту или иную сторону. Даже малые, повседневные действия приобретают сейчас историческое значение". Не было поэтому в действительности никакого противоречия между стремлением Энцо к большим делам и его практической работой в крохотном "Гехалуце", между широкими замыслами и встречами с небольшими группами, про-

должительными и сердечными беседами с одиночками.

"Штаб" Энцо находился на Майнекештрассе, в большом доме Сионистской организации. Местные уважаемые сионистские деятели отвели молодежным организациям подвал этого здания. Посередине находилась комната "Гехалуца" как руководящей организации, а по бокам от нее — комнаты "Брит олим" и организации "Вперед". Стены были увешаны сионистскими плакатами, в комнатах были груды сионистских брошюр и информационных материалов.

В комнате у Энцо происходили бурные заседания, оттуда раздавались громкие разговоры, слышалось стрекотание пишущей машинки... Энцо заставлял всех много работать. И показывал личный пример, составляя циркуляры, издавая брошюры, готовя статьи, ведя оживленную переписку, и все это — на особом языке, присущем этому молодежному сионистскому движению. То был язык немецких интеллектуалов, в который, однако, были вкраплены во множестве специфические ивритские термины, вроде "сиха" (беседа), "квуца" (группа), "мадрихим" (инструкторы), "гахшара" (подготовка, чаще всего сельскохозяйственная и ремесленная) и др.

По мере того как фашизм в Германии подымал голову и набирал силу, Энцо укреплял свои связи с антифашистским подпольем Италии, главным образом с горсткой надежных людей, которые группировались вокруг Карло Росселли, и с организацией "Справедливость и свобода", центр которой находился в Париже. Посланцы итальянского подполья время от времени приезжали в Берлин, у них были клички героев литературных произведений — Гамлет, Ромео, Джульетта... При посредничестве Карло Росселли и с помощью Энцо посланцы переправляли нелегальную литературу из Германии в Италию.

У Энцо с детства была привычка хранить каждый клочок бумаги, который имел к нему какое-либо отношение, и у него не хватило мужества уничтожать письма, посланные ему Карло Росселли и другими подпольщиками (чаще всего без подписи и с нарочито ту-

манным содержанием). И вопреки всем правилам конспирации они у него хранились. Но никто из членов "Гехалуца" в Германии не подозревал об этой стороне его жизни. У очень общительного и разговорчивого Энцо были и недоступные для друзей тайники.

...В начале 1932 года, в дни массовой безработицы в Германии, в дом Рехи Фрайер, жительницы Берлина, женщины очень активной и независимой, пришла группа еврейских парней и попросила о помощи: их уволили с работы только потому, что они евреи. Не сможет ли она найти для них другую работу или помочь добраться до западной Германии, чтобы попытаться найти работу в шахтах? Реха Фрайер, приходу которой к сионизму очень способствовали труды Борохова, а также плакаты типа "Вход собакам и евреям запрещен" (такое объявление она увидела однажды в субботу у входа в один из парков своего родного города Нордена), наткнулась в местной организации "Поалей Цион" на полнейшее непонимание. Ей разъяснили, что "этот вопрос может быть решен лишь тогда, когда исчезнет массовая безработица"... Тогда у нее возникла мысль направить этих юношей в Эрец-Исраэль, в одну из рабочих организаций, где дают молодежи трудовую подготовку. Первым, кому она рассказала о своей идее, был Энцо Серени, который прочел несколько докладов для кружка девушек-сионисток, собиравшихся в ее доме. Для Фрайер мнение Энцо было мнением всего кибуцианского движения Палестины. Энцо воодушевился:

— Надо действовать! Это приведет к перевороту во всем сионистском движении в Германии!

По совету Энцо она обратилась в Гистадрут и просила сообщить, готовы ли кибуцы взять на воспитание и профессиональную подготовку 15-16 подростков на два-три года. Ответ был положительный, кибуц Эй-Харод согласился принять первую группу. Но реакция еврейских организаций, в материальной поддержке которых этот кибуц нуждался, была весьма прохладной. С насмешкой говорили о "крестовом походе детей" и о "бессмысленных фантазиях" эксцентричной

дамы. Даже Генриетта Сольд, руководившая социальным отделом в Национальном исполнительном комитете, ответила отказом: не следует репатриировать детей в страну, где и без того остро стоит проблема безнадзорных детей.

Частично спас положение доктор Лееман, руководитель молодежной деревни Бен-Шемен, который согласился предоставить 12 разрешений на въезд для первой группы подростков. Деньги, необходимые для проезда, собрала группа еврейских женщин Кенигсберга и Берлина, и весной 1932 года первая группа подростков выехала с берлинского вокзала "Анхальтер" в подмандатную Палестину, оставив на перроне плачущих родителей. Так фактически началось то, что сейчас широко известно под именем "Алият ганоар" (репатриация молодежи) — движение, которое спасло от гибели и вернуло на историческую родину десятки тысяч детей и подростков. В ту пору это казалось многим чем-то противоестественным.

...Национал-социалисты стали уже хозяйничать в университетах, и студенты издевались над профессорами-евреями и теми, кто придерживался левых взглядов. По стопам студентов шли ученики старших классов, гимназисты, и столкновения между ними и сионистской молодежью стали неотвратимы. Во время одной из конференций молодых сионистов в Вандерсхаузене, возле Касселя, в которой принимал участие и Энцо Серени, на делегатов из Кельна напала группа учащихся морского училища. На обеих сторонах были раненые, в большинстве своем легко, но руководитель кельнского отдела "Брит олим" был тяжело ранен, и это дело разбиралось в нескольких судебных инстанциях. На одном из судебных заседаний, которое происходило уже после захвата власти Гитлером, национал-социалистский адвокат сделал антисемитское замечание в адрес Энцо, который выступал от имени "Гехалуца", и тот воскликнул:

— Вы разговариваете с итальянским офицером!

Говорят, что его слова произвели тогда сильное впечатление.

...Трудно сказать, какова была истинная причина, побудившая Энцо оставить осенью Германию. Исполнительному комитету он писал в своем заявлении о "личных обстоятельствах, с которыми он не в состоянии справиться". То ли это было ощущение надвигающегося на Германию удушья, которое побудило его отправить Аду с детьми в Италию еще в начале лета. То ли он почувствовал, что ему еще придется вернуться в фашистскую Германию, и Энцо решил, что лучше пока поберечь силы. А может быть, ему все это надоело, как уже не раз с ним случалось, и терпение его лопнуло. Официальное объяснение весьма лаконично:

"Я верю, что в свете нынешних событий, лучше мне здесь не оставаться. Свою миссию я завершил, сейчас должно последовать продолжение, но для него нужны новые свежие силы. Я выхожу из игры".

Кто брал на себя роль сионистского посланца в те дни, когда быть эмиссаром считалось делом весьма почетным, должен был, разумеется, любить еврейский народ, но также любить и быть готовым разъезжать. С самого начала появления сионизма на общественной арене, его представители вели кочевой образ жизни, и биография отцов сионизма подчас неразрывно связана с расписанием поездов. Энцо любил путешествовать, открывать новые миры, знакомиться с евреями новых для него стран, вступать в бой с новыми врагами, видеть новые места. Он особенно любил первую встречу, первое впечатление. Когда Энцо был в Германии, он объездил ее вдоль и поперек, посетил Данциг, съездил даже в Польшу (впервые посетив Варшаву, он прежде всего пошел в синагогу грузчиков). Побывал в Литве (и посетил "моралистов" в ешиботе Слободки), в Лондоне, на заседаниях сионистского Исполнительного комитета ("Будем рады Вас видеть, но дорога — за Ваш счет"). Он совершил поездки в Австрию, Швейцарию, Чехословакию и Голландию, где обнаружил, по его собственным словам, экономический кризис, ростки коммунизма и "абстрактный сионизм", столь хорошо знакомый ему по Италии. Он установил, что там есть возможность собрать большие суммы де-

нег для новых еврейских поселений в Палестине, если поручить это дело толковому эмиссару. Энцо разъезжал от имени сионистского движения и организации "Гехалуц" (в Париже — оплоте ассимилированных евреев — не хотели даже слышать о создании местного отделения "Гехалуца"), по поручению молодежных организаций. В Эльзасе ему удалось активизировать местную организацию "Хатиква" ("Надежда"), вдохнуть в нее халуцианский дух, несмотря на то, что он говорил на ломаном французском с вкрапленными в него итальянскими словами.

Глава двенадцатая СЧЕЛ ЗА БЛАГО РЕТИРОВАТЬСЯ...

Все поездки Энцо по Европе и между Европой и Эрец-Исраэль в течение ряда лет планировались (с точностью, присущей перелетным птицам) с таким расчетом, чтобы осенью и весной побывать в Риме и Пасху и еврейский Новый год — Рош-Гашана — провести с родителями. И в конце сентября 1932 года он оказался в Риме, на улице Кавур.

В Исполнительном комитете Гистадрута в конце концов согласились с тем, чтобы Энцо покинул Германию (все обращенные к нему просьбы продлить там свое пребывание не помогли). Но трудно было примириться, что такой талант, которому удалось зажечь пламя халуцианских идей в сердцах еврейской молодежи Германии, будет тратить свои силы и энергию на обработку цитрусовых насаждений в подмандатной Палестине или на беготню за мизерными кредитами, и тогда была высказана гениальная мысль: тотчас же направить Энцо Серени в Соединенные Штаты, дабы он там повторил то чудо, которое продемонстрировал в Берлине.

Это решение Исполнительного комитета передал Энцо Элиягу Добкин, и тот выразил свою признательность. Да, он понимает, что работа в Соединенных Штатах — дело очень важное, но в данном случае придется обойтись без него: "Я сломлен и разбит. Нет у меня более сил, и после полутора лет странствий и непрерывной напряженной деятельности я вынужден сейчас некоторое время оставаться у себя дома. Хочу выполнять простую работу, быть немного со своей семьей, со своими друзьями, жить спокойно, читать книги, писать. И кибуц, я думаю, будет со мной согласен, а без него я ни сегодня, ни впредь не сделаю ни одного шага".

Когда в начале ноября Энцо вернулся в Гив'ат-Бреннер, положение с жильем было там таким же плохим, как до его поездки в Германию. Скученность страшная; в большом доме, предназначенном для взрослых членов кибуца, временно жили дети; санитарное состояние помещения было неудовлетворительным. Однако произошла значительная перемена к лучшему в бюджете кибуца. За год краткосрочные долги уменьшились с 4200 лир до 1900, основной капитал увеличился на 1200 лир. Рабочий отряд трудился с полной нагрузкой, в столярной мастерской работало двенадцать человек, животноводство процветало. Цитрусовые насаждения разрастались, кибуц организовал в Реховоте столовую, в которой было сто постоянных посетителей.

После того как был заложен прочный экономический фундамент, хотя финансовое положение было еще тяжелым, кибуц мог существовать и без своего финансового мага и волшебника Энцо (и все же во время его пребывания в Германии пришлось несколько раз обращаться к нему с просьбой раздобыть кредиты для хозяйства).

Энцо удалось освободиться от тех ответственных должностей, которые возлагали на него в кибуце и рабочем движении. Он работал в цитрусовом саду, много читал, но писал мало: "Видимо, лихорадочная страсть к сочинительству, владевшая мною с детства, сейчас прошла, и я освободился не только от литературного "поноса", но и от функциональной потребности писать". Хана, Агарь и Даниэль очень быстро снова акклиматизировались в детском доме кибуца, и, к великому огорчению Энцо, отказывались говорить по-итальянски, который изучали в те месяцы, что жили в Риме.

На общем собрании Энцо говорил о необходимости внедрить иврит во все области жизни и требовал политического воспитания, т. к. "наша жизнь станет скучной, если мы не будем интересоваться политикой". Он предложил организовать ряд кружков на зимний период — изучать проблему арабов, историю фашизма,

вопросы кибуцного движения, и выразил готовность прочесть ряд докладов. Энцо обнаружил в стране экономический подъем, несмотря на мировой кризис, и был, по собственному признанию, поражен развитием, которое происходит здесь американскими темпами. "В любом месте, где мне пришлось побывать после полуторагодового отсутствия, я вижу новые явления — новые посадки, новых людей, радость жизни, желание работать, творить и двигаться вперед. И что с того, что не все, что делается, — красиво, хорошо, здорово? Впервые есть у нас, сионистов, ощущение, что сама жизнь с ее естественными побудительными мотивами действует в нашу пользу, не героическая воля немногих пионеров-халуцов, но упрямая воля "маленьких людей", которые не гонятся за большими делами, как того хотели мы, но в состоянии созидать не меньше, чем мы, может быть, и не так красиво, но с неизмеримо большим размахом".

30 января 1933 года наступил конец Веймарской республики. Гинденбург назначил Гитлера канцлером Германии. Правда, новое правительство было пока что коалиционным, в него входили и консерваторы, наивно верившие, что им удастся руководить нацистами; из одиннадцати министерских портфелей у национал-социалистов были лишь три, и не самые главные. Но все это — детали, не имевшие существенного значения. Власть фашистов была обеспечена.

В тот вечер Хаим Бен-Ашер встретил Энцо. Тот был серьезен, задумчив и сказал Бен-Ашеру: "Надо ехать в Германию". Энцо ощущал едва ли не физическую связь с еврейством Германии, нечто вроде семейного родства. Простой труд на земле, о котором он мечтал, живя в Германии, не принес ему успокоения.

В конце февраля общее собрание кибуца Рив'ат-Бреннер обсуждало просьбу организации "Социалистическая юность", примыкавшей к партии Мапай, предоставить Серени отпуск для составления брошюры о Карле Марксе. Энцо уже несколько лет носился с мыслью написать книгу о жизни и учении молодого Маркса на первых этапах его жизненного пути, когда

идея человеческой свободы занимала центральное место в его мировоззрении. Еще работая в цитрусовом саду Смилянского, Энцо писал брату Мимо: "Если у меня будет свободное время, напишу исследование о Марксе и об исторической миссии социализма". Зрелый Маркс периода "Капитала" повернулся спиной, по мнению Энцо, к Марксу молодому, когда перешел от реального гуманизма юношеских лет к историческому материализму. Во время своего пребывания в Германии Энцо собрал обширный подготовительный материал, заполнил своим мелким почерком множество карточек с цитатами из Маркса по-немецки — кто дерзает состязаться со стилем Маркса, должен знать немецкий превосходно. Он часами просиживал в Берлинской национальной библиотеке. Но прежде чем Энцо успел основательно заняться Марксом на земле подмандатной Палестины, ему снова пришлось пуститься в путь-дорогу.

Еще в ту пору, когда его семья жила в Германии, осенью 1931 года, Энцо Серени договорился с Элизе-ром Ливенштейном (Ливне), членом кибуца Эйн-Харод (в нем Табенкин видел восходящую звезду Объединенного кибуца), ровесником Энцо, который работал в немецком "Гехалуце" еще до его приезда в Германию, что оба они вернутся в Берлин после того как Гитлер придет к власти (а в том, что это случится в недалеком будущем, никто из них не сомневался). Предложение Ливенштейна и Серени о том, чтобы их снова отправить в Германию, стояло на повестке дня комитета Объединенного кибуца в марте 1933 года в Ягуре. На это заседание Энцо приехал вместе с Эммой Горовиц, одной из основательниц группы "Вперед" в Германии, которая недавно переселилась в Эрец-Исраэль. Она должна была рассказать собравшимся о нуждах еврейской молодежи в Германии и о важности пребывания там посланцев Палестины в эти трудные дни, когда свирепствует фашистский террор.

Ицхак Табенкин и комитет в целом дали свое "добро", и в апреле пароходом отплыли в Европу Ливен-

штейн, Серени и Моше Вейлинсон, который тоже хотел в эти решающие дни быть в Германии в качестве свидетеля, журналиста и человека, хорошо знакомого с действиями тоталитарных режимов. Ада с детьми на сей раз осталась в кибуце.

Не следует считать чистой случайностью, что Энцо Серени выехал в Европу на том самом пароходе, которым доктор Вейцман отправился в Италию, завершив свой очередной визит в Палестину (он участвовал в заседании Национального Совета, где обсуждался вопрос о том, как должно реагировать мировое еврейство на новую антисемитскую политику немецкого правительства. На нем, в частности, было принято решение о том, что д-р Вейцман отныне целиком должен отдаться спасению еврейства Германии и его имуществ). Вейцман направился в Рим, чтобы встретиться в Муссолини и обсудить с ним вопрос о помощи евреям Германии. Он обещал Серени и Ливенштейну раздобыть для них рекомендательные письма в британское посольство в Берлине и полномочия руководить конторой по делам Эрец-Исраэль в Берлине (в этом им было отказано).

26 апреля Вейцман встретился с Муссолини и говорил с ним в стиле Герцля при его встрече с Плеве, министром внутренних дел царской России. Согласно отчету Энцо, который находился в Риме во время этой встречи, **Вейцман** сказал Муссолини, что сионисты могут ежегодно переправлять из Германии в Палестину через Италию 25 тысяч евреев на итальянских судах, и предложил организовать специальный банк с участием международного капитала с отделениями в Лондоне и Риме, дабы туда перевести еврейский капитал из Германии. Муссолини потребовал представить ему подробный план. В этот же день Вейцман беседовал с де Жувенелем — в ту пору посланником Франции в Риме, а прежде — верховным французским комиссаром в Сирии, и тот тоже обещал поддержать планы Вейцмана в отношении немецких евреев. Энцо, разумеется, не присутствовал на этих двух беседах, но ему рассказал о них сам Вейцман, который на сле-

дующий день направил его в Берлин с секретными письмами к Лео Беку, главному раввину Берлина, к Курту Блюменфельду, председателю Сионистской организации Германии и ряду других еврейских руководителей. С их ответами Энцо должен был немедленно отправиться в Лондон, где его будет дожидаться Вейцман после кратковременного визита во Францию.

Несмотря на неуклонный закат демократии Германии и публичные признания Адольфа Гитлера в своей ненависти к евреям, события весны 1933 года явились глубоким потрясением и каким-то кошмарным сном для евреев этой страны: немедленное увольнение их из всех судебных органов и из государственных учреждений, разнузданная подстрекательская кампания в прессе, битье окон во всех еврейских учреждениях, нападения прохожих на евреев среди бела дня на улицах, отвратительные антисемитские вакханалии... Затем последовал пожар в рейхстаге в ночь на 27 марта и массовый террор против коммунистов, социалистов, евреев и прочих "врагов родины".

Мир немецких евреев рушился на их глазах. Четыре поколения сознательной ассимиляции привели к глубокой душевной привязанности евреев к немецкой культуре. Теперь им стала ясна правда, высказанная писателем Францем Розенцвейгом много лет назад о том, что они выбрали для себя из германской культуры лишь те основы, которые обогащали общеевропейскую культуру, и избегали других аспектов этой культуры, менее привлекательных, характеризующих немецкий национальный характер.

Чувство их принадлежности к немецкой культуре было поколеблено до основания, и сионизм, который ранее был уделом незначительного меньшинства и не пользовался особыми симпатиями остальных, вдруг оказался в центре интересов еврейских масс, искавших убежище, опору, утешение.

На следующий день после бойкота, 1 апреля, когда нацистские патрули силой предотвращали вход "арийцев" в еврейские магазины и прикрепляли к их одежде объявления типа "Покупающий у евреев рискует

своей жизнью" или плакаты со щитом Давида и словом "Юде", — 120 человек обратились в Берлинское представительство Эрец-Исраэль с просьбой предоставить им информацию о возможности выезда и абсорбции в Палестине. Но среди служащих представительства не было ни одного, кто бы знал эту страну, лично бывал в ней.

Вернувшись в Германию, Энцо застал массовый рост еврейского национального самосознания, мощный подъем сионизма и халуцианства. Тысячи людей проявляли большую заинтересованность в Эрец-Исраэль, были готовы переехать туда немедленно. Была возможность спасти десятки тысяч евреев, перевести за границу миллионы марок, делать большие дела, влиять на ход политических событий, быть в центре истории, а не на ее периферии. "Брит олим" и "Кидма" ("Прогресс") забыли о своих идеологических разногласиях и объединились сразу после прихода Гитлера к власти в "Союз строителей". "Гехалуц", который насчитывал во время предыдущего приезда Энцо пятьсот членов, вырос вчетверо, и еще две тысячи человек готовы были влиться в его ряды. Получилось так, как нередко бывает в жизни: идеи несомненно воздействуют на людей, но нужда и необходимость воздействуют несравненно сильнее.

Лишь в начале мая, вернувшись из Лондона в Германию, Энцо окунулся в практическую работу. По своему обыкновению, он прежде всего составил обстоятельный обзор положения, и его тезисы спустя неделю отправил в Лондон. Он констатировал: "Не только в арийской Германии произошел переворот, как об этом сообщает Бейлинсон в своих корреспонденциях в "Даваре", но и среди еврейства этой страны. Действительность превосходит все ожидания. Люди, группы, круги, которые несколько месяцев назад и не помышляли о связях с сионизмом, теперь целиком принадлежат нам. Я сознательно говорю "принадлежат", а не "перешли к нам", ибо решающее влияние оказали события последних дней, и в них можно видеть своего рода замену воспитательной работы в течение многих

месяцев и лет. Это были недели, которые потрясли мир. Молодежь, и особенно та, что была под влиянием ассимилировавшегося еврейства, либералов и коммунистов, течет к нам, потому что действительность убедила ее, что существует еврейский вопрос, и систематическое уклонение еврейского руководства Германии от этой проблемы в течение многих лет было не чем иным, как обманом“.

На собраниях, созываемых сионистами, царила революционная атмосфера. Молодежь, которую еврейские организации направляли специализироваться в сфере торговли, требовала отстранить руководителей, обманывавших их.

На собрании в доме еврейской общины на Розенштрассе к Энцо подошла девушка — “красивая блондинка, почти арийка” — по его взволнованному описанию, и сказала ему в присутствии многих, что желала бы получить “запрещенные книги“. Удивленный Энцо попросил ее обождать, пока он освободится, и имел с ней — по его собственным словам — исключительно интересную беседу. Она была активной участницей коммунистического движения и немало натерпелась там... из-за своего еврейского происхождения! “Выяснилось, что наше утверждение о том, что в коммунистической партии Германии все время проводилась политика отстранения евреев от центральных и руководящих постов, было абсолютно правильным“. Теперь эта милая блондинка в результате антисемитских вакханалий пришла к сионизму, к организации “Гехалуц“ с твердым желанием продолжить в его рядах свою работу в пользу социализма. И она отнюдь не была единственной.

Из-за довольно высокого образовательного уровня, характерного для сионистского молодежного движения в Германии, оно не могло вобрать в себя широкие массы, и Энцо видел сейчас свою главную обязанность в “Гехалуце“ в том, чтобы создать молодежные центры для юношей и девушек, не прошедших школы сионистского движения (халуцы смотрели на такую зеленую молодежь сверху вниз). Он решил организовать

для них большой семинар. "Ясно, что из-за разнородности привлекаемых людей и из-за провокаций ревизионистов мы должны быть очень осторожны при обсуждении социалистических тем и при раздаче социалистической литературы, дабы избежать срывов в своей работе. Но совершенно необходимо обсуждать подобные темы и особенно с бывшими коммунистами. "Гехалуц" в настоящее время это единственная политическая организация, не только среди местных евреев, но и в Германии вообще, не считая правящей партии, которая может разрешить себе созыв собраний с участием сотен людей. Но следует считаться с тем, что и наша деятельность будет запрещена, как это уже произошло в Баварии, где наложен запрет на все еврейские организации, кроме религиозной общины".

После поджога рейхстага Гитлер упразднил те статьи немецкой конституции, которые гарантировали свободу личности. Сейчас можно было беспрепятственно арестовывать всех деятелей враждебных партий, организовывать обыски и осуждать на смерть за "преступления против общественного порядка". Волна насилий прорвала все плотины. Евреев избивали на улицах, публично унижали. Эсэсовцы врываются в квартиры активистов компартии и социал-демократии и на глазах у членов семьи пытали их до полусмерти, бросали в тюрьмы. Когда в застенках, забитых до отказа десятками тысяч политзаключенных, не оказалось места, арестантов стали помещать во временных местах заключения. 21 марта 1933 года в органе нацистской партии "Фолькишер беобахтер" появилось короткое сообщение: Генрих Гиммлер, начальник мюнхенской полиции, сообщал об организации первого концлагеря в Дахау для пяти тысяч коммунистических и социал-демократических руководителей, деятельность которых представляет опасность для общества. Гиммлер подчеркнул: "Эти действия предпринимаются нами без малейшего колебания, дабы успокоить возбужденное население и в соответствии с его национальным духом". В потоке сообщений о преследованиях врагов режима организация концлагеря в Дахау представлялась малозначи-

тельным фактом, и Энцо был слишком занят, чтобы обратить на него внимание.

И Хаим Арлозоров, руководитель политического отдела Сохнута (Еврейского Агентства), после первых еврейских погромов ощутил глубокую душевную потребность вернуться в Германию, на культуре которой он был воспитан. В этой стране он рос, учился, вел научную работу и удостоился звания доктора за свое исследование "Классовая борьба в свете учения Маркса". На заседании национального комитета, где обсуждался вопрос о судьбе немецких евреев, Арлозоров сказал: "Евреи Германии должны почувствовать, что эти страшные события происходят не во времена Моше Мендельсона* и не в эпоху Моше Монтефьоре**, но в период, когда существует сионистское движение и есть еврейская трудовая Палестина, Эрец-Исраэль. Надо очередной "Исход из Египта" превратить в "Возвращение в Сион" и значительную часть немецкого еврейства репатриировать на его историческую родину".

В мае 1933 года Арлозоров и Серени выступили совместно в Берлине на большом семинаре организации "Гехалуц", и среди их слушателей были люди, которые поражались удивительному внутреннему сходству этих двух деятелей: и ход их мыслей, и манера говорить и убеждать и даже острый взгляд из-за круглых очков свидетельствовали о "родстве душ" и большой духовной близости (был важный общий момент и в их прошлом: обоих приблизил к рабочему сионистскому

* Моше Мендельсон (1729-1781) — известный еврейский философ и теолог, духовный вождь движения "Гаскалы" (просвещения).

** Моше Монтефьоре (1784-1885) — выдающийся общественный деятель и филантроп, активный борец за гражданские права евреев во всех странах. Живя в Лондоне, неоднократно посещал Эрец-Исраэль и много сделал для улучшения условий жизни евреев в Иерусалиме.

движению д-р Израиль Рейхарт, Арлозорова — в Берлине, Энцо — в Италии).

Арлозоров вернулся в подмандатную Палестину, чтобы заняться подготовкой к приему немецких евреев и добиться у высшего британского комиссара изменения порядка распределения сертификатов для иммигрантов. 16 июня, когда Арлозоров вместе со своей женой Симой прогуливался по берегу моря в Тель-Авиве, он был смертельно ранен двумя неизвестными и умер спустя несколько часов. Потрясенный Энцо увидел в этом убийстве, как и многие товарищи по рабочему движению, "результат отравленной атмосферы, созданной партией ревизионистов", которая сделала Арлозорова главной мишенью своих нападок из-за его якобы примиренческой политики по отношению к британским властям. Энцо публично высказывал эти обвинения, выступая с ними на больших собраниях, и требовал политических выводов. Движение "Хабоним" ("Строителей") опубликовало взволнованное обращение, в котором выразило твердую решимость с удвоенной энергией бороться за осуществление сионистских идеалов и провозгласило сбор средств для насаждения в лесу имени Герцля рощи имени Арлозорова.

В июле в Берлин прибыл секретарь Гистадрута Давид Бен-Гурион, и Бейлинсон и Серени потребовали от него опубликовать воззвание с призывом бойкотировать движение ревизионистов, вывести его представителей из всех сионистских организаций, не выдавать его членам сертификатов, не участвовать совместно с ними ни в каких мероприятиях. Бен-Гурион воспротивился такой жесткой формулировке, так как "еще нет твердой уверенности, что убийство — дело рук ревизионистов", хотя он лично верил, что это — результат их "разнузданного, погромного подстрекательства против рабочих".

Жизнь подтвердила, что тактика Бен-Гуриона была правильной. Потрясение, вызванное гибелью Арлозорова, не в малой мере способствовало укреплению рабочего движения в рамках сионизма, и на 18-м

конгрессе, который состоялся летом 1933 года в Праге, рабочая фракция была самой крупной, и Давид Бен-Гурион, Моше Шарет (в ту пору — Шерток) и Элизер Каплан были избраны в состав руководящих сионистских органов.

Двое подозреваемых из организации Бейтар*, арестованных после убийства на основании свидетельских показаний Симы Арлозоровой, были освобождены британским судом из-за недостатка улик, и это политическое убийство до сих пор остается загадочным (ревизионисты утверждали в своих публикациях, что оно — дело рук арабских националистов). Энцо, однако, был убежден, что ревизионисты повинны в этом злодеянии, и даже спустя десять лет, встретив случайно одного из своих политических противников в Каире, он гневно воскликнул: "Я все еще вижу кровь Арлозорова на ваших руках!"

...Первая группа халуцов уезжала из Германии в Палестину. Энцо провожал ее на берлинском вокзале Анхальтер. Сотни людей толпились на платформе вокруг отъезжающих. Их родные были взволнованы, матери всхлипывали, а случайные прохожие — любопытные "арийцы", оказавшиеся поблизости, замолчали, когда все собравшиеся запели сионистский гимн "Хатиква".

До прихода Гитлера к власти халуцы выезжали в Палестину лишь после длительной подготовки, включавшей интенсивные занятия ивритом, и ехали небольшими группками. Теперь стали давать больше разрешений на въезд в Эрец-Исраэль — британское правительство представило в распоряжение немецких евреев тысячу сертификатов в качестве аванса на период с октября 1933—1934 год, а количество желающих выехать возросло в десятки и сотни раз. "Это не секрет, что ныне репатрианты не стоят на такой высоте, как прежде, — вздыхал Энцо, — уж слишком коротким был период подготовки, и все же я надеюсь, что

* Бейтар (Брит Йосеф Трумпельдор) — молодежная организация ревизионистов.

они хорошо абсорбируются. Британские власти готовы дать нам больше сертификатов — и для людей, не прошедших подготовки, но в счет квоты халуцов, однако предстоит упорная борьба“.

Испытывая законную гордость за достижения организации "Гехалуц", которая в течение нескольких месяцев превратилась в весомый и важный фактор еврейской жизни в Германии и в самую большую еврейскую организацию, Энцо не хотел, чтобы она занималась лишь техническими вопросами подготовки к репатриации. Для него было главным — воспитание людей, глубокое и всестороннее, и он требовал, чтобы в этом направлении работали все руководители "Гехалуца". Энцо писал: "У нас нет шансов на успех, если мы не поставим во главу угла нашего движения вопросы воспитания. Мы не можем тут довольствоваться полумерами; сионисты, которые прошли лишь поверхностную подготовку, в конечном итоге переметнутся к ревизионистам и в наших рядах будут лишь временными попутчиками“.

Знание иврита было отдельной и самостоятельной проблемой. Новые халуцы усердно зубрили правила грамматики и с нетерпением спрашивали самих себя — сколько времени можно так заниматься, не видя реальных результатов. По отношению к первой группе репатриантов Энцо не был очень строг, но в дальнейшем он не шел на компромиссы: "Для последующих групп должны быть установлены более строгие критерии при проверке знания иврита", — требовал он.

Вопреки всем опасениям, пока еще не трудно было достать в Германии официальное разрешение на открытие учебной фермы для сельскохозяйственной подготовки будущих репатриантов (за сравнительно небольшую плату), но только для германских подданных. Для граждан других государств — выходцев из Польши и стран Восточной Европы, которые составляли большой процент среди кандидатов на алию (репатриацию), получить такое разрешение было невозможно. Энцо поехал в Данию, чтобы позондировать — нет ли там возможности организовать учебные фермы

для будущих репатриантов. "Вот это страна! — вздыхал он, вернувшись из Дании в Берлин. — Должен честно сознаться, что я почти сожалею, что Эрец-Исраэль не расположена в Дании..."

Во время дискуссии о том, по какому принципу распределить полученные тысячу сертификатов (вокруг этого велась ожесточенная борьба), Энцо решительно высказался за то, чтобы основным критерием были потребности страны.

"Наше требование — даже в этот горький час большинство сертификатов предоставить халуцам — может показаться жестоким, но оно базируется на принципе, что исходные пункты алии должны определяться в Эрец-Исраэль, а не в галуте (странах изгнания). Даже если бы британское правительство предоставило нам десять тысяч, а не тысячу разрешений на въезд в подмандатную Палестину, мы бы говорили: прежде всего должны ехать молодые. Даже если они терпят и страдают меньше, они готовы и могут дать больше. Родители могут присоединиться к своим взрослым детям, но не наоборот".

Энцо обосновал свою позицию нехваткой в стране рабочих, а также тем, что лишь немногие из предыдущих групп репатриантов пошли в кибуцы и занялись физическим трудом, большинство же предпочло искать легкие работы в городе. "Страна не нуждается в таких людях, — писал он, — возможность их абсорбции ограничена, и очень скоро будет достигнута "точка насыщения". Эрец-Исраэль не может быть страной обычной эмиграции, как, например, Германия или Америка".

Энцо считал, что с нравственной точки зрения он вправе требовать сертификаты для членов организации "Гехалуц" лишь при условии, что и в Палестине они останутся настоящими халуцами и пойдут в кибуцы, мошавы, а если в города — то и там будут заниматься физическим трудом. Поэтому он требовал, чтобы люди уезжали организованными группами, что облегчало впоследствии приспособление репатриантов к новым условиям и их воспитание в трудовом духе.

"Мы не вправе недооценивать значение подготовки, — писал Энцо Зезву Орбаху в кибуц Гив'ат-Бреннер, — если не хотим деморализации в рядах "Гехалуца".

В атмосфере всеобщей растерянности, бессилия и страха перед завтрашним днем идея Рехи Фрайер о репатриации в Палестину детей без родителей не казалась уже столь фантастической. Когда весной 1933 года Энцо прибыл в Германию, Реха поехала в Эрец-Исраэль, чтобы выяснить возможности абсорбции детей в кибуцах, и Энцо потребовал от Зезва Орбаха, одного из руководителей организации "Брит олим", который уже репатрировался (и поселился, разумеется, в Гив'ат-Бреннер), чтобы он сопровождал г-жу Реху Фрайер во время ее путешествия по стране. Он писал: "Вы должны очень интенсивно работать над абсорбцией детей. Могу сказать не преувеличивая, что существует реальная надежда мобилизовать для данной цели большие средства, потому что нет вопроса, который бы так задевал людей за живое, как этот. Но понятно, что деньги можно будет получить лишь для тех проектов, которые будут хорошо обоснованы и произведут солидное впечатление".

Эйн-Харод решил абсорбировать у себя первую группу, да и другие хозяйства выразили готовность принять молодежь, а Гистадрут обещал им свою полную поддержку, так что люди с воображением поговаривали уже о десятках тысяч детей, прибывающих в рамках "Алият ганоар".

Дабы ускорить абсорбцию молодежи, Энцо нелегально перевел в Эрец-Исраэль пожертвования, собранные в Германии для строительства Дома молодежи в Эйн-Хароде, но дело репатриации молодежи продвигалось пока медленно. Лишь после того как сионистское руководство приняло официальное решение о репатриации детей и молодежи из Германии в Палестину, ход дел заметно ускорился. Генриетта Сольд согласилась встать во главе организации "Алият ганоар" ("Репатриация молодежи") в Иерусалиме, и правительство Британии соизволило выдать целую серию разрешений на въезд в страну для лиц ниже 18-летнего возраста. Шестьдесят

детей, ждавших этого часа целый год, выехали в конце концов из Германии и прибыли в страну 19 февраля 1934 года, и эта дата стала затем отмечаться как День еврейского ребенка.

Руководители молодежного движения в Германии радовались возможности послать молодых людей, еще не достигших восемнадцати лет, в кибуцы, но их родители все еще были полны страхов и опасений. Несмотря на угрозы Гитлера, преследования и арийские законы, нужна была большая душевная сила, чтобы оторвать от себя детей, подростков и послать их в жаркую, засушливую незнакомую страну, которая казалась иным взрослым не менее опасной, чем Германия. Лишь пять тысяч детей прибыли в страну в рамках акции "Алият ганоар" до того, как разразилась Вторая мировая война, а в Германии оставались десятки тысяч родителей, которые все еще колебались, сомневались, взвешивали все "за" и "против" и так и не решились расстаться со своими детьми. Многие полагали, что в столь трудные дни лучше всего быть всей семьей вместе, видели в этом своего рода защиту и крепость против надвигающихся бедствий — и стали пеплом крематориев, который рассеялся по полям оккупированной Польши...

Сионизм стоял перед трудной дилеммой. С одной стороны, было большое желание призвать евреев всего мира решительно реагировать на антисемитские гонения, с другой же — был страх, что откровенная антигерманская политика, и, в особенности, призыв бойкотировать немецкие товары — он спонтанно получил широкую поддержку во многих странах — затруднит спасение евреев Германии и положит конец работе сионистских организаций, которые в ту пору пользовались относительной свободой деятельности.

В августе 1933 года, в связи с предстоящим 18-м сионистским конгрессом в Праге (из-за напряженного положения в Судетах не представлялось возможным созвать конгресс в Карлсбаде, как это намечалось ранее), сионистское руководство Германии направило секретное письмо Президиуму Сионистской организации

в Лондоне за подписями д-ра Ландауэра, Ливенштейна, Серени и Леви Школьника (Эшкола), который тогда находился в Германии по заданию сионистского сельскохозяйственного центра, и в нем требование — не созывать Всемирный конгресс, а ограничиться ежегодным собранием, чтобы не привлекать к себе внимания. "До сих пор, — писали они, — в силу ряда причин, не запрещена деятельность сионистской организации, "Гехалуца" и молодежного движения. Наше легальное существование дает возможность организовать тысячи людей и пересылать десятки тысяч лир в Эрец-Исраэль. Ощущается стремление со стороны правительства разрешить вывоз капиталов и согласиться с расширением нашей деятельности. Влияние сионизма на жизнь евреев в стране растет изо дня в день. Нам ясно, что сионистский конгресс, если он состоится, не сможет не выразить своего резкого протеста правительству Германии, а то, со своей стороны, вынуждено будет, реагируя на этот протест, запретить сионистскую деятельность и выезд евреев. Возможно, что это поставит под угрозу само существование и жизнь значительной части сионистов Германии".

Восемнадцатый конгресс все же состоялся в конце августа в Праге, но он не принял решения о бойкоте, как того требовали сионисты Америки и представители правой оппозиции. На этом конгрессе было решено организовать в рамках сионистской организации специальный отдел по абсорбции евреев Германии во главе с доктором Вейцманом и доктором Руппином. Последний выступил перед собравшимися с планом постепенного и организованного переселения 200 тысяч немецких евреев и о переводе в Палестину части их капиталов (когда Гитлер пришел к власти, этот капитал оценивался примерно в 12 миллиардов марок).

И немцам в ту пору казалось, что организованная эмиграция — с некоторыми льготами по вывозу части еврейского капитала — это лучший путь решения еврейского вопроса в Германии. Естественно, что Эрец-Исраэль рассматривалась как основной центр еврейской иммиграции. Кроме желания избавиться от евре-

ев, на решение властей облегчить эмиграцию повлиял бойкот немецких товаров, организованный во многих западных странах. Он очень давал себя знать как раз в тот период, когда нацисты были заинтересованы в резком увеличении экспорта, дабы ликвидировать, как было обещано народу, массовую безработицу.

Летом 1933 года дела по переводу еврейских капиталов из Германии находились еще в зачаточном состоянии. Для делегации Гистадрута в Германии в составе Серени, Ливенштейна (Ливни) и Школьника (Эшкола) было ясно, что сейчас самое время обеспечить быстрое развитие еврейской трудовой Палестины. Леви Школьник, член кибуца Дегания, обладавший большим жизненным опытом, так писал в ту пору: "Сотни евреев ежедневно стучатся в наши двери и готовы потерять от 25 до 50 процентов своих денег, чтобы спасти остальное, и кто знает, что готовит им день грядущий. Будет преступлением и несчастьем, если нам не удастся из происходящего на наших глазах крушения немецкого еврейства что-то создать и что-то построить в Эрец-Исраэль. Мы знаем, что это может отрицательно сказаться на местном производстве, в Палестине, но ведь надо срочно решать вопросы спасения имущества немецких евреев и их устройства и абсорбции у нас в стране".

Сионистские круги достигли соглашения с немецким министерством эмиграции о переводе еврейских капиталов в Палестину (дополнительно к тысяче фунтов стерлингов за разрешение на въезд в страну, взимаемых с зажиточных евреев британскими властями). Обсуждения начались в мае 1933 года и достигли завершающего этапа в июле.

...Нет сейчас никакой возможности установить истинный размер тех сумм, которые удалось под руководством Энцо переправить из Германии в Эрец-Исраэль, но несомненно, что речь идет о миллионах марок. Специалисты считают, что до 1934 года удалось доставить в Палестину около 50 миллионов фунтов стерлингов из еврейских капиталов Германии, из них лишь одну треть — легальными путями.

Всей сетью нелегальных перевозок руководил лично Энцо Серени. Действовал он преимущественно методами импровизации, без излишнего бюрократизма, очень дерзко и смело. Люди "Гехалуца" вывозили деньги из Германии во время своих частых поездок за границу. Обычно деньги были припрятаны в одежде, в носках, среди вещей, в тюбиках из под зубной пасты, в чемоданах с двойным дном — одним словом, такими способами, какими в наши дни постеснялся бы пользоваться даже начинающий контрабандист. Общепринятый и распространенный тогда метод заключался в том, чтобы заказать плацкартные места в разных вагонах в поезде, идущем, скажем, в Данию, Швейцарию, Голландию или Литву, деньги спрятать в одном из купе, а самому находиться в другом и ждать, пока поезд пересечет границу. Если был тщательный обыск, то деньги конфисковывались как бесхозные, если же деньги не обнаруживали, то их можно было потом спокойно забрать за пределами Германии (при условии, что тебя не обкрадывал кто-либо из работников железнодорожной бригады).

Королевой контрабандистов, переправлявшей еврейские деньги, была Маргот Майер (впоследствии жена Ицхака Садэ, одного из организаторов Армии обороны Израиля). Она обладала незаурядным личным мужеством и удивительной готовностью всегда рисковать своей свободой. Во время одной ответственной операции Маргот и Энцо выехали ночным поездом из Берлина в Париж, и каждый из них ночевал в своем спальном вагоне. Деньги были у Маргот, и они договорились об "убежище" для них — отнюдь не оригинальном: матрац, на котором она спала. На границе немецкие полицейские произвели очень тщательный обыск во всех вагонах, и Энцо с трепетом ждал результатов, все надеясь, что они обошли ее купе. При посадке в поезд Маргот заявила проводнику вагона, что очень устала, плохо себя чувствует и просила ни в коем случае ее не будить и не беспокоить, а для верности с царской щедростью сунула проводнику в лапу весьма солидный куш "на чай". И он этот куш честно

отработал, сказав полицейским, что купе пустое и повел их в соседнее... Энцо потом с волнением рассказывал об этом Аде: "А что бы было, если бы полицейские не поверили проводнику?.."

Энцо любил выдумку, риск, волнения, любил испытывать судьбу.

Очень удобно и относительно безопасно было переправлять деньги через Иакова Робинсона, представителя Литвы в Лиге Наций, и его жену. Их дипломатические паспорта исключали обыски и слишком тщательный осмотр багажа.

Энцо и Ливенштейн были иностранными подданными, они очень часто ездили за границу и ни разу не были пойманы нацистскими властями. Оба считали, что они настолько хорошо известны тайной полиции, что ее агентам даже в голову не придет подозревать их в столь рискованных и опасных действиях. Но вполне возможно, что их не поймали потому, что немцы сами не хотели этого из своих собственных соображений, считая в ту пору их активную деятельность, стимулирующую еврейскую эмиграцию, полезной для государства.

...По истечении первого года со дня прихода Гитлера к власти в настроениях евреев Германии произошел резкий поворот. Если в первые месяцы они массами устремлялись в сионистское движение, пытаясь найти в нем выход из душевной растерянности и экономического гнета, то сейчас люди уже как-то приспособились к новым условиям и примирились с ними. После первой волны антисемитских декретов и законов по охране чистоты расы, в результате которых десятки тысяч евреев оказались не у дел и без средств к существованию, пришло некоторое успокоение: правительство разрешало себе изредка делать для некоторых исключения. И почти каждый еврей, с присутствующим ему оптимизмом, надеялся стать этим исключением...

Была и другая причина падения интереса к сионизму, и Энцо думал об этом с душевным трепетом: сионистское движение не оправдало тех надежд, кото-

рые возлагали на него массы в первые месяцы фашистского господства. Разочарование в сионизме, по мнению Энцо, проистекало не от нехватки сертификатов — человек может терпеливо ждать, если знает, во имя чего, — но из-за все растущего сознания, что нет в сионистском движении конструктивного и реального плана массовой абсорбции немецких евреев в Эрец-Исраэль. (Из 200 тысяч евреев Германии, которые должны были по плану д-ра Руппина переехать в Палестину, до Второй мировой войны выехало лишь 53 тысячи человек — из-за трудностей абсорбции, ограничений на въезд в страну и отсутствия сионистских убеждений).

Вместе с разочарованием в сионизме возобновились попытки вернуться к старым позициям, возродить ассимиляцию. Появилась организация "Земля и труд", которая утверждала, что евреи могут оставаться в Германии, но должны лишь изменить свой род занятий, перейти к продуктивному труду и снова найти свое место среди немцев.

Сионистский подъем начала 1933 года миновал, и не было надежды, что он вскоре повторится. Энцо чувствовал, что "немецкое еврейство осуждено на медленное, но неизбежное уничтожение, и невозможно задержать ход процесса, который предопределяет его закат. Однако это не случится в очень короткий промежуток времени, как казалось в начале 1933 года. Положение будет больше напоминать медленную агонию евреев Польши и Литвы. Но так как в Германии еврейское самосознание несравненно более слабое, чем там, функции сионизма здесь очень затруднены и усложнены, а тенденции к ассимиляции более сильные".

И действительно, даже в 1934 году большая часть немецкого еврейства еще верила в общность судеб немцев и евреев, и в еврейско-немецких националистических кругах еще подумывали о сближении с "умеренными" национал-социалистами типа Грегора Штрассера. Даже после того как он был убит своими же друзьями нацистами, из уст "немцев Моисеева закона" можно было слышать декларации верности, вроде та-

кой: "Мы, немецкие евреи, не хотим счастья для себя; счастье Родины — наше счастье. Мы ждем того дня, когда нас позовут, когда наша верная молодежь сможет делом доказать свою преданность. Огонь готовности горит внутри нас, мы готовы на все ради Германии"...

Разочарование Энцо и ощущение бессилия сионистского движения помочь всем нуждающимся выразилось, в частности, в том, что изменилось его отношение к Вейцману. В ноябре 1933 года Энцо поздравил его в связи с шестидесятилетием, как руководителя сионистского движения. Он писал: "Наши взгляды обращены к Вам как к человеку, который руководил всеми действиями, не только оказывая материальную помощь, но и исходил из сознания, что эта акция* представляет нам исключительную возможность для обновления еврейства, если она будет проведена в сионистском духе и с халуцианской энергией. Мы горячо Вас приветствуем и выражаем надежду, что Вам удастся помочь тысячам и тысячам халуцов Германии пройти должную подготовку, репатрироваться, обосноваться и абсорбироваться в Эрец-Исраэль". А уже в апреле 1934 года Энцо сетовал: "Вейцман не помог, он не действовал должным образом. Мы ждали от него великих свершений, размах нашей работы был поистине мессианским, но сейчас все заброшено".

В феврале 1934 года Хаим Вейцман в четвертый и последний раз посетил Муссолини и имел с ним, по его же словам, весьма откровенную беседу. Муссолини, который всегда стремился подчеркнуть коренное различие двух фашистских движений (итальянского и немецкого) в их отношении к евреям, отметил, что поддерживает стремление сионизма создать Национальный дом. Он упомянул о возможности раздела Палестины на кантоны и высказал мнение, что образование еврейского государства неизбежно. Вейцман говорил о гнете, который испытывают евреи Германии. Он сказал, что еврейские специалисты могут оказать

* Речь идет о спасении немецких евреев.

большую помощь Италии в развитии ее химической промышленности и освободить ее от немецкой зависимости — в обмен на готовность Муссолини помочь еврейским беженцам, разрешив им проезд через Италию. После этой беседы Вейцман был преисполнен самых радужных надежд.

Большая нехватка инструкторов, учителей иврита, руководителей и организаторов, всегда и везде сдерживавшая рост и развитие сионистских организаций, сейчас стала подлинным бедствием. Все активисты движения уже репатриировались из Германии в Палестину. Энцо непрерывно жалуется из Берлина, что почти все забыли Германию. "Сотни молодых людей влились в ряды "Гехалуца", но у нас нет сил, чтобы активно работать с ними из-за отсутствия инструкторов. Создается впечатление, что если не удастся маломальски удовлетворить потребность в инструкторах, вся наша работа пойдет прахом".

В связи с тревожными сигналами Энцо в Германию и Страсбург был послан Зеэв Орбах, незадолго до этого, как мы уже знаем, репатриировавшийся в Палестину. Но после его отъезда образовался в Эрец-Исраэль вакуум в работе по приему и устройству репатриантов из Германии. И летом 1934 года Энцо серьезно предупреждает всех тех, кто ведал вопросами абсорбции: "Период, когда немецкий "Гехалуц" был наивен, как дитя, прошел безвозвратно. И немало этому способствовали вести, которые приходят из страны о том, что в кибуцах новоприбывших не абсорбируют, что существует отчужденность между выходцами из стран Запада и Востока, что всюду царит атмосфера незаинтересованности в репатриантах... Надо понимать, что происходит в сердцах новоприезжих, надо любить их и серьезно заниматься их проблемами. Я еще раз подчеркиваю: если вы не сосредоточите все силы на устройстве новоприбывших, не удивляйтесь, когда в нашей работе обнаружатся большие провалы".

В апреле 1934 года Энцо приехал с коротким визитом домой (разумеется, через Рим и с таким расчетом, чтобы Пасху провести вместе с родителями). Его род-

ной кибуц Гив'ат-Бреннер был в ту пору одним из центров абсорбции немецких халуцов. Из 300 его членов 160 были выходцами из Германии. Энцо высказал все, что у него было на сердце, на общем собрании, затронув тему "больших пробелов в нашей жизни". Он, в частности, сказал:

— Сионистское движение не в состоянии справиться со штормами истории. Кибуцному движению не удалось направить в должное русло поток людей, и даже Гив'ат-Бреннер не смог должным образом ответить на нужды момента. Многие члены кибуца, которые живут здесь уже несколько месяцев, непосредственно участвуя во всех трудовых процессах, не принимают никакого участия в общественных делах. Есть товарищи, для которых их принадлежность к нашему кибуцу — лишь формальный акт. Что новичок здесь находит, с кем он встречается в столовой, о чем беседует? Всюду много шума, но что он еще может найти, кроме шума?.. Есть ли среди нас кто-либо, кто позаботился бы о душе новичка? И если человек уходит из кибуца, то чаще всего не из-за материальных условий, а потому, что люди к нему равнодушны, и нет никого, кто бы о нем позаботился.

В глазах Энцо Гив'ат-Бреннер был своего рода индикатором, показывающим успех и неудачи абсорбции немецких евреев. И если кибуц потерпит неудачу, каков смысл огромных усилий, которые прилагались им и его товарищами весь минувший год?

Когда Энцо находился у себя дома, в кибуце, вся жизнь коллектива обретала иной ритм. Он привозил подарки всем малышам, чем снискал к себе любовь воспитательниц детского сада. Он живо интересовался процессом воспитания детей, совершал далекие прогулки с сыном и дочерьми, рассказывал им сказки, кувыркался с ними на зеленых лужайках. В то же время он успевал участвовать во всех заседаниях и встречаться со всеми руководителями ишува, читать доклады и интересоваться делами каждого. Он появлялся на короткое время, как метеор, и так же внезапно исчезал.

Гив'ат-Бреннер получил из Германии инкубатор, сельскохозяйственные машины, оборудование для механической прачечной — разумеется с помощью Энцо и по его инициативе и за деньги, которые он сам раздобыл. Он искал в Германии врача для вегетарианского санатория, который собирался построить при кибуце по инициативе Ёши Семптер — поэтессы, родом из США, прикованной параличом к креслу на колесах и жившей со своей подругой Леей Берлин в Реховоте. Она вложила все свои деньги в строительство этого санатория, оговорив, что будет находиться в нем пожизненно.

По мере того, как кибуц рос и развивался, стала ощущаться нехватка земли, и Энцо пустил в ход все свои связи в Национальном фонде, чтобы снова получить заем из денежных средств итальянских евреев и приобрести дополнительно 50 дунамов земли неподалеку от кибуца за баснословную цену 1500 лир.

Осенью Энцо решил покинуть Германию, и на сей раз причины были очевидны. Позади — полтора года напряженнейшей работы в бешеном темпе, с бесконечными поездками, с большой ответственностью, с постоянным напряжением и серьезным риском, почти все время вдалеке от семьи. Он очень устал.

Энцо мог с гордостью оглянуться на пройденный путь. В истории немецкого "Гехалуца" еще не было периода столь значительного. Пригласив Мартина Бубера в сентябре 1934 года прочесть доклад на заседании совета "Гехалуца", Энцо снабдил его любопытными статистическими данными. Немецкий "Гехалуц" насчитывал тогда 15 тысяч членов, из них 3800 проходили курс подготовки к алие. С апреля 1933 года 2200 человек уже репатрировались в страну, из них 68 процентов — для работы в кибуцах Гив'ат-Гашлоша, Гешер, Раанана, Эй-Харод, Гив'ат-Бреннер, Наан и Аелет-Гашахар.

В конце сентября Энцо оставил Германию и, как обычно, провел еврейский Новый год (Рош-Гашана) с родителями в Риме. Впервые династия Серени отмечала праздник не в доме № 340 на улице Кавур.

Летом 1934 года был разобран последний флигель этого родового гнезда, и последние его обитатели, в том числе Альфонса, Самуэле, Леа и ее муж, переехали в разные места Рима.

Родители Энцо сняли для себя отдельную квартиру. Мимо все еще находился в тюрьме. Старый отчий дом не смог защитить род Серени от суровых ветров эпохи. И все же Энцо, не колеблясь, снова обратился к родителям за денежной помощью, на сей раз — для постройки школы в Гив'ат-Бреннере, давно обещанной кибуцникам.

Энцо намеревался выступить перед евреями Рима и хотел снять на один вечер большой зал. Он собирался говорить об опасности, которая угрожает евреям Италии и предупредить, что с ними может случиться то, что произошло с евреями Германии. Но руководители римской общины испугались массового собрания и выдвинули довод, характерный для евреев, живущих в изгнании: "Разговоры об опасности лишь усиливают ее..."

Энцо пришлось выступить в небольшой комнате с ограниченным числом присутствующих, и слова его вызвали всеобщее возмущение: "Разве Муссолини не дал убежище для тысяч еврейских беженцев? Разве он не разрешил свободный проезд через Италию всем, кто направляется в Эрец-Исраэль? Разве он не провозглашал неоднократно, что в Италии для антисемитизма нет места? Зачем же зря подымать тревогу?.."

Глаза тринадцатая НА ОДИНОКОМ ОСТРОВЕ И БЕЗ ЕВРЕЕВ

...Есть в кибуцах товарищи, у которых, видно, на роду написано никогда не быть настоящими земледельцами. Только вернулся Серени в свой Гив'ат-Бреннер, только успел немного поработать на цитрусовых плантациях, как его снова заставили заняться совсем другими делами. Когда его выдвинули на должность секретаря по внешним делам, он категорически отклонил это предложение, не уставая твердить, что выступает против ошибочного решения по отношению к нему лично, и по отношению ко всему коллективу. Но его протесты не помогли: общее собрание избрало его на этот пост.

Прежде всего Энцо должен был заняться вопросами абсорбции немецких евреев. В силу того, что много выходцев из Германии и бывших членов руководства "Брит олим" осело в кибуце Гив'ат-Бреннер, это хозяйство стало центром и опорой немецкого отдела Сохнута, занимавшегося сельскохозяйственным заселением страны.

Восемь лет Энцо числился беспартийным членом Гистадрута, но, вернувшись из Германии, он в конце концов присоединился к партии Мапай (Рабочей партии Эрец-Исраэль). Причиной его немедленного вступления в Мапай была та политическая буря, которая разразилась в рабочем движении в связи с радикальным предложением Бен-Гуриона — подписать соглашение о координации действий с "Национальной организацией рабочих", примыкавшей к ревизионистам. И такое предложение было выдвинуто в момент, когда напряжение между двумя лагерями достигло высшей точки.

Эта идея выкристаллизовалась в беседах между Бен-Гурионом и Жаботинским, которые велись в Лон-

доне, и цель инициаторов состояла в том, чтобы укрепить ишув и избежать междоусобной борьбы внутри рабочего движения. Выдвинутое предложение было встречено в штыки не только членами Гашомер Гацаир и левым крылом Поалей-Цион, но и многими членами партии Мапай, которые опасались, что рабочее движение потеряет свой классовый характер. Они боялись усиления ревизионистов и противились союзу с "предателями", "фашистами", "убийцами Арлозорова"...

Энцо был противником соглашения вместе с большинством членов организации Гакибуц Гамеухад во главе с Табенкиным. Но так как Берл Кацнельсон принадлежал к сторонникам Бен-Гуриона, Энцо рассчитывал достичь компромиссного решения, так как не желал углубления расхождений между Табенкиным и Берлом. По мнению Энцо, "положение создалось катастрофическое: Бен-Гурион и Берл намерены отойти от активной политической деятельности и категорически требуют, чтобы руководители оппозиции — Табенкин и Гакибуц Гамеухад — взяли власть в свои руки и показали, на что они способны".

Пророчество об уходе Бен-Гуриона с политической арены было высказано за тридцать лет до того, как это произошло в действительности. При опросе членов Гистадрута, состоявшемся 24 марта 1935 года, большинство отклонило предложение Бен-Гуриона, он же подчинился мнению большинства и в отставку не ушел. Но Берл, который так много сделал ради единства еврейского рабочего движения в Палестине и видел реальную опасность раскола рабочих партий, был совершенно подавлен. В беседах с товарищами он сказал, что хочет освободиться от всех своих должностей в партии и Гистадруте, включая редактирование газеты "Давар", и не принимать более участия в рабочих собраниях:

"Бывает такое состояние у человека, когда он не должен появляться в обществе, так как это только вредит. Я сейчас в таком состоянии, что всякое мое появление может лишь повредить".

Разрыв не был ликвидирован, напротив, шаг за

шагом отношения между организацией Гакибуц Гамеухад и партией Мапай все более обострялись, росли противоречия между Берлом и Табенкиным, а в душе у Энцо глубокая любовь к Берлу боролась с верностью организации Гакибуц Гамеухад.

В это трудное время он получал известное удовлетворение от культурных мероприятий, которые проводил. Энцо организовал в своем кибуце "месячник учебы", и к его великой радости "пришли учиться даже отцы семейств и товарищи, которые в течение ряда лет жили в атмосфере, далекой от всякой культуры". С помощью Лолы Хан-Варбург, приятельницы Хайма Вейцмана, с которой Энцо познакомился еще в Германии, в кибуце был построен павильон культуры, и туда перевели библиотеку кибуца, которую Энцо с гордостью называл одной из лучших в стране. "Гив'ат-Бреннер вступает в новую эпоху, имеющую первостепенное значение", — патетически произнес он, будучи в приподнятом настроении духа.

В то же время с жильем дело обстояло прескверно. В кибуце уже насчитывалось четыреста душ, и двести из них были вынуждены жить в палатках, среди которых было немало старых и очень ветхих, совершенно непригодных для жилья в зимний период. Во время холодов жители палаток находили временное убежище в санатории, строительство которого было близко к завершению. Пятнадцать человек ютились в деревянных ящиках, в которых сюда были доставлены вещи немецких евреев, а десять вообще не имели постоянного места для ночлега. Семейные кибуцники — ветераны, уставшие от "жизни втроем", отказывались от "примусов", которые пытались вселить в их комнаты в бараках. Чтобы несколько облегчить положение, была сооружена временка из блоков, не скрепленных цементом и неоштукатуренных — ее здесь выразительно именовали "стеною смерти".

Комиссия из больничной кассы, которая прибыла в Гив'ат-Бреннер исследовать санитарное состояние кибуца после вспышки эпидемии тифа, не пожалела черной краски для своих выводов: во всем хозяйстве

лишь восемь туалетов, в пекарне грязь, мусорные ямы без крышек, они стали рассадниками мух, коллективный душ с трудом может обслужить сто человек, в нем нет приспособления для нагрева воды. В выводах было записано: пока не будет ликвидированы все эти безобразия, комиссия не может рекомендовать кибуц Гив'ат-Бреннер для абсорбции молодежи из Германии.

Энцо упорно боролся за чистоту и гигиену, он ходил по территории кибуца, собирал мусор в кучи и сжигал их под язвительные замечания многих...

Но еще больше, чем санитарное состояние кибуца, его беспокоила культурная абсорбция молодежи, прибытие которой ожидалось в ближайшее время. "Один ночлег и кров над головой без инструкторов не имеет воспитательного значения. Для меня это будет поражением, если мы не сможем найти внутри своего кибуца достаточно сил для воспитания молодежи и вынуждены будем пригласить инструкторов со стороны".

Высокие гости, изредка посещавшие кибуц, не разделяли опасений Энцо. Сэр Артур Вокоп, верховный комиссар Палестины, прибыл в Гив'ат-Бреннер в сопровождение Моше Церттока (Шарета), обошел хозяйство вдоль и поперек, забрасывал всех вопросами, и, по словам Бен-Гуриона и Шарета, этот визит произвел на него очень сильное впечатление. Гостя сопровождал во время экскурсии Энцо Серени. Спустя несколько недель его пригласили во дворец верховного комиссара в Иерусалиме на праздничный обед, данный в честь высших британских чиновников. Во время обеда Энцо вступил в горячую дискуссию со своим соседом слева, правителем округа Лод, Кросби.

Летом в кибуце состоялся большой праздник в честь "Алият ганоар" в присутствии именитых гостей. Все они были взволнованы увиденным и услышанным, и даже Бен-Гурион, который в последнее время относился к этому кибуцу весьма сдержанно (ввиду позиции, занятой Энцо в отношении соглашения с ревизионистами), был взволнован до глубины души и несколько раз выражал свое восхищение.

Пост секретаря кибуца вернул Энцо к старым про-

блемам, главной из которых были финансы, покрытие дефицита — в точности, как в дни организации кибуца, с одной лишь существенной разницей: суммы, о которых сейчас шла речь были неизмеримо больше, а возможность достать деньги, чтобы временно заткнуть образовавшиеся дыры — обширнее. Долги росли вместе с хозяйством и ростом населения (сто пятьдесят человек влились в кибуц лишь с осени 1934 года), и Энцо уже поговаривал о кибуце, в котором будет две тысячи жителей, что всем тогда казалось совершенно невероятным. Он не скрывал своего намерения превратить Гив'ат-Бреннер в самый крупный кибуц страны.

Необходимым условием для этого было приобретение дополнительных земельных площадей, и Энцо продолжал искать в округе земли. Его не пугали баснословно высокие цены и необходимость вступать в довольно запутанные коммерческие сделки: "Приобрели 30 дунамов возле слесарной мастерской. Эта земля очень нужна для расширения кибуца. Чтобы осуществить эту сделку, мне пришлось купить также 63 дунама цитрусовых насаждений у Файнштейна. Я это сделал от своего имени и часть уже продал, но у меня все еще недостает покупателей".

Когда Энцо сообщил, что еще 35-40 новых товарищей в ближайшее время намерены вступить в кибуц, в том числе организованная группа из Литвы, послышались голоса протеста. Люди говорили о трудностях с жильем и трудностях общественной абсорбции. Но Энцо настаивал на принятии всех, и не только потому, что "мы, сионисты-социалисты, обязаны абсорбировать репатриантов", но и для того, чтобы обеспечить достаточное количество рабочей силы для сельскохозяйственных работ вне кибуца, так как "мы не можем согласиться с превращением Реховота в арабское поселение".

...Его одолевают обычные заботы и тревоги секретаря кибуца: поиски постоянных, более или менее стабильных мест работы, массовое нашествие гостей-едоков по субботам, непорядки на кухне, постоянные

попытки кибуцников увильнуть от вспомогательных работ и работ по обслуживанию. Причина этого бедствия, по мнению Энцо, в том, что подобного рода работы не доставляют морального удовлетворения.

Протоколы общих собраний, как и газеты, дают всегда лишь искаженное и однобокое отражение реальной жизни. Лишь немногие приходят на собрание для того, чтобы похвалиться достижениями (таких ораторов плохо слушают). Чаще всего люди собираются, чтобы критиковать, требовать, излить ту горечь, что накопилась в душе. Ада, которая тогда работала на вещевом складе, тоже выступала на собраниях со своими претензиями: объем работы очень возрос; у 80 товарищей нет шкафчиков для одежды, их вещи валяются на столе и под столом; катастрофически обстоит дело с постельным бельем и со спецовками; у части товарищей нет субботней одежды.

У всех женщин и девушек кибуца было собственное субботнее платье, но для личной субботней обуви денег пока не хватило. Кибуц приобрел по одной паре "парадной" обуви всех номеров, и девушка, которой надо было ехать в город, брала ее на складе и возвращала, вернувшись в кибуц. Иногда церемония обмена обуви происходила у автобусной остановки: вернувшаяся из города снимала туфли и отдавала их той, что собиралась ехать в город...

Ада сдружилась с семьей Хаима Вейцмана, которая поселилась здесь, когда открылся исследовательский институт имени Даниэля Зива. Вейцманы снимали маленький домик и лишь впоследствии построили собственный, более просторный. В один из своих визитов Ада оказалась одна в комнате Веры — жены Хаима Вейцмана, и она долго в задумчивости стояла у полки с обувью: там было три дюжины, тридцать шесть пар — туфли, сандалеты, сапожки, ботинки, тапочки, галоши, и все это принадлежало одной женщине... Вера Вейцман, неожиданно вошедшая в комнату, вспоминала потом в течение многих лет выражение удивления и восторга, застывшее на лице кладовщицы Ады.

При всей своей любви к семье и постоянной заботе о ней, Энцо самостоятельно решал вопрос о своих заграничных поездках. Еще в начале 1935 года руководители сионистского "Основного фонда" хотели направить его в страны Южной Америки для сбора средств. В сохранившейся Памятке отмечено: "Г-н Серени сказал, что он лишь недавно вернулся из заграницы и не хочет сейчас оставлять семью и кибуц. Он обещал примерно через 11 месяцев выполнить эту миссию при условии, что на его отъезд будет дано согласие кибуца и Исполнительного комитета Гистадрута". Но Исполнительный комитет собирался использовать этого, так хорошо зарекомендовавшего себя, эмиссара в собственных целях: послать в США как представителя "Гехалуца". Служ об этом дошел до Зеэва Орбаха, находившегося тогда в Берлине, и тот не скрывал своего недовольства, считая, что Энцо не должен сейчас покидать страну. Энцо же хотел ускорить эту поездку. Вот что он писал Орбаху: "По сути дела, все зависит от меня, но я еще сам не знаю, что буду делать, хотя для того, чтобы мне не мешали и не навязывали своего решения, я с одними говорю о поездке как о деле решенном, а с другими — как о деле весьма сомнительном. Я согласен с многими твоими возражениями относительно моей поездки, но нет у меня сейчас интереса активно участвовать в общественной жизни кибуца и еще менее — в политической жизни страны".

В ту пору Энцо носился с мыслью завершить книгу — исследование о молодом Марксе и мечтал, по собственному признанию, "поселиться на уединенном острове, где нет евреев, уединиться и не ехать в Америку. Но об этом трудно рассказать в письме..."

Начиная от вероучителя Моисея, все наши вожди и руководители время от времени испытывали чувство усталости от богоизбранного народа, но не у каждого из них была возможность уединяться, подобно Моисею, на горе Синай...

Абсорбция немецких евреев и перевод еврейских капиталов из Германии в Эрец-Исраэль была одной

из центральных тем на XIX сионистском конгрессе, который состоялся в августе 1935 года в Люцерне (Швейцария). Это был единственный сионистский конгресс, в котором Энцо Серени участвовал в качестве полноправного делегата. Он был в составе рабочей фракции конгресса, насчитывавшей 209 человек из общего числа 463 делегата. И когда один из лидеров ревизионистов стал демагогически обвинять рабочую фракцию в том, что она торгует и заключает сделки с агентами Гитлера и извлекает выгоды из еврейского капитала в Германии, Энцо выступил на генеральной ассамблее конгресса в первый и в последний раз в жизни. Он с воодушевлением защищал перед "еврейским парламентом в пути" действия эмиссаров рабочего движения в Германии, говорил о тысячах молодых людей, которых удалось вызволить из галута (изгнания), привезти в Эрец-Исраэль и абсорбировать в "коллективных социалистических хозяйствах, на которые так гневается господин Гроссман". Далее он продолжал:

— Я знаю, что в процессе спасения немецких евреев мы вынуждены были использовать все средства и идти на такие действия и ухищрения, которые порой претили нам самим и с которыми нелегко было согласиться. И все же мы шли на это, так как знали, что большой и трудный процесс исхода еврейского народа из Германии... не мог быть осуществлен с помощью протестов и деклараций, а требовал практических дел, подготовки молодежи, перевода денежных средств из Германии в Палестину, дабы они могли служить нашим национальным организациям... И если бы не наши рабочие поселки и не рабочие коллективы, не трудовые коллективные хозяйства, тысячи молодых людей, которые прибыли из Германии в пору тягчайшего кризиса в жизни немецких евреев, не нашли бы у нас в стране убежища и места, где можно жить, работать и постепенно входить в русло нормальной трудовой еврейской жизни. Я думаю, что всем, кто активно участвовал в этой акции в Германии и в Эрец-Исраэль, нет причины стыдиться того, что крушение ев-

рейства Германии мы смогли использовать для строительства Эрец-Исраэль.

На этом конгрессе председателем сионистского руководства избрали Бен-Гуриона. То была большая победа рабочих фракций конгресса, так как эта должность ранее в течение многих лет находилась в руках "общих сионистов".

В это же время в Швейцарии происходило и другое чрезвычайно важное обсуждение. Лига Наций искала выход из сложного положения, в котором оказалась в результате нападения Муссолини на Эфиопию. Правительства Британии и Франции готовы были пойти на соглашение с Муссолини и отдать ему плодородную низменность этой страны, оставив в руках Хайле Селассие только древнее горное царство (разумеется, не испрашивая на то его согласия). Но когда этот коварный план получил огласку, во всем мире поднялась буря негодования, и тайные переговоры были прекращены. Муссолини начал военные действия в Эфиопии. Лига Наций приняла решение об экономических санкциях и о прекращении выдачи кредитов Италии, но ни одна держава не пришла на помощь Эфиопии своими вооруженными силами.

В Эрец-Исраэль реакция на эту войну была весьма тревожной. Если так случилось с христианским государством, которое уже много поколений является независимым и самостоятельным, членом Лиги Наций, какова будет участь еврейского ишува, который воздвигает свой Дом в несравненно более сложных и трудных политических и общественных условиях? Если международный договор не имеет силы, а обязательства нарушаются без зазрения совести, что остается делать слабому? Только одно: перестать быть слабым и укрепиться в меру имеющихся возможностей.

..."Заметно" выросло в стране число репатриантов из Италии: в Палестину прибыл еще один итальянский халуц Нино Гирш, оставшийся верным своему слову со времен конференции в Ливорно, состоявшейся десять лет назад. Он шел по стопам Энцо и присоединился к кибуцу Гив'ат-Бреннер. Переселился в

Палестину и редактор газеты "Исразель" Альфонсо Пачифичи с женой, дабы четверо их детей и в особенности шестилетний сынишка воспитывались в стране предков. Пачифичи поселился в Иерусалиме, он с трудом зарабатывал на жизнь и все более и более укреплялся в своей вере, что избавление избранного народа придет лишь тогда, когда тот всей душой обратится к иудаизму. Энцо время от времени посещал своего прежнего учителя и редактора, но отношения между ними обострились. Почифичи сердился на Энцо не только потому, что тот сам забросил пути Господни, но повлек за собой и других, и, в частности, Нино Гирша.

И вдова Энрико Дебора Серени вернулась в страну вместе со своей маленькой дочуркой Адой и начала работать на опытной станции в Реховоте в качестве специалиста по патологии растений. Энцо не удалось уговорить ее вступить в кибуц Гив'ат-Бреннер, и он довольно регулярно посещал ее в Реховоте и забавлялся с маленькой Адой, дурачился, возил ее на себе, усадив на плечи или высоко вздымая кверху — так бы играл с ней Энрико, если бы был жив...

Младший из братьев Серени Мимо был освобожден из тюрьмы после того, как отбыл пятилетний срок заключения — он попал под амнистию, объявленную королем Виктором Эммануилом по случаю рождения внука, сына наследника престола. Однако Мимо обязан был дважды в день являться в полицейское управление Рима. Он очень аккуратно это делал и вел себя внешне безупречно, втайне готовя побег из Италии. Коммунистическое подполье снабдило его фальшивыми американскими документами и дорогим кожаным чемоданом, дабы при переходе границы он выглядел, как американский турист. И однажды, сразу после регистрации в полиции (это было днем), он сбрил свою шикарную бороду, к которой все привыкли, и один из его товарищей-коммунистов отвез его, Ксению и маленькую Лею-Оттобрину (Октябрину) в Милан. Там они втроем сели в мягкий вагон экспресса, отправлявшегося в Париж. А когда настал час утренней явки в полицию, Мимо с женой и дочкой были уже по ту сторону границы.

Профессор Серени находился под покровительством короля, поэтому полиция не осмеливалась мстить ему. Родители, разумеется, не упускали ни одной возможности помочь беглому сыну деньгами и вещами.

В Париже семья Мимо находилась в очень стесненных обстоятельствах: он все свое время посвящал коммунистическому подполью, Ксения же пыталась немного подзаработать шитьем, но она, как и ее муж, была увлечена политической деятельностью и, подобно ему, не знала покоя: "Не могу себе представить полноценную семейную жизнь, если муж и жена не связаны общими идейными нитями и совместной практической деятельностью". Эта деятельность, как писала Ксения своей маме, не была для нее чем-то побочным, она была главным делом жизни так же, как и для Мимо, более важным для обоих, чем благополучие семьи и их двух дочерей (вторая родилась в Париже, уже после бегства из Италии).

Ксения Панфилова-Зильберберг, мать Ксении Серени, как известно, не была еврейкой, но она вместе со своими друзьями евреями переселилась в Эрец-Исраэль и жила в кибуце Наан. Перед ней Ксения-младшая поставила однажды кардинальный вопрос: вправе ли она, член коммунистической партии, вступать в близкие отношения с людьми, которые не являются коммунистами? И когда ей стало предельно ясно, что "те, кто не с нами — против нас", она решила порвать всякие отношения с родной матерью.

Верно, у нее на сердце было нелегко, она опасалась, что этот шаг причинит матери страдания. Но так как революционеры не имеют право на сомнения, она написала маме прощальное письмо: "Именно потому, что ты посвятила заботам обо мне всю жизнь, сделав все для того, чтобы я была здорова телом и душой, я знаю, ты не осудишь мое решение, но воспримешь его мужественно и даже поможешь мне и поддержишь меня в эту трудную минуту. Я не буду тебе писать, а ты не пиши мне, но ты ведь знаешь, что ты моя мама и всегда будешь ею, и вся моя любовь, вся моя привязанность направлены к тебе, и все, что человек чувствует по

отношению к своей матери, все это испытываю я, как прежде, больше даже, чем прежде“.

Ксения Панфилова выполнила волю дочери и больше ей не писала.

Когда Энцо вернулся из Швейцарии домой, — разумеется, через Италию и в дни осенних праздников, — его поездка в Соединенные Штаты по заданию "Гехалуца" была уже делом решенным.

Глава четырнадцатая НОВЫЙ МИР, СТАРЫЕ БЕДЫ

Секретариат Исполнительного комитета Сионистской организации, решивший послать Серени в качестве эмиссара "Гехалуца" в Соединенные Штаты, потребовал, чтобы он выехал возможно раньше. На заседании в партии Мапай, посвященном обсуждению вопроса о состоянии сионистского движения в странах рассеяния, выступил Залман Рубашов (впоследствии Залман Шазар, третий президент государства Израиль). Он говорил о большой помощи, которую люди, подобные Энцо Серени, могут оказать сионистскому движению в Америке.

В Соединенных Штатах у еврейского рабочего движения в Эрец-Исраэль было много верных друзей, группировавшихся вокруг партии "Поалей-Цион". С 1922 года в Америку ежегодно выезжала делегация Гистадрута, чтобы возглавить кампанию по сбору средств для трудовой еврейской Палестины. Но эта делегация пользовалась влиянием преимущественно среди выходцев из стран Восточной Европы, людей, хорошо помнивших свою старую родину и познавших нищету и тяжкий труд в переполненных и скученных мастерских новой родины в первые годы акклиматизации. Молодежь, не испытывавшая все это на себе, знала недавнее прошлое по рассказам своих родителей, говоривших на идиш и связанных тысячью нитей с культурой и традициями еврейства. Многие из них были выходцами из сионистско-социалистических движений, в том числе Бен-Гурион, Бен-Цви, Берл Кацнельсон, Голда Меир. Немало активистов прибыло в Америку из Палестины, где они не смогли найти для себя работы и хлеба. Таким образом, у делегации Гистадрута в Новом Свете были друзья, единомышленники, преданные сторонники, но не кандидаты для алии.

Это поколение приложило очень много сил и энергии для акклиматизации (подчас в два-три этапа), и оно устало и не было способно сняться с насиженных мест и все начать с начала.

Поколение, родившееся и выросшее в Соединенных Штатах, сформировавшееся там, чувствовало себя прежде всего поколением американцев. Оно пустило корни в американской культуре, и сионизм его мало интересовал. Молодежное халуцианское движение было малочисленным, алия — ничтожная, и никто из деятелей Гистадрута не мог найти пути к сердцу этой молодежи. Потому-то и решили послать к ним Энцо — интеллектуала, воспитанного на культуре Запада, динамичного, далекого от рутины, показавшего в Германии, на что он способен.

Ясно, почему Гистадрут остановил свой выбор на Энцо, но спрашивается, почему Энцо согласился ехать менее чем через год после возвращения из Германии? Побудительные причины были разные — и естественное для него желание узнать новый мир и новую культуру, и внутреннее беспокойство, и неудовлетворенность своей работой в стране.

Был ряд предложений об его использовании на аппаратной работе в рабочем движении, но это были должности второго, а то и третьего ранга. Руководители Гистадрута любили Энцо, ценили его способности, но он все же оставался для них "человеком со стороны", отличным от них, слишком самостоятельным и независимым, способным на разные "проделки". Но выбор пал на Энцо, так как все верили в успех его миссии. Он же сам рассматривал себя не как посланца какой-то одной организации, выполняющего конкретные задания, а как эmissара всей еврейской рабочей Палестины, как человека, на которого Провидение возложило миссию пробудить евреев всего мира для их возвращения в Сион.

Финансовое положение "Гехалуца" в Америке было очень тяжелым. В его кассе фактически не было ни гроша. Трудно было себе представить, что такая бедная организация может содержать представителя из

Эрец-Исраэль, да и сам Энцо не хотел этого, пока он еще не создал "Гехалуца", достойного столь почетного имени. Он не желал также пользоваться деньгами американского Гистадрута: "Это — из принципиальных соображений, дабы обеспечить себе достойную позицию. Полагаю, что в первое время, до приезда жены и детей, я смогу существовать на 25 фунтов стерлингов в месяц". В Америке это было более чем скромная сумма.

Финансовое положение "Гехалуца" было верным выражением его малозначительности в глазах сионистских руководителей Америки и отражало его истинную роль в партии Поалей-Цион: хилое растеньице, в некоторой степени украшающее общие собрания... Можно его в какой-то мере использовать также для сбора денежных средств в Керен Каамет. Вопрос об алии даже не стоял на повестке дня. Во всем американском "Гехалуце" насчитывалось едва ли 200 членов, из них было немало "мертвых душ".

28 января 1936 года Энцо отправился на пароходе "Мажестик" из Саутгемптона в Соединенные Штаты. Перед самым отъездом он писал Исполнительному комитету: "Не оставляйте меня без всяких средств. Только дорога стоит 25 фунтов плюс полфунта до Саутгемптона. Я приеду в Америку с 14 лирами в кармане. Это нехорошо"...

...Он работал с большим размахом. Энцо встретился с раввином Стефаном Вайзом, одним из руководителей американских сионистов, и тот обещал попытаться раздобыть десять тысяч долларов для "Гехалуца". И хотя Вайз был очень осторожен в своих формулировках и свое обещание сопровождал разными оговорками, Энцо сразу начал строить обширные планы деятельности. На первом официальном заседании центра "Гехалуца", состоявшегося на Бродвее, 1225, он говорил об издании книг, в том числе антологии о Бреннере, Брохове и Гордоне, сообщил, что журнал "Гехалуц" будет отныне выходить регулярно каждый месяц и даст своим читателям обильную информацию и разнообразные материалы на культурные темы. Он выразил мне-

ние, что акцент в работе должен быть сделан на подготовке молодежи к репатриации. — Надо изменить весь образ жизни людей, а это возможно лишь с помощью "гахшары" — подготовки к трудовой жизни в кибуце". По словам Энцо, в то время в Соединенных Штатах было 60-70 кандидатов на алию, и нужна была подходящая ферма, где они могли бы овладевать сельскохозяйственными навыками. И, несмотря на сомнения в разумности такого шага (с финансовой точки зрения), Энцо начал переговоры о покупке фермы.

Его выбор пал на Карим Ридж — ферму в 140 акров земли близ реки, с плавательным бассейном, столовой на двести мест и гостиницей из 23 комнат. Все это стоило очень дешево — лишь 12 500 долларов. Он уплатил 1000 долларов наличными — эти деньги были взяты из сбережений членов "Гехалуца", готовившихся к репатриации. Остальную сумму он должен был выплатить в рассрочку по 60 долларов в месяц. Спустя некоторое время на этой ферме состоялся летний семинар, которым руководили Энцо Серени и Залман Рубашов — он в ту пору находился в Америке по заданию Гистадрута. Из 70 постоянных участников семинара лишь 15 были членами "Гехалуца", остальные же состояли в "Лиге друзей трудовой Эрец-Исраэль" и в "Молодой Гадасе". Семинар повлек за собой 800 долларов убытка, но Энцо был доволен: доклады привлекли внимание, усилили его престиж и увеличили количество друзей "Гехалуца".

Энцо менее всего был склонен вариться в мини-аюрном котле местного "Гехалуца". Он стремился завоевать новые широкие круги, привлечь к активной работе молодую интеллигенцию, проникнуть в университеты и строить будущее "Гехалуца" в соответствии со своими представлениями. Его концепция была ясной: "Я сознательно сконцентрировал свою деятельность, — писал он, — лишь на одной части американского еврейства — той, что не только говорит на английском, но и живет интересами англоязычной среды. Как известно, значительная часть местного еврейства продолжает разговаривать на идиш и на нем же удов-

летворяет свои культурные запросы. Если в Германии, может быть, из-за близкого родства языков и малочисленности еврейского населения, языковая связь была прервана еще в первом поколении, в американско-еврейской культуре этого не произошло. Нашлись многие, которые не только продолжали говорить на идиш, но и пытались возродить в американской диаспоре этот язык и его культуру. Но это им не удалось, несмотря на свою преданность делу и упорное желание увлечь своим идеалом молодое поколение, родившееся в Соединенных Штатах. Поэтому образовалась глубокая пропасть между ними и их детьми, которые растут и воспитываются в чуждой старшему поколению среде. Я заранее отказался от мысли проникнуть в духовный мир этих евреев. Вся моя жизнь и та среда, откуда я пришел, сделали меня совершенно непригодным для работы среди них. Все свои надежды я возлагаю на ассимилированную молодежь, родным языком которой стал английский“.

В результате экономического кризиса начала тридцатых годов среди еврейской молодежи, как и среди американской интеллигенции вообще, выросла тяга к радикальному социализму и к коммунизму. Это тогда казалось многим единственно возможным ответом на "болячки" капитализма. "Я слышал, что марксизм очень распространен в Соединенных Штатах", — спросил Энцо вскоре после приезда в Америку редактора газеты, выходившей на идиш "Дер идишер кемфер" (орган Поалей-Цион) Шломо Гродзенского. Когда тот ответил положительно, Энцо реагировал с большим воодушевлением: "Отлично! Я умею и по-марксистски обосновать сионизм!" На вопрос удивленного Гродзенского, марксист ли он, Энцо ответил с обидой: "Вы что, принимаете меня за идиота?" — и громко рассмеялся.

Верный своей линии, Энцо часто читал доклады в студенческих аудиториях о марксизме и сионизме. Начав свое турне по Соединенным Штатам, он выступил перед студентами и лекторами университета в Чикаго о социалистическом подходе к еврейскому вопросу, и на своем специфическом ломаном английском, на который

не распространялись законы грамматики и произношения, выразил уверенность, что если бы Карл Маркс был жив, он стал бы сионистом.

Слушатели высказали резкое несогласие с этим тезисом, и один из них процитировал слова Маркса, свидетельствующие об обратном, но Энцо не смутился. Он вынул из кармана небольшую книжку и провозгласил:

"Вы ошибаетесь, уважаемый. Случайно у меня при себе есть томик сочинений Маркса, к сожалению, на греческом, ибо я люблю читать Маркса на всех языках, и я прочту вам кое-что в дословном переводе". То, что Энцо прочел, опровергало доводы его оппонента, и тот смущенно умолк... После доклада чикагский представитель "Гехалуца" Джо Крейден, сопровождавший его, спросил у Энцо: "Почему у вас оказался Маркс именно на греческом?" На это Энцо ответил с явным удовольствием: "Не Маркс и не греческий... Просто книжка, которая случайно оказалась в кармане..."

Джо, которого Энцо поразил при первой же встрече (он принял его в своем номере в гостинице "Мориссон" в Чикаго после душа в чем мать родила), был просто очарован им и пошел за своим кумиром в Нью-Йорк, чтобы работать в центре "Гехалуца" за смешотворное жалование (которое нередко на завтра же отбиралось, чтобы на эти деньги приобрести марки для рассылки газет). Энцо был безжалостным работодателем, но бьющая в нем через край энергия влекла неудержимо, как водоворот, и молодые американцы шли за ним, как правоверные хасиды за своим ребе...

После приезда Ады с детьми, семья Серени вместе с активистами "Гехалуца" стали жить коммуной. Ада отказалась от гнетущей гостиницы, которую им предложили, и отправилась на поиски квартиры — в соответствии со своим вкусом и характером — в благоустроенный район Риверсайд Дрейб, на берегу реки Гудзон. И ей удалось найти очень большую хотя и запущенную квартиру с окнами, обращенными к реке, за относительно недорогую плату (если поделить ее на 10-14 будущих жильцов). В глазах швейцара в ливрее, который всегда находился у входа, Ада была "госпо-

жей Бейт-Халуц“, которая получала огромное количество писем, и ему лишь казалось странным, почему господа с седьмого этажа, живущие в столь просторной квартире, время от времени одалживают у него, как бы между прочим, мелочь для поездки в метро...

Энцо из принципиальных соображений хотел жить коммуной, Ада же — для того, чтобы не быть одинокой в большом городе и привязанной к дому во время очень частых отлучек Энцо.

Ада следила за чистотой в двух комнатах, где они жили, а также в общей столовой и кухне. Остальные комнаты убрали в меру сил и желания члены коммуны, число которых колебалось в пределах десяти. Ада готовила только для своей семьи, но когда голодные члены коммуны поздно ночью возвращались домой, они, разумеется, поедали все, что находили в холодильнике. Пытаясь спасти приготовленные ею блюда от саранчи, Ада оставляла на кастрюлях записки: “для детей“, но это не всегда помогало. Обедали работники “Гехалуца“ вне дома — чаще всего закусывали сендвичами, а в хорошие дни — в одном из небольших итальянских ресторанчиков, обнаруженный Энцо по пути на работу. Там он быстро сдружился с официантами, жителями района и многими посетителями.

Осенью Энцо уже чувствовал себя в Америке как дома. Муки акклиматизации были позади, газеты приходили регулярно, и личные связи умножались с каждым днем. “Если я должен был бы выразить в одной фразе все, чему научился за первые месяцы моего пребывания здесь, я бы сказал: способность подходить к местным жизненным явлениям непредвзято и без того, чтобы постоянно сравнивать их с аналогичными явлениями, с которыми я встречался в еврейской жизни других стран... Мне кажется, — писал он далее, — что сейчас у меня есть основа для активных действий, и с октября, я полагаю, мне удастся поставить “Гехалуц“ на ноги“.

Несмотря на решение Исполнительного комитета предоставить в его распоряжение 500 фунтов стерлин-

гов в год и обещание Бен-Гуриона лично позаботиться о дополнительных 200 фунтах в год, Энцо остался без денег и залез в долги. "Я не думаю, — писал он, — что у Гистадрута будет когда-либо другой эмиссар, который сможет довольствоваться столь малым, как я и моя семья". Исполнительный комитет выслал ему пока всего лишь 150 фунтов.

Дела американского "Гехалуца", которые представлялись столь важными, когда Энцо отправился за океан, сейчас оказались второстепенными — в свете кровавых событий, захлестнувших Палестину в апреле 1936 года. Если мусульманский фанатизм казался многим решающим фактором погромов 1929 года, прокатившихся по стране, то ныне не было ни малейшего сомнения в чисто политическом характере событий. Было ясно, что организовали погромы арабские националисты, и цель их — ликвидировать Декларацию Бальфура, прекратить репатриацию евреев, запретить евреям приобретать земли и уничтожить уже имеющиеся еврейские поселения. Убийства на дорогах, нападения на поезда, поджог домов, засады на полях и в цитрусовых садах, угроза физическому существованию ишува, а в завершение — всеобщая продолжительная забастовка арабов — все это должно было по замыслу организаторов расшатать также экономику еврейских поселений.

Эти события вызвали широкие отклики в Соединенных Штатах. Молодые американские евреи, многие из которых находились под сильным влиянием антисемитской коммунистической пропаганды, стремились доискаться корней проблемы, выяснить, каков истинный характер отношений евреев и арабов. Энцо решил издать антологию, посвященную этой теме, которая была также центральной темой при его встречах с широкой публикой.

Антология "Евреи и арабы в Эрец-Исраэль — исследование национальной и колониальной проблемы" под редакцией Энцо Серени и писателя и социолога Р. Ашри вышла в свет летом 1936 года. В нее вошли статьи Хаима Арлозорова, Давида Бен-Гуриона, Моше

Бейлинсона и одного из руководителей киббуцного движения Иакова Хазана, теоретический труд Хаима Гринберга (редактора "Джуиш Фронтьер", журнала еврейской интеллигенции, издаваемого "Лигой друзей трудовой Эрец-Исраэль"). "Есть ли у сионизма империалистическая тенденция?" и реферат на сорока страницах Энцо Серени "Навстречу новой ориентации в политике сионизма". В ней с исчерпывающей полнотой излагались его взгляды, выкристаллизовавшиеся на основании опыта, приобретенного им со дня переселения в Палестину. Правда, многие из этих статей, включая и работу Энцо, были уже опубликованы ранее почти в той же редакции около трех лет назад в Германии в брошюре, которую издал "Гехалуц", когда Энцо жил в Берлине. Но тогда и брошюра, и выраженные в ней новые идеи Энцо были поглощены водоворотом событий и прошли почти незамеченными. Теперь же, когда эта антология вышла в виде книги и была разослана активистам сионистского движения в стране и во всем мире (Энцо лично послал один экземпляр Хаиму Вейцману, приложив письмо, в котором характеризовал книгу как часть его усилий мобилизовать симпатии прогрессивных сил к сионистскому движению), это издание вызвало многочисленные отклики. Вопрос о взаимоотношениях двух народов стал после кровавых столкновений 1936 года в центре интересов еврейской диаспоры, в особенности евреев Запада, весьма чувствительных к вопросам общечеловеческой справедливости.

В начале своей статьи Энцо вскрывает отсутствие ясной политической ориентации в сионистском движении в рамках мировой политики. Он говорит о слабости движения "Брит-Шалом" ("Союз мира"), которое выродилось в бессодержательную секту, и о провале ревизионистов из-за их прозападной ориентации. Энцо предлагал взять курс на независимый еврейский ишув в рамках панарабской федерации и таким путем укорениться в этом районе. В арабских "бунтах", которые, как правило, происходят в период быстрого развития еврейского ишува, Энцо видел естественное со-

противление всякого рода изменениям равновесия сил между арабами и евреями. Но "некоторые из наших мелкобуржуазных лидеров не в силах это уразуметь, и они обычно спрашивают: "мы так много делаем для арабов, почему же они против нас?" Арабские же националисты стремятся ликвидировать произошедшие изменения в соотношении сил и вернуться к положению, которое было в стране до сионистского эксперимента. Борьба арабов против евреев — борьба отчаянная, поскольку время работает в нашу пользу и против крайнего арабского национализма. Несмотря на все ограничения со стороны англичан, еврейские поселения превратились в большую политическую, экономическую и моральную силу, и ничто в мире не может уничтожить ее, хотя, несомненно, будут отступления и, возможно, замедлятся темпы роста и развития. Но так же, как нет такой арабской силы, которая способна была бы ликвидировать еврейские поселения, нет такой еврейской силы, которая была бы способна задержать развитие арабов, которое идет по следам еврейской репатриации и усиливается вместе с ней. Поворотный пункт в арабском национальном движении наступит лишь тогда, когда арабы хорошо уяснят себе, что всем нам давно известно — что они не в состоянии нас уничтожить. Наша задача, следовательно, найти базис для возможной в будущем арабской ориентации, а это несовместимо с проанглийской ориентацией..."

"Для еврейского рабочего движения, которое стремится к массовой алии, активная проарабская ориентация — политическая необходимость, имеющая решающее значение. Мы хотим поселить в стране миллионы евреев, и это не только изменит соотношение сил, но превратит арабское большинство в меньшинство. Если мы даже не стремимся создать еврейское большинство, а хотим лишь, чтобы в стране увеличилось количество евреев, результатом будет их преобладание, а отсюда — большие психологические трудности, которые будут мешать изменению позиции арабов в вопросе репатриации евреев. Часто говорят, что арабскому населению в стране следует противопоставить

не только нынешний еврейский ишув, но всех евреев, желающих сюда приехать, что вполне резонно. Если это так, то следует признать, что опасения арабов Палестины справедливы. Эту трудность можно преодолеть лишь тогда, когда мы придем к заключению, что, с одной стороны действительно стоит весь еврейский народ, а с другой стороны — не только арабы Палестины, но вся арабская нация, и место нашего сотрудничества — не Эрец-Исраэль, а вся арабская империя...”

“Уже долгое время арабский мир взвешивает идею всеарабской федерации. С историко-географической точки зрения Эрец-Исраэль и Сирия — это одно целое; с экономической точки зрения к ним принадлежит также Ирак. Такова исходная точка. Есть, правда, факторы, тормозящие развитие в этом направлении, и кто хочет, может утверждать, что не в интересах евреев ускорять процесс консолидации арабов. Действительно, таковой была общая тенденция официальной политики сионизма в течение ряда лет. Но из двух практических целей всеарабской федерации одна — экономическое единство арабских стран — можно сказать, является также сионистской необходимостью, если считаться с нашим быстрым экономическим развитием, для которого необходим более широкий рынок, чем Эрец-Исраэль. Поэтому мы должны стать той силой, которая будет всячески содействовать экономическому единству арабских стран...”

“Второе требование — политическое единство арабских государств, включая нашу страну — для нас единственный политический путь, дабы преодолеть противоречие между массовой репатриацией евреев и арабским населением Палестины в тот момент, когда арабы придут к пониманию, что нас нельзя истребить — а такое развитие возможно, — и тогда можно будет решить проблему включения Эрец-Исраэль, с согласия евреев, в широкие рамки арабской федерации. В ней арабы, представляя подавляющее большинство, не будут более опасаться еврейского большинства, и проблема соотношения сил внутри Палестины потеряет

свое значение. Условие для этого — изменение настроения в рядах сионистов и провозглашение нашей готовности присоединиться к арабам в их борьбе за единство...”

”Это не означает, что новая ориентация приведет к немедленному решению еврейско-арабской проблемы. Те арабские силы, которые готовы действовать с нами, не всегда находятся в пределах досягаемости. Но прежде всего мы должны распрощаться с образом мышления и разговорами, распространенными сейчас в сионистских кругах. Мы должны прекратить попытки повлиять на арабов, аргументируя экономическими выгодами, которые мы даем стране, или говорить о нашей миссии в арабском мире в свете общего прошлого на Ближнем Востоке и в Испании. Мы должны повернуться лицом к политической реальности наших дней с перспективой на будущее...”

”Цель сионизма — собрать еврейские массы в стране для продуктивного труда на основе тех рабочих мест, которые будут созданы еврейским капиталом, частным и общественным. Такая концентрация приведет к политической и экономической автономии еврейских масс. Но какова бы ни была форма этой автономии (паритетная, арабо-еврейская или автономия в рамках арабской федерации), она невозможна во враждебном арабском мире. Не следует путать автономию с изоляцией...”

Энцо считал, что англичане могут властвовать в стране силой мандата Лиги Наций лишь потому, что евреи и арабы не пришли к соглашению, и Британия — гарантия для обеих сторон, что ни одна из них не установит независимой национальной власти за счет другой. Верно, что англичане не заинтересованы в совместной родине и совместном государстве евреев и арабов, в котором для англичан не будет места в качестве высшей власти. Для передовых сионистских кругов есть лишь одна возможность: создать такую политическую силу, которая объединит интересы двух наций и обеспечит для каждой из них полную автономию во внутренней политике. Эта политическая сила может

образоваться лишь на экономической основе, существующей в Эрец-Исраэль, а это значит, что надо отказаться от раздельной еврейской экономики — в теории и на практике. Иными словами, нужно революционное изменение сионистского сознания. И чем скорее мы придем к новой ориентации, тем скорее обнаружатся силы, которые в состоянии привести оба народа к взаимопониманию.

Молодые евреи Соединенных Штатов сумели по достоинству оценить чистосердечие и откровенность Энцо, нарисовавшего, в соответствии со своими взглядами, четкую картину еврейско-арабских отношений в Эрец-Исраэль и потребовавшего уделять палестинским арабам такое же внимание, как и евреям, но представители старшего поколения американских евреев, близкие к Гистадруту, были потрясены. Они нашли пути, чтобы доложить соответствующим инстанциям о своем отношении к этому эмиссару, который с первой же минуты своего появления в США не стал приспосабливаться к общепринятым нормам партии Поалей-Цион, представлявшей трудовую еврейскую Палестину в Америке. Он не считал нужным скрывать свое недовольство бесплодными дискуссиями по вопросам чести, которые здесь велись, и свое отвращение к формальной и мелкотравчатой "общественной деятельности", лишенной содержания. В Тель-Авиве, в Исполнительном комитете Сионистской организации были получены частные письма из Америки, конфиденциально сообщавшие о публичных выступлениях Энцо по вопросам арабо-еврейских отношений и о его позиции, явно противоречившей позиции Гистадрута.

"В этих письмах говорится, — писал в адрес Энцо из Исполнительного комитета И. Марминский, — что наш представитель по вопросам воспитания молодежи сказал в своей речи, что не следует пользоваться термином "Эрец-Исраэль", а надо говорить "Палестина"; он отметил, что не следует говорить об арабских бандах, а надо говорить о "представителях национального движения". Он ясно и откровенно провозгласил, что "мы умаляем права арабов"; он требовал, чтобы "Гну-

ва“ принимала на работу арабов, чтобы мы прекратили борьбу за еврейское производство, чтобы не называли Тель-авивский порт еврейским портом и т. д. Во всех письмах чувствуется возмущение, и все задают один вопрос: или Гистадрут скрывает от нас факты, которые известны вашему эмиссару Серени, утверждающему, что евреи умаляют права арабов, или товарищ Серени выражает свое личное мнение. Это, разумеется, не возбраняется, но не тогда, когда он говорит от имени Гистадрута. Я знаю, что тебе всегда удавалось сохранять независимость своих суждений и своей позиции — с одной стороны, и не нарушать официальной линии Гистадрута — с другой. И я с большим волнением жду твоего ответа“.

Энцо обиделся: разве не следовало ему сообщить, кто авторы этих писем? Разве члены Исполкома настолько не доверяют ему, что сомневаются в его способности не выходить из рамок дозволенного этикой Гистадрута внутри страны и вне ее?

Что касается обвинения, что он против названия "Эрец-Исраэль" и за "Палестину", то дело обстояло так. Энцо участвовал в дискуссии, где все ораторы выступали на идиш. Не владея этим языком, Энцо говорил по-немецки. "Естественно, я употребил термин "Палестина". Когда же меня спросили, почему я не пользуюсь названием "Эрец-Исраэль", я ответил: "Потому что сейчас говорю по-немецки, и таково название этой страны по-немецки. Из этого надо сделать вывод: в сознании неевреев и в сознании арабов наша "Эрец-Исраэль" — Палестина, и мы должны считаться с этим фактом и сделать должные выводы“.

Энцо подчеркнул, что он не говорил об умалении прав арабов, а лишь о том, что арабы не хотят нас, хотя мы никогда не умаляли их прав. "Я старался уяснить себе, почему арабы противятся нам, почему даже честные и неподкупные арабы — против нас, и пытался объяснить это национальным характером арабского движения, которое в настоящее время предпочитает политическую свободу и политическую власть экономическим выгодам. И последнее замечание: не

думаю, что был еще кто-либо, кто бы так упорно боролся, как я, дабы объяснить, как много мы сделали в стране и как много предъявляют нам напрасных обвинений. Но я критикую нашу политическую ориентацию, делаю это уже в течение многих лет и продолжаю делать и поныне“.

После этого объяснения недоразумение было как будто ликвидировано. Но ощущение обиды и отчужденности у Энцо осталось. Чувство одиночества усилилось после смерти Моше Бейлинсона — он скончался 19 ноября 1936 года от сердечного приступа. "Это известие едва не свело меня с ума", — писал Энцо в Исполнительный комитет. Ведь из всех руководителей Гистадрута Бейлинсон был для него самым близким человеком: другом, опорой, советчиком, учителем.

...Трудно сказать, сколько людей примкнуло в Америке к халуцианскому движению благодаря Энцо, сколько репатриировалось под его влиянием, сколько приблизилось к Эрец-Исраэль; сколько было таких, для которых встреча с Энцо явилась поворотным пунктом в их жизни. То не были тысячи — американская действительность 1936 года мало способствовала этому. Но в одном несомненно Энцо отличался от всех эмиссаров, которые приезжали в Соединенные Штаты до него и после: его пребывание там оставило заметный след на многие годы. Он умел привлекать людей, легко вступал с ними в контакты и завоевывал их доверие. Во время каждой из своих многочисленных поездок по стране он вербовал таких людей, которые казались ему подходящими для активной работы, и направлял их в центр "Гехалуца".

Случалось, что гуляя по парку, он встречал незнакомую девушку и, подойдя к ней и пристально взглядываясь, спрашивал: "Вы еврейка?" Получив утвердительный ответ, он задавал "ключевой" вопрос: "Почему же вы не едете в Палестину?.."

Познакомившись с Беном Гальперном, питомцем Гарвардского университета, владевшим ивритом, активистом сионистской студенческой организации Бостона "Факел" (его направила к нему Голда Меерсон),

Энцо сразу решил, что он подходит на должность секретаря американского "Гехалуца" — и добился его утверждения на этом посту.

Финансовые дела были вечным источником недоумений между Энцо и его помощниками. По его мнению, все деньги — его собственные, членов коммуны, его семьи, "Гехалуца", "Строителей" — призваны были служить одной цели — нуждам Эрец-Исраэль, и он не делал между ними различия. Он совершил турне с докладами от океана до океана, собирая деньги для еврейских поселений и для "Гехалуца". Он взял деньги "Гехалуца", предназначенные для алии (американские халуцы покрывали все расходы, связанные с репатриацией их членов) в качестве ссуды для покупки фермы.

Американцы не привыкли к такой "бухгалтерии". Саадья Гельб, ответственный за летний лагерь "Строителей", закончил сезон без убытков, чем очень гордился, и среди имущества лагеря оказался к тому же старый тендер. Энцо предложил приобрести его для "Гехалуца". "Он обошелся вам в 80 долларов? Я уплачу за него 70".

Когда прошло несколько месяцев, а деньги так и не поступили, несмотря на напоминания, Саадья, предпочитавший вести отдельные счета двух родственных организаций, вызвал Энцо для объяснений к секретарю партии "Поалей-Цион" Давиду Вертгейму. Тот вынес решение: Энцо должен уплатить от имени "Гехалуца". Энцо согласился, но... так и не уплатил.

Энцо выехал на продолжительное время из Нью-Йорка, и секретарь "Гехалуца" Бен Гальперн воспользовался этим, чтобы частично расплатиться с самыми неотложными долгами. Когда Энцо вернулся, он гневно реагировал на это: по его мнению, следовало обождать с платежами, пока займодавцы, придя в отчаяние, не согласились бы довольствоваться половиной суммы. "Руководя финансами движения, надо исходить из предпосылки, что все, что на пользу "Гехалуцу", полезно всему еврейскому народу..." — говорил он.

Будучи "скрягой", когда надо было выплачивать жалование платным работникам "Гехалуца" (большинство из них получало 15 долларов в неделю, а на эти деньги можно было существовать, лишь жедая у друзей и знакомых), — он был очень требовательным, когда речь шла о работе. Энцо умел загружать людей по горло, но и сам работал больше всех. В какой бы ранний час ни прибывали активисты "Гехалуца" в темную контору на Бродвее, в которой царил классический беспорядок, они заставляли там Энцо. По утрам он был обычно погружен в чтение газет. Чтобы хоть раз опередить Энцо, Бен Гальперн однажды сразу после ночной поездки явился в контору и там прилег подремать. Когда в семь тридцать утра он проснулся, Энцо был уже на месте...

По инициативе Энцо "Гехалуц" стал издавать двухнедельные обзоры обо всем, что происходит в Эрец-Исраэль (по данным еврейской прессы). Материал подбирал Энцо, а Бен Гальперн переводил его на английский язык. Энцо просматривал газеты с невероятной быстротой и помечал "птичками" отрывки, подходящие для печати. Головокружительный темп, в котором он работал, вызывал зависть, но и порождал сомнения: не пропускает ли он при столь беглом чтении что-либо существенное. И когда работники "Гехалуца" однажды добросовестно прочли все газеты от корки до корки, они должны были признать, что не обнаружили и строки, заслуживавшей публикации, которая ускользнула бы от внимания Энцо.

Прибыв в Америку, он не владел английским, но начал изъясняться на нем, как только сошел с парохода. Он учился языку в процессе работы и общения с людьми. Одним из эффективных путей овладения языком он считал чтение газет, чем и занимался обычно по утрам. И когда сотрудники приходили в контору, Энцо встречал их обычно "последними известиями": "А я прочел сегодня в "Нью-Йорк таймсе" всю 23-ю страницу". Они устраивали ему экзамен. С точностью компьютера Энцо помнил страницу, колонку и содержание каждой прочитанной заметки... Он читал в ав-

тобусе, в метро, в поезде, между заседаниями, и окружающих.

жал своей страстью к чтению газет и журналов всех

Когда Джо Крейден как-то беседовал с ним о Якове Вассермане, Энцо заметил с пренебрежением: "Он сделал иудаизм темой романа, ничего не понимая в привлеченном материале. Я дам тебе книгу о евреях, и ты поймешь, что можно сделать из этого народа", — и принес для Джо "Историю евреев Италии" Сесилия Рота. Залману Рубашеву, который, как уже упоминалось, находился в Америке по поручению Гистадрута, Энцо дал для чтения "Историю евреев Рима" — труд Авраама Берлинера — еврейско-немецкого ученого конца XIX века. Рубашов — большой знаток еврейской истории — должен был прочесть эту книгу, которую Энцо основательно в свое время проштудировал, и сказать, нет ли нужды в дополнениях.

Залман Рубашов, большой любитель книг и друг всех почитателей книг, пригласил Энцо в городскую библиотеку Нью-Йорка на 42-ой улице и прочел ему отрывки из книги раввина Падуи XV века "Шаарей тшува" ("Врата раскаяния"). Энцо воодушевился—эта книга была для него открытием и в то же время доказательством того, что он знал издавна: еврейство Италии было некогда большой культурной силой, в общинах жизнь была ключом, и лишь в последний период этот живой источник стал обрастать тиной... Рубашов был рад такому восприимчивому, жадному до знаний ученику и поведал ему много интересного и поучительного из истории еврейства Италии.

У Энцо для каждого из друзей была своя "полочка", свой раздел. Для Рубашова-Шазара предназначался раздел, посвященный еврейским источникам и вере в Провидение — тут они были единомышленниками, хотя и социалистами по воспитанию и убеждению (каждый — на свой лад).

В канун Судного дня можно было видеть Энцо стремительно шагающего по улице с Даниэлем. Под мышкой он держал большую книгу в черном переплете. Повстречавший его редактор газеты "Дер идишер

кемфер“ Шломо Гродзенский пожелал ему счастливого Нового года и спросил, какую книгу он несет. ”Махзор“* — ответил Энцо. ”Ты собрался в синагогу?“ — ”Разумеется. Только в Судный день“, — ответил Энцо. ”Почему только в Судный день?“ — поинтересовался Гродзенский. ”Потому что это наш единственный религиозный праздник. Все остальные еврейские праздники — национальные“.

Однажды, гуляя с Гродзенским и детьми по улицам Нью-Йорка, Энцо спросил:

— Если сионизм потерпит поражение... чего ты на меня уставился? Где гарантия, что этого не случится?.. — к кому ты присоединишься — к коммунистам или к ”Агудат Исраэль?“**

— Разумеется, к ”Агудат Исраэль“, — ответил Гродзенский, не задумываясь.

Энцо похлопал его по плечу:

— Теперь я знаю, что ты настоящий сионист.

15 мая 1937 года Энцо и его семья покинули Соединенные Штаты и на пароходе ”Джорджия“ отправились в Англию. Энцо навсегда оставил Новый свет с его новыми и старыми нерешенными проблемами.

* Молитвенник, содержащий молитвы, читаемые в Рош-Гашана и Судный день.

** Всемирное еврейское ортодоксальное движение, объединенное в политическую партию.

Глава пятнадцатая С ПАЛКОЙ ПРОТИВ РУЖЕЯ

...Когда осенью 1937 года Энцо вернулся в свой кибуц (после нескольких месяцев пребывания в Лондоне и Париже, где он интенсивно работал по первоисточникам над исследованием о британском империализме на Среднем Востоке), там горячо обсуждался вопрос о строительстве школы для детей Гив'ат-Вренера. Их было недостаточно для организации самостоятельной школы, поэтому Гистадрут решил, что будущая школа будет обслуживать также детей соседнего поселения Шиллер. Энцо раздобыл у своей тети Эрмелинды Серени (вдовы дяди Анджело) солидный заем, который дал возможность приступить к строительству. Подруга Марии Монтессори, известной своими прогрессивными взглядами итальянской воспитательницы, тетушка живо интересовалась проблемами обучения и воспитания и время от времени посылала из Италии детям кибуца учебный материал и дидактические игры. Богатая старая дама, стройная и элегантная, прибыла на открытие школы, но остаться в стране не согласилась: ее корни были в Италии.

Как это принято в кибуцах и поныне по отношению ко всем, кто возвращается из-за границы, Ада после возвращения из Америки работала на кухне. У нее появились свои поистине революционные взгляды на организацию общественного питания: вместо одной огромной и шумной столовой кибуца она видела в своем воображении много небольших уютных столовых, куда пища подается из центральной кухни на подъемнике и распределяется методом самообслуживания. Эта идея опередила реальную действительность примерно на четверть века...

Отбыв обязательный срок работы на кухне, Ада перешла на консервную фабрику. Скромное начало ей

было положено, когда кибуц стал перерабатывать излишки овощей, накопившиеся в течение лета. Холодильных установок тогда еще не было, и в первые годы члены кибуца раздавали излишки огурцов безработным Реховота. Доходы от огорода составляли лишь четверть того, что давали внешние работы — из-за сильной конкуренции с дешевой арабской продукцией. Но собственные овощи не раз спасали кибуцников от голода. Было решено часть урожая овощей сохранить для мертвого сезона. Начали с засолки огурцов домашними методами, затем представитель кибуца был послан обучаться искусству консервации овощей, и уже два года в Гив'ат-Бреннер функционировала небольшая консервная фабрика, где солили и мариновали огурцы и маслины, варили варенье, шинковали капусту, готовили томатную пасту.

Это предприятие, которое призвано было решить проблему занятости пожилых людей, не принадлежало к числу процветающих. Осенью 1938 года казначей кибуца Израиль Мальвин потребовал от общего собрания ассигновать 1500 лир для механизации консервного производства, и кибуцники не скрывали своего недоумения: до каких пор мы будем продолжать залезать в долги?

Энцо Серени вскипел: "Нельзя больше терпеть вечные облыжные обвинения против предприятия, которое мы построили. Может создаться впечатление, что весь Гив'ат-Бреннер базируется на дефиците, а это неверно. Где еще построено сельское хозяйство на средства, сэкономленные поселенцами? Нигде нет хозяйства, которое бы обошлось дешевле нашего. Чего нам не хватает, это умения предвидеть. Стоит лишь появиться дефициту — и мы в отчаянии и отказываемся от намеченного дела, вырубаем насаждения, ограничиваем производство. Мы постарели и делаем слишком много расчетов, но мы не вправе пренебрегать своим будущим, а будущее — в многоотраслевом и всесторонне развитом хозяйстве".

Подавляющим большинством голосов кибуц решил усовершенствовать консервное производство, но про-

шло много месяцев, пока это решение стало претворяться в жизнь. Подлинное расширение началось лишь тогда, когда в результате Второй мировой войны были блокированы средиземноморские порты и в подмандатной Палестине началось острое развитие промышленности. Тогда завод "Римон" ("Гранат") заработал ускоренными темпами, снабжая продовольствием британскую армию. С течением времени Ада стала директором предприятия, и в этой должности она доказала кибуцникам (многие из них видели в ней лишь жену Энцо), что наделена незаурядными способностями, характером и организаторским даром.

В сентябре 1938 года Энцо снова едет в Италию, которая пошла по стопам Германии (в соответствии с пророчеством Энцо, вызвавшим в свое время негодование римских евреев) и расчистила почву для расового законодательства. Энцо пылливо присматривается ко всему, что там происходит. Свои впечатления он изложил в "Письмах из Италии", которые за подписью Тиберциус были опубликованы в трех номерах еженедельника "Гапоэль Гацаир" ("Молодой рабочий").

Ходили слухи, что король Виктор Эммануил противится политике расовой дискриминации, но когда в ноябре 1938 года потребовалась его подпись под расовым законодательством, он подписал все, что угодно было фашистам. На первом этапе еврейским детям было запрещено заниматься в государственных школах, еврейские учителя и преподаватели университетов были уволены. Многие профессии стали запрещенными, евреи были удалены со всех государственных должностей, из партии, из банков, из страховых обществ.

Расовые законы вызвали среди евреев Италии подлинный переполох. Известный издатель Анджело Формиджини выбросился из башни в своем городе Модена в знак протеста против абсурдных и чудовищных законов, но большинство евреев хранило молчание. Четыре тысячи поспешили принять христианство.

Благодаря вмешательству короля профессор Самуэле Серени оказался среди двух тысяч евреев, поль-

зующихся высоким покровительством — в этот список были включены семьи погибших во имя фашизма, награжденные военными крестами и легионеры Фиуме. Как ни упрашивал Энцо своих родителей репатрироваться, они не могли решиться на такой шаг и не захотели покидать Италии. Сестра Леа, ее муж Альберто Рокас вместе с тремя детьми решили переехать в Палестину, и Энцо начал хлопотать о сертификатах.

Когда Энцо находился в Европе, его искали в стране представители "Основного фонда". Его руководитель Лейб Яфе был старым почитателем кибуца Гив'ат-Бреннер, и он просил кибуцников освободить Энцо на три месяца для выполнения важной миссии в Египте. Вначале все противились и возражали (сам Энцо в это время находился в Швейцарии), но в конечном итоге обладатель итальянского заграничного паспорта № 628070 получил египетскую визу и билет на самолет Лод—Порт-Саид, страховой полис (тысячу лир на случай смерти и два тысячи лир на случай увечья) и в конце 1938 года отправился в Египет.

Чтобы подсластить пилюлю кибуцу, где очень многие возражали против этой поездки, было решено, что дневной заработок Энцо — 250 пиастров — будет во время его отсутствия переводиться на счет кибуца. Все расходы на содержание Энцо (гостиницы, питание и т. д.) взял на себя "Основной фонд". Главная цель этой командировки была в мобилизации средств богатых евреев Египта в пользу различных еврейских национальных фондов Палестины. В частности, он должен был провести большую разъяснительную работу среди евреев — выходцев из Италии, живущих в долине Нила. И уже в начале декабря руководство "Основного фонда" публично выразило свою радость в связи с первым успехом ее эмиссара в Александрии. Ему удалось "сломать лед" и завоевать симпатии семьи Пинто. Правда, дар барона де Менаше Пинто был весьма скромнен — двадцать фунтов стерлингов, но он намекнул, что, возможно, пожертвует еще тысячу фунтов.

Группа евреев Италии, спасаясь от расовых пресле-

дований, нашла временное убежище в Египте, и Энцо пытался переправить их в Палестину. И действительно, кое-кто из его давнишних друзей и знакомых последовал совету первого итальянского сиониста. Будь на то воля Энцо, он бы всю прибывшую из Италии молодежь собрал в Гив'ат-Бреннере и построил бы на землях, граничащих с его кибуцом, еврейско-итальянский поселок. Пока же там был построен лишь один единственный двухэтажный дом в виде стандартного куба, где должна была поселиться семья Рокаса (временно они жили в санатории), а впоследствии — Самуэле, Альфонса и другие.

Энцо привлек в Гив'ат-Бреннер Малькиэля Савальди, который вначале жил в Нахалале, собирая вокруг себя репатриантов из Италии. Несмотря на согласие Ицхака Табенкина на то, чтобы абсорбировать новоприбывших в рамках Объединенного кибуца, Гив'ат-Бреннер вначале резко противился приему земляков Энцо, так как они требовали кошерной кухни и строго соблюдали святость субботы. И только после энергичной разъяснительной кампании со стороны Энцо и Ады общее собрание решило в декабре 1938 года принять с испытательным сроком в один год около двадцати "итальянцев": кибуцники полагали, что за это время новоприбывшие привыкнут к новым условиям и перестанут соблюдать все религиозные предписания.

Кошерный стол сразу отделил новоприбывших от остальных членов кибуца. "Итальянцы" обедали не в общей столовой, где происходили основные товарищеские встречи, а в жалком бараке вместе с горсткой стариков-родителей, придерживавшихся обычаев предков.

"Итальянцы" сердились на ветеранов кибуца за их заносчивость, а ветераны распевали шутливые песни о макаронщиках, живущих в гетто...

Энцо уделял маленькой итальянской колонии очень много сил и энергии, стремясь свести к минимуму муки абсорбции. Он действовал так, будто их судьба всецело зависела от него одного. Это поколение "итальян-

цев“ росло в условиях тоталитарного режима, когда духовные горизонты были очень сужены, и в качестве противоядия Энцо предлагал всем новоприбывшим читать Бенедетто Кроче — властителя дум итальянских либералов, труды которого были запрещены в Италии. Встречая на кибуцных тропинках кого-либо из итальянской группы, он неизменно спрашивал: “Какие ты книги взял в библиотеке?”

Он читал им курс по истории социализма, переводил для них отрывки из книг Иосефа Хаима Бреннера, который не питал иллюзий и видел реальную действительность таковой, какая она есть, организовывал для них занятия по изучению Библии, следил за их успехами в овладении ивритом, заставлял их участвовать в общих собраниях и слушать на иврите последние известия возле единственного имевшегося в кибуце приемника. Весь субботний день он проводил со своими “итальянцами”: летом — на лужайке, возле санатория, зимой — в своей комнате; читал доклады, объяснял, учил, обнадеживал, шутил, пил с ними вино. Они его часто посещали, и его комната стала как бы филиалом Еврейского Агентства, доступным в любое время дня и ночи.

К нему приходили каждый со своими проблемами — сугубо личными, идеологическими, связанными с работой, и Энцо считал себя ответственным за судьбу каждого. И все же “итальянцы” были в растерянности. Они болезненно переживали некоторое пренебрежение к себе, вызванное их приверженностью традициям. Вопреки надеждам Энцо, что новоприбывшие повлияют на кибуцников и приблизят их к еврейским традициям (много лет он был единственным из членов кибуца, кто посещал в Судный день синагогу и постился весь день), традиции кибуца оказали более сильное влияние на “итальянцев”. Через год некоторые из них покинули Гив’ат-Бреннер и присоединились к религиозным кибуцам, остальные же перестали соблюдать святость субботы, отказались от кошерной пищи и перешли в общую столовую.

Энцо был как бы верховным комиссаром по делам

итальянских евреев в Палестине. Будь то халуцы или буржуа, он считал, что лично отвечает за их абсорбцию и занимался каждым в отдельности. Вместе с Аугусто Леви (адвокатом из Флоренции и — с 1933 года — председателем сионистской организации в Италии, который в 1938 году переселился в Палестину) Энцо основал организацию выходцев из Италии. Он сделал это, дабы ускорить их абсорбцию, а отнюдь не для того, чтобы культивировать новое землячество.

"Итальянцы", которые привезли сюда свою полированную мебель, старые книги и старинные семейные реликвии, держались друг друга в городах, старались селиться поблизости и жили несколько обособленно от других, иногда — в силу обстоятельств, иногда же — из-за высокомерного отношения к окружающим. Союз выходцев из Италии располагал небольшой комнатой на улице Либиенблюма в Тель-Авиве, и там обычно встречались репатрианты в первые, самые трудные месяцы пребывания в новой для них стране.

Как и во всех землячествах, здесь не было недостатка в разногласиях, и вскоре против Аугусто Леви и Энцо образовалась оппозиция. Но Энцо не был обескуражен критикой и умел терпеливо выслушивать каждого, относясь к недостаткам людей с отцовским снисхождением. Он знал по собственному опыту и из опыта других, что у многих репатриантов (и не только из Италии) период приспособления к новой действительности протекает, как своего рода болезнь. Человек теряет душевное равновесие, уверенность в себе, он нервничает, снедаемый сомнениями, и становится очень чувствительным ко всякой мелочи...

Энцо понимал их. И, кроме того, он их любил.

По мере того, как опасность Второй мировой войны становилась все более реальной, росло стратегическое значение арабских стран. Арабы использовали свой быстро растущий политический вес, чтобы усилить давление на британское правительство и заставить его отказаться от плана раздела Палестины, который назрел в результате выводов комиссии лорда Пила (после кровавых событий 1936 года). Эти выводы, опубли-

кованные в июле 1937 года, удивили всех. Комиссия пришла к заключению, что невозможно примирить стремления евреев и арабов, и поэтому Палестину следует разделить на три части: арабское государство, еврейское государство (прибрежная полоса и галилейская долина и часть Галилеи — примерно пятая часть Эрец-Исраэль) и подмандатная территория (между Иерусалимом и Яффо). План раздела вызвал гнев арабов — в свете примиренческой позиции Чемберлена — с одной стороны, и активную поддержку арабского национализма со стороны Гитлера и Муссолини — с другой.

И среди евреев возникла горячая дискуссия в связи с планом раздела Палестины. Некоторые видели в нем гибель сионистских устремлений, другие же рассматривали его как начало вызволения еврейского народа. И в рабочем движении были разногласия. Бен-Гурион считал, что план следует принять и образовать небольшое государство, которое послужит важным этапом для осуществления идеалов сионизма и даст возможность на протяжении ближайших 15 лет абсорбировать полтора миллиона евреев (по сто тысяч в год). Берл Кацнельсон был в числе самых непримиримых противников плана раздела, но единство сионистского движения было для него делом неизмеримо более важным, чем определение позиции, пусть даже справедливой, в этом вопросе, так как в реализацию плана он не верил. Поэтому, формально согласившись с компромиссным вариантом, он отверг план раздела, разработанный комиссией Пила, который не гарантировал евреям ни независимости, ни безопасности. Табенкин, верный своим принципам, акцентировал идею цельности и единства Эрец-Исраэль, которая не может и не должна быть расчленена. Особое значение имели, по его мнению, незаселенные части страны, и нынешнее поколение не имело права уступать их во имя грядущих поколений.

Дабы подчеркнуть свое отрицательное отношение к плану раздела, арабы провоцировали беспорядки, которые с 1936 года то усиливались, то затихали, а в конце концов начали перерастать в вооруженное восстание.

Они перекрывали дороги, взрывали поездку, рвали телефонные провода, устраивали засады, нападали на еврейские деревни. В сентябре 1938 года было сделано несколько выстрелов и по кибуцу Гив'ат-Бреннер. Решено было организовать круглосуточное дежурство. Некоторые еврейские поселения — Маалэ-Гахамиша, Хульда, Шфаим, Тират-Цви, Алоним, Рамат-Гаковеш — спаслись от арабских атак только потому, что располагали оружием. И в таких условиях Энцо заявил, что он будет дежурить у кибуца безоружным — совесть, мол, не позволяет ему пользоваться оружием...

Этот жест в духе Ганди вполне соответствовал его пацифистским убеждениям: решение арабо-еврейского конфликта придет лишь на основе мирных актов. Поэтому он еще чаще стал устраивать прогулки с детьми кибуца в близлежащие арабские деревни, старался усилить дружеские связи с соседями-арабами, особенно с жителями Зарнуги, организовал для них медицинское обслуживание, раздобывал кредиты, участвовал в их семейных торжествах.

Была известная логика в его отказе стоять на страже с оружием в руках, но был в этом несомненно и элемент эгоизма. Ведь ясно, что невооруженное еврейское поселение как бы приглашает арабов к нападению. В то же время трудно предполагать, что Энцо согласился бы пожертвовать своим детищем в решающую минуту без всякой борьбы (кибуц располагал мизерным количеством оружия — всего семью карабинами). Все кибуцники были членами Хаганы (подпольной организации обороны), и если бы речь шла о рядовом товарище, возможно, что отказ от дежурства вызвал бы разрыв между ним и коллективом, но поскольку речь шла о Серени, товарищи отнеслись к его предложению — нести охрану, вооружившись палками — снисходительно, с улыбкой, как к чудачеству.

Англичане пригласили представителей арабских государств — Ирака, Саудовской Аравии, Египта, Трансиордании и Йемена — вместе с представителями арабов и евреев Палестины в Лондон на совещание, которое должно было найти решение проблем Эрец-Исраэль,

приемлемое для обеих сторон. Совещание состоялось во дворце святого Джеймса в феврале 1939 года.

Уже в самом начале стало ясно, что действия британского правительства базируются на принципе: лучше пожертвовать евреями, но не рисковать порчей отношений с арабами. Арабы отказались сидеть за одним столом с еврейской делегацией, и дискуссия с англичанами велась параллельно в двух руслах. Еврейская делегация делала попытки прямых переговоров с арабами, выказывая готовность пойти на большие уступки, чем под нажимом англичан, но из этого ничего не вышло. Окончательное решение, принятое во дворце св. Джеймса, сводилось к следующему: образование в Палестине независимого государства с арабским большинством с переходным периодом на срок не более десяти лет и с разрешением на репатриацию лишь 75 тысяч евреев; решительная война с нелегальной еврейской иммиграцией; строгие ограничения в продаже земли евреям. Но и это не удовлетворило арабов...

14 апреля 1939 года, когда еврейская делегация вернулась в Эрец-Исраэль, Бен-Гурион и Берл Кацнельсон передали совету партии Мапай отчет о переговорах в Лондоне. Несмотря на присущий ему пессимизм, Берл вернулся из Лондона приободренным. Он сказал: "Там обнаружилась наша духовная сила и воспряла моя вера в нашу способность воевать". Бен-Гурион и Табенкин заявили, что если будет необходимо, придется плану англичан противопоставить силу.

Энцо получил слово лишь на третий день дискуссии. Он сказал:

— Верно, все мы стремимся к еврейской независимости, все мы хотим быть сильными, но надо дать ответ на основной вопрос: в какой связи находится еврейская независимость с арабской независимостью в этой стране? Если Берл заявил, что у него нет определенной ориентации, то я должен сказать, что нет более опасной ориентации, чем отсутствие всякой ориентации, которой Берл придерживается уже в течение двадцати лет. Это страусовая политика, и она обречена на провал. Сионизм не может реализовать свои идеи

в безвоздушном пространстве, и мы обязаны дать ответ, как мы намерены сочетать наше дело с делом возрождения арабских народов.

Энцо пугало слишком частое употребление слова "сила": "Я, к сожалению, научен горьким опытом, приобретенным в нескольких фашистских государствах, и это производит на меня плохое впечатление. Не всякая сила хороша. Слишком часто мы употребляем здесь это слово"...

После бурных прений было принято решение, в котором говорилось: "Мы не покоримся! Партия рабочих Эрец-Исраэль не признает юридического и морального права мандатного правительства осуществлять свою власть, если оно отрицает ее моральную и юридическую основу: мандат и Декларацию Бальфура. Партия противится режиму, цель которого — навязать евреям власть арабов, будь то в открытой или замаскированной форме".

17 мая была опубликована английская "Белая книга": независимое Палестинское государство будет образовано в течение пяти лет. Рост еврейских поселений будет приостановлен, когда он достигнет трети населения страны. В последующие пять лет будет разрешен въезд еще 75000 евреев, дабы достичь намеченной нормы, а в дальнейшем репатриация будет зависеть от согласия арабов. Было резко ограничено право евреев на приобретение земель, а в большинстве районов продажа земли евреям была полностью запрещена.

Подавляющее большинство еврейского населения реагировало на "Белую книгу" принятием твердого решения: не покоряться, даже если будет пролита кровь.

Бен-Гурион видел в "Белой книге" конец — по крайней мере, временный — сотрудничества с англичанами в Эрец-Исраэль, хотя он и поддерживал ориентацию на Британию в столкновении сил на мировой арене (у евреев не было выбора — Британии противостояли страны "оси"). В план активной борьбы с англичанами в Палестине (который был обсужден сионистским руководством на заседании Исполнительного комитета) были включены двенадцать пунктов, в том числе: на-

рушение законов, мешающих строительству страны, в особенности тех, что касаются репатриации и устройства новых поселений; организованное сопротивление всем попыткам изъять у евреев оружие; военная подготовка молодежи; размежевание легальных стражников с нелегальной организацией Хагана; национальная консолидация и т. д. В рамках плана подготовки восстания против англичан Бен-Гурион сконцентрировал вокруг себя группу руководителей, своего рода штаб. И Энцо, который был согласен с мнением Бен-Гуриона об активизации политической борьбы с англичанами (хотя и не разделял его взглядов на арабо-еврейские отношения), был включен в эту группу как специалист по делам молодежи.

О своих новых ответственных обязанностях Энцо намекнул в письме тете Эрмелинде, написанном в июне 1939 года: "Я приступил к новой работе, которая дает мне большое удовлетворение, хотя и возлагает большую ответственность, требует очень частых поездок между Тель-Авивом и Иерусалимом и лишает возможности сосредоточиться за письменным столом. О романе не приходится и думать. В настоящее время ограничиваюсь лишь сбором материала".

Когда на еврейство Италии, на мир его детства и юности, пала тень уничтожения, усилилась старая страсть Энцо к сочинительству. Сейчас он думал не о сухом научном исследовании и не о публицистике, а об истории династии Серени в жанре романа. О задуманном произведении он рассказывал друзьям по киббуцу и вне его, во время совместных поездок в автобусе, при случайных встречах, рисовал целые сцены из будущего романа. Все уже сложилось и созрело в голове, лишь сам процесс написания пришлось отложить из-за недостатка времени.

Двенадцатая конференция Объединенного киббуца состоялась с 14 по 21 июля 1939 года в киббуце Нанан. Это было в разгар лихорадочной деятельности всей еврейской общины, готовившей достойный ответ "Белой книге". Вскоре после ее опубликования было организовано двенадцать новых поселений. В рамках

поселений типа "Стена и башня", которые появились после кровавых событий 1936 года, за два с половиной года в стране выросло 49 новых населенных пунктов, и председатель сельскохозяйственного центра Еврейского Агентства Авраам Гарцфельд с гордостью сообщил об этом на открытии конференции.

Быстрый рост числа поселений привел, однако, к "разрежению" старых поселков, и одной из центральных тем совещания была нехватка людей для новых поселений, особенно в Верхней Галилее. Для Энцо это была нелегкая дилемма. Как член кибуцного движения он хотел, чтобы количество кибуцов непрерывно росло. Но как член кибуца Гив'ат-Бреннер он не мог согласиться с мобилизацией его членов для заселения новых пунктов. Когда было выдвинуто предложение разукрупнить большие кибуцы, в том числе и Гив'ат-Бреннер, в котором было уже 700 членов и имущество которого оценивалось в 50 000 фунтов стерлингов (был пройден длинный путь от 35 членов, 4 мулов, 1 коровы и 2 ослов в 1928 году), все в нем возмутилось. Кибуцы должны продолжать расти, — твердил он, — иначе они деградируют.

Беда заключалась, по его мнению, в том, что люди, которые хотят создать большой и открытый для всех кибуц, продолжают мыслить категориями небольшого и однородного кибуца, члены которого собираются и решают все свои проблемы в столовой за обеденным столом. Те, что стремятся сделать кибуц массовым, должны создать в нем соответствующую духовную атмосферу с местом для встречи представителей разных культур, дабы могли совместно ужиться и работать люди разных воззрений, обычаев, воспитания. Не в расчленении и разделе существующих кибуцов следует искать спасение. "Я среди максималистов в вопросах абсорбции и репатриации — и в моем хозяйстве, и в любом другом кибуце. Но если для новичка нет учителя иврита, с ним никто не разговаривает и он варится в собственном соку — это не абсорбция. У меня есть некоторый опыт абсорбции итальянских евреев, и я убедился, что, интенсивно занимаясь новичками, мо-

жно приблизить к нашим идеям людей, которые сейчас от них очень далеки. Без такой напряженной работы максималист в теории превращается в минималиста на практике“.

30 августа 1939 года в Гив'ат-Бреннере состоялось общее собрание, и Энцо информировал о положении дел. Ежеминутно может вспыхнуть мировая война, а страна не готова к отпору. Еще не разработан план перевода детей из городов в сельскую местность. Пока нет смысла тратить деньги кибуца на противогазы: нет основания полагать, что газовой атаке будут подвергаться деревни. Цель этого собеседования — внедрить в сознание людей, что необходимо готовиться к войне. Надо создать комиссию, которая могла бы в случае необходимости заняться раздачей небольших запасов, имеющихся у кибуца. Надо подумать о пустующих вокруг кибуца землях и обработать их, чтобы запастись продовольствием на случай чрезвычайного положения. Каждый должен воспользоваться своими связями с родными и друзьями, чтобы раздобыть новые средства для облегчения финансового положения кибуца.

А через два дня вспыхнула Вторая мировая война. Гитлер оккупировал значительную часть Польши, и сами собой отпали планы восстания против англичан. Несмотря на все противоречия, было ясно, что война с Гитлером — это общее дело англичан и евреев. Хорошо выразил эту мысль Бен-Гурион: "Мы будем воевать вместе с англичанами, как будто не было "Белой книги" и будем воевать с "Белой книгой", будто нет войны..."

Италия пока оставалась нейтральной, но все понимали, что это не надолго. Только сейчас Альфонса и Самуэля решились, наконец, переехать в Палестину. Несмотря на непрекращавшиеся уговоры Энцо, который давно приготовил для них сертификаты, отец Серени — сейчас уже 69-летний немогущий старик, после тяжелого сердечного заболевания, и мать Серени — 60-летняя женщина полная сил и энергии — откладывали принятие ответственного решения до последней мину-

ты. Им трудно было расстаться с Италией, и они понимали, что в их возрасте это расставание навеки — с Римом, с привычным укладом жизни, с родными могилами.

В ноябре 1939 года родители Энцо в конце концов прибыли в Гив'ат-Бреннер, в приготовленную для них квартиру в доме Рокаса, и Энцо был счастлив. Ему казалось, что замкнулся круг, разорванный 13 лет назад, и династия Серени-Понтекорво возродится на Святой Земле. Он был огорчен лишь тем, что его старшей дочери Хане было нелегко подружиться с дедом, бабушкой и другими представителями старшего поколения. Она не понимала их сомнений и не смогла приспособиться к чуждому ей образу мышления. Кроме родителей, в страну прибыли дяди, тети и другие родичи, и Энцо раздобыл для всех сертификаты и устроил их детей в учреждениях "Алиат ганоар" (по возможности в Гив'ат-Бреннер). Он мечтал сконцентрировать всех итальянских евреев вокруг своего хозяйства, но это ему не удалось.

До 1940 года в Эрец-Исраэль приехало всего около пятисот итальянских евреев — немногим более одного процента его соотечественников, живших в Италии до катастрофы.

Глава шестнадцатая

ПОТОП

На чаше весов истории — судьба Европы, Британия окружена, европейское еврейство в опасности, — а Энцо находится далеко от эпицентра событий, в стране, где влияние войны временно оказалось положительным: миновал экономический кризис, политическая напряженность спала, прекратились беспорядки. И Энцо нашел повод, чтобы покинуть тихую пристань. 23 февраля 1940 года он уже был на пути в Европу. Формально — как представитель Еврейского Агентства (Сохнута), которому поручили выбрать кандидатов для следующей серии разрешений на въезд в Палестину из числа бизнесменов — состоятельных людей (в течение полугода эта категория граждан не получала сертификатов из-за политики, провозглашенной в "Белой книге"). Одновременно он имел задание от Основного фонда (Керен гаесод) — заинтересовать жителей скандинавских стран, Голландии, Франции и Швейцарии в приобретении облигаций займа этого фонда.

В самолете, на котором он летел в Италию, находился также беженец из Польши, прибывший в Палестину без разрешения — англичане высылали его в Грецию. Высокопоставленный итальянский служащий, летевший тем же самолетом, попросил сопровождавших его лиц растолковать ему суть дела (причину высылки польского беженца), и Энцо счел своим долгом вмешаться в разговор и объяснить итальянцам, что здесь происходит: у преследуемых евреев отнято право въезда в единственную страну, которая является их подлинной родиной и готова их принять. При этом он посвящал своих слушателей в некоторые основы сионистского учения и рассказал о росте и развитии своего родного кибуца Гив'ат-Бреннер. И тогда итальянец задал вопрос, который давно не давал покоя ему и его

спутникам (Энцо с нетерпением ждал этого вопроса): "Как случилось, что вы, житель Палестины, говорите на таком чистом итальянском языке с явно выраженным римским акцентом?"

"Нелегко было объяснить моим вежливым собеседникам, — писал впоследствии Энцо, — запутанные и сложные пути еврейского мышления и психологии, которые привели меня, сына древней, укоренившейся в Италии еврейской семьи, в Эрец-Исраэль. Как растолковать моим спутникам, что много лет назад я услышал внутренний голос, который я не мог заставить замолчать, а он звал меня вернуться к своему народу, и вдруг я почувствовал, что это голос моего народа?"

Это была первая встреча Энцо с итальянцами после того, как в Италии получили силу закона расовые декреты и распоряжения. Собеседник Энцо, также уроженец Рима, сказал, что его отношения с евреями-друзьями нисколько не ухудшились, несмотря на антиеврейское законодательство, и Энцо стал размышлять о сущности сионизма. Действительно ли сионизм растет и обретает популярность вместе с ростом антисемитизма? Так твердят и его противники, и его сторонники, исходя из извращенного понимания этого учения. "Я знаю, что им ответить. Сионизм, как и социализм, — учение трагическое и глубоко пессимистическое, поскольку истоки его — в жизненной реальности. Сионизм признает существующее зло и предлагает положительное и возвышенное решение проблемы. Он не считает ненависть к евреям вечным законом жизни человека на земле, как социализм не верит в вечность классов и неизбежность войн".

Рим времен Муссолини заметно отличался от Рима детских и юношеских лет Энцо. Город был обольстителен и великолепен, как подобает столице империи, но, бродя по его улицам, Энцо почувствовал странную отчужденность: все упорядочено, разложено по полочкам, будто занесено в каталог. Еще более странное впечатление производила встреча с его старыми друзьями-евреями, которых он не видел много лет. Были среди них такие, которые сообщили ему с

иллюзорной радостью, что антисемитская агитация почти полностью прекратилась. Были и такие, которые просили его больше не присылать им сионистских материалов и писем: "Это дело опасное, ибо напоминает кое-кому о нашем существовании".

Более трети итальянских евреев уже приняло христианство, и Энцо не знал, кто ему более неприятен — еврей, покупающий "входной билет" в итальянское общество ценою измены религии отцов, или католическая церковь, прикрывающая эту нечистую игру маской борьбы за "истинную веру". Еврейская буржуазия Италии, которая всегда гордилась своей моралью, приверженностью к устоям семейной жизни, нравственностью, благородством, своими глубокими корнями в итальянском обществе — при первой же буре обнажила "свою слабость, гнилую сущность. Она сама о себе свидетельствует, что до сих пор еще находится в стенах духовного гетто, со всеми его страшными недостатками и изъянами. Ее лидеры покинули всех в час опасности, и почти никто не поднял голоса в знак протеста. Так неумолимо приближается закат итальянского еврейства, закат, лишенный великолепия и пламени, предвещающего грядущее вызволение, или хотя бы освещающего его прошлое".

Свою последнюю ночь в Риме Энцо провел в доме Энрикетты Валенциани, его приятельницы по гимназии и университету, ставшей искусствоведом. Они сидели много часов подряд и вспоминали друзей молодости. Энцо рассказывал об Аде и детях, об Америке, о романе, который он собирается написать. Из слов Энрикетты Энцо понял, что она чувствует все уродство и гниль фашистского режима, хорошо знает, что сверкающий блеск всенародных сборищ и торжественных шествий лишен истинного содержания. Но Энцо вынес ей и ее поколению суровый приговор: они живут только для самих себя, не думая о будущих поколениях. Расставание было печальным: "Мне кажется, что я прощаюсь со своим далеким детством".

Из Рима он направился в Париж, очарование которого не могли уменьшить ни холодная зима, ни вой-

на, которую жители города почти не ощущали. Когда дисциплинированный Энцо назавтра после прибытия спустился в убежище, услышав сигнал тревоги, его друзья на это реагировали громким смехом: "в их глазах это была совершенно излишняя предосторожность, как и противогазы, которые были розданы их детям".

Глава французского правительства Деладье пытался тогда любой ценой завоевать сердце Муссолини. Дабы не возбуждать его гнева, была парализована вся антифашистская пресса эмигрантов и задушено движение по мобилизации итальянцев, проживающих во Франции, на войну против Гитлера. Энцо не скрывал своего мнения: зря Деладье падает ниц перед Муссолини, вступление Италии в войну против Франции неизбежно.

После подписания известного соглашения между Гитлером и Сталиным, среди рядовых членов левых партий царил растерянность, но руководители французской компартии, в том числе и евреи, примирились с политикой России. В дискуссии с одним евреем-коммунистом Энцо пытался выяснить, не желают ли французские коммунисты победы Гитлера:

— Нет, — последовал ответ, — мы желаем падения Деладье.

— Но ведь прорыв линии Мажино означает победу Гитлера!

— Не исключено, что революция во Франции повлечет за собой революцию в Германии.

— А если Гитлер победит? Подумали ли вы о вашем положении как еврея?

Выяснилось, что у его собеседника партийная дисциплина сильнее национального чувства.

Среди евреев Парижа царил олимпийское спокойствие. "Гехалуц" медленно умирал. Некоторые из его членов переехали в Палестину, другие — растворились среди французских рабочих во время так называемого Народного фронта, часть же была мобилизована в армию или нашла свое место в рядах буржуазии. Мертвая тишина царил также среди других молодежных еврейских движений. Из двухсот тысяч ев-

реев Парижа лишь шесть тысяч были организованы в общину, да и та дышала на ладан. Несмотря на антисемитскую травлю правой печати, на тяжелые условия жизни в скученных еврейских кварталах, еврейство Франции находилось в полудремотном состоянии. Гнетущее бессилие сионистского движения во Франции Энцо с особой наглядностью почувствовал во время опубликования англичанами закона о землевладении, который решительно ограничивал возможность расширения еврейских поселений в Эрец-Исраэль. Энцо подумал по простоте душевной, что настало время поднять тревогу, возбудить волну протестов, начать кампанию сбора средств в национальные фонды, пока не поздно. Но сионисты Франции увидели в его возбуждении и неугомонности лишнее доказательство южного темперамента своего гостя. Верно, соглашались они с ним, закон о землевладении таит в себе большую опасность. Но что мы можем поделать? Время сейчас военное, а Британия — союзница Франции...

Энцо заматался, как зверь в клетке. Он стучался в двери редакций газет, в частные дома, пытался действовать в сионистском движении, в рабочем движении Франции — и смог лично удостовериться, что "антисемитская зараза проникла глубоко и в широкие круги рабочего движения. Велика сила рабства среди свободы, и следы рабства запечатлены в душах евреев..."

"Страшная картина: сионизм более не является серьезным фактором в жизни еврейской диаспоры. Его свет померк. Нам не удалось превратить Эрец-Исраэль в убежище для евреев, ищущих спасения. Это, по моему мнению, означает истинную победу "Белой книги". В сердцах еврейских масс поколеблена вера в возможность решения еврейского вопроса путем переселения в Эрец-Исраэль. Правительство Макдональда изменило не нам — сионистской организации или Еврейскому Агентству, нарушив свои обещания, — оно предало еврейские массы, которые верили в возможность обретения родины в этой стране".

В конце марта Энцо прибыл в Голландию, которую хорошо знал, часто посещая во время своего пребыва-

ния в Германии, и которую очень полюбил за ее ландшафты. Особенно нравилось ему, что эти ландшафты в значительной своей части — творение людских рук, свидетельство победы человека над силами природы. Следы войны были видны всюду; в городах и деревнях, в поездах и общественных местах было много солдат. Там и здесь виднелись насыпи и ограды из колючей проволоки, тщательно охранялись мосты и шоссе, дороги. Власти охотились за немецкими шпионами. Несмотря на нервозность, страх и сильное беспокойство, овладевшее многими, несмотря на нужду — результат немецкой блокады, парализовавшей международную торговлю,—Энцо не нашел ни единого человека, который бы сомневался в грядущей победе союзников и не говорил бы с уверенностью о силах, таящихся в небольшой, но хорошо оснащенной голландской армии: она сможет дать отпор врагу. Большинство жителей надеялись, что Голландия не будет атакована немцами, все объявлявшиеся до сих пор воздушные тревоги были ложными, и люди отказывались верить в реальную опасность и тогда, когда тревоги были боевыми.

Вместе со служащими "Джойнта" Энцо посетил Воркдорф — большой центр переподготовки, где воспитывалось 400 детей беженцев из оккупированной Польши и стран Центральной Европы. Энцо был восхищен обширным проектом осушения, который успешно осуществлялся между Северным морем и Зейдер-Зе, и давал средства к существованию 300 тысячам крестьян в том месте, где ранее жили в нищете три тысячи рыбаков. И все это может погибнуть в горниле войны... "Из всего, что я видел на свете, эти работы мне более всего напоминали те, что ведутся нами в стране — чистотой помыслов и цели, мудростью осуществления и здоровой фантазией".

В последний день своего пребывания в Голландии он оказался свидетелем выезда эшелона с еврейскими беженцами (из Польши), которые прибыли в Амстердам через Ковно (Каунас), Ригу и Копенгаген, чтобы продолжить отсюда путь в закрытых вагонах до Мар-

селя, а оттуда — в Палестину. Наблюдая за обычно спокойными голландцами, которые с удивлением смотрели на огромную толпу евреев, собравшихся на привокзальной площади и певших "Гатикву"* , Энцо вспомнил первую группу халуцов, которая уехала в Палестину сразу после прихода Гитлера к власти. Тогда эта группа символизировала для него начало большого движения по репатриации. Сейчас он оказался свидетелем конца целой эпохи. Последние беженцы уезжают на последних пароходах до того, как опустится железный занавес. Глубокая печаль охватила его. Тени страшного завтра виднелись повсюду.

Угнетенное состояние усугублялось личными огорчениями. Случайно листая итальянскую газету и заглянув, по своему обыкновению, в раздел траурных объявлений, он узнал о смерти дяди Джакомо Понтекорво, брата Альфонсы. После многолетнего перерыва у него с ним снова наладилась была переписка, и Энцо снова обнаружил у себя и у дяди много точек соприкосновения. Оба они были наделены природной, бьющей через край, активностью, хотя их жизненные пути оказались разными и несхожими.

Энцо по своему обыкновению сразу нажимал на несколько педалей. Он разрабатывал план расширения санатория в Гив'ат-Бреннере, беседовал с "весьма весомой" личностью (под этим надо понимать очень богатого человека) о постройке в Гив'ат-Бреннере завода консервных банок (тот согласился вложить половину нужного капитала), распределял сертификаты, писал доктору Вейцману о займе для "Основного фонда", в пользу которого он собирался действовать в нейтральных странах Европы. Вряд ли удастся собрать 400000 долларов, как рассчитывали в стране, но можно надеяться собрать немалую сумму, если американский "Основной фонд" даст гарантии. Как всегда, он помнил детей кибуца и просил учителя Якова написать ему

* "Хатиква" — "Надежда" — название гимна сионистов, ставшего затем государственным гимном Израиля.

немедленно по адресу тетушки Эрмелинды, какие он хотел бы получить подарки для детей школы. "Я хотел бы привезти что-то для каждого ребенка (понятно, в рамках наших возможностей)".

Самая трудная задача заключалась в том, как объяснить и растолковать проблемы Эрец-Исраэль людям бизнеса из стран диаспоры, которые собирались вложить свои капиталы в развитие экономики страны. В их глазах "ты должен выглядеть очень солидным, очень серьезным и очень деловым... Как зажечь в них то пламя, — спрашивал самого себя Энцо, — которое горит в тебе, передать им немного своего огня, не показавшись им совершенно чужим?"

Ему нелегко было прятать свое возмущение, когда в такое тяжелое время приходилось часами выжидать, как нищему, в приемных евреев-богачей, чуждавшихся своего народа, и притворяться, будто ты беспечен и располагаешь досугом. Членам киббуца он посылал письма, в которых явственно звучали характерные для него нотки поучений и разъяснений:

"Я живу в современном отеле "Америкен" в большой и просторной комнате, какой у меня, разумеется, никогда не будет у нас в стране. Если бы мои друзья могли бы хоть несколько дней побыть в такой обстановке, они бы все воспринимали, как приятный сон: красивое окружение, удобная жизнь, без всякого труда можно достать все что хочешь. И, несмотря на это, все здесь кажется обесцененным; я нахожусь в разрушенной диаспоре. Несомненно, 1939 год будет вспоминаться как роковой в истории нашего народа. В 1933-м еще можно было надеяться, верить, жить иллюзиями. Теперь все это миновало: беженцы из Польши приносят вести о катастрофе еврейства в его последнем большом историческом центре. Каждый еврей выглядит, как затравленный зверь, ищущий убежище от могучих сил, решивших стереть с лица земли имя народа Израиля".

В начале апреля 1940 года Энцо вернулся во Францию через Брюссель и в поезде разговорился с французским офицером, который возвращался из отпуска в

свою часть на линии Мажино. Тот был уверен, что война будет тяжелой и затяжной, до истощения сил. А Париж жил своей обычной жизнью: та же профессиональная улыбка владельца отеля, те же пошлые шуточки официанта. Но назавтра после прибытия — 9 апреля — исчезла тишина. Вместе с вестями о вторжении войск Гитлера в Норвегию и Данию исчезли иллюзии о "тихой" войне.

Первая мысль Энцо была о плане действий, во имя которого он сюда прибыл. Реализация его требовала более или менее спокойной атмосферы, но все население Парижа было опарашено грозными событиями и являло собой картину полной беспомощности. Энцо ждал телеграммы с требованием вернуться или извещающей об организации новой алии. В ожидании вестей он бродил по улицам, углублялся в чтение новинок французской литературы и только сейчас почувствовал, как она ему близка.

К общему напряжению и ощущению страха за судьбы европейского еврейства прибавились огорчения, связанные с отсутствием писем от родных и близких. Энцо чувствовал себя оторванным от родины, он тосковал по теплоте слову друзей и домочадцев. Вдруг в нем возникло подозрение, что его дети становятся ему чужими... "Я всегда надеялся, — писал он своей дочери Агари, — что мне и маме удастся, когда вы вырастаете, сохранить ту связь, которая должна существовать между детьми и родителями, которые еще не совсем состарились и могут понимать душу молодых. Но вот день идет за днем, а от вас — ни звука, и каждый раз, когда я вижу на улице ребенка или встречаюсь у кого-либо дома с детьми, сердце мое бьется учащенно и я гадаю: а что вы сейчас делаете, чем заняты, о чем думаете? Думаете ли хотя бы изредка о далеком отце? Несомненно, ты иногда думаешь об этом странном отце, который вечно в раёздах, всегда среди чужих людей. Возможно, что я совершил ошибку, ни разу не попытался объяснить вам душевные истоки моей деятельности. Когда ты вырастешь, и я больше не буду жить с тобой, ты когда-нибудь поймешь, поче-

му твой отец так много разъезжал и всегда был среди чужих людей, так что подчас не мог даже выкроить время, чтобы поговорить с вами. Как посланник бедного и угнетенного народа, которого никто не любит, народа, преследуемого во всем мире, идет твой отец с места на место в поисках помощи и поддержки, чтобы мы могли построить для себя новую родину. Для того, чтобы выполнить это задание, я вынужден был нередко удаляться от вас, и поэтому между нами возможно, не образовалась та связь, которая могла и должна была образоваться, если бы мы всегда жили вместе. Но вы сейчас уже в таком возрасте, что можете понять, почему наша жизнь так сложилась“.

10 мая продолжительный сигнал сирены оповестил парижан о вторжении немцев в Голландию и Бельгию. Энцо выезжал из Марселя в Палестину, когда в этом городе были сирены. Это был канун падения Франции. Следуя на Ближний Восток, пароход, на котором был Энцо, с трудом увильнул от немецких атак, и в сердце Энцо созревало решение принять непосредственное участие в этой войне. 26 мая началась эвакуация Дюнкерка. Франция покорилась. Британия осталась последней крепостью против немцев. "Настало время прийти ей на помощь", — подумал Энцо.

С того дня, как разразилась Вторая мировая война, и даже до нее, представители еврейского населения Палестины предложили британским властям создать еврейские вооруженные силы и для защиты страны, и для войны на стороне Британии против Гитлера в любом месте, где будет необходимость. Но реакция англичан была в лучшем случае уклончивой, а чаще всего — отрицательной, главным образом из-за арабов. Когда было отклонено предложение организовать отдельные еврейские воинские единицы, англичане согласились — осенью 1939 года — мобилизовать две смешанные арабо-еврейские части — саперную и техническую. При этом ясно проступала тенденция — не дать возможности евреям Палестины участвовать в военных действиях.

Отношение еврейского населения к мобилизации не

было единодушным. С одной стороны, велико было желание отомстить Гитлеру, оборонять Эрец-Исраэль от возможного нацистского вторжения или против восстания арабов — по наущению "оси". Но были и такие, которые опасались за судьбу еврейских колоний в Палестине, если большие воинские единицы, состоящие из евреев, будут отправлены за пределы этой страны.

По отношению англичан к совместным военным действиям с евреями можно было безошибочно судить о положении на фронтах. Когда в Лондоне склонялись к тому, чтобы принять еврейские предложения, было очевидно, что положение англичан тяжелое. Бен-Гурион и Шарет видели в еврейских воинских частях внутри английских войск (об организации таких частей шли переговоры) основу будущей еврейской армии. Они полагали, что совместные военные действия приведут к исчезновению британской вражды к сионизму. Табенкин же считал, что независимые еврейские воинские части неизмеримо важнее для нас, чем служба в рядах британских войск. Он требовал, чтобы молодежь мобилизационного возраста не покидала страны и стояла на страже ее. Ведь Палестине угрожало вторжение через Сирию, ставшее сейчас возможным, после внушительной победы немцев в Западной Европе.

Тем временем родители Энцо постепенно приспособились к жизни в кибуце. Его отец, владевший немецким языком, сопровождал врача больничной кассы во время его обхода, беседовал с "еками" (выходцами из Германии) и регулярно слушал радио, а затем составлял сводку известий и передавал ее Энцо, который вечно был в бегах. Его мать вела домашнее хозяйство, варила, шила и всегда была занята. Их дом стал общественным центром для всех выходцев из Италии. Дети, внуки, племянники, друзья приходили, садились к столу, пили кофе, судачили о том, что происходит в мире, — почти так же, как в доброе старое время на улице Кавур. Сейчас Энцо мог покинуть семью без особой тревоги за детей.

Энцо обратился к Моше Шарету (политическому

секретарю Еврейского Агентства, который осуществлял тогда повседневную связь еврейского населения с британскими властями) и выразил готовность мобилизоваться в качестве рядового в любое место, куда его пошлют. Шарет, любивший Энцо, убедил его, что это слишком поспешный шаг, ему следует побереечь себя для больших дел и особых заданий и обещал ему, что в нужное время он будет вызван. И такая возможность представилась уже спустя несколько недель, когда вспыхнули сражения между итальянскими и английскими войсками в Северной Африке, и части маршала Рудольфо Грациани в Ливии вторглись в Египет и достигли Сиди Баррани, на расстоянии ста километров от границы. Энцо почувствовал, что антифашистская пропаганда среди пленных итальянцев, а также среди итальянцев, живущих в Египте, — его сфера деятельности: он хорошо владеет итальянским, вырос в Италии, знает их психологию. Появилась возможность как бы объединить два мира, оставаясь посланцем еврейского народа, работать ради освобождения Италии, против совместного врага.

Моше Шарет, который руководил мобилизацией добровольцев в британскую армию, писал лейтенант-полковнику Квилльямсу в генштаб английских вооруженных сил на Среднем Востоке и предложил кандидатуру Энцо Серени для разведывательной службы, где он мог бы быть весьма полезен. Шарет писал о его блестящей интеллектуальной подготовке, больших литературных способностях, умении убеждать и указал, что надежность его гарантирует Еврейское Агентство: "Он помог нам получить у евреев Италии материалы и информацию, которые, по нашему убеждению, могли бы принести большую пользу английской армии в настоящей войне".

Предложение Шарета было принято. В сентябре 1940 года Энцо был уже по пути в Египет. Он получил британский паспорт на имя доктора Фредерика Симонса, выданный ему британской разведкой. Поезд, идущий в Кантару, проходил возле Реховота, и через окно вагона Энцо увидел быстро промелькнувшие дома Гив'ат-

Бреннера — серые и окутанные туманом среди обилия зелени на холме... "И в этот святой для меня час, когда я расстанусь — и кто знает на сколько — со всем, что мне так дорого, со всем, что дает смысл моей жизни — видеть вот так, мельком, мой дом — представляется мне почти что символом. Не свидетельствует ли это в самом деле о том, что отныне я должен приучиться смотреть на все под новым углом зрения и в другом масштабе?"

Его охватило сильное волнение, и он захотел перед кем-нибудь излить свою душу. Но в вагоне находился еще лишь английский капитан, уткнувшийся в книгу, со своим денщиком, и Энцо поделился своими мыслями и чувствами с листком бумаги. Это помогло ему еще лучше прояснить для самого себя, почему он сейчас находится в поезде, везущем его на войну.

"Не раскаиваюсь ли я в принятом решении? Разумеется, нет. Как всегда, когда я должен решить нечто очень важное для себя, первый довод, инстинктивный ("так нужно действовать, чтобы оставаться верным самому себе") придает мне мужество и руководит мною. Затем, разумеется, появляется логика и подкрепляет инстинкт, объясняет мне и другим подлинные причины действий. Это ведь продолжение долгих и мучительных раздумий о том, что я видел в те страшные майские дни во Франции. Я тогда начал подвергать сомнению многое, что было святым для меня в течение долгих лет. Не стану отрицать то, о чем я в прошлом так часто думал. Глубокая и искренняя ненависть к войне, к глупой вере, что насилие решит судьбу народов и принесет кому-то мир и безопасность — эта ненависть еще существует..."

"Во что, пожалуй, действительно следует внести поправку, это в мою веру в абсолютную ценность жизни, человеческой жизни как "высшего добра", равного которому нет и которым нельзя жертвовать ни при каких обстоятельствах. Как образец определенной ментальности, которая временами властвовала надо мной, я вспомнил прочитанную не так давно американскую драму "Похороните мертвецов". И действительно, спра-

ведливо ли и верно ли, что нет ничего на свете, ради чего стоило бы пожертвовать нашими молодыми жизнями, жизнями других, что эта жертва — "обман", который демонстрируется наивным идеалистам обладателями сомнительных банковских счетов, дабы толкать их на безрассудные дела, превратить их в орудие в руках черных и продажных сил зла?"

"В глубине моей души еще живут и существуют — как реакция на "старую германскую любовь" и "государственную мудрость" — университетские воспоминания: подозрительность ко всяким попыткам аргументировать в пользу личной жертвы во имя интересов коллектива, абстрактных и далеких. И в кибуцной жизни для меня защита интересов личности против возможного насилия общественного мнения и давления "высшего сознания" была всегда одной из основных обязанностей каждого честного человека, который искренне стремится создать общество совершенно свободных людей. И если это верно по отношению к ограниченному кругу людей, каким является кибуц, где расстояние между личным и общественным очень небольшое (как ни в каком другом коллективе), не следует ли отсюда, что в любом другом месте такая защита должна быть стократ большей, дабы права личности не растоптали и не уничтожили во имя лжебогов, не принесли в жертву различным молохам, где непрестанно и подсознательно жертвуют людскими жизнями, которые никогда уж не вернутся?"

"Тут-то и заключается, по сути, основное различие между нами и другими, между теми, кто видит свет социализма, и теми, кто еще погружен в буржуазный мрак. Разница — в беспредельном уважении к жизни, в ясном понимании, что жизнь (всякая жизнь) свята, так как она неповторима, и потеря жизни подобна погасшему огню, который уж никогда не зажжется. Только во имя жизни — моей и других — только во имя этого, мне кажется, можно воевать".

Глава семнадцатая В АНГЛИЙСКОЙ РАЗВЕДКЕ

... Он встретился с капитаном Стренджем из "Интеллидженс Сервис" (Государственного разведывательного управления Англии), который занялся доскональным изучением этого странного невысокого парня, очень подвижного и живого, говорящего на таком английском, в котором звучат интонации нескольких других языков, и отвечающего на все вопросы отнюдь не с английской сдержанностью. На вопрос, что побудило его пойти в разведку, последовал ответ, что не деньги, не жажда приключений и не погоня за славой склонили доктора из Палестины на этот шаг, а стремление быть полезным в достижении большой совместной цели — победить в войне с нацизмом и фашизмом. Тут же доктор Симонс воспользовался возможностью обрисовать в общих чертах ту работу, которая более всего ему по душе — контакты с итальянскими военнопленными и разъяснительная кампания среди итальянцев, живущих в Египте. Это обусловлено его происхождением, полученным им образованием и его специфическим опытом.

Возможно, что первое впечатление капитана Стренджа не было блестящим; возможно, что тот решил подвергнуть доктора Симонса дополнительным испытаниям; возможно, что сего капитана не очень беспокоило, что еще один человек будет сидеть без дела в Египте — как бы то ни было, Энцо велено было ждать дальнейших указаний. А когда эти указания пришли, он был разочарован: доктора Симонса попросили написать три-четыре статьи для "Джорнале Д'Ориенте" — антифашистской газеты, которая выходила в свет с 1939 года под наблюдением британского командования для итальянцев, живущих в Египте (настроенных преимущественно профашистски) — с целью побудить их

отойти от дуче. Эта газета распространялась также в лагерях для военнопленных итальянцев, которые имелись в разных частях Египта. Четыре статьи... Разве для этого он оставил жену, детей, родителей, Эрец-Исраэль, евреев! Энцо проглотил горькую пилюлю в надежде, что его час еще придет. Может быть, англичане хотят сначала проверить его стиль, его способности, его надежность?..

Энцо ждал и пытался как-то использовать — возможно, впервые в жизни — большой избыток свободного времени. Он начал изучать арабский язык, хотя ему часто не хватало того душевного покоя, который необходим для успешных занятий. Это были дни британского наступления на силы итальянцев в Западной пустыне, и в этой битве Египет играл роль главного центра снабжения. Штаб генерала Вейвелла был занят лихорадочной деятельностью. По ночам налетали итальянские самолеты и выли сирены. Да, это не была атмосфера, способствующая учебе, но Энцо успешно преодолевал все трудности и много занимался. Он прочел всего Шекспира, от начала до конца, по-английски, заново изучил книгу пророка Иезекииля и книгу Псалмов и подготовился к штудированию книги Иова (об этом он сообщил в письмах одному из своих друзей в кибуце).

Он жил в пансионе "Йорк" в Александрии в обществе итальянских политических беженцев. Ему удалось завязать связи с местной итальянской общиной и с многими египетскими евреями, в том числе с семьей Мортара, родственниками знаменитого Эдуардо, переход которого в христианство наделал в свое время много шума.

Связь между Палестиной и Египтом была в те времена очень тесной. Энцо часто встречался с еврейскими солдатами из Эрец-Исраэль. Эти встречи обычно происходили в солдатских еврейских клубах Каира и Александрии. Клубы содержались местными евреями, очень ассимилированными и далекими от сионизма, но гордившимися "героями евреями" в английской форме. Египетские евреи с волнением прислушивались к

звучанию живого иврита и с любопытством рассматривали еврейский национальный флаг.

Мобилизованных евреев иногда приглашал к себе барон де-Менаше — самый уважаемый, самый богатый еврей в Египте, которого Энцо знал еще по своей предыдущей поездке в Египет три года назад. В его великолепном дворце в Александрии (при виде такой роскоши многие еврейские солдаты теряли от изумления дар речи) сходились одновременно самые знатные и самые богатые египетские евреи, британские офицеры и еврейские добровольцы, и Энцо свободно рассказывал здесь, к великому удивлению своих застенчивых друзей-кибуцников, будто он был хозяином этого дворца. Доктор Симонс проводил также немало вечеров в гостиницах и барах в обществе британских офицеров, чтобы завязать полезные знакомства. Когда он находился в Каире, то ходил встречать царицу-субботу к госпоже Вайсман, славившейся своей приверженностью традициям. При виде зажженных свечей и праздничного стола его охватывала тоска по семейному уюту, и он рассказывал Вайсманам об Аде, детях, родителях, читал отрывки из писем своего сына Даниэля и вслух восхищался его умом.

Миновал декабрь, прошел январь, наступил февраль. Англичане перешли в контратаку, изгнали итальянцев из Египта, захватили Киренаику и часть Триполи и взяли в плен 113 тысяч итальянских солдат, а Энцо все еще был без настоящего дела.

Моше Шарет писал в своем отчете Хаиму Вейцману, что в британскую армию мобилизовалось более шести тысяч еврейских добровольцев из Палестины, в том числе несколько десятков офицеров. Он упоминал о помощи палестинских евреев британской разведке (немецкие и итальянские беженцы снабдили ее ценной информацией) и писал: "Мы перевели Энцо Серени в Египет на службу к англичанам, и у него там было несколько больших удач". Но когда в середине февраля Энцо было сообщено, что он должен пока довольствоваться сотрудничеством в "Джорнале Д'Ориенте" (единственная работа, доставлявшая ему некоторое

удовлетворение), он решил, что настал час решительных действий: "После четырех месяцев службы я констатирую, что нет смысла продолжать данную деятельность, которая загружает меня лишь частично. Еще важнее то, что она не дает мне ощущения, обязательного при всякой работе, выполняемой с чувством ответственности, — что я занят каким-то важным делом".

Энцо подчеркнул, что чувство неудовлетворенности работой в данном случае не связано с какими-либо претензиями к его руководителям, напротив — он у них многому научился, и они к нему относятся хорошо. Но не для того он мобилизовался в ряды армии. До сих пор ему не была дана возможность встретиться с итальянскими военнопленными. Он еще не почувствовал, что выполняет такую работу, которая другому была бы не под силу.

В ответ на рапорт Энцо попросили представить в письменном виде свои предложения. Но так как его все еще лишали возможности использовать материал, имевшийся в распоряжении "Интеллидженс Сервис" и армии, в отделах, непосредственно связанных с проблемами Италии, эта просьба выглядела в его глазах так, будто ему предложили формовать кирпичи, не дав глины. "Мне никогда не была дана возможность (и я не считал возможным добиваться ее) встретиться и побеседовать с людьми, возглавляющими итальянские операции, поделиться с ними своими мыслями и предложениями. Не лучше ли, чем составлять объяснительные записки, предоставить мне такую возможность?.." И все же он выдвинул несколько общих предложений: создать особый центр в Греции, а еще лучше — в Югославии, который попытался бы завязать связи с итальянцами, организовывать диверсионные акты и вести агитацию в самой Италии. "Я готов направиться в Италию и наладить там контакты, но если будет сочтено более целесообразным организовать сначала работу здесь, я охотно этим займусь. Уверен, что мы можем многого достичь в Италии, если должным образом подготовимся. Я убежден, что соответствую такой работе, у меня уже есть некоторый опыт".

Он предложил спустить в Италию диверсантов-парашютистов, готовых жертвовать своей жизнью ради великой цели освобождения родины от фашизма. При удачном тайном приземлении есть шансы находиться в Италии некоторое время неопознанными (итальянцы успешно пользовались этой тактикой в 1917-1918 гг. в оккупированных австрийцами частях Италии). В качестве альтернативы Энцо просил предоставить ему возможность выехать на юг Франции, где живут тысячи итальянских антифашистов, и оттуда установить связи с Италией. Если это сейчас исключается, он готов вести воспитательную работу среди итальянских военнопленных; он может отправиться в любое место, будь то Сирия или Южная Африка, если только можно будет работать по-настоящему.

Англичане не были потрясены этими предложениями — у них было достаточно евреев с экстравагантными идеями, предлагавшие развернуть активную деятельность во вражеском тылу. И власти прежде всего поспешили отправить Энцо в отпуск на родину. Это всегда успокаивает...

Встреча с правящим в Египте слоем — продажным, пресыщенным, алчным и корыстным, занятым внутренними склоками — с одной стороны, и с простонародьем — с другой, а также открытая или слегка замаскированная симпатия большинства арабов к Гитлеру — все это развеяло грезы о братстве трудящихся, которое в недалеком будущем могло бы решить все проблемы района. Энцо, вернувшийся из Египта, был уже совсем другим человеком, и он не постыдился сказать об этом публично на заседании руководства партии Мапай, которое состоялось в марте 1941 года. Вот отрывок из его выступления:

— Я провел несколько месяцев в Египте, и должен признаться, что мои чувства к арабам остыли. Я их уважаю сейчас меньше, чем прежде. Есть тут специалисты по политике большие, чем я — Бен-Гурион, Моше Шарет, и, может быть, они думают по другому, но когда я встречался с англичанами, я чувствовал, что, возможно, они хотят сейчас предоставить арабам кон-

цессии. Сейчас англичане сговариваются с арабами, но при всем том они должны испытывать стыд, ненависть и неприязнь к арабам за творимые ими недостойные дела. Сейчас перед нами открывается больше возможностей, так как англичане убедились, что народ народу рознь. Теперь самое время разъяснить англичанам, особенно в армии, цели сионизма и приобрести среди масс друзей на будущее...

Энцо видел в Бен-Гурионе того человека, который будет руководить еврейским народом в послевоенный период, и потому он полемизировал главным образом, с ним. Он считал, что сионистское руководство не знает должным образом "арабской проблемы"; что руководство, занимаясь практическими делами, не отвечает на многие жизненно важные вопросы теории, в частности, о сущности сионистского движения после войны. Плохо, что руководители не умеют говорить по-английски с молодым поколением на Западе и особенно — с американцами. Правительства в изгнании, представители поработенных народов, действуют сейчас в мировых столицах, готовясь к послевоенному урегулированию. Сейчас самое время направить сионистских представителей в эти центры, чтобы подготовить почву для будущего.

Энцо был уверен, что век малых народов миновал. "Эта империалистическая война снова ставит вопрос о переделе мира. Сейчас самое подходящее время, чтобы прояснить, каким будет будущее еврейского народа после войны. Когда завершилась Первая мировая война, ответ был дан в духе времени: независимость малым народам. Но не так будет сейчас. Если есть нечто решенное среди демократических сил, на которые мы можем опереться, — это понимание того, что не будет более благоприятных условий для существования малых народов, как это было в 1918 году..." Поэтому решение еврейского вопроса может быть найдено лишь в рамках большого государства: "Надо ясно заявить, что мы хотим после войны большинство еврейского народа переселить в Эрец-Исраэль, и сказать открыто, что таким образом мы ликвидируем еврейскую диас-

пору. Теперь, во время войны, надо воспитывать еврейский народ в духе предстоящего переселения сюда. Сейчас, при всей нашей симпатии к Англии и при всем желании увидеть ее победительницей — а я не стыжусь признаться, что хочу победы Англии, но несколько иной Англии, не такой, что сейчас воюет — мы должны начать борьбу за массовую репатриацию сразу после окончания войны. Сейчас самое время подготовить план урегулирования наших дел с арабами“.

Решение проблемы арабов по методу Энцо в 1941 году заметно отличалось от его же наметок 1936 года: "Я всегда противился плану раздела страны, но я видел большую силу в дерзком плане Бен-Гуриона, который должен был нас вытащить из трясины, в которой мы находимся уже в течение нескольких лет. Сожалею, что у него нет сейчас сил для реализации больших планов. В свете того, что сделали Гитлер и Сталин, переселяя целые народы, и в связи с конъюнктурой, которая создастся после войны, я не понимаю, почему у сионистского движения не оказалось мужества сослаться на выводы комиссии Пила и на необходимость проводить урегулирование на здоровых основах. Для того, чтобы мир был упорядочен, надо позаботиться о том, чтобы в государствах не было национальных меньшинств, и требовать и для нашей страны перемещения населения“.

Поражение англичан в Греции, которое совпало с развалом британского фронта в Ливии (вся она, за исключением Тобрука, попала в руки дивизий Роммеля) сильно ударило по престижу англичан. Казалось, что нет силы, которая могла бы удержать немцев. Среди палестинских арабов выросли симпатии к нацистам вместе с уверенностью, что вот, наконец, появились на исторической арене те, что рассчитаются с евреями. Настроение же среди еврейского населения было мрачным. "Я представляю себе, что вы далеко не спокойны и очень озабочены в эти дни, — писал Энцо родителям после кратковременного пребывания в Греции. Но кто сейчас может быть спокойным?.. Однако, несмотря на то, что я полностью осознаю серьезность положения, я не только уверен, как всегда, в оконча-

тельных результатах, но полон веры в благоприятное развитие событий уже в ближайшие месяцы. Надо вооружиться терпением“.

Через антифашистское подполье в свободной Франции до него дошли сведения, что его брат Мимо жив и здоров, и, если бы не тревоги и заботы о судьбе еврейских военнопленных, попавших в руки немцев в Греции, и о здоровье Ады, можно было сказать, что сейчас он находится в приподнятом настроении. Наконец-то он получил работу, которая соответствовала его вкусу.

То ли в результате его обращения перед отъездом в отпуск, то ли в результате изменений в настроениях англичан после поражений последних недель и приближения фронта к Египту, а может быть, в силу влияния его друзей-итальянцев, служивших у англичан, после того, как Энцо вернулся из Греции (откуда он только чудом унес ноги) в Египет, ему улыбнулась удача: его назначили членом редколлегии антифашистской газеты "Коррьере Д'Италия", которая родилась вместо "Джорнале Д'Ориенте", и Энцо получил разрешение общаться с итальянскими военнопленными. Он сразу начал создавать антифашистскую сеть агентов, принялся готовить планы антифашистского движения в Египте, одним словом, начал активно действовать.

Основную сферу своей деятельности он сам определил как "имеющую литературно-газетный характер, что для меня вполне подходит. Понятно, чтобы писать, приходится читать много самых разных книг — и по актуальным вопросам, и по делам старым, а это всегда дает мне большое удовлетворение, которое многократно усиливается от необходимости писать быстро, что заставляет побеждать природную лень... Типография ждет корректуру, газета должна выйти, тут тебе ничего не поможет. Видимо, моя проза нравится. Во всяком случае, я все более привыкаю к простому общедоступному стилю, а это для меня сейчас всего труднее, ведь я воспитанник итальянской классической школы с ее длинными и сложными предложениями..."

Энцо окончательно обосновался в Каире, оставил пансион и нанял удобную меблированную двух-

комнатную квартиру в одной египетской семье. Сейчас он большую часть времени проводил дома за письменным столом и лишь изредка появлялся в ресторанах и барах.

Во второй половине мая доктор Симонс был послан вместе с доктором Умберто Калоссо, католиком и антифашистским публицистом, посетить несколько лагерей военнопленных итальянцев — Мустафа (возле Александрии), Хелуан и другие, чтобы позондировать, каковы там настроения, услышать реакцию читателей и слушателей на газетные материалы и на радиопередачи и разыскать кандидатов для выполнения особых заданий в рамках организованных антифашистских действий.

Эта поездка мало напоминала увеселительную прогулку. В лагере Хелуан быстро распространился слух, что на его территорию прибыли и начали действовать антифашистские "агенты", и военнопленные организовали гостям "теплую" встречу, сопровождавшуюся угрозами, бранью, оскорблениями. Те военнопленные, которые согласились разговаривать с Энцо и его коллегой, резко критиковали проанглийские и антиитальянские нотки в издаваемой для итальянцев газете. Единственные статьи, которые они называли объективными, принадлежали Симони (один из псевдонимов Симонса-Серени)* — речь идет о серии из 15 корреспонденций о положении в Третьей республике (Франция).

Главным препятствием, мешавшим гостям поговорить по душам с военнопленными, был страх солдат и офицеров, что их товарищи могут принять их за антифашистов и донести об этом в Италию, а это повредит их семьям. Они были уверены в близкой победе стран "оси" и ждали, что со дня на день в Египте появятся немецкие парашютисты и освободят их.

В отчете, представленном доктором Калоссо и доктором Симонсом полковнику Турнхиллу, говорится, что большинство пленных читают антифашистскую газету

* Он же Карло Маццанти, Клементи, Федерико Симон, Романус, Ренцо, Серрати, Балдини...

с интересом, но они ее не любят; что отношение к английским радиопередачам у пленных враждебное и что они противятся нападкам на дуче. В отчете содержится ряд рекомендаций — предоставить пленным больше свободы передвижения (хотя бы офицерам), усилить культурно-просветительную деятельность, организовать уроки английского языка, убрать две статуи обнаженных женщин, установленные у входа в один из лагерей, в более укромное место. Рекомендовалось также изменить проанглийский характер политических наветов по радио и в газете и приспособить их больше к психологии слушателей.

Расходы на командировку, длившуюся неделю, включая покупку литературы, составили 16 фунтов стерлингов. При всех присущих им недостатках англичане не были мелочными...

Раз в неделю Энцо посещал дом Эмиля Наджара — молодого адвоката-еврея, женатого на дочери Якова Вайсмана и жившего вместе с родителями жены. По воскресеньям в послеобеденные часы здесь собиралась группа интеллектуалов для обсуждения политических вопросов, в особенности проблемы послевоенного устройства мира. В этих собраниях участвовали арабы (мусульмане и христиане) и евреи, итальянцы, жившие в Египте, а иногда и англичане, находившиеся здесь временно. Часть публики сочувствовала социалистам, часть — коммунистам, и все были противниками британского владычества в Египте и сторонниками арабского освободительного движения.

Из итальянской группы, находившейся на службе у англичан, в обсуждениях участвовали, кроме Энцо, доктор Баттино и Миели. Энцо был единственным сионистом в этом кружке, и, может быть, поэтому часто создавалось впечатление, будто он всеми силами пытается убедить всех присутствующих, что у сионизма есть будущее и в завтрашнем, прогрессирующем мире.

Энцо любил эти идеологические дискуссии (в которых особенно наглядно проявлялся огромный разрыв между тонкой прослойкой египетских интеллектуалов и невежественными народными массами). И здесь, как и

в Риме, он был постоянным клиентом книжных лавок, и тут он подчас целые дни проводил в Национальной библиотеке, где имелись книги на всех европейских языках.

Палестина временно как бы отдалилась. Еврейские газеты приходили сюда редко (а у него не было времени идти в солдатский клуб читать их), письма от друзей из родного кибуца были малочисленны, и связь с еврейской общиной ослабла. "Иногда мне кажется, что существует для многих опасность превращения средства (участие в этой войне, дабы сохранить национальную честь, свободу личности и право на социалистические идеалы) в цель, из-за чего можно забыть главное — Эрец-Исраэль. И если такое бывает и у меня, который находится во многих отношениях в лучшем положении, чем другие (но в иных отношениях — я имею в виду контакты с евреями — в значительно худшем), можете себе представить, каково положение "рядового" товарища. У него возможность и желание сохранить эту связь с Эрец-Исраэль в чуждой среде значительно меньше".

Мы процитировали строки из письма Энцо одному из своих друзей в Гив'ат-Бреннер в связи с подготовкой празднования Бар-Мицва (13-летия) этого кибуца. "Я надеюсь, — продолжал он, — что в этот праздничный вечер, вспоминая прошедшие дни и годы, вы не забудете меня и других товарищей, находящихся сейчас далеко. Надеюсь, что мы вскоре увидимся в стране, чтобы вместе отпраздновать праздник освобождения".

Он огорчался, что у некоторых ослабевает душевная связь с Эрец-Исраэль, просил друзей из кибуца чаще писать ему и другим, требовал, чтобы высылали дневники, газеты. Он попросил Аду даже — "немного посплетничать" (к его огорчению, она отказалась), а учителей — написать, как успевают дети в школе. К десятой годовщине смерти своего брата Энрико он написал теплое письмо его дочери Аде: "Я рассказал ей об отце, о том, кем он был для меня, для всех нас". Родителям же он написал следующие строки: "Если

это имеет какое-то значение, — вопреки расстоянию, колебаниям, недоразумениям, хочу сказать вам, что я чувствую больше, чем когда-либо раньше, как его память — помимо естественной родственной любви — связывает и объединяет нас. Как я хотел бы, хоть и не наделен его способностями, всегда быть для вас преданным и любящим сыном“.

Поражает удивительная работоспособность доктора Симонса. За четыре летних месяца в Каире, когда изнуряющий зной валит с ног, он написал для "Коррьере Д'Италия" более восьмидесяти статей, очерков, фельетонов, рецензий. "Деятельность большая и разветвленная, дающая плоды", — так охарактеризовал свою работу Энцо в одном из писем Моше Шарету. "Видимо, они очень ценят то, что я делаю. Они "открыли", что я действительно знаю итальянский и предоставили мне известную свободу даже в отношении социальной направленности моих корреспонденций. В связи с характером моей работы мне приходится часто встречаться с англичанами — работниками консульства и военными, и я не упускаю возможности напомнить им о наших делах“.

Узнав о вступлении в войну Советского Союза 22 июня 1941 года, после того как на него напала гитлеровская Германия, Энцо писал: "Впервые мне кажется, что война может кончиться значительно раньше, чем можно было предполагать..."

Был короткий период, когда Энцо и его друзья были отстранены от работы в газете и на радио из-за нарушения указаний цензуры и пропаганду социалистических идей. Но в конце концов это недоразумение было улажено. В своей объяснительной записке Энцо писал, что он и другие антифашисты пришли к британским властям, дабы участвовать в общей борьбе в качестве свободных людей. Немцы могут довольствоваться квислингами, работающими на них, Англия же должна рассматривать итальянских антифашистов как равноправных союзников и не навязывать им своих взглядов.

Энцо особенно гордился своими беседами по радио,

большинство которых было объединено рубрикой "Мы, итальянцы, обращаемся к итальянцам". Благодаря им у него образовалась как бы прямая связь с поработоченной Италией и итальянским подпольем. Он мог также непосредственно обращаться к тем, у кого в руках власть. "Среди слушающих нас сегодня на итальянской земле, — говорил он 9 июня, в четвертую годовщину зверского убийства братьев Росселли, руководителей движения "Справедливость и свобода", — находятся и те, кто готовил и осуществил это преступление. Они, может быть, думают, что мы забыли эту дату, что из-за войны она не будет отмечена. Нет! Мы снова предъявляем вам обвинения, как и четыре года назад!"

В своих письмах домой он снова и снова расспрашивает о радиопередачах: "Хотел бы знать, слышали ли вы меня по радио?.. Обычно я выступаю вечером по средам, постарайтесь поймать волну и скажите, как звучит мой голос".

Во время одного из своих частых визитов в Каир Моше Шарет пошел вместе с Энцо на радиостанцию, чтобы посмотреть, как ведется передача. Вот его описание:

"Это было возвышенное и волнующее зрелище. Невысокий человек, смуглолицый, со сверкающими глазами, пылающими, как угольки... Он один находится в небольшой закрытой студии, и его голос разносится далеко и достигает той страны, на которую настроены сейчас все натянутые струны его души. Ты видишь перед собой факел, внезапно вспыхнувший в темноте и зажигающий пламя, которое должно в будущем пробудить целую страну от спячки, поставить на ноги целую нацию..."

Действительность была менее возвышенной. В душевной атмосфере Каира все увеличивались трения и склоки вокруг итальянских радиопередач. Г-жа Терни-Чаленте, писательница и журналистка, руководившая передачами, с самого начала противилась участию Энцо в них, и не из личных или политических соображений, а лишь потому, что он еврей: это, мол, может воз-

будить подозрение, что каирское радио находится в руках евреев...

Профессор Калоссо, один из редакторов итальянской газеты, тайно встретился с подполковником Де-Салисом из "Интеллидженс Сервис", прямым начальником Энцо, и обратил внимание высокопоставленного англичанина на непомерно большое число евреев в его отделе и в антифашистской группе, вообще. По мнению профессора, это может иметь отрицательные последствия. Он сослался на британского офицера, еврея по происхождению, который недавно вернулся из Эфиопии и Эритреи и якобы сказал ему, что не следует посылать евреев в эти страны для ведения антинацистской пропаганды... И хотя дело кончилось тем, что сам профессор Калоссо был вынужден уйти из редакции, его донос сыграл свою роль: поездка Энцо в Эритрею для углубления там антифашистской деятельности откладывалась под разными предлогами с недели на неделю и в конце концов была отменена. Энцо был предоставлен двухнедельный отпуск для поездки домой.

Работа в газете, на радио, в антифашистском комитете отнимала все силы. Но она дала ему крылья и в то же время усилила душевный разлад. "Я нахожусь в странном положении, как бы меж двух миров. Кроме Библии, с которой я не расстаюсь, я не видел за все эти месяцы ни одной еврейской книги". А вот выдержка из другого письма. "Я действительно в плену у иноплеменников и почти не встречаюсь с евреями. ...Вся моя жизнь протекает сейчас в каком-то другом мире, и я часто тоскую по родной атмосфере и привычному окружению. Ваша забота об интеллектуальных потребностях мобилизованных евреев очень мала, и я считаю это большим грехом. Ясно, что у тех, кто находится далеко от дома, усиливаются центробежные силы, растет тенденция удаляться от еврейских источников нашей культуры. Ежедневно приходится делать усилия, чтобы преодолеть влияние окружения и оставаться верным самому себе".

Энцо мечтал избавиться от царившей вокруг пу-

таницы и неразберихи, придинок, подсиживаний и козней мелких душонок. Он мечтал принять самое активное участие в мировой борьбе во имя освобождения итальянского народа, с которым он был кровно связан. Он рассматривал итальянцев как будущих равноправных партнеров свободных народов и мечтал организовать массовое антифашистское движение, которое заложило бы основы новой, послевоенной Италии. И в свете этих грез и планов (некоторые из них были изложены в специальном послании на имя Черчилля) действительность то и дело преподносила новые разочарования.

Дабы затормозить излишнюю, по его мнению, независимость антифашистской итальянской газеты, Де-Салис назначил капитана Воркау ее ответственным редактором. Энцо и его коллеги обязаны были давать ему на просмотр все материалы до публикации. Капитану Воркау было вменено в обязанность дважды в день созывать совещания редколлегии совместно с "гражданской" редакцией.

Доктор Симонс сказал Де-Салису, что он не может согласиться с некоторыми пунктами новой системы руководства газетой и намекнул, что может уйти в отставку. А когда английский контроль над всеми действиями итальянской пропагандистской группы резко усилился, Энцо и некоторые его коллеги явились к высокому начальству с заявлением о выходе из агитационного комитета. Их попросили временно — до выяснения всех обстоятельств — воздержаться от подачи заявления, а пока (с 27 сентября) взять отпуск и ждать новых указаний. И велико было удивление доктора Симонса, когда 5 ноября он неожиданно получил окончательный ответ: его отставка принята... "Учитывая проделанную Вами работу, решено выплатить Вам жалованье за октябрь, т. е. за две недели сверх того, что полагается Вам по закону. С сожалением должен Вам сообщить, что на основании директив, полученных свыше сегодня утром, это решение ни при каких условиях не подлежит пересмотру. Искренне Вш — Де-Салис, подполковник".

Напрасно доказывал Энцо, что, поскольку он не подавал соответствующего заявления, его отставка не может быть принята. Двери "Коррьере Д'Италия" захлопнулись перед ним навсегда.

Непосредственной причиной удаления доктора Симонса была его статья "Коварный Альбион", которую он приготовил для газеты и публикацию которой запретила английская военная цензура. В статье осуждались оскорбительные обобщения, обидные клички и определения типа "макарончики", "коварный Альбион" и упрощенческие претензии к англичанам, которым якобы присуще чувство превосходства, стремление править миром с помощью интриг и системы "разделяй и властвуй". Но, разумеется, дело было не только и не столько в этой статье.

Когда в итальянском отделе "Интеллидженс Сервис" пришли к выводу, что д-р Симонс слишком самостоятелен и независим, придерживается радикальных взглядов и уж очень активен, от него решили избавиться. Но так как он не был намерен участвовать в джентельменской игре по британским правилам, т. е. тихо и незаметно уйти с 25 фунтами стерлингов, которые ему были подарены, власть имущие решили не церемониться. Во время одной из дискуссий по принципиальным вопросам Де-Салис многозначительно сказал Энцо: "Египетские пути-дороги ведут подчас далеко", но не пояснил, что сие должно означать. Смысл этих слов стал ясен Энцо 26 ноября в 9 часов вечера, когда в его квартиру, в которой были гости, ворвались египетские полицейские и арестовали доктора Симонса, обвинив его в том, что он пользуется фальшивыми документами...

Англичане не только вышвырнули Энцо на улицу, но и передали его в руки египетской полиции, у нее же был с ним особый счет, как с человеком, который за ее спиной создал сеть своей агентуры.

Во время ареста был произведен обыск в его квартире и конфискованы разные удостоверения — частично выданные на имя Серени, а частично на имя Симонса, что было неопровержимым доказательством то-

го, что он пользовался двойными документами. За это полагалось более двух лет тюремного заключения или штраф в размере 20 фунтов стерлингов.

Когда Энцо выходил из дома в сопровождении двух египетских солдат, он встретил своего коллегу Баттино и сказал ему по-итальянски: "Сообщите англичанам". Он верил, что англичане не допустят его наказания за "преступление", совершенное по их же инициативе. Ведь сами англичане предоставили в его распоряжение документы на имя д-ра Симонса и отвечали отказом на его неоднократные просьбы — позволить ему жить по его подлинным документам.

Энцо поместили в тюрьму для уголовников, и он исчез с горизонта, будто его проглотила земля.

Офицер египетской разведки сказал доктору Баттино, что Энцо арестован с ведома и согласия британских властей. Баттино пытался протестовать перед Де-Салисом, но не был даже принят. Он изложил свой протест в письменном виде и передал генеральному секретарю британского консульства в Египте.

Случайно назавтра после ареста Энцо в Египет приехал Моше Шарет (он совершал в ту пору частые поездки в связи с мобилизацией евреев Палестины в британские части). Узнав об аресте, Шарет был потрясен. Это было для него личным ударом, и не только потому, что он любил Энцо и видел в нем своего будущего соратника по министерству иностранных дел, но и потому, что сам направил его в британский штаб в Египте и считал себя ответственным за его судьбу.

По мнению Шарета, такое поведение англичан не было случайностью. Они не только вероломно предали Энцо, но и нанесли оскорбление всему еврейскому населению Палестины. Моше Шарет действовал очень энергично для освобождения Энцо. Он подал официальный протест от имени Еврейского Агентства. И лед тронулся... Выяснилось, что Энцо уже одиннадцатый день проводит в тюрьме голодную забастовку. Он голодал не для того, чтобы добиться освобождения, а в знак протеста против незаконного ареста, поскольку ему официально не было предъявлено обвинения. Из

тюрьмы он вышел бледным, исхудалым, очень слабым. Он с трудом держался на ногах. Но настроение у него было бодрое и в глазах сверкали победные искорки: он вышел победителем из нелегкого испытания.

Его послали к любвеобильной мамаше Вайсман на поправку. Он рассказал ей, что самым трудным был первый день голодовки, затем он быстро привык обходиться без пищи. О том, что он передумал за эти одиннадцать дней, Энцо никому не рассказывал. Госпожа Вайсман кормила его строго по предписанию врача (очень часто, но маленькими порциями), и он быстро восстановил свои силы. Но это уже был другой Энцо. Вокруг рта залегли глубокие борозды, взгляд стал иным — глаза частично утратили свой блеск, из них ушла юношеская наивность.

"Интеллидженс Сервис" согласился освободить Энцо после того, как выяснилось, что этот вопиюще незаконный арест вызвал волну возмущения в итальянской колонии Египта и в антифашистских кругах, не говоря уже о евреях и сионистских организациях. Но, чтобы сохранить свой престиж и избежать новых стычек с Де-Салисом, "Интеллидженс Сервис" потребовал его немедленного изгнания из Египта. Энцо этому противился, ибо такое изгнание рассматривалось бы некоторыми как подтверждение его виновности. После долгих переговоров с англичанами (с помощью Баттино как посредника) был достигнут компромисс: Энцо добровольно покинет Египет, он уедет как свободный человек, без сопровождения полиции или солдат.

Энцо вернулся домой в декабре 1941 года. Ему было тогда тридцать шесть лет. Он вернулся значительно повзрослевшим за истекшие пятнадцать месяцев. Его друзья заметили, что Энцо стал более сдержанным, более замкнутым и более печальным. Он научился терпеливо переносить боль, не выдавая своих страданий.

Энцо посвятил себя на первых порах научной работе: он готовил книгу об истории фашизма в Италии. Она предназначалась для молодого поколения итальянцев, которое не знало корней фашизма. Его голос прозвучал на общем собрании, когда обсуждалась про-

блема, которая двенадцать лет назад, во время голодного существования и мучительной безработицы показалась бы химерой и фантастикой. Большой экономический подъем привел к тому, что Гив'ат-Бреннер (как и другие кибуцы) стал использовать наемных рабочих, людей, которые не были членами кибуца, что противоречило его уставу и принципам коммуны, живущей лишь трудом рук своих членов и не эксплуатирующих чужого труда. Если нельзя избежать привлечения рабочих со стороны, — доказывал Серени, — надо, во всяком случае, внедрить в их сознание, что они трудятся не на обычного работодателя-капиталиста, а в рабочей коммуне, всегда готовой принять в свои ряды временных рабочих в качестве полноправных членов кибуца.

Его принял в своей квартире на улице Мазе, 65, в Тель-Авиве Берл Кацнельсон. Сидя за столом и угощаясь ароматным чаем, поданным хозяйкой, Энцо рассказывал Берлу о Египте, а тот с любовью, симпатией и пониманием смотрел на рассказчика. Берл видел в нем одного из министров будущего еврейского государства. В ходе дружеской беседы было выдвинуто несколько предложений о его работе в ближайшее время. Кибуцники Гив'ат-Бреннера надеялись, что сейчас-то он надолго задержится дома, но те, которые хорошо знали Энцо, видели, что он полон внутреннего беспокойства.

Глава восемнадцатая В БАГДАД КАК ВИХРЬ

Между Палестиной и Ираком пролежала пустыня. Но не только пространство — еврейскую колонию в Эрец-Исраэль отделяли от евреев Ирака века отчужденности. Евреи Месопотамии были почти совершенно оторваны от мирового еврейства.

Во времена британского мандата, после Первой мировой войны и правления Фейсала I, сидевшего на своем троне под покровительством англичан, для евреев Ирака настала пора благоденствия. Они заняли ключевых позиции в администрации, заседали в парламенте, составляли весьма внушительный процент среди лиц свободных профессий, занимали видное место в бизнесе.

После смерти Фейсала, который считался другом евреев, в стране усилились позиции крайних националистов, и положение евреев заметно поколебалось. Это произошло в значительной мере под влиянием идей германского национал-социализма. Враги англичан (а их было много), правоверные мусульмане, жаждавшие господства военные круги предпочитали милостям Великобритании союз с гитлеровской Германией. В 1941 году, после нескольких переворотов и контрпереворотов (под влиянием англичан), арабам казалось, что Англия стоит на грани окончательного разгрома, и настало время для открытого мятежа. Правительство Рашида Али Алхилани расторгло оборонительный договор с Великобританией и примкнуло к странам "оси".

Несмотря на постигшие в ту пору Англию многочисленные невзгоды — на ее собственной земле, в Африке и на Ближнем Востоке, Уинстон Черчилль счел нужным направить войска в Ирак. Это диктовалось не в малой степени заботой об источниках нефти в Персидском заливе.

Захват Ирака оказался делом более легким, чем

предполагалось, и иракские воинские части вскоре были разбиты и рассеяны. Рашид Али и члены его кабинета удрали, и англичане стояли уже у ворот Багдада. А тем временем воспаленные страсти масс и горечь поражения, методически растравляемые нацистской пропагандой, нашли выход, удобный для всех — в Багдаде начались еврейские погромы. Британские части стоявшие в предместьях города, сочли за благо не вмешиваться — в этом они видели проявление высшей государственной мудрости... Первого и второго июня 1941 года, когда евреи отмечали Шавуот (праздник Пятидесятницы), разразился погром по всем правилам — с убийствами, грабежами, изнасилованиями. За два дня погибло около 180 человек и более тысячи было ранено: тысячи домов и магазинов были разграблены, и лишь немногие из сотысячного еврейского населения этого города дерзнули выступить с вооруженным сопротивлением против погромщиков.

Это было страшным потрясением для потомков вавилонских евреев, которые гордились тем, что живут на этих землях значительно раньше арабов и их правителей. Небольшая часть иракских евреев пришла к выводу, что для нее нет больше места в Ираке, и покинула эту страну. Эмигранты переселились в Сирию, Индию и на западные индийские острова, несколько сот человек нелегально прибыли в Палестину и там обосновались.

Горстка евреев, главным образом молодежь, понявшая, что погромы можно было бы предотвратить вооруженным сопротивлением, начала организовывать самооборону. Но масштабы ее были незначительны, и она не получала никакой поддержки извне. Однако большинство еврейского населения тешило себя иллюзиями, что погромы были явлением эпизодическим, результатом влияния молодежных арабских организаций типа "гитлерюгенд", и теперь, когда вернулись англичане, наступит тишина и благоденствие.

Вместе со сведениями о погромах в Эрец-Исраэль дошли две листовки, выпущенные в Багдаде молодежной сионистской организацией. Они звучали как бсе-

вой призывный набат: "Еврейские юноши и девушки! Соплеменники! Когда вы пробудитесь, стряхнете с себя трусость и подыметесь как один человек на защиту своей чести, попранный презренными?" Заканчивались листовки словами, выражающими твердую решимость: "Каждый убийца будет убит. Пролитая кровь евреев Ирака будет отмщена!"

Хагана справедливо усмотрела в происходящих событиях сигнал для организации помощи иракским евреям в создании самообороны. Следовало также использовать массовое разочарование евреев в своей древней "вавилонской" родине для сионистской деятельности и организации нелегального перехода евреев в Палестину в широких масштабах. Особенно это было важно в те дни, когда Вторая мировая война закрыла морские пути в страну перед нелегальными иммигрантами из Европы. Фронты боевых действий приблизились к Палестине, и поэтому пришлось прекратить дерзкие ночные рейды кораблей с еврейскими беглецами с охваченного пламенем континента.

В марте 1942 года в Ирак отправился Шпаул Меерс (Авигур), ветеран Хаганы, возглавивший небольшую группу отважных людей, созданную в 1934 году и занимавшуюся нелегальной переправкой евреев из Европы морским путем. Это было реакцией Хаганы на суровые ограничения, наложенные англичанами на еврейскую иммиграцию — с одной стороны, и на увеличение потока беженцев из Центральной Европы — с другой. Большинство членов этой группы были киббуцники, и она действовала самостоятельно под общим руководством Исполнительного комитета Сионистской организации. Существовала, однако, тесная связь между этой организацией (назовем ее "Центр") и руководителями Хаганы в рабочем движении. Отношение части руководителей к нелегальной алии было более чем сдержанное, и лишь после опубликования "Белой книги" в мае 1939 года группа Шпаула Авигура получила полное признание со стороны всего рабочего движения и стала пользоваться поддержкой Еврейского Агентства.

В тридцатые годы нелегальная репатриация морем ограничивалась единичными актами, но уже в 1939 году эта группа, центр которой находился тогда в Париже, развернула широкую деятельность. За один лишь год было доставлено в страну нелегально 11 тысяч человек (из них 6 тысяч — группой Авигура), в большинстве своем — на небольших расшатанных судах. Когда затем были закрыты все пути из Европы, удалось организовать ряд отчаянно смелых рейдов и доставить еще семь тысяч беженцев, — несмотря на грозящую на каждом шагу опасность со стороны фашистских пиратов и на упорный отказ англичан разрешить въезд в Палестину евреев, спасшихся из нацистского ада. Эта небольшая группа состояла из людей, видевших в своей работе высший национальный долг — беззаветно смелых и настойчивых, привыкших рисковать и действовать в подполье, вопреки законам тех стран, в которых они находились, а нередко — и без ведома евреев.

Шаул Мееров (Авигур), член кибуца Кинёрет — серьезный, методичный, последовательный, прибыл в Багдад в форме британского солдата. Он располагал адресами евреев, на которых можно было положиться — их сообщили ему выходцы из Ирака. Шаул пробыл в городе четыре дня, завязал связи с молодежной "Организацией спасения", обещал снабдить ее оружием и вернулся домой, дабы там продолжить работу в этом направлении. Было решено направить в Ирак нескольких эмиссаров, которые бы действовали в подполье. Их должен был возглавлять человек, живущий в Ираке легально. Он должен был владеть английским, уметь налаживать связи с британскими властями, быть человеком вполне светским, знающим как вести себя в "высшем обществе" и в то же время обладать опытом работы с молодежью и способным находить пути к сердцам своих соплеменников.

Среди возможных кандидатов было названо также имя Энцо Серени, но у Шаула и его товарищей были серьезные сомнения в отношении его: в условиях, которые царили в Ираке, в атмосфере крайнего анти-

сионизма — и со стороны англичан, и со стороны иракских властей, — нужен был опытный и умелый подпольщик, умеющий действовать строго секретно и конспиративно. Но Энцо, склонный к экстравагантным выходкам, личность яркая, обладавшая к тому же южным темпераментом, казалось, был полной противоположностью тайного агента. Кроме того, было сомнительно, согласится ли он после столь горького опыта общения с англичанами в Египте взяться, почти сразу по возвращении домой, за новое столь сложное дело.

Но в конечном итоге выбор пал все же на Энцо, хотя и не было недостатка в хорошо подготовленных кандидатах. Секретарь Центра Моше Червинский (кармиэль) выехал в Гив'ат-Бреннер на единственной машине, имевшейся в распоряжении организации (фронт действия которой внутри страны простирался от Дана до Беэр-Шевы), с запиской Шаула, адресованной Энцо, с просьбой прибыть безотлагательно в Тель-Авив в связи с решением возложить на него новую миссию.

Моше Червинский нашел Энцо растянувшимся на кровати в своей комнате, погруженным в чтение книги, которую он вплотную приблизил к своим близоруким глазам. Он представился, коротко объяснил суть дела и подал записку. Не задавая лишних вопросов, Энцо встал и сказал:

— Хорошо, я еду с вами.

Было ясно, что он готов взять на себя эту миссию. Аде, вошедшей тут же в комнату, он сказал:

— Я получил письмо от Шаула и должен кое-что выяснить в Тель-Авиве.

И даже не посоветовавшись, он поехал, чтобы взяться за дело, которое снова должно было на долгие месяцы оторвать его от семьи, кибуца и страны.

На следующий день после первой беседы с Шаулом начались практические приготовления. Энцо встречался с членами Центра, с выходцами из Ирака, прибывшими в страну после погромов, с Давидом Хакоэном — руководителем организации "Солел-Бонэ" — мощной подрядческой компании, принадлежавшей Гистадруту (она должна была служить легальным прикры-

тием для нелегальных действий). "Солел-Бонэ" приняла на себя обязательство по строительству аэродромов и ряда оборонительных сооружений в довольно больших масштабах, а также занималась, по требованию англичан, расширением нефтеочистительных заводов в Абадане.

Англичане предпочитали сейчас иметь дело с еврейскими рабочими, которые были их союзниками в борьбе с нацистами, в то время как арабские рабочие готовы были служить интересам стран "оси". Около четырехсот рабочих, техников и инженеров из Эрец-Исраэль работали в ту пору от "Солел-Бонэ" в странах Востока, и движение людей и грузов между Палестиной и Ираком было весьма оживленным. Представитель этой фирмы в Багдаде должен был заботиться об обеспечении нужд ее рабочих, которые находились там до отправки на юг — в Абадан или на север — в Мосул и Киркук, а также при возвращении домой. Это была должность, не требовавшая больших усилий, в то же время представлявшая идеальное прикрытие для подпольной деятельности. При поддержке Давида Хакозна и с согласия английских властей д-р Серени был назначен представителем "Солел-Бонэ" в Багдаде и отправился туда в августе — автобусом через Сирию в английской военной форме (все сотрудники "Солел-Бонэ", по требованию английских властей, носили форму с надписью "спешл", чтобы замаскировать пребывание еврейских рабочих в Ираке). На его голове был шлем британского солдата, на плече висела большая солдатская сумка. Его подпольная кличка была "Эхуд".

13 апреля 1942 года в секретариате организации было получено первое сообщение от Эхуда с пути: "Передайте, пожалуйста, моей девушке (Аде из Гив'ат-Бреннера), что у меня все в порядке, и я напишу ей, когда прибуду на постоянное место". Энцо задержался в Киркуке, там он познакомился с местным служащим нефтяной компании Меиром Шемтовым, в прошлом учителем в школе "Альянс", симпатизировавшим сионистам. Энцо поручил ему изучать иврит, чтобы, ко-

гда настанет час, он мог обучать других. (И действительно, спустя три месяца Энцо, к своему великому изумлению, убедился, что этот парень уже бегло объясняется на иврите и готов к репатриации. "В Германии я не привык к таким темпам", — писал он).

В Мосуле он познакомился с группой инженеров из Палестины, которые находились здесь уже несколько месяцев и выразили готовность помогать ему. Он встретился также с секретарем раввина местной общины и вместе с ним решил, что следует прежде всего организовать нечто вроде всеобщего "Гехалуца", который будет заниматься распространением Библии и иврита и явится как бы преддверием алии. "Мы решили, что начнем с двенадцати человек — по числу коллен Израилевых..."

британским служащим, которые сотрудничали с "Солел-Бонэ", и, к его большой радости, получил разрешение носить и гражданскую одежду. Он снял номер

Когда Энцо прибыл в Багдад, он был представлен в гостинице "Семирамида" — одной из самых фешенебельных в городе, как это подобало его высокому официальному положению. В своем первом письме в Центр он потребовал присылки еврейской грамматики, книг на адаптированном иврите, еврейских газет. Аду он попросил "прислать при первой же возможности (с Давидом Хакозном) пару ботинок, гражданский летний костюм, несколько рубашек и галстук. Жаль тратить деньги на новую одежду. Я сделал ошибку, что не взял все это с собой".

Выяснилось, что первый связной, которого Шаул направил в Багдад, был для Энцо очень слабой опорой, и он вынужден был самостоятельно прокладывать себе путь и действовать по собственному разумению. Ему были даны самые широкие полномочия, исходя из полного доверия к его способностям импровизировать: на месте, мол, он сам все уладит. "Когда мы начали работать в Ираке, казалось, будто это особая страна, расположенная за легендарной рекой Самбатьон, страна, о которой мы тогда очень мало знали и которая не знала нас. Кроме небольшого числа

людей, которые в разное время и по разным поводам посещали Месопотамию, здесь не бывали евреи Палестины, а евреи Ирака почти не бывали в Палестине. Поэтому мы были вынуждены двигаться вперед ощупью и в темноте, искать для себя на первых порах опору для работы среди людей, которых нам трудно было понять и которые во многом были чужды нам и нашему делу".

Первая встреча между Энцо и членами молодежной организации спасения произошла в кафе "Белкис", неподалеку от берегов реки Тигр, где обычно встречались представители арабской интеллигенции. От организации на встрече участвовали двое юношей. один — ученик гимназии и второй — чуть постарше. Оба отнеслись с большим подозрением к Энцо, в котором видели агента британской разведки. Энцо сказал юношам, которые представились как Давид и Авраам, что оборона евреев Ирака дело несомненно, очень важное, но оно не может быть самоцелью — ее нужно сочетать с широкой сионистской деятельностью и подготовкой к алии. "Вся молодежная организация спасения, — заявил Энцо, — должна присоединиться к новому движению", — и потребовал тут же на месте ответа.

Ребята колебались. Они попросили дать им недельный срок для размышлений. Энцо настаивал. Они выразили свои опасения, что, может быть, это провокация, и Энцо демонстративно швырнул на стол свои документы для проверки, что произвело на них неизгладимое впечатление. Договорились встретиться через три дня.

После совещания члены молодежной организации спасения договорились о том, что они примкнут к движению доктора, но не в качестве организации а в индивидуальном порядке. Об этом ему было сообщено на следующей встрече, и в тот же вечер он пригласил их на доклад, актуально сионистский по своей направленности.

При всех своих симпатиях к молодежи и уважении к их готовности к решительной борьбе, Энцо понимал, что это — небольшая группка юношей, лишен-

ных жизненного опыта и плохо вооруженных. "Многие молятся, всей душой желая осуществить заветы, связанные со страной, но не знают, как реализовать свои надежды, и мы еще этого не знаем. Я надеюсь, что нам удастся создать общество для совместных богослужений", — зашифрованно отчитывался Энцо перед Центром, довольно прозрачно, однако, намекая, о чем идет речь.

В это время в Ирак прибыли еще два секретных агента, оба кибуцники — Шмарья Гутман (поселение Наан, молодежный кибуц, сосед Гив'ат-Бреннера) и Эзра Кадури (кибуц Маоз-Хаим), уроженец Ирака, с детских лет живший в Палестине. У них были фальшивые иракские документы на имя Наджи и Кадури, и жили они в семье Схейка, старший сын которого Овадья переселился в Палестину. По первоначальной наметке Энцо должен был заниматься главным образом организацией сионистского движения, Шмарья — алией, а Эзра — вопросами самообороны, но очень скоро выяснилось, что в существующих конкретных условиях все трое должны действовать совместно во всех направлениях. Начали они с преподавания иврита с тем, чтобы постепенно из числа учеников подобрать людей, подходящих для самообороны и репатриации. Оба агента, которые выдавали себя за местных евреев, даже летом ходили в костюме и при галстуке на европейский манер. Они не могли открыто встречаться с доктором Серени, официальным представителем палестинской фирмы, дабы не возбуждать подозрений, и потому никогда не заходили в отель, где он жил, а в случае нужды направляли к нему посыльного. И Энцо приходил к ним в еврейский квартал только тайно.

Многие евреи Багдада жили еще в старом гетто, в домах, построенных в виде "ханов" — заезжих дворов с окнами, выходящими не на улицу, а внутрь, и с внутренними двориками, куда вели двери из всех помещений. Все дома были тесно связаны между собой и в случае необходимости можно было довольно легко улизнуть из комнат через крышу. Ни в одном из

этих домов нельзя было снять квартиру для нужд сионистской организации: в каждом доме жила одна большая семья — родители, дети, дяди, тети. Когда один из сыновей женился, он продолжал, как правило, жить в отцовском доме, и лишь если там не было места, снимал другой дом.

Семья Схейка, чьи сыновья были на первых порах центральными фигурами сионистского движения в Ираке, сняла дом для нужд организации на свое имя и даже жила там для отвода глаз. Организация покрывала расходы на квартирную плату, но Шмарья и Эзра столовались у мамыши Схейк бесплатно — предложить ей деньги значило нанести ей кровную обиду. Три эмиссара встречались почти ежедневно, но Шмарья категорически отказывался, несмотря на уговоры Энцо, пойти с ним вместе в дом главы еврейской общины, посещать совместно частные дома и кино и даже не соглашался показываться вместе с ним на улице.

Энцо считал, что самоуверенность — залог успеха при выполнении подпольных заданий. Однажды он взял с собой Исраэля Куфита — члена киббца Наан, посланного в Ирак на некоторое время в помощь Энцо — в лагерь британского командования. Он пошел туда, чтобы выяснить "что-то важное" и оставил своего спутника посередине лагеря — в гражданской одежде, без документов, не имеющего права находиться на территории Ирака... Его друг был в страшном смятении, и когда Энцо через полчаса вернулся как будто ничего не произошло, тот набросился на него с упреками: как можно так поступать с товарищем?

— Я хочу, чтоб ты знал, — ответил Серени, — что моя теория противоречит вашей во всем, что касается подпольной деятельности. Чем ты больше будешь ходить в опасные места, тем меньше тебя будут подозревать, а чем больше ты будешь прятаться, тем скорее тебя обнаружат...

Однажды у него на улице вытащили кошелек, в котором были деньги, принадлежавшие организации, и будучи не в состоянии сдержать гнев, подал жалобу

в полицию, хотя тем самым рисковал привлечь к себе ее особое внимание. После жалобы стало легче на сердце, но деньги так и не были найдены.

В Ираке в ту пору не было ядра организованных сионистских активистов, как в европейских странах, и наши эмиссары должны были почти все делать сами, хотя и у них появилось несколько надежных помощников, заметно облегчавших работу. Небольшая группка под руководством Эзры начала военные тренировки, чтобы подготовить кадры инструкторов для местной самообороны. "Мы ограничили эту деятельность, исходя из двух соображений: 1) желания сохранить секретность; 2) отсутствия средств для покупки вооружения. От местных евреев трудно получить деньги на какую-либо цель, а тем более для самообороны".

Энцо обнаружил в Ираке симпатии к Эрец-Исраэль, хотя у людей и не было четких политических и сионистских взглядов. В отличие от евреев Германии, которым подчас надо было доказывать, что они евреи, иракские евреи полностью осознавали свою национальную принадлежность, ибо она была нераздельной частью их жизни. Это проявлялось в укладе их быта, в соблюдении святости субботы и кошерной кухни, в посещении синагоги по субботам и праздникам и т. п. Привязанность к традициям, обычаям и обрядам была даже большей, чем глубина религиозного чувства. Энцо решил методически проводить работу среди широких слоев населения. Он хотел заинтересовать зажиточных евреев в инвестициях своих капиталов в экономику Палестины, начать сбор средств в пользу "Керен Каемер" ("Национального фонда"). Он пытался также проникнуть в среду ассимилированной интеллигенции, потерявшей после погромов свою былую самоуверенность, и в левые радикальные круги еврейства.

И тут сразу же обозначилось противоречие между тем размахом и темпом работы, которую начал Энцо, и имевшимися в его распоряжении средствами связи и информации. Он буквально бомбардировал

своих руководителей требованиями о присылке печатных материалов, включая газеты, брошюры на актуальные темы, литературные произведения ("Памятник" Шимони), учебники, словари и т. п.

Ждать приходилось в течение многих недель. Дело в том, что его письма — короткие деловые записки — переправлялись главным образом с помощью еврейских солдат-отпускников, возвращавшихся домой. Приходилось прятать эти записки в тюбиках изпод зубной пасты, в мыле и т. п. — в ту пору эти методы маскировки и конспирации считались еще весьма оригинальными. И нередко случалось, что счастливый солдат ехал сперва в свой кибуц, далеко от Тель-Авива, а уж затем, спустя некоторое время, вспоминал о поручении и доставлял письмо адресату. Но и в самом Центре дела Шаула Авигура в Ираке не относились в ту пору к делам первостепенной важности: победы генерала Роммеля в Северной Африке сделали реальной опасность вторжения немцев в Палестину. Англичане готовились к возможной эвакуации, а еврейское население — к отчаянной борьбе не на жизнь, а на смерть, наподобие той, что вели в свое время героические защитники Масады — до последнего человека. Из Европы начали поступать первые сведения о еврейских транспортах в газовые камеры. Беженцы из Польши и России появились уже в Тегеране, а аппарат спасения, которым располагал Шаул, был малочисленным, и бюджет его — весьма ограниченным. В сущности, вообще не было упорядоченного бюджета, и когда начались акции по нелегальной иммиграции, они кое-как финансировались Исполнительным комитетом Гистадрута, кибуцным движением, "Джойнтом", богатыми евреями Англии и Египта.

Чары Энцо действовали на евреев Ирака сильнее, чем в любом другом месте. Его здесь очень уважали, любили, даже восхищались им. Энцо вызывал воодушевление и энтузиазм, ему беспрекословно подчинялись, он пользовался неограниченным доверием.

...В один из летних дней 1942 года в кабинете

Эзры Хадада, директора еврейской школы, члена иракской Академии и писателя, хорошо говорившего на иврите, появился низкорослый человек, представился как доктор Серени и безо всякого предисловия приступил к делу.

— Настало время выполнить национальную миссию. Ваше место среди нас!

Доктор вынул из кармана брошюру с очерком И. Х. Бреннера "Он сказал ей", положил ее на стол Хадада и сказал тоном, каким отдают приказания:

— Эта книжка вас очень интересует. Сегодня четверг. Я зайду к вам в воскресенье утром, и к тому времени очерк должен быть уже переведен на арабский язык, чтобы молодежь могла прочесть и извлечь соответствующий урок. Согласны?

Сказав это, он попрощался. Вся встреча длилась менее десяти минут.

Такая система решительных действий себя оправдала. Когда Энцо пришел сюда в воскресенье в сопровождении капитана британской армии Мордехая Нахемзона (Нахуми), жителя Эрец-Исраэль, работавшего в английской военной цензуре и дружившего с Энцо, брошюра была уже переведена...

Работа расширялась. Сотни людей изучали иврит, был подготовлен арабский перевод "Автоэмансипации" Пинскера*, организована англо-французская библиотека книг на еврейские темы. Энцо торопил инстанции, которые должны были выслать литературу, требовал денег, подчеркивая, что все его дей-

* 62-летний одесский врач Лео Пинскер, участник Крымской войны, убежденный сторонник и пропагандист ассимиляции евреев, после погромов 1871 года внезапно прозрел и понял, что идет по ложному пути. В 1872 году он написал и издал анонимно в Берлине замечательную по глубине мысли, силе аргументации и ясности изложения книгу "Автоэмансипация", которая стала важным программным документом сионистского движения в России, Германии и других странах.

ствия не выходят за рамки бюджета, который был утвержден соответствующими инстанциями. Но так как его непрерывные вопли помогли лишь частично, Энцо не стал ждать помощи из Палестины и начал брать займы на месте, всюду, где только мог. И спустя некоторое время в Исполкоме Гистадрута стали появляться люди с записками от Энцо: "Прошу подателю сего возратить такую-то сумму..."

Энцо хорошо знал, как ведутся подобные дела в стране: стучат по столу и ставят руководителей перед свершившимися фактами. Тот, кто тихо ждет возврата долга, может ждать до второго пришествия... Эмиссарам было положено жалованье — 5 фунтов в месяц. Половину этой суммы Серени конфисковывал для нужд сионистского движения. В глазах своих товарищей по работе Энцо слыл скупцом. Эзра шутил: "Если во время сна заиграет прямо под его ухом симфонический оркестр — он не услышит, но если кто-нибудь скажет: "Энцо, дай десять пиастров", он сразу же вскочит с кровати"...

Энцо принципиально не хотел прибегать к пожертвованиям евреев Ирака: во-первых, чтобы не умалять своего положения, во-вторых, ввиду того, что в отличие от евреев Германии или Италии, местные евреи не привыкли к филантропии.

Когда в Багдаде началась зима, он продолжал щеголять в одном костюме, без пальто, т. к. не хотел тратить на одежду имевшиеся в его распоряжении деньги. "По правде говоря, я не оснащен по-зимнему и немного страдаю от холода, но как-нибудь с помощью товарищей устроюсь... В комнатах нет отопления и в минуты отчаяния я понемногу потягиваю вино из Эрец-Исраэль и ем шоколад... В центральном зале отеля всегда в камине пылает огонь, что напоминает северную Европу. Думаю, что от такого камина Ада не отказалась бы и в Гив'ат-Бреннере".

Одна из центральных проблем сионистской деятельности в странах Востока заключалась в привлечении девушек к активному участию в движении. Когда Энцо впервые выразил пожелание встретиться с де-

вушками, спонтанная реакция парней, с которыми он беседовал, была единодушной: "Будьте очень осторожны! Это не так просто!". Чтобы активизировать девушек, надо было разбить многовековую традицию и покуситься на неограниченную власть отца и старших братьев. Девушки учились в особых школах, они выходили на улицу с сопровождением членов семьи, а сейчас, после погромов, — нередко с закрытыми лицами, как мусульманки, из соображений безопасности. Если же девушка уходила одна из дому, она должна была дать предварительно подробный отчет — куда идет, по какой дороге, когда думает вернуться. Если видели на улице девушку, разговаривающую с мужчиной, ее считали безнравственной, чуть ли не девицей легкого поведения... Девушки среднего сословия, к которому принадлежало большинство иракских евреев, жили замкнуто и обособленно, а когда наступала пора замужества, семья определяла, кто будет супругом. Столкновение Энцо с этой действительностью вызвало смятение.

Первые контакты эмиссара с девушками произошли в рамках семьи. Шаул Схейк, в доме родителей которого обычно проводились все мероприятия и встречи, познакомил Энцо со своей родственницей Тиквой Хатун. Это была образованная девушка, серьезная, умная, хромавшая на одну ногу после перенесенного в детстве полиомиелита. Энцо сказал ей, что хотел бы здесь встретиться с группой девушек. Тиква знала, что всякого рода собрания и сборища запрещены правительством. Она опасалась за родителей, боялась, что может пострадать доброе имя ее отца, но не смогла отказать Энцо.

В субботу утром, когда ее родители отправились в синагогу, у нее дома собралось около десятка девушек из школы, и Энцо говорил с ними о платьях, о капризах моды, о погоде, о разных странах и обычаях. Это была легкая развлекательная беседа о всем понемногу. Девушки были довольны и пожелали встретиться вторично: таких людей они раньше не встречали.

В следующую субботу собралось двадцать девушек, и Энцо сиял от радости, когда увидел полную комнату людей. Во второй беседе он уже упомянул Эрец-Исраэль, говорил о еврейских праздниках, разъяснил их связь с сельским хозяйством. Речь его лилась свободно, непринужденно, естественно, а говорил он на английском и французском, которые девушки изучали в школе "Альянс". Его слушательницы сидели с открытыми ртами, не сводя с него глаз, а когда он ушел, начали обсуждать и комментировать: что он говорил, зачем говорил, что имел в виду. Стена обособленности начала расшатываться.

В доме Тиквы Хатун начались ежедневные занятия ивритом, доклады на разные темы проходили и в других домах. Энцо задавал вопросы, много шутил, говорил о том, что в такой небольшой стране, как Эрец-Исраэль важен и значителен вклад каждого человека. Он говорил о роли труда в преобразовании страны, о большом вкладе независимых и вполне самостоятельных еврейских женщин Палестины, умеющих постоять за себя. Не всегда девушки понимали все, что он говорил, — в его речи было много новых слов, и говорил он очень быстро, но, несомненно, Энцо сумел повлиять на них, изменить их жизнь, направить ее в другое русло. Он указал им ясную цель, взамен их неясных и смутных стремлений и грез.

В июле, спустя три месяца после прибытия в Багдад, Энцо сообщает в Центр о первых двадцати девушках, желающих переехать в Эрец-Исраэль, и ведет переписку с соответствующими инстанциями об их абсорбции. Он подчеркивает, что ни в коем случае не следует их сразу поселить в кибуце — переход к новой жизни будет слишком резким. Девушки из Ирака на первых порах должны жить отдельной женской группой, а не в смешанных коллективах.

Когда Тиква, Иона и другие впервые заговорили в своих семьях о репатриации, там воцарилось всеобщее недоумение: "Чего вам здесь не хватает? Разве нет у вас семьи? Что скажут люди? Ведь девушка, работающая ради заработка, позорит своего отца. Ки-

буц подходит только для восточноевропейских юношей и девушек, у которых нет семьи. Эрец-Исраэль? Туда едут только старики, чтобы там умереть. И что вы будете там есть? Песок?“.

Репатриация первых девушек проводилась легально. Они получали визы в качестве отправляющихся в Палестину на лечение или учебу. Но когда законная репатриация усложнилась, началась нелегальная переброска девушек (изнеженных и избалованных родителями) через пустыню и горы.

Но и сила убеждения Энцо тоже имела свои границы. Когда он, проповедуя важность физического труда, необходимость в поте лица зарабатывать на хлеб, с пафосом восклицал: "Я тоже рабочий!", результат был противоположен тому, что он ожидал. Вместо того, чтобы усилить аргументацию, он этим ослаблял ее. В качестве доктора его слова имели вес, в качестве рабочего — они теряли свое значение. Эрец-Исраэль, алия, даже жизнь в кибуце казались девушкам приемлемыми, но стать рабочим из идейных побуждений, добровольно работать физически — это было выше их понимания. Были люди, которые успокаивали Энцо: "Не волнуйся, мы поработаем в сельском хозяйстве, пока не накопим немного денег. Затем мы станем торговцами...“.

Энцо писал: "Это (уважение к физическому труду) — центральная проблема в нашем воспитании. Иврит они изучили быстро, теорию сионизма усвоили легко, но объяснить им, что они будут рабочими и останутся рабочими — это нечто совсем другое“. Он не строил себе иллюзий: "Все говорит о том, что и в Эрец-Исраэль они станут торговцами“.

Так оно и было. Первые группы иракских евреев пошли в кибуцы, но лишь немногие остались там надолго. Однако они все же остались в стране, по их следам сюда прибыли их братья, сестры, родители, и таким образом они проложили дорогу, по которой после провозглашения государства Израиль прибыло в страну более ста тысяч иракских евреев.

Первые репатрианты из Ирака поселились в

Гив'ат-Бреннере, в Наане, Бейт-Хашите, Маоз-Хаиме и других местах, которые хорошо знали по рассказам своих инструкторов. Гиква Хатун пошла в Гив'ат-Бреннер, а за нею — первые группы репатриантов. Выходцы из Ирака чувствовали себя там обособленно от коллектива: их идейная подготовка была очень незначительной по сравнению с той, что получили выходцы из Германии, стран Восточной Европы, участники молодежных сионистских организаций. К тому же большинство "иракцев" не имело никаких трудовых навыков. И на собрании кибуцников, которое состоялось спустя три месяца после прибытия первых иракских евреев, они открыто заявили: "Среди арабов мы себя чувствовали евреями, тут же, в кибуце, — мы как арабы...".

Многие из кибуцников пытались поговорить с ними по душам. Элизер Регев, ветеран-воспитатель, сказал новоприбывшим:

— Вам надо организоваться. Вас пока мало, а это плохо и для вас, и для нас. И когда мы прибыли в страну, старожилы относились к нам чуть иронически. Так уж ведется на свете...

Если бы Энцо жил в ту пору в Гив'ат-Бреннере, дело, вероятно, обстояло бы иначе. Но так как он прибыл лишь с кратковременным визитом и снова исчез, его "иракцы" стали понемногу покидать Гив'ат-Бреннер. Одни перешли в другие кибуцы, другие — в города. "Если бы Энцо остался в живых, Гив'ат-Бреннер превратился бы в самый большой "иракский кибуц" — говорили впоследствии багдадские евреи.

...Первый большой провал сионистского подполья не замедлил прийти. Группа из шести молодых рабочих, "здоровых телом и духом, облеченных в одеяния арабских крестьян", отправившаяся нелегально в Палестину и имеющая в своем распоряжении явки и пароли для промежуточных стоянок, была схвачена летом 1942 года в Халебе (Сирия) вместе с их арабом-проводником. Они сидели в кафе и громко разговаривали, и по их багдадскому произношению тайный агент полиции понял, что они не местные и задержал их.

Их избили, поместили в тюрьму, и они рассказали на следствии все, что знали. И хотя "Эхуд" заканчивает свой отчет о случившемся словами "мы не пали духом", это был тяжелый удар. Евреи селения Рашба, через которое проходили все нелегальные репатрианты, испугались и отказались от дальнейшего сотрудничества с Энцо.

Эзра и Шмарья вынуждены были на некоторое время прекратить свои контакты с местными евреями и переменить квартиру: шестеро арестованных сообщили своим родным адреса этих двоих, чтобы те потребовали от них возврата денег, внесенных за алию, на покрытие дорожных расходов, оплату проводника и т. п. — от 15 до 17 фунтов стерлингов с человека (на свободном рынке за нелегальный переход из Ирака в Палестину платили 25 фунтов). Арестованные были освобождены спустя несколько недель за солидную взятку — безотказно действующее "лекарство" от многих бед на Востоке.

Опасность провалов из-за беспечной болтовни была очень большой, даже когда речь шла о хороших и стойких людях. "Следует знать, что человеческий материал здесь не тот, что в Европе", — объяснял Энцо Комитету по вопросам алии, когда в июле 1942 г. прибыл на короткое время домой. — "Они быстро загораются, но столь же быстро впадают в отчаяние. Я и мои товарищи нередко становимся свидетелями таких удивительных явлений благородства, с каким никогда раньше не встречались в других местах. Но нет недостатка и в явлениях сугубо отрицательных, какие тоже нигде не встретишь. Так каковы же они, иракские евреи — хорошие или плохие? Я отвечаю: и такие, и такие..."

Характер двадцати - двадцатипятилетних уже сформировался, изменить его было нелегко, поэтому Энцо начал усиленно работать среди подростков, стремясь склонить их к алии. "Есть чудесные дети в возрасте 15—16 лет, идеалисты, из которых можно сделать настоящих людей, если они будут жить в соответствующей среде".

Он затеял переписку с Генриеттой Сольд и с Гансом Бейтом из "Алият ганоар" по поводу приема и абсорбции первой группы подростков, которая была готова к алии уже летом. После того как в результате проведенной с ними работы, они изъявили согласие уехать, надо было вести нелегкие переговоры с их родителями, которые в большинстве своем противились отъезду детей, считая, что их место — в лоне семьи. Они видели в этом опасную авантюру. Многие родители просили Энцо оставить мысль об алии или, по крайней мере, отложить ее до совершеннолетия подростков, но Энцо стоял на своем: это начало большой, массовой репатриации. Вслед за детьми приедут и родители.

Когда три сионистских эмиссара прибыли в Ирак, они полагали, что после волны погромов многие багдадские евреи будут готовы к немедленной репатриации любой ценой. Но после погромов прошло уже девять месяцев, ситуация в корне изменилась, и самое благоприятное время для массовой алии было упущено. В конце сентября 1942 года Энцо послал Еврейскому Агентству отчет о политическом положении в Ираке и об атмосфере среди местных евреев. Он писал:

"За последние недели произошли заметные перемены в настроениях еврейского населения, которое сводит на нет национальное пробуждение и тягу к Эрец-Исраэль в результате преследований и погромов минувшего года. Причины таких перемен разные: способность забывать и отлично приспосабливаться, отличающая не только местных евреев; "просперити", воцарившееся в стране в результате войны, отчего выигрывают все слои населения, но особенно буржуазный слой, занятый торговыми операциями; все усиливающаяся уверенность, что в конечном итоге победят англичане, русские и американцы, так что "все уладится наилучшим образом"; некоторые изменения в отношении властей к евреям — результат желания арабов выглядеть в глазах англичан и американцев "демократами", что выражается, в частности, в таком

жесте, как выплата возмещения семьям, пострадавшим от погромов".

Когда начало казаться, что жизнь здесь нормализуется, проблема переезда в Эрец-Исраэль из актуальной превратилась в абстрактно-теоретическую.

На ослабление желания репатрироваться повлияли также сведения, пришедшие из Палестины: "Все более и более становится ясным из писем репатриантов и из рассказов возвращенцев (а их немало), что в Эрец-Исраэль евреи обязательно должны работать физически и почти нет надежды найти средства к жизни в торговле. Жизнь там трудная. Поэтому халуцианский энтузиазм быстро испарился и вместо него начались холодные расчеты. В результате Эрец-Исраэль потеряла свое притягательное значение для жизни и устройства и снова стала объектом абстрактных и расплывчатых национальных грез. О своей стране хорошо мечтать, но туда не стоит переселяться".

Энцо предложил отныне действовать в более скромных масштабах. "Если до прибытия сюда и в самом начале нашей деятельности мы думали, что главная цель — организовать репатриацию и ускорить ее темпы, мы должны сегодня признать, что нет резона этим заниматься усиленно. Евреи Ирака, которые хотели репатрироваться после погромов, показали, что они могут этого добиться сами и без нашей помощи переехать в Эрец-Исраэль".

По мнению Энцо, сейчас следовало бы ограничиться оказанием помощи тем, кто в ней нуждается, да и тут надо действовать в более скромных размерах. "Организация больших групп для алии связана с опасностью доноса (по глупости, если не из-за страха или злой воли) и требует так много организаторов и средств, что я сомневаюсь в целесообразности этого. Возможно, следует предоставить все стихийному развитию и временно этим не заниматься. То, что в течение многих лет было заброшено, не может быть исправлено в один день искусственным возбуждением энтузиазма. Если в ближайшие месяцы не произойдет погромов, мы не сможем строить нашу деятельность

на настроениях приближающейся катастрофы ("Езжайте, близится развязка..."). Мы должны готовиться к будущему, воспитывать молодое поколение, готовить новую смену, которая смогла бы продолжать нашу работу. Сионистская организация, молодежное движение, "Гехалуц" — вот главные задачи дня, даже если следует продолжить усилия, поощрять формирование халуцианских ядер и групп для алии".

Энцо просил Сохнут прислать ему информационно-разъяснительный материал — книги и агитационно-пропагандистские брошюры на иврите, английском, французском, арабском. "Значение печатного слова здесь несравненно большее, чем в Европе, — писал он. — Я считаю, что Гистадрут должен ассигновать на это фунтов 50. Нужно серьезное усилие, чтобы финансовые соображения не тормозили нашей деятельности. Сегодня еще можно действовать, но неизвестно, что будет завтра".

В конце августа в Багдад прибыл Моше Даян — молодой представитель Хаганы, потерявший в том году свой левый глаз в борьбе с силами Виши на границе с Сирией. Он прибыл в качестве помощника водителя туристского автобуса (общепринятый способ для лиц, желавших немного попутешествовать по Ираку) и привез с собой три чемодана с оружием для местной самообороны. Англичане не разрешали водителям таких автобусов въезжать в Багдад — они должны были оставаться в военном лагере в тридцати километрах от столицы.

Даян спрятал чемоданы с оружием в лагере и нашел путь обойти запрет: снял брюки и в одном белье проник через сточную канаву, ведущую за пределы лагеря, на главное шоссе. Там он присоединился к длинному каравану крестьян, которые везли на ослах свои товары на базар. На мосту, ведущем в Багдад, стояли полицейские и проверяли документы у всех чужаков и подозрительных лиц. Но Моше Даян, перепачканный в тине и полуголый, выглядел как один из местных жителей (он снял свою черную повязку с глаза) и вошел в город, не возбудив подозрений.

В Багдаде он облачился в брюки и направился, даже не помывшись, в шикарный отель, где жил Энцо Серени, чтобы сообщить ему о доставке оружия. Швейцары преградили ему вход, но после солидного бакшиша один из них вызвал Энцо. Тот ввел гостя в свой номер и приготовил для него горячую ванну, раздобыл кое-какую одежду, которую Даян с трудом напялил на себя, и оба они направились в дом Схейка и к другим еврейским деятелям.

Энцо уговорил Даяна использовать свой визит в Багдад для посещения музея древностей. Во время экскурсии Энцо рассказывал гостю о древней Месопотамии и ее быстром расцвете, об оросительной системе и о последовавшем вскоре страшном культурном застое. С воодушевлением он демонстрировал ему редкие клинописные документы эпохи Хаммурапи. Моше Даяну, в ту пору "невежде, простолодину, мужицкому сыну из Нахалала" — по собственному определению — трудно было понять, почему с таким восторгом его спутник говорит об этих внешне невзрачных археологических находках. Впоследствии он сам стал страстным археологом.

Энцо использовал возможность переправить с Даяном в Палестину двух молодых беженцев из Польши. Водители автобуса были вначале не очень довольны, но когда их удалось убедить, был произведен своеобразный "товарообмен": ночью Моше притаился возле ограды лагеря неподалеку от шоссе с тремя чемоданами. Два беженца в форме английских солдат со скоростью молнии выскочили к нему из подъехавшей машины, и в ту же секунду чемоданы были подхвачены, брошены в машину и та умчалась прежде, чем успел приблизиться часовой.

...В одном были согласны все багдадские друзья Энцо: он знает историю этого района лучше большинства коренных жителей-интеллигентов. В его литературном наследии был обнаружен большой пакет с записками — цитатами из прочитанных книг, названиями глав и тезисами по ряду интересовавших его вопросов: о древнем земледелии в Двуречьи, об англий-

ском империализме на Среднем Востоке, о могиле Эзры, об авантюрах Лоуренса, цитаты из книг Вильгельма Грубе, бывшего немецкого посла в Ираке (Энцо считал его большим авторитетом по актуальным вопросам Среднего Востока). Может быть, он делал эти записи по давней привычке, чтобы воспользоваться цитатами во время докладов? Может быть, он задумал написать книгу? Трудно сказать. По сути, Энцо всю свою жизнь что-то сочинял.

В Ираке он продолжал работу над книгой по истории фашизма (план ее был составлен еще во время пребывания в Египте), и это была его последняя связь с итальянским освободительным движением после поездки в Ирак. Книга предназначалась прежде всего для молодых итальянцев, родившихся в годы господства фашизма, но не знавших его корней, и он писал ее по-итальянски. Несколько глав рукописи, которые Энцо послал с шофером Аде (он хотел, чтобы книгу перевели на английский и на иврит), были конфискованы британской полицией во время проверки в селе Ротба, и автору просигнализировали из Тель-Авива, что "Эхуду" надо подготовиться к допросу. Энцо просил своих друзей поинтересоваться судьбой рукописи: ведь в нее были вложены многие месяцы труда, и у него не осталось даже копии.

Как он все успевал? Энцо просыпался в пять утра, читал в кровати до завтрака, затем занимался делами фирмы, которую представлял, выезжал на доклады, встречался с солдатами из Эрец-Исраэль, которые служили ему курьерами, совещался с посланцами из Центра, обучал ивриту, посещал дома иракских евреев, писал, пытался читать и ночью, перед сном, да еще время от времени путешествовал по Ираку — чаще всего, дабы расширить рамки сионистской деятельности и заодно удовлетворить свой ненасытный интерес ко всему новому, неизвестному.

Он и Нахемзон совершили поездку на север, к сирийской границе, где проживало племя иезидов. То были огнепоклонники, находившиеся под влиянием веры в Заратустру, по своему внешнему облику напо-

минавшие древних ассирийцев, носивших, как они, длинные черные бороды. Шмарья Гутман предложил использовать это племя при нелегальной переороске евреев в Палестину (ведь они, как и курды, были жертвами крайнего национализма иракских властей), но обнаружилось, что нези́ды совершенно оторваны от реальной действительности. Один из старейшин общины просил уважаемых гостей сообщить ему, действительно ли сейчас происходит мировая война? Их вера была сродни манихейской — во всем мире, считали они, вечно происходит борьба добра со злом.

В Эрец-Исраэль в ту пору очень мало знали о евреях Курдистана, и Энцо поехал к ним, чтобы открыть новый для себя мир. "Полтора часа езды машиной из Мосула по чудесным горным дорогам — и ты попадаешь на шоссе, ведущее в Турцию. Оно пролегает меж двух скалистых стен через вади. Тут все утопает в зелени — в садах растут яблони, груши, сливы, гранаты, место просто великолепное. Я попал в деревню — это своего рода независимая еврейская республика, которая не связана с другими поселениями. Я тотчас пошел к мухтару. Почти все говорят на иврите, и все забросали меня вопросами об алие: как можно репатриироваться? Когда я это услышал, мне очень захотелось забрать всю деревню целиком и перенести ее в Эрец-Исраэль. Я пытался подготовить список людей, желающих репатриироваться, но так как пробыл там всего лишь полдня, не успел это сделать".

Энцо очень беспокоила судьба евреев Курдистана, и он видел в переговорах об официальной репатриации единственный путь к их спасению. Верно, что у жителей еврейских деревень было оружие (как и у курдов), и они могли за себя постоять. Но над ними нависла угроза массовой резни в связи с переменами, которые должны были произойти в Ираке в конце войны, — к ним все исподволь готовились, и ненавидевшие англичан коммунисты, и иракские националисты. "Большие группы арабской молодежи разуверились в существующем сейчас иракском государстве

и полагают, что им здесь нечего делать. Иногда, в дискуссиях с арабами, получается так, что я здесь — единственный арабский патриот...“.

По мере того как выезд евреев из Ирака становился все более сложным и трудноосуществимым, Энцо все более укреплялся во мнении, что нет резона вкладывать так много сил и средств и подвергать людей большому риску для того, чтобы вывозить одинок, спрятанных в цистернах из-под рыбы, в ящиках с грузами, замаскированных под помощников водителей автобусов...

Иракские власти методически вытесняли евреев из всех областей экономики и общественной жизни, и Энцо верил, что можно дипломатическими путями повлиять на правительство, чтобы оно разрешило хотя части еврейского населения покинуть страну. Надо, чтобы соответствующее давление оказали американские власти. Энцо предложил составить памятку о положении евреев Ирака и передать ее через Сохнут правительству Соединенных Штатов и американскому еврейству. Он попросил согласия Моше Шарета, возглавлявшего политический отдел Еврейского Агентства. Шаул Авигур получил согласие Моше Шарета, который был его шурином, но сам он придерживался того мнения, что алию нужно продолжать при всех обстоятельствах и всеми средствами.

Энцо нашел подтверждение своих взглядов в интервью, которое дал глава иракского правительства Нури Саид двум иностранным корреспондентам. Он жаловался на сионистов: "Шум, который они поднимают во всем мире, мешает тихой дипломатии, а она может привести в конце войны к удовлетворяющему все стороны решению". В связи с этим Энцо писал:

"Такое заявление свидетельствует о том, что Нури Саид боится давления общественности. Это наводит на мысль о возможности получить официальное разрешение на выезд иракских евреев".

Энцо так и не узнал, насколько он был прав. После провозглашения государства Израиль Нури Саид разрешил всем 120 тысячам евреев покинуть страну при

условии, что они откажутся от прав на все свое имущество.

Непрекращающийся поток визитеров в Ирак (многие из сионистских деятелей Палестины использовали частые поездки персонала "Солел-Бонэ" в эту страну, чтобы "тремпом" посетить ее) находился в кричащем противоречии с условиями подполья, в которых предпочитали находиться эмиссары Центра. Этот поток привлек внимание англичан, о чем Энцо в свое время предупреждал:

"То, чего я опасался, случилось. Вчера меня вызвал майор Мейсен и официально сообщил, что если не прекратятся непрерывные поездки наших людей, он предложит аннулировать договор с фирмой "Солел-Бонэ". И во всяком случае лишит всех транспортных льгот. Тон разговора не был дружеским, и я очень опасаясь за последствия."

В руководящих инстанциях этому предупреждению не вняли, чем Энцо был очень недоволен: "Цефони" прибыл, несмотря на предупреждения, что пора прекратить эти наезды. Я слышал, что сюда собираются и другие наши "звезды", чтобы набраться впечатлений. Ради Бога, сделайте милость и запретите поездки, они нас погубят. Не визитеры нам нужны, а дополнительные работники, упорядоченная связь с Центром. Добрых советов нам вполне хватает (последняя фраза написана на идиш)".

"Цефони" — в гражданской жизни Моня Мардор, которого из Хаганы перебросили в Центр, занимавшийся анией, почувствовал, что Энцо очень раздражен, когда посетил Багдад осенью 1942 года, хотя тот пытался скрыть свою нервозность, ссылаясь на напряженный характер работы и тоску по семье. При первой же встрече между ними обнаружились серьезные разногласия. Моня был уверен, что следует сейчас сосредоточить всю работу вокруг самообороны, так как снова могут возникнуть в стране погромы. Он предложил разделить функции между эмиссарами, занятыми проблемами самообороны, и теми, кто ведут сионистскую деятельность — обучают

ивриту, организуют ячейки "Гехалуца", готовят людей к репатриации и т. д. Это разделение Цефони считал совершенно необходимым в целях безопасности. Энцо не сразу согласился с такой точкой зрения, и на этой почве возникли разногласия. Но их отношения сразу улучшились, когда Цефони сдержал свое слово и во время второго визита в Ирак доставил оружие, средства связи и литературу. Оба они выехали в Мосул и встретились со Шмарьей, который занимался там подготовкой путей для нелегальной алии. Он очень устал и был до предела измотан, так как ему приходилось жить по поддельным документам, выдавая себя за местного араба. Решено было при первой же возможности переправить его на короткий отдых к семье, чтобы он мог восстановить свои силы.

Они посетили также Арбиль, большинство жителей которого были курды, беседовали с главой еврейской общины, говорившим на иврите, оставили у него сионистскую литературу и поспешили ретироваться, опасаясь слежки британских агентов. (И действительно, после возвращения в Багдад Энцо стало известно, что британская разведка получила отчет об этом визите в Арбиль). О полном взаимопонимании между Энцо и Монею свидетельствует их план дальнейшей совместной деятельности. Решено было, что после того как тут будет налажена работа, они отправятся в Турцию и попытаются оттуда проложить дорогу к еврейским беженцам из фашистских лагерей.

Глава девятнадцатая

ПОДПОЛЬЩИК, КОТОРОГО ВСЕ ЗНАЮТ

В ноябре 1942 года в Палестину прибыло в рамках обмена военнопленными 78 евреев из гетто Польши и концлагерей Германии, Бельгии и Голландии. Они рассказали о методическом уничтожении европейского еврейства. Руководство Еврейского Агентства собрало их свидетельские показания и опубликовало в виде документа, который получил широкое распространение среди евреев всего мира. Этот документ стал также известен в Багдаде. Члены семьи Схейка впоследствии вспоминали, что, рассказывая им о гибели евреев Европы, Энцо плакал.

Сионисты Ирака издали на арабском языке прокламацию и распространили ее среди евреев Багдада. Был объявлен пост, евреи собирались в синагогах, там с амвона зачитывали прокламацию, и все громко рыдали. В своем отчете Центру Энцо писал: "Весть о гибели евреев произвела очень сильное впечатление. Город бурлит. Мы стараемся использовать ситуацию. За последнее время значительно возросло число желающих приобрести земли в Эрец-Исраэль. Организовалась группа, которая намерена купить десять дунамов на севере Тель-Авива. Они выдвинули конкретные предложения. Не упустите этой возможности!".

Но в письме своим детям, написанном в декабре 1942 года (как обычно, оно было адресовано всему младшему поколению кибуца Гив'ат-Бреннер, но, возможно, он предназначал его для молодежи всей страны), ясно ощущается подавленное настроение, в котором находился тогда Энцо. "Когда я сегодня читаю о том, что там происходит, сердце сжимается от боли. Но мой счет еще более запутанный, чем это кажется с первого взгляда. Я не в состоянии забыть, даже сегодня, о нашем внутреннем еврейском счете. Я не могу кричать только о бандитах и звать на помощь

весь мир. Вспоминая уничтоженные, стертые с лица земли еврейские общины, я вижу перед собой многих людей из этих общин, которых знал лично и любил. И я спрашиваю самого себя: почему они остались там, почему их нет сейчас рядом с нами? Почему они не воспользовались возможностью репатриироваться, почему не приехали тогда, когда пути были открыты и наша страна звала их? Есть среди тех, что "не знали", такие, до которых никогда не доходили звуки песен нашей стройки. Если они не прибыли к нам, если они не тронулись с места, пока не пришла беда, их можно оправдать тем, что они не видели развершейся перед ними пропасти и не знали, куда идти. Кстати, по отношению к таким наша вина особенно велика и наш счет особенно запутан. Верно, мы приезжали в диаспору, мы пытались говорить, пробудить их от спячки. Но не всегда мы умели говорить так, чтобы слова наши западали в душу народа, широких масс. Мы не научились говорить так, чтобы даже далекие от нас люди все поняли и почувствовали. Мы тоже повинны в той крови, что там пролита, — мы ведь знали, предчувствовали ход событий, мы могли объяснить, поднять тревогу, но сделали, видимо, недостаточно. Мы не любили по-настоящему простые народные массы".

"Но среди тех, что оказались сейчас в нацистском аду, есть много таких, до которых доходили наши слова. Они знали нашу сионистскую правду, были причастны даже к социалистическому сионизму, знали — и не верили в нее всем сердцем. Они учили и усваивали сионистское учение, пользовались им подчас даже в целях полемики с инакомыслящими. Но сами они не относились с полной серьезностью к тем сионистским истинам, которые изрекали. И все мы вели себя так, никто из нас не думал, что катастрофа будет такой ужасной. Те немногие, которые предвидели все, слыли сумасшедшими или безнадежными пессимистами".

В создавшейся обстановке Энцо видел лишь один путь спасения: скорейшую концентрацию большинства еврейского народа в Эрец-Исраэль — вопреки всем препонам и преградам. В бойкоте, который еврейское

население Палестины объявило всему германскому, включая немецкий язык, его литературу и культуру, Энцо усматривал проявление истерии, быстропреходящей и пораженческой в своей основе, вытекающей из чувства замешательства и неспособности реагировать более эффективно.

"Нет у нас сегодня войны с немцами, нет у нас войны ни с каким другим народом. Есть у нас война с фашистами и нацистами, и с таким мировоззрением мы должны бороться до его полного искоренения. Но война, подобная нашей, не должна сопровождаться чувством ненависти. Я испытываю глубокое потрясение каждый раз, когда слышу, что рабочие лидеры призывают ненавидеть врага. Я не настолько сентиментален, что не могу понять их, и я очень хочу воспитать нашу молодежь в духе ненависти ко злу. Я против примиренчества, против индифферентного отношения к жизненным явлениям, против тех, которые предлагают не судить и не занимать определенной позиции. Поэтому-то я смертельно ненавижу все на свете, что противостоит освобождению человека и освобождению моего народа. Я хочу, чтобы наша молодежь была проникнута ненавистью к рабовладельческому строю, что царит в мире и ведет к постоянным войнам и длительному умалению нашего человеческого облика. Но та ненависть, которую я хочу культивировать, это ненависть к идеям, к строю, а не к людям. Социалистам всегда должно быть ясно, что нельзя смешивать ненависть к строю, к режиму с ненавистью к человеку, что любовь к людям, даже греховным, даже к преступникам, прежде всего".

Может быть, это случайное совпадение, но очевидно, что с того дня, как в Багдад пришли вести о масштабах катастрофы, Энцо начал говорить о возвращении домой: "Вид на жительство после всех перипетий истекает у меня через месяц, в конце января. Больше мне его не станут продлевать, это исключается. Ясно, что надо заблаговременно подумать о преемнике, который мог бы приехать сюда вполне легально в качестве торгового агента или служащего фирмы".

Шаул Авигур, прибывший вторично в Ирак в начале декабря 1942 года, придерживался иного мнения: "Энцо должен оставаться в Ираке столько, сколько можно. Его отъезд создаст такую брешь, которую трудно будет заделать".

Когда Шаул и Энцо шли вдоль улицы Гази — одной из главных артерий Багдада, они увидели автобус, из которого вышла большая группа арабов в военной форме. Они выстроились для демонстрации и выкрикивали хором: "Яхуд! Яхуд!".* Было очень неприятно слышать эти вопли ненависти, видеть сжатые кулаки. Шаул умолк, а Энцо реагировал по-своему: он начал декламировать главы из "Божественной комедии" Данте — она сопровождала его всю жизнь, как Псалмы Давида набожного еврея. Энцо шагал в ритм стихам по улицам Багдада, а Шаул покачал головой: Серени остается Серени. Итальянец. Фейерверк. Человек, отличный от всех.

Зима в Багдаде была суровой, холод проникал до костей, номер в гостинице не обогревался. Энцо очень скучал по дому. Всем своим друзьям в Ираке он рассказывал об Аде и детях, о родителях и Мимо — "моем брате-коммунисте", и читал вслух отрывки из писем. Он гордился, когда ему писали из Гив'ат-Бреннера первые поселившиеся там иракские евреи, и в их письмах были слова похвалы в адрес Ады: "Не хочу хвастаться, но я себе выбрал хорошую жену"... Энцо не забывал ни одного дня рождения в семье, и всегда пользовался оказией, чтобы переслать небольшие подарки — финики, книги, кожаные изделия, футляры, коробочки — детям, и не только своим, но всем воспитанникам кибуца. Когда он узнал, что Ада начала обучать Даниэля итальянскому, он написал ей: "Если сын будет прилежно учиться, он, пожалуй, сможет овладеть этим языком, таким красивым и таким для меня дорогим. И тогда, быть может, когда-нибудь, в один из грядущих дней, он сумеет прочесть письма своего отца, написанные на этом языке".

* Оскорбительная для евреев кличка.

Итальянские письма Даниэля были почти без ошибок и свидетельствовали о том, что сын начинает постигать дух этого языка. "Есть надежда, что когда он вырастет, то сможет читать в оригинале литературные произведения своего отца и других менее значительных писателей, как Данте, Ариосто, Манцони...".

Члены еврейской самообороны в Ираке принимали присягу на Библии, при свечах. Они клялись защищать своих братьев, посвятить себя этой цели и не отступать даже перед смертельной угрозой. Энцо был одним из тех, кто принимал присягу у взволнованных юношей, и его друзья в Эрец-Исраэль видели в этом доказательство того, что от его бывшего пацифизма не осталось и следа.

Впервые в истории Хаганы оружие шло в обратном направлении — не из стран изгнания в Эрец-Исраэль, а наоборот. Револьверы, гранаты, материалы для изготовления бутылок с зажигательной смесью направлялись из Палестины в Ирак. Более крупное по габаритам вооружение было опасно в то время пересылать сюда, да и в Эрец-Исраэль ощущалась нехватка его. Чаще всего для пересылки использовали пустые аккумуляторы автобусов. Первые партии были благополучно и были спрятаны в наскоро сооруженных тайниках в домах знатных евреев. О том, как его лучше хранить, были разные мнения. Энцо считал, что лучше оружие раздать членам организации самообороны, тогда опасность обнаружения его будет меньшей. Эзра, который был инструктором по самообороне, предпочитал, чтобы все оружие хранилось в одном или двух местах, дабы в случае необходимости его сразу можно было бы извлечь из тайников и тут же пустить в ход.

Один из шоферов привез в своем автобусе два аккумулятора, нафаршированных оружием. Он оставил их в гараже по ту сторону Тигра и сообщил об этом Серени. Тот передал информацию штабу, который находился в доме Схейка. Его родственнику Шаулу Шамашу, бойцу самообороны, было поручено доставить эти аккумуляторы с "начинкой" по назначению. По-

мочь ему должен был один юноша. Серени посоветовал им нанять карету или машину, дабы не привлекать к грузу внимания, но те двое, решив сэкономить деньги, пошли к гаражу пешком. Когда они выходили из склада, каждый с аккумулятором, чтобы нанять такси, прохожие поглядывали на них с нескрываемым любопытством. Они еще не успели удалиться, как их задержал иракский полицейский, чтобы проверить, нет ли при них краденого военного имущества. Шаул твердил, что купил эти аккумуляторы за свои кровные деньги. Но когда дискуссия между ним и полицейским стала привлекать к себе внимание публики, Шаул попытался решить спор испытанным методом бакшиша и сунул в руки полицейскому динар. Увы — было уже поздно. К ним приближались три тайных агента полиции, и оба парня были доставлены в участок.

Осмотр аккумуляторов показал, что они никак не относятся к категории краденого военного имущества. Инспектор констатировал, что аккумуляторы негодные и не представляют ценности, он не обратил даже внимания на их не совсем обычный вес. Но Шаул Шамаш был все же задержан по обвинению в попытке дать взятку полицейскому во время исполнения тем своих обязанностей. В сопровождении охраны он был доставлен в дом Схейка и там освобожден: за него поручилась эта семья. Злосчастные аккумуляторы остались в полиции...

В подпольной сионистской организации была объявлена тревога, эмиссары были удалены из дома Схейка, военные тренировки временно прекращены. Но в конечном итоге дело удалось уладить испытанным методом — бакшиш получили все полицейские во главе с начальником участка, и аккумуляторы были возвращены Шаулу Шамашу, их законному владельцу...

Несмотря на тщательный контроль на дорогах (британская военная полиция искала краденое военное имущество, польские сыщики армии генерала Андерса, находившейся на Ближнем Востоке, искали дезерти-

ров, иракские сыщики искали коммунистов-подпольщиков, а полиция искала спекулянтов), число транспортов с оружием, переправляемым в Ирак, возросло. Кроме оружия были доставлены радиопередатчик (а затем и радистка), бывшая в употреблении одежда английских военнослужащих, солдатские ботинки, карты, армейские пустые бланки и квитанции. Все это должно было помочь переправке беженцев из России и Польши, которым удалось достичь Ирана, а также евреев, дезертировавших из польской армии Андерса. Они вступали в нее в надежде попасть в Палестину. Из их уст Энцо довелось услышать рассказы о страшных муках евреев Восточной Европы и об отчаянном сопротивлении безоружных. "Враги не смогут нас истребить, — писал он. — Люди, прошедшие через этот ад, если их должным образом направить, найдут в себе новые могучие творческие силы на благо народа и страны".

Беженцев из Тегерана тайно доставляли на лодках через Шат-эль-Араб в Басру, в дома евреев. Там они получали арабскую одежду и направлялись парами в Багдад в сопровождении надежного товарища из Басры. К несчастью, среди евреев Польши и России было немало светлокожих, синеглазых блондинов, и ни один из них не знал ни слова по-арабски. Чтобы защитить их от любопытства попутчиков по вагону, сопровождающий рассказывал всем, кто интересовался, что эти странные парни, укутанные в курдские плащи и не проронившие ни слова, — глухонемые, и что он едет с ними к одному знаменитому багдадскому хахаму, чтобы снять с них Божье проклятие. На багдадском вокзале их встречал обычно низкий худой человек, он брал их чемоданы и приказывал идти за собой. Лишь в надежном месте он представлялся — Энцо Серени. Дезертиры прятались в еврейских домах, пока их не переправляли дальше, по направлению к Эрец-Исраэль.

Осенью обнаружили большие трудности с нелегальной переправкой евреев в Палестину, и первой паре "глухонемых" — Цви Мельницеру и Меиру Люб-

линскому — пришлось более двух месяцев проторчать в своем убежище в одной из еврейских семей. Верный своему убеждению в ценности каждого человека и в важности интенсивной идейной подготовки, Энцо ежедневно посещал этих двух, подробно расспрашивал об их жизни (Цви был одним из первых членов подпольного "Гехалуца", который прибыл из России) и обстоятельно рассказывал им об Эрец-Исраэль. Не жалея своего времени, он ежедневно давал им уроки Библии со своим комментарием, который был для них, изучавших иврит и Танах лишь в раннем детстве, подлинным открытием.

Так как они были обречены на выживание, Энцо использовал их пребывание здесь и для сионистской пропаганды. Два-три раза в неделю, окруженные группой еврейских юношей, они направлялись для встречи с людьми, симпатизировавшими Советскому Союзу, чтобы рассказать им правду о жизни евреев при коммунистическом строе. И после таких бесед многие иллюзии исчезали бесследно и навсегда.

Несмотря на опасность, Энцо несколько раз гулял с мнимыми глухонемыми по городу: Меира повел в археологический музей, а с Цви осматривал места раскопок Ниневии — кругом было пустынно, и каждый человек был хорошо виден издали. Он привел его также в гостиницу "Семирамида" для встречи с директором "Солел-Бонэ" Давидом Хакоэном, а однажды преподавал предметный урок социологии: пошел с ним сначала в квартал, где жили багдадские проститутки, а затем — в квартал вилл и дворцов, утопавших в садах, где жили богачи. Так молодой халуц получил наглядное представление о пропасти, отделяющей богатых от бедных...

Когда беглецы стали терять терпение после многодневного бесплодного ожидания в своих укрытиях, Энцо осенила новая идея: все шестеро беженцев должны были явиться в полицию и заявить, что они проникли в Ирак нелегально. А судья, перед которым они должны были затем предстать, один из родственников Юсуфа Элькабира, должен был, как об

этом было договорено заранее, оштрафовать их и изгнать из пределов страны. Парни стояли на улице возле здания суда, когда доктор Серени вел переговоры с судьей. Видимо, они не сошлись в условиях, ибо Энцо вдруг рысцой выбежал из помещения и велел им немедленно вернуться в свои убежища... Спустя некоторое время их удалось по одному переправить в страну отцов, облаченных в форму английских солдат.

Представители Центра, которому подчинялся Энцо, требовали от Сохнута нового бюджета для сионистской работы среди взрослых, приобретения книг и газет, печатания ряда материалов на месте, расширения деятельности "Гехалуца" и организации молодежного движения, наконец, для разъяснительно-агитационной работы среди арабов. По мнению "Эхуда", можно было обойтись суммой в сто фунтов стерлингов в месяц при регулярном финансировании. В течение года он планировал развернуть весьма продуктивную деятельность. "Знайте: мы должны действовать быстро. Кто ведает, сколько еще времени мы сможем работать в относительно благоприятных условиях, какие царят сегодня. Не упустим же этой исторической возможности сделать что-либо для замечательного иракского еврейства, которым мы совершенно не занимались 25 лет. Сделаем что можно сегодня, дабы завтра не было уже поздно! У меня нет даже времени перечитать это письмо, которое я пишу урывками, не имея возможности сосредоточиться".

Очень многие материалы, вышедшие из-под пера Энцо — обзоры, статьи, отчеты, исследования — заканчиваются в таком же духе. В них виден человек науки, стремящийся быть обстоятельным, но захваченный потоком практических дел и не имеющий такой возможности. У него никогда не было времени для окончательной шлифовки своих произведений, так как это требует затрат многих дней и часов.

Сионистские деятели посещали Ирак и знали о подполье, хотя и не должны были знать. Многие из них были к тому же болтливы. Американский еврей,

прибывший в Багдад по поручению банка Пико (Палестино-Еврейской ассоциации по заселению Эрец-Исраэль) забыл в гостинице чемодан с документами, и они попали в руки разведки. Англичане направляли своих агентов из Палестины следить за сионистским подпольем в Ираке... И даже крепкие нервы Энцо начали понемногу сдавать.

Шмарья Гутман был отправлен, как об этом было договорено заранее, на отдых к своей семье в Наан. Эзра Кадури, который все чаще выказывал признаки усталости и нервозности, тоже получил отпуск и уехал домой. Некоторое время Энцо был единственным эмиссаром Центра в Ираке. И на нем постоянное напряжение оставило свои следы. Он бомбардировал Центр предупреждениями: "Об агентах — больше ни слова. Боюсь, что и здесь в один прекрасный день все взорвется. Тогда, когда будет слишком поздно, вы поспешите на выручку... Знайте же: объем работы возрос, нужны новые люди, а мое положение ненадежное. Мною заинтересовались, и я слишком хорошо известен широкой публике" (Еще как известен! В синагоге на праздновании Пурима многие из присутствующих кричали с воодушевлением: "Да здравствует праведник Мордехай, да здравствует царица Эстер, да здравствует доктор Серени!").

"Я не успеваю сделать и половины тех дел, которые хотел бы выполнить, а вы спокойны и думаете, что можно будет обойтись без дополнительных людей из бюджетных соображений. Можно вообще ликвидировать наше пребывание здесь и тогда вообще не будет нужды в бюджете... У меня крепкие нервы, но не думайте, что я смогу действовать бесконечно".

Спустя месяц, в середине мая, он все еще был без помощников. "Неделя идет за неделей, а я здесь один, вся работа — на мне, и вся ответственность тоже на мне. Я сгибаюсь под тяжестью груза. Разве такое положение может продолжаться? Почему никто не подумал, что нельзя так оставлять товарища?".

Материальное обеспечение сионистского подполья тоже ухудшалось, и вопли о присылке денег стали бо-

лее частыми ("Если вы не пришлете сразу же ту помощь, о которой я просил — 200 фунтов, — просто не знаю, как смогу обернуться"). Но средства поступали все более скудно. Чтобы сократить расходы, Энцо оставил гостиницу (хотя Центр выразил сомнение в благоразумности такого шага с точки зрения безопасности) и стал жить вместе с Мордехаем Нахемзоном из военной цензуры и еще двумя израильтянами в доме доктора Генри Розенфельда — уроженца Бейрута (его родители прибыли в свое время в Ливан из России через Палестину).

Это был очень большой дом с внутренним двором. На первом этаже располагилась поликлиника доктора Розенфельда (кожные и венерические болезни), в которой всегда было полно посетителей, а на следующих этажах находились жилые квартиры. Комната Энцо, как и все другие, была меблирована в восточном стиле, в ней было радио и много книг. Здесь свет горел до поздней ночи и зажигался очень рано. Чтение было излюбленным занятием хозяина, нередко даже за счет сна.

Доктор Розенфельд, который по поручению Сохнута проверял кандидатов на репатриацию из числа детей и подростков, даже не пытался проникнуть в род дополнительных занятий своего квартиранта, представлявшего фирму "Солел-Бонэ", но он догадывался об основной цели его пребывания в Ираке: все приезжавшие из Эрец-Исраэль спрашивали Энцо, а если он отсутствовал, оставляли для него материал и информацию у врача. Энцо просил д-ра Розенфельда не задавать ему лишних вопросов, да и тот явно предпочитал ничего не знать, особенно после того, как был вызван в английский штаб, где очень интересовались доктором Серени и людьми, которые его навещают.

Число людей, интересующихся Энцо, росло, руководители Интеллидженс Сервис в Палестине допрашивали Реувена Засланного (Шилоаха) из политического отдела Европейского Агентства, чем, собственно говоря, занимается Серени в Багдаде. Британская разведка в Ираке распространила среди своих тайных

агентов в Багдаде циркуляр, в котором требовала информации о подозрительных личностях, и среди них был Серени. "Я почувствовал, что мне лучше самому на некоторое время удалиться отсюда, прежде чем меня не удалили, но я не могу оставить свое место до того, как меня не сменили. Вы должны это понять и поторопиться. Это мой последний СОС!".

В Ирак вернулся Эзра Кадури, и Энцо успел домой на празднование Бар-Мицва своего сына Даниэля (8 числа месяца адара "бет"). Это торжество отмечалось не только в самом кибуце, но и, в отступление от правил, также в местной "синагоге стариков" в присутствии всей семьи. Даниэль в белой рубашке и новых брюках, черноглазый и смуглокожий, полный энергии проказник, очень напоминал юного Энцо, каким он был двадцать пять лет назад, когда главный раввин Рима пожелал ему в новой столичной синагоге с честью выполнять свой долг еврея и итальянца.

Энцо сиял от счастья и был растроган: в его глазах происходивший обряд имел не только символическое значение — он видел в нем осуществление идеи преемственности поколений, гармоничного сочетания традиций отцов и новой жизни, которую он строил для своих детей. Здесь, в маленькой и бедной синагоге, этот очень левонастроенный революционер с особой силой почувствовал руку Провидения, в которое верил всю свою жизнь.

За то короткое время, что Энцо провел дома, он передал членам Исполнительного комитета подробный отчет о политическом положении в Ираке и о работе тамошней молодежной халуцианской организации. Он все еще пытался найти человека, который мог бы заменить его, но безрезультатно. Взяв с собой большой пакет мацы — подарок друзьям, — он вернулся в Багдад с ясным ощущением, что возвращается ненадолго. Спустя некоторое время состоялось учредительное собрание иракского "Гехалуца", в котором участвовало восемьдесят человек, представлявших 35 активно действовавших групп — немалое достижение за один лишь год работы.

Но не только сионисты воздавали должное Энцо Серени. В одной из подпольных коммунистических газет Багдада была опубликована статья о масштабах сионистского движения в Ираке, и там имя доктора Серени упоминалось как имя одного из главных руководителей.

Поток беженцев и лиц, дезертировавших из армии генерала Андерса, усиливался, и надо было искать новые пути для переброски их в Эрец-Исраэль. Водители автобусов, перевозившие солдат между Ираком и Палестиной, в каждый обратный рейс брали с собой несколько человек, снабженных фальшивыми документами. Шмарья и Эзра решились на еще более дерзкий шаг — отправку целого автобуса с нелегальными эмигрантами под видом рабочих "Солел-Бонэ". По их предложению, всех людей следовало облачить в английскую военную форму со словом "спешл" на погонах, что освобождало их от тщательного контроля полиции. Вначале Энцо этому противился из опасения подорвать престиж фирмы, которую представлял, но затем согласился. Шмарья возглавлял эту операцию, иракский еврей, работавший в английской разведке, достал нужные документы с печатями, девушки подогнали по мерке английскую форму, тайно доставленную из Палестины. Был нанят большой автобус для перевозки "солдат специального назначения" на родину в кратковременный отпуск.

Когда автобус с пассажирами собирался покинуть шумную улицу Рашида, на которой находились главные туристские и транспортные конторы столицы, в него вошли двое военных полицейских и попросили предъявить документы. Сержант Шмарья Гутман показал путевой лист и приказ о коллективной отправке на родину (собственного производства). С другими солдатами полицейские не могли объясниться: те знали лишь три английских слова "уи донт ноу инглиш" ("мы не знаем английский").

Все это время Энцо и Эзра разгуливали по тротуару напротив, готовые, в случае необходимости, прийти на помощь. Нервозность Энцо (издали казалось,

что он кого-то громко зовет) невольнo подействовала на Шмарью. Энцо поехал вслед за автобусом до заправочной станции, а там выпрыгнул в него и спросил Шмарью, что нужно было полицейским. Очень волнуясь и с трудом сдерживая ярость, "сержант" процедил сквозь зубы: "А ну-ка, сматывайся отсюда!"...

Заправившись, автобус взял курс на Запад, и Энцо с Эзрой с чувством облегчения выпили "лехаим" за успешное завершение этой операции. Все пассажиры автобуса благополучно прибыли на место и "растворились" среди кибуцников.

В начале мая Энцо был приглашен в английскую разведку, и офицер потребовал предъявить документы и объяснить свое странное положение — гражданского лица и военнослужащего одновременно. Документы Энцо остались в Интеллидженс Сервис, а Энцо пригласили явиться на следующий день. При втором допросе офицер хотел выяснить, не из Польши ли он, хотя накануне Энцо с предельной ясностью объяснил, что он прибыл в Ирак из Палестины. В конце концов офицер сказал, что допрос еще не окончен и ему сообщат, когда надлежит сюда явиться еще раз.

Для того, чтобы замаскировать последовавшее затем исчезновение Энцо, его друзья и единомышленники распустили слух, что Серени переводится в Северную Африку, которая тогда была в руках союзников, для выполнения одной "деликатной миссии", сущность которой не подлежит разглашению. Прощаясь с Эзрой Хададом, он рассказал ему, что действительно отправляется сейчас в Северную Африку, но оттуда держит путь в Италию. И когда в конце мая 1942 года британцы объявили доктора Серени "персоной нон грата" в Ираке, он уже был далеко от Багдада.

Глава двадцатая

"П" ОЗНАЧАЕТ "ПРОНИКНОВЕНИЕ"*

В июле 1943 года кибуц Гив'ат-Бреннер праздновал свое пятнадцатилетие. Это был подходящий повод, чтобы оглянуться назад и вспомнить тех юношей и девушек (их было 35), что пришли со своими жалкими пожитками в это гиблое, пустынное место, когда кругом свирепствовали малярия, голод и отчаяние. Так и поступил Энцо, когда готовил тезисы доклада на торжественном заседании. Тема была сформулирована так: "Как вырос кибуц Гив'ат-Бреннер и как он будет расти в дальнейшем".

Вот некоторые из его записей:

Чем нас очаровал Гив'ат-Бреннер?

Было брожение, ничего еще не выкристаллизовалось,

так должно быть и по сей день.

Такому кибуцу, как наш, не нужны застывшие формы, он должен быть открыт для алии,

открыт для новых идей и влияний,

всегда готов учиться с азов, заново, с самого начала!

Согласиться с тем, что менять нечего, значит примириться.

Я не примирюсь!

Ни с немецким и английским, ни с наемным трудом,

ни с социальными изъятиями...

Мы не можем оставаться такими, какие есть, — или растем и меняемся,

или перестаем существовать.

Гив'ат-Бреннер насчитывал без малого тысячу человек, он был в стране третьим по величине, и несмотр-

* В оригинале "хет" — первая буква слова "хадира" ("проникновение").

ря на острую критику (в этом кибуце она процветала, как нигде), на все разочарования — из-за несбывшихся грез, — было, чем гордиться. Да, это место действительно отличалось от того земельного участка, заселенного ящерицами и скорпионами, который открыли Энцо и Бен-Ашер в 1927 году.

Эвкалиптовые деревья, посаженные некогда возле первых барачков, вознеслись высоко к небу, а под ними остались только птичники. Сам поселок сейчас расположился на соседнем холме, на землях, приобретенных за деньги, собранные среди евреев Италии.

В центре стоял дом-крепость, построенный после кровавых событий 1929 года, а вокруг него — несколько поселков: детский холм, где проживало триста воспитанников и находилась большая школа, воздвигнутая с помощью тети Эрмелинды, жилой городок кибуцников с черепичными крышами и небольшими полисадниками возле каждого дома; двухэтажные "сохнатовские дома", построенные в свое время для новых репатриантов; здание вегетарианского санатория имени Иешу Семптер, прятавшееся в тени сосновой рощи (больная поэтесса уже давно скончалась). Многие еще жили в бараках, еще осталось даже несколько палаток, но в конце кибуца бурно рос новый поселок — на том месте, где ранее стояли огромные ящики из-под мебели, в которых тоже ютились одно время бездомные кибуцники.

Исчезла бездна, разделявшая "литовцев" и "немцев", два стана, два лагеря, столь рознившиеся друг от друга в первые годы существования коммуны. Кибуц пополнился новыми этническими группами евреев — итальянской, иракской, выходцами из США, молодежью, прибывшей в рамках "Алия-ганоар".

На южной оконечности кибуца стояли сарай, склады, сельскохозяйственные постройки, а за ними, возле цитрусовых садов находился небольшой участок с рядами сосен и кипарисов и каменными надгробиями: здесь были первые могилы...

Дом Рокаса — так звали "крепость" рода Серени — примыкал к хозяйству, а неподалеку высились зда-

ния завода "Римон" ("Гранат"), начало которому положили котел для варки варенья и бочка для засолки огурцов. Сейчас, в годы экономического подъема, вызванного потребностями фронта, этот завод поставил кибуц перед неожиданной проблемой нехватки рабочих рук и перед необходимостью применять наемный труд, что шло вразрез с социалистическими принципами кибуцников. В данное время этому было некоторое оправдание: люди работают на предприятии кибуца временно, заменяя мобилизованных в британскую армию, в боевые отряды Пальмаха, в охрану — их число достигало пятидесяти человек. Для того, чтобы затормозить мобилизацию тех, кто готов был уйти на фронт, не считаясь с нуждами хозяйства, общее собрание решило, что идущие на фронт добровольно выбывают из членов кибуца.

Можно понять добровольцев: трудно было усидеть дома, собирать апельсины или ухаживать за коровами, когда весь мир мобилизовался, чтобы нанести последний и решающий удар по гитлеровским ордам в Европе. Война в Северной Африке завершилась победой союзников, захвативших также Сицилию и планировавших вторжение в основные жизненные центры Италии. Массированное победоносное вторжение союзников, утрата противником всех заморских территорий, уничтожение значительной части итальянского флота и бомбежка итальянских городов — все это в совокупности убедило в конце концов итальянцев, что они находятся на краю страшного поражения.

Муссолини попросил помощи у Гитлера, но тот признавал лишь варварские средства, вроде массовых казней, для спасения фашистского режима в Италии, опираясь при этом на заявление Роберто Фариначчи, секретаря фашистской партии, который впервые за последние четыре года созвал Большой фашистский совет.

24 июля в Венецианском дворце собрался Большой фашистский совет и, к великому изумлению дуче, было принято решение, фактически осуждающее его единоличное правление и потребовавшее немедленно

возобновить традицию разделения политической ответственности между королем, Большим советом, правительством и парламентом в соответствии с законом. И только тогда король-пигмей осмелился восстать против дуче: 25 июля, спустя двадцать с лишним лет после назначения Муссолини премьер-министром, престарелый король "принял отставку" Муссолини. На его место был назначен семидесятилетний маршал Бадольо. Муссолини был арестован, и фашистская партия была распущена почти без всякого сопротивления: настали другие времена.

Энцо реагировал на события в Италии с большим воодушевлением и все нарастающим беспокойством. Вернувшись из Багдада, он продолжал заниматься делами сионистского подполья в Ираке, искал кандидатов для отправки туда, посылал своим друзьям книги и другие материалы, инструктировал, как вести себя с местными богачами, которые отказывались принимать советы пришлых людей и оказывать помощь общему делу. И само собой разумеется, что он помогал быстрой абсорбции выходцев из Ирака, многие из которых все еще чувствовали себя здесь чужими и одинокими.

Когда глава Центра Шаул Авигур отправился в Константинополь, чтобы найти новые пути связи с евреями в оккупированных немцами странах, Энцо был назначен временно на его место и получил кличку "Эльдад". Штаб Центра, оснащенный устаревшей аппаратурой связи, размещался в трех тесных комнатах на верхотуре дома Исполнительного Комитета Гистадрута по улице Алленби в старом Тель-Авиве. Случалось, что дискуссии здесь затягивались, терпение Энцо лопалось, и он убегал в один из близлежащих морских ресторанчиков. Бесконечные словопрепления (этим страдали некоторые старожилы) очень его раздражали, и подчас он даже не скрывал своего нетерпения: во время заседания открыто писал огрызком карандаша на заранее заготовленных бумажных квадратиках последние главы своей книги об истоках итальянского фашизма. Это была единственная книга

из множества начатых им, которую ему удалось завершить.*

Спустя несколько недель после возвращения из Ирака Энцо обивал пороги английской администрации, пытаясь вызволить рукопись первых глав, которые он послал из Багдада и которые так и не дошли в Эрец-Исраэль, так как их конфисковала тайная полиция на пограничной станции между Ираком и Трансиорданией. Во всей книге, которая кончается походом фашистов на Рим в 1922 году, не было и намека на критику нынешних военных усилий Великобритании, но власти не спешили вернуть доктору Серени его имущество: кто-то в верхах, видимо, пристально наблюдал за всей его деятельностью.

По своему обыкновению, Энцо занимался сразу сотней дел. Еще в Ираке он задумал организовать общество, которое бы содействовало развитию дружеских связей между евреями и арабами. Вернувшись домой, он пытался реализовать свою идею, но без особого успеха. Высокопоставленный чиновник из Министерства труда мандатных властей, которого Энцо просил помочь организовать встречу между несколькими арабскими рабочими лидерами и их еврейскими коллегами, вынужден был сообщить ему, что все арабы, к которым он обращался, отказались под разными предлогами от такой встречи, в частности, мотивируя тем, что еврейское рабочее движение "не является социалистическим по своей сути..."

Вернувшись из Ирака, Энцо снова присоединился к группе сторонников Берла Кацнельсона, которая добивалась единства кибуцного движения — в нее входили многие его старые друзья, такие, как Хаим

* Рукопись на итальянском языке, подготовленная к печати, находится среди литературного наследия Серени. В ней 22 главы, она предназначена для молодежи, но в Италии книга так и не была издана. Данте Латтес, престарелый учитель Энцо, перевел ее на иврит, и в 1951 году она вышла в свет в издательстве "Гакибуц Гамеухад".

Бен-Ашер и Нехемия Гинзбург. Энцо был убежден, как и его учитель Берл Каднельсон, что после окончания войны перед Эрец-Исраэль встанут новые проблемы, каких она ранее не решала, в частности, массовой алии и абсорбции в невиданных доселе масштабах, а это обязывает к единству всего халуцианского ядра. Предстоящая репатриация не будет халуцианской, как в довоенные годы, это будет массовая алия евреев, прошедших через все семь кругов ада в нацистской Европе, через гнет насильственной многолетней ассимиляции в России, через систематическое подавление и дискриминацию в арабских странах. Как же можно к огромным естественным трудностям, вызванным племенным разделением, различием языков, культур, традиций, быта, происхождения, исторического прошлого, добавлять еще внутривластные раздоры и разногласия? Развитие событий после образования государства полностью оправдало опасения Энцо об угрозе раскола киббуцного движения.

Съезд объединения Гакибуц Гамеухад находился под впечатлением страшного рассказа трех беженцев из Польши, прибывших в Эрец-Исраэль через Венгрию. Бледные, с опухшими лицами, напоминавшие выходцев из потустороннего мира, эти трое обрисовали размеры катастрофы, постигшей европейское еврейство, рассказали о лагерях массового уничтожения, о восстании Варшавского гетто. Съезд проходил в помещении центрального склада объединения, на улице свирепствовала буря, по жестяной крыше яростно стучал проливной дождь, а в зале царил гнетущая атмосфера. Некоторые безудержно рыдали, другие же испытывали чувство полнейшей беспомощности и угрызения совести. Они находятся в безопасности и заседают, когда почти рядом, на расстоянии нескольких часов полета, происходит массовая бойня детей, женщин, стариков, гибнут их семьи, родные и близкие люди.

И у многих из присутствующих созрела тогда решимость отправиться в Европу и любыми путями попытаться спасти то, что еще можно спасти.

Слова Энцо были продиктованы ощущением грозной опасности, которая обязывает к сплочению тех немногих, что оказались в Эрец-Исраэль. Это — та протоплазма, из которой заново будет создана еврейская нация. Всякая алия, — утверждал Энцо, — которая будет после войны — евреев, уцелевших от катастрофы, из стран Востока, выходцев из США или из Советского Союза ("а эта война оказала свое влияние и на сердца молодых евреев, росших и воспитывавшихся в СССР, и она родила в них новое чувство национальной близости к нам") принесет с собой отчужденность, которую мы не сможем преодолеть, если сами не будем сплочены.

"Для абсорбции масс репатриантов, которые придут после войны, нужна власть евреев Эрец-Исраэль также над ее пустынями. Но государство — не окончательная цель, а лишь средство к ее достижению: власть над всеми творческими силами еврейской нации, над каждым еврейским репатриантом, осуществление еврейского господства над всеми евреями. Но следует в то же время воевать против любой попытки навязать свою власть нееврейским жителям этой страны". Независимость, самоопределение, но лишь до известной границы, исключаящей шовинизм и милитаризм.

Как и Табенкин, Энцо верил, что в мире зреет революционная ситуация, и потому единство в лагере рабочих Эрец-Исраэль — веление времени. "У нас не будет досуга для диаспоры. Именно эта революционная и предреволюционная ситуация, коренные изменения, происходящие во всем мире, не дадут нам возможности пребывать в ожидании за границей, пока все упорядочится, и медленный воспитательный процесс приведет к нам одного пионера-халуца за другим. Не будет у нас досуга и внутри страны, ибо пустыня не останется пустыней. С ростом прогресса, с упорядочением мировых дел, придет пора преобразования пустынь. Если мы не поспешим, если у нас не будет такого чувства, что надо торопиться, торопиться, торопиться, мы можем безнадежно запоздать".

Энцо закончил свое выступление на примирительной ноте, он призывал к взаимопониманию, к любви и готовности действовать совместно и дружно. И никому не пришло тогда в голову, что это — прощальные слова, сказанные перед расставанием. Энцо решил отправиться в Италию, к евреям, над которыми нависла смертельная опасность.

К евреям Европы можно было попасть лишь с помощью англичан, а они не торопились придти на помощь. С самого начала войны существовали контакты между некоторыми отделами британской разведки и представителями еврейского ишува по вопросу о совместных действиях по переброске агентов во вражеский тыл. Различные разведки (военная, политическая и др.) соревновались между собою, подчас даже боролись друг с другом, но в вопросе привлечения евреев Эрец-Исраэль к различного рода акциям все они относились примерно одинаково. Лишь очень немногие планы, о которых шли переговоры в Лондоне, Каире, Иерусалиме, достигли этапа реализации, а те немногие, которые были осуществлены, проводились в очень узких рамках, далеких от тех, что намечались первоначально. Ай.С.Л.Д. — разведывательное управление, игравшее центральную роль, во главе которого стояли высококвалифицированные люди, — действовало в большинстве своем в соответствии с проарабской линией британского правительства. Оно склонялось к совместным действиям с сионистами лишь в критические периоды, когда военное положение союзников вызывало большую озабоченность, и вторжение немцев в Палестину казалось делом ближайших недель.

Еще в 1940 году было достигнуто соглашение между Еврейским Агентством и руководством Особых Операций (С.О.И.) о совместных диверсиях на оккупированных немцами территориях и об антинацистских операциях в нейтральных странах. В рамках этих действий посланцы Эрец-Исраэль имели право предпринимать акции и для спасения евреев. Были разработаны планы засылки агентов в балканские страны главным образом в Румынию, но большинство

планов так и осталось на бумаге, хотя офицеры С.О.И. (которое впоследствии было переименовано в М.О.4), не профессионалы-разведчики, мобилизованные лишь на время войны, менее противодействовали сионистам, чем их коллеги из Центрального разведывательного управления. Когда немцы вторглись на Балканы, отпал план засылки агентов через Румынию.

И все же из совместных действий с британской разведкой выросло несколько важных и полезных дел: Управление расследований в Хайфе, в котором были допрошены тысячи беженцев из оккупированных стран, и вся полезная информация передана в разведывательные отделы британского МИДа; отделение "арабизированных", чьи сотрудники действовали в Сирии и Ливане; немецкое отделение в рамках Пальмаха, куда были мобилизованы выходцы из Германии (они тренировались для действий "командос" во вражеском тылу на случай, если фашистам удастся захватить Ближний Восток). Но во всех осуществленных акциях проникновения, засылки и диверсий, подчас очень дерзких (как, например, трагическая история двадцати трех моряков, членов Хаганы, которые вышли на небольшом судне, чтобы взорвать нефтеочистительные заводы Триполи и исчезли), не было связи с самым главным, с еврейской точки зрения, делом: не было прямой помощи евреям на оккупированных территориях.

Контакты между британской разведкой и руководителями политического отдела Еврейского Агентства (представлявшем еврейское население Палестины) происходили при отсутствии взаимного доверия. Люди Ай.С.Л.Д. (разведывательного отдела МИДа Великобритании) привыкли иметь дело с квалифицированными платными агентами и с подозрением относились ко всякого рода идеалистам, имевшим собственное мнение, в том числе и к сионистам. Они считали, что сионистов мало волнуют тотальные вопросы Второй мировой войны, и вся их заинтересованность исчерпывается положением евреев (как будто между тем и другим было какое-то противоречие). Еврейские лиде-

ры, у которых был горький опыт контактов с англичанами, подозревали, что главная цель их разведки — шпионить за организациями еврейской самообороны.

Летом 1942 года Моше Шарет выдвинул в Лондоне предложение (оно исходило от Элиягу Голомба, бывшего центральной фигурой в Хагане) спустить группу еврейских парашютистов в Италию, но лишь в конце года была достигнута договоренность. В начале 1943 года были посланы в Египет четыре радиста-инструктора, а в мае первый радист приземлился в партизанском штабе Тито в качестве английского представителя в свободной борющейся Югославии.

В соответствии с планом Элиягу Голомба представители Еврейского Агентства выдвинули перед англичанами ряд далеко идущих предложений об организации отрядов еврейских командос-десантников, которые отправятся на Балканы (в Палестине не было недостатка в добровольцах, готовых рисковать жизнью, если только была малейшая надежда спасти обреченных от смерти). Но англичане отклонили это предложение и ограничились более скромными рамками: британские офицеры проверили 34 кандидата из числа бойцов (еврейских отрядов Пальмаха) и из них выбрали 14, которых и перебросили в Египет для тренировок. Когда кончился подготовительный период (во время которого у парашютистов было немало тренировок и с английским командованием, и с представителями политического отдела Сохнута), разочарованные добровольцы были возвращены в Эрец-Исраэль и много месяцев находились в состоянии бесплодного мучительного ожидания практических дел.

Наученные горьким опытом прошлого и желая покончить с зависимостью от британской разведки, представители Сохнута, Хаганы и Центра (по нелегальной алии) вели также переговоры с американцами и с представителями сражавшихся за освобождение своих земель Франции, Польши и Чехословакии. Но и эти переговоры не увенчались успехом, и снова в качестве реального партнера оставалась одна лишь Англия.

Когда в августе 1943 года Энцо вступил в секре-

тариат Центра (по нелегальной алии), уже начались первые контакты с разведкой британских военно-воздушных сил, известной под именем "Ай-Форс". Представитель "Ай-Форс" в Константинополе Вольфсон, который находился там в качестве атташе английского консульства, встретился с помощью посредников с Цви Ехиэли, членом кибуца Гив'ат-Хаим, членом отдела "Хет" ("Хадыра" — "Проникновение") Центра алии и предложил следующую сделку: англичане помогут спасению еврейских беженцев и переброске их в Палестину через Константинополь и взамен этого смогут использовать каналы связи с еврейским подпольем в балканских странах для спасения военнопленных союзных стран.

Вольфсон (которого в шифровках звали Пика,* так как директором этого общества в Палестине был тоже Вольфсон) предложил, чтобы эмиссары Эрец-Исраэль (Центр принципиально выступил против унижительного, по его мнению, названия "агенты") проникли на Балканы для организации там подпольных баз, снабженных средствами радиосвязи. Но они не должны были вместе с британскими агентами участвовать в диверсионных актах, чтобы не ставить под угрозу жизнь местных евреев.

"Ай-Форс" в Средиземном море был небольшой воинской единицей, сформированной из офицеров относительно невысоких званий, и в каирском штабе англичан его вес и влияние были незначительными. Картина изменилась после массовых бомбожек союзниками нефтепромыслов в Плоешти (Румыния) в августе 1943 года, когда в руки немцев попали сотни пленных летчиков, в которых очень нуждались на фронтах.

Цви Ехиэли вернулся в Палестину, чтобы посоветоваться с руководителями Хаганы и Сохнута. Он хотел также узнать мнение Энцо. Тот реагировал с характерной для него экспансивностью: наконец-то появилась практическая возможность спасти евреев.

"Ай-Форс" был организацией более молодой и гиб-

* Палестино-еврейское колонизационное общество.

кой, чем "Интеллидженс Сервис", здесь решения принимались и осуществлялись быстрее. Вскоре в Палестину прибыли для переговоров два офицера — Лаусон — высокий широкоплечий, сердечный (как выяснилось впоследствии, по происхождению еврей) и Тони Симмондс — плотный, низкорослый, с приятными манерами, бывший некогда адъютантом Вингейта в Эрец-Исраэль (Вингейт был одним из немногих британских офицеров, который славился как друг евреев Палестины и пользовался их полным доверием, в отличие от других офицеров британской разведки). Два посланца — Лева Гуковский из кибуца Ягур и Арье Фихман из Бейт-Орен — были спущены 1 октября на парашютах в Румынии, но из-за ошибки пилота приземлились в шестидесяти километрах от цели и попали прямо в руки румынской полиции. Их арестовали, поместили в тюрьму, но им удалось связаться с Эрец-Исраэль и сообщить о своей судьбе.

Первая неудача убийственно подействовала на работников Центра, но решено было продолжать и привлекать к операциям Энцо. На него был возложен целый ряд ответственных задач. Он был главным советником Центра по вопросам связи с англичанами, американцами, французами и свободными поляками; он должен был поставлять информацию о внутривнутриполитическом положении балканских стран и планировать дальнейшие действия вместе с Гидеоном Руфером (Рафаэлем), который работал представителем Сохнута в Управлении расследований; на нем лежало также изготовление фальшивых документов для эмиссаров и вымышленных биографий (в большинстве они были сконструированы из подлинных биографий трех-четырёх здравствовавших в то время людей). Но главной его задачей было проверять и отбирать кандидатов для проникновения в стан врага (и он знал, что его фамилия стоит первой в списке):

Совещания в Центре нередко продолжались ночи напролет: надо было тщательно сличать мельчайшие подробности жизни каждого кандидата, дабы все было предельно правдоподобно, подготовить соответству-

ющее обмундирование. С одной стороны, было решено спускать всех эмиссаров в форме британских военнослужащих, чтобы и на них распространялась Женевская конвенция о военнопленных (как тогда надеялись оптимисты), если они будут схвачены. С другой стороны, им нужна была такая одежда, которая в любую минуту могла бы сойти за гражданскую, дабы они могли скорее раствориться среди местных жителей. В дневнике Центра, который вел тогда Энцо (он же Эльдад) мало подробностей. Это сухая, деловая регистрация главного, о чем говорилось на совещаниях.

9 ноября состоялось обсуждение о передаче кандидатов в распоряжение "Ай-Форс". У них уже истощилось терпение и были взвинчены нервы после многих месяцев безделья и ожиданий. В конце концов англичане решили предпринять ряд совместных акций: эмиссары будут приземляться парами (один — от "Ай-Форс", другой — от Ай.С.Л.Д.). Лаусон, у которого была в Центре кличка Бен-Леви, и Тони Симмондс, который знал Энцо еще с тех пор, когда тот был мухтаром Гив'ат-Бреннера, время от времени приезжали из Каира в Палестину на совещания.

16.11.43

Встреча с Бен-Леви. Связались с британской делегацией у Тито. Партизаны дали положительный ответ. Готовы принять пять человек, чтобы затем переправить их в Венгрию и Румынию. Кандидаты (отобраны окончательно) в Венгрию — Хана, Иоэль, в Румынию — Дов, Шика, Аба.

Долгими и утомительными были обсуждения с англичанами проблем приземления. После всего случившегося англичане противились приземлению вслепую на вражеской территории — слишком велика была опасность угодить в плен. Они настаивали на приземлении среди повстанцев и партизан, что было возможно лишь в Югославии, на территории, где хозяйничали партизаны. Но это удлиняет на сотни километров путь эмиссаров в Венгрию, Словакию и Румынию. Такая акция нуждается также в более точном согласовании всех действий, а это, вне всякого сомнения, за-

медлит темп наших акций. Парашютисты люди нетерпеливые, с юношеской непосредственностью жаждущие действий, не считаются с опасностью (в большинстве своем это двадцатилетние) и требуют приземления вслепую. Главное — скорее тронуться с места.

15.12.43

Тони требует двух кандидатов для Болгарии и двух — для Венгрии. Его условия: все кандидаты должны мобилизоваться в британскую армию. По окончании миссии, а также в случае невозможности достичь цели, они будут демобилизованы.

Вокруг вопроса о мобилизации были длительные дискуссии. Многие пальмаховцы не хотят надевать английской военной формы, той формы, которая служит властям, враждебным сионизму. Они не хотят быть агентами британской разведки, и не только формально. Работники Центра, сам Энцо, наученный личным опытом, опасались излишней зависимости от англичан. Было решено, что мобилизованные будут получать из британской казны воинское денежное довольствие, но все прочие расходы берут на себя еврейские организации (что отнюдь не вызвало энтузиазма у казначейства Сохнута, так как речь шла о солидных суммах). Даже золотые монеты, которыми снабдили эмиссаров, были приобретены на средства Центра (правда, по официальной цене, так как на черном рынке они стоили семикратно дороже).

После совещаний с Тони было решено: если территории, куда направляются эмиссары, захватят англо-американцы, эмиссары получают указания; если эти территории захватят русские, они будут ждать связи; если связь наладить не удастся, они сами должны решать, как действовать. Но, так сказать, неофициально инструктаж Центра рекомендовал не искать связи с русскими (несколько подпольщиков были схвачены в Словакии еще до того, как они вышли из своих убежищ — их подвела русская речь: потом выяснилось, что беседовали, действительно, русские, но это были власовцы, и они передали эмиссаров в руки немцев).

Энцо проверял парашютистов-добровольцев из числа кибуцников и мошавников, мобилизованных Пальмахом и Хаганой, а также из числа мобилизованных в британскую армию — по соглашению с военными властями их можно было использовать для выполнения особых заданий (всего кандидатов было 240, но еще очень многие были готовы присоединиться к ним, если была даже слабая надежда действовать активно, т. е. воевать в тылу врага).

Большинство бесед, состоявшихся в маленькой комнате Энцо, были короткими, но парням — как правило, очень молодым, без жизненного опыта, лишь несколько лет живущим в Палестине (обязательным условием было происхождение из той страны, куда человек направлялся), казалось, что Энцо проникает к ним в самую душу, видит, что у них на сердце, умеет читать их мысли.

Курсы по подготовке эмиссаров, начавшие работать еще в конце 1942 года, неоднократно меняли свой характер, приспосабливаясь к меняющимся планам. В Гив'ат-Гашлоа работал своего рода семинар объединения Гакибуц Гамеухад, основная цель которого была вооружить идейно будущих посланцев, дать им знания языков, истории и средств связи. Многие из участников семинара добровольно записались в парашютисты, другие же участвовали в работе иерусалимских курсов Еврейского Агентства, предназначенных для работы в странах Северной Африки. Они должны были отправиться к евреям, проживавшим на территориях, находящихся в руках союзников.

Энцо посещал время от времени курсантов "африканского корпуса", читал доклады, долго беседовал с каждым, а потом внезапно исчезал, как и внезапно появлялся. Когда курс учебы был завершен, его участники отказались возвращаться домой и объявили себя мобилизованными. Энцо их поддержал, и они прошли дополнительный курс, на сей раз в Микве-Исраэль, где изучали специальности, необходимые для парашютистов: дзю-до, шифровальное дело, ведение уличных боев, осуществление диверсий. Энцо читал им лек-

ции на политические темы и немало удивлял курсантов, требуя от них знакомства с историей Франции и британским колониализмом — по их мнению, это не имело ничего общего с предстоящей миссией. Энцостоял на своем: широкие горизонты нужны везде и всегда. После окончания занятий первые посланцы — Рафаэль Реканати, Гершон Блюменфельд и Акива Эйгер выехали в Египет, а двенадцать первых кандидатов в парашютисты продолжали свою подготовку.

Единственной девушкой в этой группе была Хана Сенеш, которую здесь знали по ее подпольной кличке Агарь, член кибуца Кесария, дочь известного венгерского драматурга, прибывшая в страну в 1939 году. Хана была очень интеллигентной и культурной девушкой, натурой страстной и поэтической, искавшей полноты и гармонии в жизни и на своей новой родине. За три года пребывания в стране она глубоко полюбила ее людей и ее пейзажи, но частью корней Хана Сенеш оставалась (как и другие репатрианты) на старом месте, где она родилась и выросла и где жила ее горячо любимая мать.

Когда в Эрец-Исраэль пришли первые вести об уничтожении евреев Европы, у Ханы появилось страстное желание предупредить евреев Венгрии о нависшей над ними грозной опасности, воодушевить их и побудить к массовому бегству до прихода немцев. Она была красива, молода, жизнерадостна, ее очень украшали каштановые кудри и синие глаза. Хана Сенеш была проникнута сознанием важности своей миссии. В Центре все были очарованы ею, хотя некоторые сомневались, подходит ли она для подпольной работы в трудных условиях, так как была нетерпелива и упряма. Казалось очевидным, что в ходе войны немцы оккупируют Венгрию, которая до тех пор пользовалась некоторой самостоятельностью в качестве германского сателлита, а тогда участь венгерского еврейства будет ужасной.

16 ноября 1943 года, когда в Рамат-Гаковеш проводились занятия с группой кандидатов в радисты, там внезапно появилась британская военная полиция. Фор-

мально полицейские пришли искать дезертиров из польской армии Андерса, фактически же для того, чтоб обнаружить склады "незаконного" оружия Хаганы. Обыск ничего не дал (хотя оружие на месте имелось). Англичане вели себя грубо, вызываяще и даже тяжело ранили одного местного парня.

Хана пыталась улизнуть из помещения, где собралась ее коллеги, чтобы проинформировать остальных, которые прятались в разных местах, о том, что здесь происходит, но ей это не удалось. Солдаты схватили ее за волосы и поволокли по двору. Когда англичане ушли ни с чем, сюда явилась группа работников Гистадрута и Еврейского Агентства, среди которых был и Серени, с представителем Свободной Франции (в Канре с помощью Хаганы работала подпольная французская радиостанция). Взволнованный Энцо продемонстрировал французам перевязанные ноги Ханы, чтобы они убедились, "как ведут себя британские джентльмены с нашими людьми".

Закончив курс радистов, первая группа совершила ряд пробных прыжков с парашютом на военно-авиационной базе в Рамат-Давиде. Это был заключительный этап тренировок в стране перед отправкой парашютистов в Египет, а оттуда — в Италию.

После свержения Муссолини и образования правительства Бадольо, итальянцы повели за спиною немцев тайные переговоры с Верховным командованием союзников о перемирии. 8 сентября 1943 года штаб Эйзенхауэра опубликовал официальное сообщение о капитуляции правительства Италии и о подписанном договоре о перемирии, а спустя два часа первые самолеты союзников приземлились в Салерно.

Когда вооруженные силы англичан и американцев оказались на юге Италии, немцы молниеносно провели операцию вторжения с севера на еще не занятые союзниками территории полуострова. В последнюю минуту маршалу Бадольо, нескольким членам его правительства, королю и его семье удалось бежать из Рима до того, как столицу оккупировали немецкие части. Бадольо обосновался в Бриндизи и возглавил там ан-

тифашистское правительство, а Муссолини, которого эсэсовцы освободили из заключения в Абруццах, провозгласил образование на севере Италии новой фашистской республики, которая была сателлитом Германии.

В конце 1943 года английские и американские дивизии подошли к Риму, завладев Салерно, Неаполем и другими городами, а немецкие силы укрепились в горном районе юго-восточнее Рима, недалеко от Монте-Кассино. После освобождения юга Италии командование "Ай-Фарс" решило перевести часть своего штаба из Каира в Бари, а уже оттуда направить парашютистов на Балканы.

События в Италии, особенно после того, как в Палестину проникли слухи о массовых арестах среди евреев Рима и Северной Италии и заключении их в концлагеря, окончательно лишили Энцо покоя. Он твердо решил, что его место сейчас в Италии. И если он может внести свою лепту в освобождение евреев и итальянцев, то только сейчас и только там. Специально сформированные еврейские воинские части из Эрец-Исраэль сражаются на земле Италии, евреи Рима — на краю гибели, а он сидит в Тель-Авиве и посылает других рисковать своей жизнью...

Энцо умело спланировал свои действия, шаг за шагом, этап за этапом, никого не посвящая полностью в свои замыслы. Но все знали — в общих чертах, — что он хочет отправиться в освобожденную Италию, к собравшимся там еврейским беженцам. Знали, что его тревожит судьба брата Мимо, который был схвачен недалеко от Ниццы как коммунистический агент и предан военному фашистскому суду.

Тони Симмонде рассказывал спустя 27 лет, что Энцо явился к нему на службу в Каире — это было за несколько недель до капитуляции Италии — и попросил разрешения приземлиться в Италии неподалеку от Рима, чтобы проникнуть в город, добиться аудиенции у короля Виктора Эммануила и вести с ним переговоры об освобождении хотя бы части 80-тысячной армии военнопленных, которые находились на ита-

льянской земле. Этот план показался Тони абсурдным. Он взвешивал возможность связать его с обсуждавшимися тогда разными планами массовых побегов военнопленных. По словам Тони, Энцо тогда не только упрямо твердил, что его план реален, но и настаивал, чтобы ему лично была дана возможность осуществить его. Тони решительно воспротивился и выдвинул веские доводы: Энцо слишком стар для парашютиста и для партизанской войны в тылу врага; он не имеет нужной специальной подготовки в качестве парашютиста; наконец, он слишком хорошо известен в Италии, его легко опознать, и в довершение всего он еврей, и если попадет к немцам, то будет сразу же казнен.

Время опустошает память, и возможно, что Тони Симмондс ошибся. Если такая встреча действительно состоялась в Каире, то во всяком случае не весной и не летом 1943 года: Энцо тогда находился безвыездно в стране. Если эта встреча состоялась позднее, то весь разговор кажется бессмысленным, так как король к тому времени уже бежал из Рима. Но нельзя не признать, что весь этот сумасбродный план вполне в стиле Энцо. Весьма правдоподобно звучит утверждение, что только он один может осуществить его, так как знает короля, знает каждый камень в Риме и у него есть связи с антифашистским подпольем. Если Энцо действительно выдвигал такой план, то беседа между ним и Тони происходила в начале весны 1943 года в Палестине. Но нет никаких доказательств того, что уже тогда он был связан с "Ай-Форс". Одно только очевидно: Энцо Серени пытался попасть в Италию любыми путями.

2 февраля 1944 года он получил британский паспорт, имевший силу на территории Сирии, Ливана, Египта и Трансиордании до 1949 года ("Профессия: учитель. Место жительства: Иерусалим"). Центр подчинился его давлению и решил, что он поедет в Каир, где займется отправкой парашютистов (они проходили там последнюю подготовку в одном из военных лагерей), а если представится возможность — попытается попасть в Италию.

5 февраля 1944 года на очередном общем собрании кибуцников Гив'ат-Бреннера Шура Ошеревич попрощался от имени всех с Серени, "который вскоре отправляется в Италию". Лишь несколько дней назад, — сказал он, — мы обсуждали вопрос спасения евреев и репатриации их в Эрец-Исраэль. "Тогда мы разработали план, а теперь прощаемся с нашим товарищем, который отправляется в страну, где надо помочь спасти людей. Мы всегда видели в этом одну из наших основных обязанностей, а теперь спасение евреев стало для нас самым главным делом... Мы знаем, какие его ждут трудности, но надеемся, что его миссия будет успешной, и он поможет алии евреев и принесет им весть о нашей гордой, трудовой, быстрорастущей стране — Эрец-Исраэль. Я надеюсь, что он — лишь первый из целого ряда посланников, которые впоследствии к нему присоединятся — в Италии или в другой стране. Мы надеемся, что вскоре встретимся с ним и с евреями, которые приедут к нам по его следам".

Энцо не хотел привлекать широкого внимания к своему отъезду в Италию. Может быть, ему придется, — сказал он, — еще некоторое время пожить здесь, в стране, из-за всякого рода препон, которые ставят на его пути мандатные власти. Неизвестно, сколько еще придется ждать разрешения на выезд. Во всяком случае люди должны знать, что и на него возложена задача абсорбции олим... Сказав это, он замолчал.

На встрече в узком кругу, в своей комнате, вдоль стен которой до потолка высились книги, установленные на стеллажах, он был более откровенным. Энцо рассказал своим близким друзьям, в том числе Элизе-ру Регеву, Шродеку, Аврааму Кацу и Исраэлю Мальвину (все они были в числе пионеров и основателей кибуца), что, возможно, придется пройти через ряд испытаний и опасностей. Его миссия не ограничится заботой о беженцах освобожденной Италии, он хотел бы попасть и на север страны, занятый немцами, чтобы спасти то, что еще можно спасти, но Энцо не расшифровал, как и что именно.

Многие выражали свои опасения, но все знали, что спорить с Энцо бесполезно, и полагались на его инициативу и отвагу: он с честью выйдет из всех затруднительных положений, как и в прошлом.

Ада подавала гостям кафе, и глаза у нее были красные: первый и единственный раз за восемнадцать лет их совместной жизни она категорически противилась намеченной поездке, всячески пыталась задержать его, но он вел себя, как одержимый, и не было силы, которая могла бы заставить его изменить свои планы.

Вскоре после завершения в Исполнительном комитете Гистадрута короткой церемонии прощания с эмиссарами, которые уезжали в Египет, Энцо зашел в комнату Голды Меир и сказал ей:

— Голда, я пришел с вами попрощаться.

Она была очень удивлена. Действительно, в Гистадруте поговаривали о предстоящей поездке Энцо, но это были только слухи, и никто не знал, что уже принято окончательное решение. Энцо объяснил ей, что он не в силах усидеть дома, отправляя других на опасные задания. Но когда она с дрожью в голосе спросила: "Значит, это дело решенное?" — он беззаботно махнул рукой:

— А что такое? Почему вы так огорчены? Я вернусь!

Спустя много лет Моше Шарет рассказывал, что Бен-Гурион не знал об этой миссии Энцо, так как находился тогда в Лондоне. Но, по словам самого Бен-Гуриона, сказанным через двадцать пять лет, когда ему было 84 года, — Энцо в последнюю минуту пришел к нему попрощаться и сказал ему:

— Я вынужден был скрывать от вас свои планы, так как знал, что вы мне не разрешите ехать в Италию.

В голосе Бен-Гуриона звучали нотки глубокой печали, когда он, вспоминая, произнес:

— Что я мог поделать? Все было готово к рейду, все вопросы были уже решены. Мои товарищи сознательно скрывали от меня, что готовится эта акция.

Я бы все предпринял, чтобы не дать ему уехать. Я знал, какие ждут его опасности, и был против. Энцо нечем заменить, у нас не было другого человека, подобного ему, он был единственным в своем роде. Да, связь с евреями Европы — дело очень важное, но всегда надо думать о цене.

Но Моше Шарет и другие руководители тоже не знали всех планов Энцо. Когда он покидал страну, им было известно, что с того дня, как появился план спуска парашютистов в тылу врага, Энцо потерял покой. Но не было человека, которому он полностью открыл свои карты, да и сам Энцо, видимо, еще смутно представлял, какой оборот примут дела в Каире. Пока было решено, что он пробудет некоторое время в Египте и займется группой парашютистов, которые ждали там последних инструкций. Он должен был также снарядить в путь Хану Сенеш и Переца Гольдштейна, которые должны были вскоре присоединиться к группе парашютистов. Об Энцо как о парашютисте не было и речи, ведь он ни разу не прыгал с парашютом, в отличие от всех остальных посланцев, прошедших специальный курс.

В разговорах с домочадцами Энцо пытался преуменьшить значение своей роковой поездки и, следуя укоренившемуся обычаю, его никто особенно и не расспрашивал. Альфонса знала, что это не совсем обычная миссия, но если она и опасалась за его жизнь, если даже ей показалось, что они прощаются навсегда, она оставалась верна себе: не пыталась даже удерживать сына, который шел навстречу своей судьбе, как и другие ее сыновья. Она не плакала и не выказывала признаков волнения. Свою боль она хранила при себе. Это был дух семьи Серени — Понтекорво. Так Альфонса вела себя всегда, так она воспитывала своих детей и внуков.

Перед отъездом Энцо сфотографировался со всей семьей. Это обычное семейное фото, какие делают в день рождения или на прогулке, и лишь две черточки, залегшие у рта, кажутся более острыми, чем обычно. Дочь Хана была тогда на экскурсии в Маса-

де, а Даниэль и Агарь пребывали в отменном настроении, хотя отец, казалось им, был чуть-чуть более взволнован, чем при прежних расставаниях. Ада очень переживала, ее сердце было полно дурных предчувствий, но внешне она была сдержана.

Энцо отправился в Египет поездом, через Кантару — точь-в-точь как в первый раз, семнадцать лет назад. И снова в окне вагона промелькнули белые дома Гив'ат-Бреннера, утопающие в зелени цитрусовых садов. Он использовал время поездки для того, чтобы просмотреть первую часть перевода своего исследования о Суэцком канале и о политике Великобритании на Ближнем Востоке. Эта работа была сделана шесть лет назад. С итальянской рукописи перевел ее на иврит Данте Латтес — Энцо поручил ему это, так как тот еще не нашел ни работы, ни своего места в стране. Приехав в Каир, Энцо тотчас отправил эти главы в Палестину с пометкой: "Когда Латтес закончит весь перевод, надо передать его издательству Реувена Массы в Иерусалиме и предложить опубликовать за мой счет".

Глава двадцать первая

ДОЛГ СПАСАТЬ

Дела в Каире были настолько запутаны, неопределенны и утомительны, что никто в Эрец-Исраэль не мог себе даже представить. Все еще велись переговоры о том, какими путями направить в тыл врага эмиссаров; все еще не были определены окончательные сроки, и посланцы жили в большом напряжении. Терпение их лопнуло, и они возмущались англичанами, считая, что те нарочно ставят всякого рода преграды на их пути, возмущались и Центром, полагая, что там действуют излишне осторожно. Никто из них и не подозревал, как сложно организовать переброску агентов за линию огня. Они прибыли сюда из кибуцов, прошли курс младших командиров в Пальмахе или воевали в регулярной английской армии в Африке. Им казалось, что все можно организовать довольно просто: они знают те места, где должны действовать, знают адреса нужных людей, знают, с кем связаться, к кому обратиться, так чего же еще ждать? Первейшей обязанностью Энцо было укрепить моральный дух парашютистов.

Командование "Ай-Форс" находилось на Каср эл-Ниле — короткой и шумной улице, ведущей на площадь Сулеймана. В этом доме некогда находились службы египетского радио, но англичане конфисковали его. Один этаж был жилым, и, кроме евреев-парашютистов, там жили в ту пору итальянцы, проходившие курс радиосвязи. Энцо жил в гостинице, но здесь он проводил большую часть дня, подолгу беседуя с людьми. В Каире в то время находились Перец Гольдштейн, Йоэль Пальги, Дов Бергер, Аба Бердичев, Шайка Трахтенберг, Иона Розенфельд и Хана Сенеш, и Энцо рассказывал им о своем аресте в 1941 году, дабы доказать справедливость своего утверждения, что чело-

век в состоянии перенести больше, чем можно себе представить. Он даже не подозревает о скрытых силах, таящихся в нем, пока не подвергнется тяжким испытаниям.

В одной из бесед Энцо пытался объяснить своим воспитанникам, расположившимся вокруг него на кроватях, что нацисты (никто из парашютистов с ними еще не встречался) не похожи ни на англичан, ни на арабов: кто попадется в их руки, будет подвергнут страшным пыткам. Поэтому целесообразно заранее запылиться ядом, ибо в человеческой жизни есть определенная грань, когда смерть предпочтительней жизни.

Хана Сенеш резко восстала против такого утверждения, усмотрев в нем элементы пораженчества. Завязалась продолжительная беседа о самоубийстве. Энцо пытался говорить о смерти с философской точки зрения, и все же его слова оставили в сердцах парашютистов неприятный осадок (именно под впечатлением этой беседы Йоэль Пальги пытался впоследствии, когда попал в руки немцев, покончить с собой в тюремной камере). Они не знали, что сам Энцо столь же нетерпелив, как и они сами.

Лишь здесь, в Каире, Энцо открыл своим товарищам по группе "П" ("Проникновение") Цви Ехиэли и Реувену Шилоаху (связному политического отдела Еврейского Агентства) о своем намерении лично приземлиться в тылу у врага. Реакция Ехиэли и Шилоаха была единодушной: этого ни в коем случае не следует делать. Тот, кто знает слишком много, не вправе собой рисковать, ибо есть в жизни такие моменты, когда, даже обладая железной волей, не устоять перед пытками. Что с ним будет, если он попадет в руки полиции, как это случилось с Левкой в Румынии?* — С ним это не случится, — возразил Энцо. Он был офицером итальянской армии, он ориентируется лучше всех других на местности. "Но ты слишком хорошо известен в Италии", — сказал Ехиэли. "Что отсюда следует? Рандольф Черчилль тоже личность доста-

* Кибуцник Лева Гуковский из Ягура.

точно хорошо известная, что, однако, не помешало ему приземлиться среди партизан Югославии".

Энцо не в состоянии был воспринимать логические доводы, когда речь шла об итальянских евреях. Ответ был лаконичен: "Я должен быть сейчас в Северной Италии". Это очень разозлило Ехиэли. Энцо ставил Центр в положении пасынка, с которым можно и не считаться. Что будет, если и другие руководители, облеченные большой ответственностью, последуют его примеру? Ведь подчас труднее отвечать за жизни других, чем быть самому исполнителем, рискуя своей жизнью.

Дискуссия ничего не дала, и поэтому Ехиэли предложил (так всегда действовали в трудных, запутанных обстоятельствах) обратиться к Берлу Кацнельсону и Ицхаку Табенкину. Ввиду особой важности этого дела следовало бы также посоветоваться с Бен-Гурионом и действовать так, как скажут эти трое.

Энцо вроде бы согласился, но в это время в Каире остановился Моше Шарет, державший путь в Лондон, и Энцо атаковал его своими требованиями: надо проникнуть меж линиями фронта, надо пробудить и организовать евреев на севере Италии. Если этого не сделать сейчас, немедленно, все они погибнут при фашистском отступлении или еще раньше. Надо сочетать спасение евреев с борьбой союзников: "Я передам людям, находящимся по ту сторону фронта, послание союзных держав".

Устоять перед такой атакой было невозможно. Энцо получил согласие Шарета как руководителя политического отдела Еврейского Агентства, и тем самым отпала необходимость обращаться за советом троих.

...В конце концов дела начали понемногу подвигаться. 8 марта Реувен Шилоах послал сообщение в Тель-Авив: "Товарищи отправились в путь в субботу рано утром, Гив'ати проводит их на родину, в ее освобожденную часть. В отношении продолжения путешествия, решение еще не принято. Есть шансы, что оно будет отрицательным. Поэтому мы считаем,

что есть резон в визите на освобожденную территорию“.

Окончательно одобренными эмиссарами были Хана, Иоэль, Иона и Перец — в Венгрию, Дов, Шайка и Аба — в Румынию, Реуен Дафни — в Югославию. Началась серия последних встреч, торг с англичанами о размере страхового полиса парашютистов. Англичане предлагали страховой полис в 1000 фунтов стерлингов на каждого, руководители Центра требовали 5000 фунтов.

Последние приготовления. Покупка сувениров для родных.

В кармане у Энцо была крохотная записная книжка с адресами людей, к которым можно будет обратиться. Он передал Рут Клигер (Элиав), представительнице Центра в Каире, занимавшейся главным образом мобилизацией средств, золотые часы, которые его отец профессор Серени получил в подарок от короля Италии (они перешли к Энцо по наследству, сейчас он просил передать их Аде для сына Даниэля).

На прощальном вечере в квартире Рут Клигер (в доме принадлежавшем семье Наджар) участвовали только самые близкие друзья: Моше Шарет, Цви Ехизли, Яков Цур, Элиягу Голомб, Реуен Шилоах. Рут приготовила русский борщ для всех и спагетти а-ля миланезе специально для Энцо. Пили красное вино, пели халуцианские песни, звучали русские мелодии. Атмосфера была приподнятой, но в конце, перед расставанием, воцарилась тишина, все стали серьезными. Энцо говорил об Аде, Даниэле, дочерях. Он сказал, что был бы счастлив, если бы при помощи волшебной палочки смог привести их сюда хотя бы на одно мгновение. Энцо нечаянно опрокинул фото в рамке, стоявшее на полке, и Рут Клигер, сентиментальная и легко возбудимая, усмотрела в этом дурную примету. Таким же образом она истолковала и другое происшествие, случившееся накануне, когда неловким движением руки Хана Сенеш опрокинула на белую скатерть бутылку вина, и на скатерти образовалось большое красное пятно, казавшееся кровавым.

Возникал вопрос, сможет ли Энцо попасть к евреям в Северную Италию и будет ли возможность спасти их. Моше Шарет сказал: "И все же, Энцо, если бы ты остался, нам было бы легче, ты нам очень нужен..."

Затем Энцо уселся в одно из глубоких кресел и заговорил о Боге. Он объяснил собравшимся, что они очень оторваны от традиции, от еврейской философии и от еврейской мысли, если в состоянии думать, что все, что произошло с еврейским народом за последние годы, — порождение неких случайных исторических процессов, обусловленных внешними условиями, материальными и политическими. За судьбами еврейского народа стоит воля Провидения. Есть на свете Божья воля и есть Творец вселенной. Внезапно под утро он вскочил на ноги со словами: "Ну, ребята, пора идти..."

Многие из тех, кто встречался с Энцо в Каире перед его отправкой в Италию, утверждали затем, что он вел себя как человек, хорошо осознающий, что он обречен. Но опыт свидетельствует о том, что человеческая память производит тщательную селекцию фактов и впечатлений. Возможно, что на них повлияли впечатления от более поздних фактов. Письмо, посланное Энцо в Центр 10 марта, свидетельствует о том, что эти люди ошибались. Он писал:

"1. ...Поэтому я выезжаю, по-видимому, этой ночью. Я еще не знаю, обеспечивает ли установленный порядок возможность действия там (боюсь, что нет). Но я подумал, что во всяком случае важно приступить, посмотреть, испытать. Если мне посчастливится переправиться — хорошо, если нет — постараюсь все рассмотреть и вернуться.

2. В случае, если я не переправлюсь, настаиваю на том, что если будет назначен представитель Еврейского Агентства в Италии, чтобы этим представителем был я. Надеюсь, что вы будете действовать в данном направлении.

3. У меня нет времени подытожить свой опыт за этот месяц, но впечатление сложилось очень тяжелое.

Я не представлял себе, что их (англичан) беспомощность и неспособность так велики. Большая часть времени растрочена впустую из-за бездарности и отсутствия порядка. Товарищи отправляются с тяжелым чувством, и мне трудно утверждать, что они не правы. Поэтому, из всего этого следует извлечь урок: впредь надо меньше соглашаться с тем, что нам предлагают и настаивать на нашей самостоятельной подготовке, хотя я и поныне считаю, что надо использовать все возможности для совместных действий... Использовать, так как я убежден, что наш долг быть сейчас там, и не столь уж важно, как и посредством кого. Использовать, зная заранее, что для нас главное.

4. Прилагаю рукопись моей книги (две последние главы). Передайте ее д-ру Латтессу, квартал Монтефьоре, Иерусалим, с запиской: "Просьба перевести и перевод отдать Берлу Кацнельсону."

5. Будьте все здоровы. Полагаю, что не скоро свидимся... хотя я всех вас очень люблю..."

Назавтра, в ночь на субботу, ровно в два часа, вылетели самолетом в Бари: Хана Сенеш и Иона Розенфельд, направлявшиеся в Венгрию, Аба Бердичев, который намеревался попасть в Румынию тоже через Венгрию, уроженец Югославии и член кибуца Эйнгев Реувен Дафни — представитель парашютистов при штабе партизан Тито, и Энцо в качестве сопровождающего. Было решено, что вся группа, за исключением Энцо, спустя два дня отправится в Югославию и прибудет, согласно плану, к американской делегации в Словакии, а спустя день-другой продолжит свой путь. Тито одобрил этот план и партизаны взяли на себя ответственность за переправку парашютистов в Венгрию.

Все пятеро прибыли в Бари 11 марта пополудни после приятной поездки из Каира через Арче (Бенгази) и Мальту. Несколько дней они провели в деревне Сельва ди-Фазано, что неподалеку от Бари, меж холмами, в очень живописной местности. Крестьянские домики чередовались здесь с дачами.

Почти сразу после приземления Энцо поспешил

завязать беседу с местными жителями, чтобы выявить их настроения и условия жизни. И очень скоро он узнал, что еды, в общем, хватает, хотя и ощущается недостаток муки и макарон (но их можно достать на черном рынке). Но такие предметы, как ткани, стеклянные изделия, домашняя утварь, спички, мыло — совершенно отсутствуют. Местные жители — равнодушные, разочарованные и усталые — с гневом говорили о фашизме, который навлек на них все беды: "Они не понимают, — писал он, — исторические и нравственные причины, приведшие к поражению. Они считают, что вся беда произошла из-за "ошибки" — вступления в войну против союзников, а не из-за политической и социальной системы, имя которой фашизм".

Хана Сенеш, Реувен Дафни, Аба Бердичев и Иона Розенфельд должны были через несколько дней приземлиться в Югославии. Хана была полна воодушевления и проникнута уверенностью, что ей удастся попасть в Венгрию, и когда Дафни, который должен был ее сопровождать, заговорил с Энцо о своих опасениях в связи с ее сильным характером и упрямством, тот ему ответил:

— Да, тебе будет нелегко работать с ней, но помни и никогда не забывай: это необыкновенная девушка.

Английские солдаты, работавшие в парашютном складе возле аэродрома (четверо из них явились к Дафни, чтобы пригнать по размерам парашютные ремни и другую оснастку), не спускали с Ханы глаз, а сержант-шотландец, помогавший парашютисту, с восхищением сказал, что за долгие месяцы своей службы здесь пригонял оснастку многим сотням парашютистов, но среди них не было ни одной женщины.

Когда настал час прощания, Энцо расцеловался с каждым из парашютистов и с волнением сказал Реувену: "Знай, что умирает лишь тот, кто хочет умереть!"

Приземление прошло удачно, югославы дожидались их, как было условлено, но когда парашютисты находились в штабе партизан, пришла весть, которой

они так опасались: немцы оккупировали Венгрию и закрыли все границы. Впервые люди увидели Хану Сенеш плачущей.

Изменение положения в Венгрии обязывало изменить все планы проникновения, и Энцо был озабочен, как и все люди в Центре: неужели опоздали и в Венгрию, как в Польшу, Чехословакию, Австрию?.. Появился новый план: Интеллидженс Сервис поможет проникнуть в немецкий тыл десяти эмиссарам, не возлагая на них особых задач и не финансируя этой операции (опыт показал, что затраты на каждого парашютиста достигают 900 фунтов стерлингов).

Спустя несколько дней Энцо переехал в Бари. Он поселился в клубе еврейских солдат. Секретарем клуба был Бруно Савальди — брат Малкиэля из итальянской группы кибуца Гив'ат-Бреннер. Клуб пользовался широкой популярностью, туда ежевечерне приходили десятки солдат, и не только выходцы из Эрец-Исраэль, но также евреи, служившие в канадских, американских и южноафриканских частях. Однажды пришли сюда русские солдаты (точнее, евреи, служившие в Советской Армии) — встреча с еврейскими беженцами пробудила в них желание сблизиться с соплеменниками.

В Бари Энцо чувствовал себя как дома. Он давал советы посетителям клуба, устранял разногласия и споры среди активистов местных еврейских организаций, приглашал гостей, покупал во множестве итальянские книги главным образом у Латерца — известной букинистической и издательской фирмы. Каждый вечер он клал перед своей военной койкой стопку книг и читал до глубокой ночи.

В Бари Энцо искал итальянских евреев, нашедших здесь убежище, и к великому своему удивлению обнаружил, что здесь проживает семья Аскарелли — дальнего родственника его и Ады, удравшая от немцев в горы Абруццо, пешком перешедшая линию фронта и в конце концов оказавшаяся в Бари.

В один прекрасный день Энцо появился у них как ангел-спаситель, и когда выяснил, что эта семья жи-

вет в большой нужде, он в течение нескольких дней смог, как сказочный волшебник, снабдить их пищей, одеждой и деньгами. Он приходил к Аскарелли, чтобы насладиться семейной атмосферой старинного еврейско-итальянского рода и без конца рассказывал об Аде и детях.

Тут впервые Энцо получил достоверную информацию о том, что в действительности произошло с евреями Рима. Сразу после захвата столицы немцы наложили огромный штраф на еврейскую общину — 50 килограммов золота, которые надо было собрать и внести в течение 36 часов. С огромным трудом удалось евреям раздобыть такое количество драгоценного металла: тот, у кого не было золота, давал серебро, которое друзья-христиане обменивали на золото, чтобы предотвратить нависшую над общиной беду. Представители общины доставили это золото немцам (сам посол удостоил их чести принять этот "дар"). Но в это время им стало известно, что у руководителей общины осталось на руках около двух миллионов итальянских лир из сумм, собранных для покупки золота, и немцы пришли к руководителям общины и потребовали эту сумму как "бакшиш" дополнительно к золоту. Понятно, что они ее сразу же получили. Одновременно в общине были забраны списки всех евреев Рима и их адреса. Раввин успел куда-то сбежать, и другие руководители общины не проявили стойкости перед лицом врага. Не было направляющей руки, и процесс быстрого распада общины стал неотвратимым.

Несмотря на то, что евреям было известно о списках, попавших в руки немцев, большинство из них не покинуло своих домов. Они беспечно полагали, что беда обойдет их стороной, и оставались на своих местах...

"До 16 октября ничего существенного не произошло, и это, видимо, укрепило в сердцах римских евреев уверенность, что опасность миновала и "все образуется". Но в ночь на 16 октября на улицах появились эсэсовцы, и началась охота за людьми... Палачи брали всех без разбора — стариков и молодых, мужчин

и женщин, правоверных и крещеных... Считают, что в руки немцев попало тогда 4000 человек. С тех пор евреи не осмеливаются открыто появляться на улице. Уцелевшие перешли жить к своим друзьям христианам; некоторые помогают им бескорыстно, другие — за большие деньги. Фамилии депортированных узнать невозможно...”

Данные, которые получил Энцо, были вполне достоверны, но нуждались в уточнении. Впоследствии удалось установить, что в эту ночь было арестовано 1259 евреев (в том числе двоюродные братья Энцо из семьи Милано, но две сестры Альфонсы — Эрмелинда и Елена нашли убежище и благополучно пережили войну). Большинство их сразу же погибло в газовых камерах Освенцима, другие умерли там же спустя некоторое время из-за невыносимых условий, и после окончания войны из 1259 человек вернулись лишь 14 мужчин и одна женщина.

После первой большой облавы и до освобождения Рима 4 июня 1944 года немцам удалось поймать в столице еще около тысячи евреев, в том числе Эудженио Колорни — сына тети Клары из Милана, активного деятеля антифашистского подполья... Он был схвачен, когда раздавал на улице листовки и был расстрелян за несколько дней до освобождения Рима. Еще 73 еврея были расстреляны в пещерах возле Рима в сентябре 1943 года вместе с 355 итальянскими заложниками.

Еврейские воинские части из Палестины, насчитывавшие около пяти тысяч солдат, в составе союзных армий вторглись в Италию, и по мере своего продвижения они встречали чудом уцелевших евреев. Были такие, которых еще не успели уничтожить в лагерях, были такие, которые прятались среди населения, некоторые же нашли убежище в монастырях. Еврейские воины старались, чем только можно, помочь несчастным, они собирали для них деньги, организовали центры абсорбции беженцев, открывали еврейские школы и разного рода подготовительные курсы.

Энцо посетил два лагеря вскоре после своего при-

бытия в Италию. Его спутниками были Иосеф Банковер, с которым он ранее встречался в Греции, ныне сержант-майор в подразделении автомобилистов, и Эфраим Ауэрбах, военный раввин Южной Италии. Энцо был представлен беженцам как эмиссар Еврейского Агентства, и он выступил перед ними на собрании.

"Даже мне, старому "магерову волку" с большим жизненным опытом, было трудно удерживать слезы, — писал он. — Ведь я был первым гражданином Эрец-Исраэль, первым представителем Сохнута, который прибыл к ним, чтобы передать первый привет от родины... Перед тобой — остатки некогда больших общин, жалкие остатки еврейского народа, с которым мы так надеялись встретиться. И вот они перед нами во всей своей потрясающей нищете и со всем своим отчаянием. Я говорил с ними вроде бы по-немецки после того, как много лет не пользовался этим языком для публичных выступлений (и я почувствовал, что для нашей трагедии очень символична необходимость изъясняться с братьями на языке наших заклятых врагов). Я говорил им откровенно, что у меня на сердце, я говорил правду, всю правду об Эрец-Исраэль. Я пытался рассеять мессианские иллюзии, которые укоренились здесь за месяцы ожидания после многих лет вынужденного безделья, когда пришла весть о возможности репатриации. Все мы были очень взволнованы, и я уверен, что мои слова проникли во многие сердца".

Вместе с солдатским комитетом Энцо отобрал триста первых кандидатов на получение въездных виз (которые остались от старой квоты из-за войны и морской блокады). Распределение разрешений было делом нелегким. Беженцы были очень нетерпеливы, и Энцо торопил тех, от кого зависело быстрее оформление виз: "Есть опасность, что вскоре начнется мобилизация молодежи, находящейся в лагерях, в партизанские отряды, и тогда наше положение будет очень трудным".

6 апреля в Бари приехали еще два эмиссара —

Йоэль Палги и Перец Гольдштейн. Энцо встретил их на аэродроме. Он бросился их целовать (южный обычай, к которому жители в Эрец-Исраэль еще не привыкли), давал указания носильщикам по-итальянски, с офицером, сопровождавшим Йоэля и Перца, говорил по-английски, а с парашютистами — на иврите. Энцо был воодушевлен, полон энергии и жажды деятельности.

По пути с аэродрома в город, когда они ехали на машине по искореженным бомбежками дорогам, парашютисты попросили Энцо рассказать им о ближайших планах. Сколько времени они будут в городе Ватри? Когда смогут продолжить путь? Но Энцо не дал им ответа, он даже их не очень внимательно слушал, так как с воодушевлением все время рассказывал об улицах и зданиях, мимо которых они проезжали, о прохожих и детях. Йоэлю казалось, что Энцо все еще находится под сильным впечатлением от новой встречи с Италией и итальянцами.

Энцо не давал им покоя ни на минутѹ. Едва они стряхнули с себя дорожную пыль, как он поволок их по улицам и площадям, в соборы, на набережную, по узким и темным переулкам, и всюду он находил какие-то необыкновенные достопримечательности.

Верный традициям династии Серени, Энцо всегда расхаживал без документов — он посещал командные посты, аэродромы, военные лагеря, и вел себя так самоуверенно, что никому не приходило в голову задерживать его. Знакомые английские офицеры не переставали удивляться, как это он в гражданской одежде беспрепятственно проникает всюду и ему даже отдают честь, в то время как от них, военнослужащих в форме, требуют удостоверения. Йоэль чувствовал, что Энцо ведет себя так не только ради собственного удовольствия, но и чтобы преподать наглядный пример своим подопечным: "Манера держать себя и самоуверенность — вот что решает, а не бумажки".

В Центре возложили на Йоэля Палги сомнительное задание — повлиять на Энцо, чтобы он вернулся домой, но тот с ходу отказался даже говорить на эту

тему: "Об этом не может быть и речи!" Йозель пытался убедить Энцо в бессмысленности самой затеи — проникнуть в Северную Италию, так как там уже не осталось евреев, но Энцо не стал слушать:

— В Эрец-Исраэль не знают истинного положения дел. Я располагаю достоверными сведениями. Есть еще евреи в Северной Италии, и я должен туда попасть.

Пальги напомнил ему о дисциплине, о подчинении нижестоящих вышестоящим, но Энцо заговорил о внутренней дисциплине, которая повелевает ему спасти тех немногих евреев, которые еще остались.

Йозель высказал предположение, что Энцо не хочет послать их, парашютистов, на смертельно опасное задание, не подвергая и себя такой же опасности. Как подобает воспитателю, беседующему с учеником, Энцо, небрежно помахав рукой, сказал: "Глупости!" — и вынул из кармана письмо своего сына Даниэля. Тот писал: "Даже если ты погибнешь, папа, главное, чтобы ты был героем". С удовольствием рассмеявшись, хотя он читал эту фразу уже сто раз, Энцо добавил:

— Я не погибну. Я буду жить.

Началась концентрированная атака на Энцо, имевшая целью заставить его отказаться от своего плана. Ада написала ему письмо, умоляя вернуться. По инициативе Бен-Гуриона была сделана еще одна попытка повлиять на Энцо через Тони Симмондса, который приехал в Бари вслед за парашютистами. Тони сообщил, что Энцо должен вернуться домой лишь на одну неделю в связи с делами кибуца Гив'ат-Бреннер, но он не смог толком сказать, о каких делах идет речь. Поняв, что здесь кроется подвох, Энцо не на шутку рассердился:

"Я не понимаю вашего весьма неопределенного сообщения, переданного через Тони, что кибуц якобы нуждается сейчас в моем присутствии. Если случилось что-то, что обязывает меня вернуться — напишите, если же вы хотите попытаться "повлиять на меня" — ваши старания напрасны. Если вы сообщите мне, почему я должен вернуться — я подчинюсь и приеду. Но знайте: это будет конец всякой связи между на-

ми. Ваша попытка путем административного давления сделать невозможным выполнение задания, ради которого я сюда прибыл (перед моим отъездом все были со мной согласны), — неблагоприятна и тяжело меня угнетает. Неужели это и есть та "духовная пища", которой вы хотите снабдить меня на дорогу? Я надеюсь, что произошло недоразумение. Но знайте: перед отправкой в путь я нуждаюсь в покое и отдыхе. Вы должны мне сразу же сообщить через Тони, что согласны с моей миссией и не требуете моего возвращения в страну. Если я вернусь, весь план окажется несостоятельным, и я не смогу сюда снова приехать. Для подготовки своей поездки, для большей уверенности, что она увенчается удачей, я должен быть сейчас здесь. Если я упускаю возможность повидаться с членами моей семьи, вы можете отказаться от встречи со мной. Встретимся, если на то будет Божья воля, после завершения дела. Вчера прошел медицинское обследование, и врач установил, что со здоровьем у меня все в порядке. Поэтому на эту тему — все. Постарайтесь не обременять меня в этот час. Моше [Шарет] еще раз писал мне из Лондона и благословил меня в путь-дорогу. Видимо, он понимает значение моей миссии и не терзаем сомнениями, как вы".

В Центре сложили оружие: "Произошло недоразумение. Мы думали, что если у тебя есть возможность побыть с нами неделю, этим следовало бы воспользоваться, — писал ему Ехиэли, — но если такой возможности нет, — да сопутствует тебе удача!".

"Твое сердитое письмо получили, — писал ему Шаул Меиров (Авигур). — Мы тут беседовали на эту тему и решили, что сведение счетов лучше отложить на более подходящее время. А пока все мы единодушно приветствуем тебя и желаем счастливого пути".

Альтернативы не было, и руководители Центра сообщили командованию "Ай-Форс" о своем согласии на отправку Энцо в Северную Италию. Тони Симмондс лично противился этому, но Энцо вошел в контакт с местным командованием и поставил Тони перед свершившимся фактом: он готовился к акции вместе с од-

ним итальянцем, который уже усиленно тренировался (в качестве радиста).

Своего будущего спутника Энцо выбрал сам, после случайной встречи. Лоренцо Росселли дель Турко, уроженцу Флоренции, было 28 лет. Это был стройный рослый парень с черными сверкающими глазами, удлиненным лицом и крепкими руками. В итальянской армии он служил в качестве офицера связи, а осенью 1943 года, во время капитуляции Италии, находился в Сардинии. Будучи убежденным антифашистом, он пытался с группой единомышленников присоединиться к армиям союзников, дабы участвовать в войне с немцами. Но англичане и американцы отнюдь не радовались возможности включать в свои ряды итальянцев, так как сомневались в их политической благонадежности и невысоко ставили как воинов. Убедившись, что в Сардинии он ничего не добьется, Росселли выехал со своим другом в качестве рядового пассажира на скоростном моторном катере в окрестности Таранто. Оттуда они пешком направились в Бари, но и там оказались никому не нужными. Единственное, чего они добились в местном итальянском военном штабе — это направления в гостиницу.

Удрученный, томясь вынужденным бездельем, Лоренцо как-то повстречал на улицах Бари знакомых по Флоренции евреев, и они пригласили его на встречу с товарищами. На этой встрече он увидел невысокого человека, который с большим воодушевлением говорил о ходе военных действий, о политическом положении, о жизни вообще. Причем, акцент выдавал в нем уроженца Рима.

Сразу поняв, что это человек незаурядный, он решил обратиться к нему — авось, тот сможет помочь его беде. Когда Энцо выходил из дому, Лоренцо подошел к нему и заговорил. Тот, представившись, пригласил его зайти к нему завтра вечером, чтобы вместе поужинать в еврейском солдатском клубе. На том и порешили.

Лоренцо пришел, они поужинали, а потом долго сидели и дружески беседовали. Энцо сказал:

— Не могу понять молодых итальянцев. Они антифашисты, но не хотят рисковать.

Реакция Лоренцо была такой, какую Энцо предвидел заранее:

— Неверно. Вот я готов хоть сейчас, если бы мне только дали возможность что-то делать.

Первые осторожные прощупывания убедили Энцо в искренности этого парня, и он спросил его, не вдаваясь ни в какие подробности, не согласится ли он действовать с ним совместно. Лоренцо согласился без всяких колебаний. Назавтра Энцо привел его к британскому майору, который долго с ним беседовал, а затем послал его в тренировочный военный лагерь неподалеку от города, не сообщая, однако, о предстоящей миссии.

Отправка Йоэля Пальги и Переца Гольдштейна была назначена на пасхальную ночь 7 апреля 1944 года. В канун отлета у них появился Энцо с маленьким пакетом, в котором были маца, вино, хрен и все другие атрибуты праздничного ритуала.

— Вы отметите Сейдер в самолете, над вражеской территорией, перед прыжком! Это будет самый замечательный эпизод в книге, которую я напишу о данной акции!

— А может быть, мне об этом написать? — спросил шутливо Йоэль Палги. — Ведь я буду справлять Сейдер над вражеской территорией.

— Нет. Обещай мне, что ты об этом писать не будешь.

Йоэль уступил, хотя был шутливо настроен и склонен и дальше спорить, но это оказалось излишним: из-за плохой погоды вылет пришлось отложить, и все вместе отправились отмечать пасхальный Сейдер в лагерь еврейских солдат из Эрец-Исраэль. Энцо помог организовать самый большой Сейдер в Бари — он происходил в большом зале табачной фабрики, и в нем участвовало сотни людей, — но сам он отмечал праздник в еврейской воинской части майора Сахарова вместе с солдатами и беженцами.

“Это не был такой пышный и великолепный Сей-

дер, как у нас дома, но в сердце было ощущение боли и гордости одновременно в связи со встречей с далекими братьями и в связи с осознанием тождества между различными частями нашего народа, — писал он на завтра своим детям. — Не могу в коротком письме передать вам, что я видел и чувствовал в эти дни, скажу лишь одно: не было у меня другой командировки, где я бы так явственно ощущал "руку судьбы...". Дай Бог, чтобы мне удалось выполнить возложенную на меня миссию".

Йозель и Перец улетели на следующий день, а Энцо расстался с ними перед их отъездом на аэродром, так как хотел успеть на второй Сейдер в лагере беженцев Феррамонти. Оба парашютиста были спокойны и готовы к действиям, хотя захват Венгрии немцами их очень тревожил, как и Энцо. Бодрому настроению очень способствовали новые блестящие пистолеты, офицерские звездочки на погонах и автоматы, полученные накануне. Крепко пожимая им руки, обнимая и целуя, Энцо шутливо воскликнул:

— Не осрамите меня, ребята! До встречи на Родине!

17 апреля Энцо отметил свое 39-летие. Днем он участвовал в заседаниях, был в солдатском клубе, а вечером пришел на праздничный ужин, устроенный в его честь тетушкой Аскарелли. На завтра он определился на курсы парашютистов. С упражнениями, которые предшествовали прыжку с парашютом, он более или менее справлялся, хотя и выглядел стариком среди юнцов. Он надеялся, что и впредь ему будет сопутствовать удача, но перед первым учебным прыжком им овладело беспокойство, и он написал прощальное письмо своим детям:

"Если со мной что-либо случится, и я не смогу с вами встретиться в этой жизни, хочу, чтобы вы знали, что в эту минуту я думал о вас, о маме, о бабушке как о самом дорогом, что есть у меня в жизни. Нелегко мне расставаться сейчас с вами. Из года в год растет привязанность к бабушке, любовь к маме, отцовские заботы о вас. Хочу, чтобы вам удалось быть

такими, какими не удалось нам: цельными, людьми труда по призванию, евреями. Но я хотел бы также, чтобы вы могли сберечь тот пламенный фанатизм и непреклонную принципиальность, которые привели нас в эту страну и в халуцианское движение и которые привели меня к сегодняшним испытаниям. Я верил с первого дня, что мы, евреи, должны активно участвовать в этой войне. Я пытался в меру сил выполнить свой долг и стремился к этой возможности, чтобы показать, что может сделать еврей. Я подчинил себя этому решению, которое и поныне считаю правильным. Надеюсь, что мы еще увидимся и что не только после этого испытания, но и после моей практической работы, которая за ним последует, я вернусь к вам. А если нет — помните меня. Позаботьтесь о маме, о бабушке, учитесь и оставайтесь верными себе и мне. И еще раз всем вам — шалом, нашему кибуцу — шалом, и ради него и во имя его я здесь. Шалом, Эрец-Исраэль. Вдали от своей страны еще сильнее чувствуешь, что ты весь ее, только ее, а все остальное — лишь пена на поверхности воды.

С большой любовью
ваш папа“.

Первое приземление 19 апреля прошло благополучно. Это был предельно ускоренный курс парашютного дела. Они тренировались лишь четыре дня, в течение которых совершили полдюжины прыжков, и все — в дневное время. После этого Энцо стал называть себя "дипломированным парашютистом". В его письмах чувствуется облегчение:

"Опыт парашютных курсов оказался поучительным. Я отнюдь не был среди отстающих, несмотря на возраст. Мой вес и мой рост меня выручают, и я всегда остаюсь в воздухе больше всех других. Правда, каждый раз, когда надо прыгать, становится страшновато, но ощущение в воздухе очень приятное, а когда ты достигаешь земли, чувствуешь себя царем. Теперь я вполне спокоен и уверен в себе. Сейчас я наверняка знаю, что смогу преодолеть все трудности и попытаюсь пробить себе путь среди иноверцев..."

В первом тайме своих состязаний с судьбой Энцо вышел победителем.

Возвращаясь из Лондона в Палестину, Моше Шарет задержался в Италии. Как раз в это время Энцо завершал свою учебу на парашютных курсах, и он не преминул похвастаться перед ним своими достижениями. Энцо несколько раз сопровождал Моше Шарета во время его поездок по лагерям беженцев. Однажды, когда Моше Шарет опоздал в лагерь Феррамонти на собрание, назначенное в его честь, он увидел, что зал полон, и кто-то стоит на трибуне и говорит по-немецки. Приблизившись, он узнал Энцо. Заметив Шарета, тот воскликнул:

— Я тут вместо вас занимал публику, а теперь, пожалуйста, на трибуну!

Когда Моше Шарет уезжал из Бари, Энцо проводил его на аэродром. Перед прощанием он сказал Шарету:

— Передайте, пожалуйста, Бен-Гуриону и товарищам, чтобы они и не пытались вернуть меня домой до того, как я выполню свою миссию. Я отправляюсь на задание через несколько дней. Кроме порученного мне дела, на меня возложена обязанность связаться с двумя итальянскими генералами — есть шанс, что они перейдут на сторону союзников, если подвергнутся соответствующему влиянию. Это может ускорить окончание войны на данном участке фронта. Я чувствую в себе силы выполнить эту миссию.

Энцо передал Моше Шарету письма для Ады и детей, рассказал, что нашел хорошего товарища-радииста среди итальянцев, которого сам выбрал, и добавил: "Увидите, я еще пробью себе дорогу и доберусь до Швейцарии".

...Лоренцо Росселли дель Турко ничего не знал об этих двух генералах. Так как он был офицером связи, ему не было необходимости изучать радиодело, и он учился лишь шифровке и прошел ускоренную подготовку в качестве парашютиста. После четырехдневной учебы, не совершив ни одного ночного прыжка, и за пять дней до окончания курса, он был отозван анг-

лийским командованием в Бари. Там его спросили, готов ли он немедленно, пока еще новолуние, совершить ночной прыжок в тылу у врага. Из разговора в штабе Лоренцо стало ясно, что он и Энцо должны: 1) достичь Флоренции и там помочь бежавшим из плена англичанам, которые прячутся где-то за линией фронта; 2) раздобыть для командования точные карты окрестностей города в связи с предстоящими на севере военными действиями; 3) установить связь с местными жителями. Но из разговора с Энцо Лоренцо понял, что для того важнее всего две вещи: 1) найти брата-подпольщика, который был схвачен и осужден фашистами; 2) помочь евреям.

Место приземления было определено по обычной туристской карте. Энцо заметил на карте неподалеку от Флоренции место, которое называлось Кампо ди-Аннибале и путем логического умозаключения пришел к выводу, что если войска Ганнибала (III век до н. э.) смогли расположиться на этом месте, значит оно плоское, не гористое.

Люди "Ай-Форс" произвели разведку местности с воздуха. Сделали ряд фотоснимков и определили, что оно пригодно для приземления. Было решено, что Лоренцо получит документы корсиканца, дабы он мог облачиться в форму французского офицера и в то же время объяснить, почему его французский язык столь несовершенен. Энцо предложили приземлиться в форме британского или американского офицера, но он предпочел получить документы на имя офицера из Эрец-Исраэль Шмуэля Барда, который недавно демобилизовался (подлинное удостоверение личности живого и здравствующего человека — оно нужно было на случай, если парашютист попадет в плен и немцы обратятся в Красный Крест).

Энцо был назначен командиром, Лоренцо — его помощником, но у них установились братские отношения, как между старшим и младшим товарищем — так, во всяком случае, казалось Лоренцо.

Среди итальянцев и англичан Росселли дель Турко был известен по кличке "Человек тоста" или "Шам-

панино“ — так его прозвали на вечере итальянских офицеров в 1942 году, на котором Лоренцо поднял тост за победу союзников. Так полагали здесь, в Бари. В действительности же все обстояло несколько иначе, и истина имела скорее семейный характер, нежели политический. Его прозвали ”Шампанино“, так как он родился спустя девять месяцев после того, как его родители в последний раз совместно поужинали, распив бутылку шампанского. Они должны были расстаться, так как матери надоели бесконечные любовные шашни супруга. Отец Росселли дель Турко хотел примириться с женой, он заказал шампанское, его супруга забыла про обиды, и через девять месяцев родился их младший сын Лоренцо.

Энцо много рассказывал ему об Эрец-Исраэль, о кибуце, о своей семье, но итальянец чувствовал, что тот о чем-то недоговаривает и что он знает многое такое, о чем считает за благо умолчать.

Англичане не дали им указаний, как вести себя на оккупированной немцами территории, они лишь предупредили, что не следует приближаться к монастырю Камальдоли, находящемуся поблизости от места приземления, так как его настоятель известен как ярый фашист. Если они попадутся в плен, то не должны были ничего сообщать немцам, кроме своей фамилии, личного номера и части. Но в беседах между собой Энцо и Лоренцо совершенно исключали такую возможность.

Отправка Энцо и Росселли дель Турко была назначена на 7 мая, и незадолго до этого Энцо написал несколько прощальных писем. Он понимал, что это, пожалуй, последняя возможность сказать несколько слов родным и близким, с которыми расстаешься, возможно, надолго, возможно, и навсегда. Он оставил также завещание, хотя и не исключал возможности благополучного возвращения домой. Сразу после окончания парашютных курсов, он написал прощальное письмо своим товарищам из Центра:

”А теперь я должен с вами попрощаться. Если я вернусь, — мы еще, пожалуй, поработаем вместе,

встретимся снова и лучше узнаем друг друга. Если же нет — а вы ведь знаете, что я принадлежу к тем, кто считает, что на такие дела надо идти с сознанием, что не вернешься, — если не произойдет чуда, — я хочу, чтобы вы знали, что месяцы совместной работы с вами были самыми счастливыми в моей жизни. Я знал, что нахожусь среди своих, среди своего народа, и делаю святое дело. Простите меня за легкомыслие, за мой темперамент, за мои ошибки... Если не вернусь — шалом всем зам, Шаул, Иосеф, Цви, Юлик, Моше, Леви, всем нашим женщинам и членам комитета. Шалом Реувену, Ите, Тедди... И все же, пожалуйста, до свидания“.

Затем он написал прощальное письмо в Гив'ат-Бреннер:

2.5.44

”Привет, Шродек!

Пишу тебе как самому старшему из той компании, что собралась в моей комнате в канун моего отъезда. Через короткое время мне предстоит отправка на север. Я хочу послать всем членам нашего коллектива последний привет. Ведь я не имею возможности попрощаться со всеми товарищами и должен довольствоваться этим прощальным приветом. Мои мысли в эти часы со всеми вами, с моей семьей.

Хотя я слишком часто странствовал и слишком часто жил обособленно, я люблю наш кибуц и также от его имени отправляюсь сейчас на задание.

Надеюсь, что мы увидимся, раньше или позже. А если не суждено, хочу передать в любящие и надежные руки Гив'ат-Бреннера тех, кто мне дороже всего на свете — Аду и детей.

Будьте все здоровы. Стройте и отстраивайтесь. Растите и выращивайте!

С любовью и ожиданием
ваш Энцо Серени“.

В тот же день была написана записка Шаулу:

”Береги Аду и детей во время моего отсутствия“.

В Центр Энцо сообщил:

”Я подготовился в меру своих сил к выполне-

нию задания. Раздобыл адреса и явки, которые могут нам понадобиться в случае нужды. Самое главное — это везение и дерзость, и я надеюсь на удачу. Местность, в которой буду находиться, известна мне с детства. Дважды довелось мне быть там некоторое время, и я надеюсь, что легко смогу сориентироваться. Мой товарищ — родом из этих мест... Когда и как вернемся, мы пока не знаем: наша задача нелегка и потребует от нас больших и продолжительных усилий. В окрестностях скрываются, как нам сообщили из достоверных источников, немало евреев. Вам должно быть ясно, что именно поэтому я с таким желанием взял на себя эту миссию“.

Спустя два дня, 4 мая, было написано прощальное письмо руководителям еврейского рабочего движения Палестины — Берлу Кацнельсону, Давиду Бен-Гуриону и Ицхаку Табенкину:

”Берлу, Давиду и Ицхаку — моим наставникам и товарищам — большой привет.

Перед отправкой на север я хочу пожелать вам всего хорошего. Уезжаю с надеждой на удачу и на то, что смогу кое-что сделать для нашего народа и для военных усилий против Гитлера. Дай Бог, чтобы мы вскоре встретились, а если нет, — всего вам хорошего и спасибо за все, что вы дали мне в жизни, за тот яркий свет, который я узрел благодаря вашему свету! Позаботьтесь о моей семье, если со мной что-либо случится.

Шалом — и не ссорьтесь в пути!

С любовью ваш Энцо“.

Письмо Берлу, Табенкину и Бен-Гуриону — скорее политическая декларация, чем выражение равного ко всем троим отношения: Энцо безгранично любил Берла, уважал Табенкина как учителя и наставника, а Бен-Гурион, который всегда находился от него на некотором отдалении, был в его глазах тем человеком, который даст еврейскому народу суверенное еврейское государство.

Это отношение к Бен-Гуриону нашло свое выражение в письме, которое Энцо послал в конце апреля

д-ру Леоне Карпи, главе итальянских сионистов-реви-
сионистов. Он находился тогда в Южной Италии в
качестве юридического советника министра торговли
свободного итальянского правительства. Это был ответ
на предложение Карпи — сплотить воедино все силы
сионистов (включая и ревизионистов) в одно нацио-
нальное еврейское движение. Энцо давно отмежевался
от ревизионистов и на этих позициях находился и
тогда, хотя Вторая мировая война отодвинула все раз-
ногласия на задний план. Он писал Карпи:

”Мне кажется, всем уже ясно, что ревизионистский
эксперимент провалился и нет других живых и ак-
тивных сил в сионистском движении, кроме тех, что
концентрируются вокруг Гистадрута трудящихся, об-
щепризнанным вождем которых стал Бен-Гурион —
центральная фигура в сионистском движении послед-
них пяти лет“.

Утром в день вылета, будучи уже в форме британ-
ского офицера, он встретился с Банковером, Сахаро-
вым и Бруно Савальди. Энцо говорил не умолкая —
о положении в партии, о своей семье, о записке, на-
писанной Берлу, Табенкину и Бен-Гуриону, о евреях,
которых он надеялся обнаружить на Севере Италии.
В последнюю минуту он принес семье Аскарелли па-
кет — в нем были ботинки и кожаный портфель — и
сразу же исчез, не объяснив даже, кому что пред-
назначено.

Первая попытка высадки в тылу у врага была
сделана 7 мая, но над целью стоял густой туман. Эн-
цо готов был прыгать в любых условиях, но летчик,
ответственный за операцию, не дал разрешения. На
обратном пути самолет подвергся сильной атаке зенит-
ной артиллерии, и все вздохнули с облегчением, ког-
да снова очутились на аэродроме. И тут выяснилось,
что это была не единственная неувязка. Потекли аккумуляторы из радиостанции Росселли дель Турко, и
кислота разъела ткань гражданской одежды, которую
они взяли с собой. Казалось, более чем достаточно,
чтобы говорить о безответственной небрежности англи-
чан, снаряжавших парашютистов. Но мало того, —

выяснилось, что выданные им патроны не подходят по калибру к их пистолетам...

Первая неудача угнетающе подействовала на Энцо и его спутника и наглядно показала им, какие их поджидают опасности.

Между первой и второй попыткой приземления Энцо не посылал писем на родину. Его можно понять: ничто так не смущает, как окончательное прощание. Нет желания повторять то, что уже было сказано, нет мужества снова притворяться, нет сил снова пережить уже пережитое недавно потрясение. Человек, который попрощался, как бы перестает существовать.

15 мая, когда они снова выехали на аэродром, их никто не провожал. На самолете, который поднялся в воздух в 11 вечера, было еще несколько пар парашютистов, у которых были другие задания, объекты, цели. Лоренцо не сидел рядом с Энцо, но заметив, что у его спутника напряженное выражение лица, он легонько шлепнул Энцо по спине, и тот взволнованно вскочил с места.

Во время полета в самолете царила тишина. Все было сказано заранее, не о чем было говорить. Парашютисты прыгали парами, и когда зажегся сигнальный свет для Энцо, он прыгнул первым (об этом они тоже договорились), а Лоренцо — сразу вслед за ним. Во время тренировок инструктор произносил слова команды, тут же некому было командовать, только горел красный свет.

Лоренцо несколько поторопился выпрыгнуть, и так как он был тяжелей Энцо, то спускался быстрее его, а ноги Энцо чуть было не запутались в стропах его парашюта.

Было темно, дул сильный ветер. Лоренцо тщетно пытался регулировать скорость падения, подтягивая стропы парашюта. Он не знал, на каком расстоянии находится земля, внезапно зацепился за верхушку дерева, испугался, опасаясь удара о сучья и ветки, шлепнулся на склон холма и покатился вниз; при падении сильно ушиб голову и потерял сознание.

Это не было полным обмороком, но все чувства

притупились, сознание было затуманено, и ему казалось, что навстречу бежит настоятель монастыря Камальдоли.

Когда он спустя некоторое время пришел в себя, то услышал свист Энцо: так как он не умел свистеть, то воспользовался, как было договорено, полицейским свистком. Лоренцо просвистел ему в ответ. Энцо сигнал услышал, Лоренцо просвистел вторично. Но так как он был в полусознательном состоянии и очень напуган, то нуждался прежде всего в утешении и подкреплении. И он начал жевать хлеб, который был у него в кармане. Затем Лоренцо решил пересчитать золотые монеты, полученные у англичан, и те, которые ему дал Энцо из своих денег. Когда он считал, то обронил монету и очень долго шарил по земле, пока ее нашел. Внезапно его осенила странная мысль: зачем Энцо отдал ему свои деньги? Может быть, он с самого начала решил действовать самостоятельно, идти своим путем?..

Когда Лоренцо в конце концов совсем очухался, была полночь, а на его свист никто не ответил. Он пошел по направлению, откуда ранее раздавался свист Энцо и на расстоянии двухсот метров нашел его раскрытый парашют. Раскрытый, а не сложенный, вопреки инструкции. Но самого Энцо здесь не было. Радиопередатчик и другое снаряжение, которое сбросили на отдельном парашюте, он не нашел, хотя искал всю ночь.

Стало светать, и Лоренцо услышал на расстоянии примерно тысячи метров звуки пробуждающегося военного лагеря — сигнал подъема, данный горнистом, лязг котелков, свист и понял, что ему нужно как можно скорее покинуть это место, даже без Энцо, без радиостанции и без гражданской одежды. Он спрятал под деревом два револьвера и НЗ (неприкосновенный запас) и направился к небольшой деревушке, видневшейся на горизонте.

Когда он вошел в один из крайних домов, перепуганный крестьянин сообщил ему, что всего несколько дней назад немцы казнили здесь нескольких парти-

зан. Но когда крестьянин увидел в руке у Лоренцо золотые монеты, сердце его смягчилось и он снабдил неожиданного гостя крестьянской одеждой и пошел с ним, чтобы вынуть спрятанные под деревом пистолеты и НЗ. Затем Лоренцо направился в соседнее село, где была гостиница, снял комнату и улегся спать.

Через два часа он проснулся и вспомнил, что тут живет его друг. На улице он встретил жену этого друга и попросил помочь ему, но никакой помощи не получил. Тогда он нанял машину, благополучно доехал до Флоренции и здесь связался с человеком, адрес которого ему дали англичане. Но тут его ждала неприятная неожиданность: за несколько дней до этого выяснилось, что человек, выдававший себя за югославского партизана, был в действительности немецким шпионом. Местный комитет национального освобождения решил, что Росселли дель Турко тоже шпион и приговорил его к расстрелу... Он спасся от смерти в последнюю минуту благодаря вмешательству более высокого командира итальянского подполья.

Лоренцо пытался связаться с помощью партизан, как было договорено ранее, с "Ай-Форс", чтобы сообщить, что "Хаим" (кличка Энцо) исчез и оснастка пропала, но нужные командованию союзников карты имеются, есть и радиосвязь. Но так как у него пропала военная карта, которую ему дали англичане, он не нашел точного места, куда следовало передать добытый им материал. Когда он получал по радио дополнительные указания, немцы засекли радиопередатчик, захватили его и расстреляли девять подпольщиков, схваченных на месте.

Росселли дель Турко прятался в нескольких укрытиях и, кроме того, умудрился в эти бурные дни, в разгар событий, жениться... После освобождения Тосканы он искал людей "Ай-Форс", но в оккупационной армии союзников даже не знали о существовании этой организации. Спустя некоторое время злосчастного радииста нашел майор, снаряжавший его и Энцо, и Лоренцо подвергся перекрестному допросу: возникли подозрения, не он ли виновен в гибели Энцо. Расследова-

ние показало его невиновность, но, с другой стороны, не было оснований и награждать его за эту акцию*).

Исчезновение Энцо было для него загадкой, как и для англичан: если бы его схватили немцы, Лоренцо слышал бы шум, голоса, выстрелы, видел бы огни. Тогда, несомненно, стали бы искать и его, так как немцы знали, что парашютисты союзников, как правило, действуют парами. Но ночью было тихо и не слышно никакого шума. Если бы Энцо был ранен, он остался бы лежать на месте приземления, но если он не был ранен, то почему оставил свой парашют раскрытым? Лоренцо пришел к выводу, что Энцо, который не тренировался в ночных прыжках, в первую минуту потерял сознание. Но что было потом и куда он направился, об этом никто не знал.

Из английского отчета было ясно лишь то, что "Хаим и Юлиус" (шифрованные имена Энцо и Лоренцо) приземлились далеко от намеченной цели — из-за сильного ветра, дувшего в ту ночь, и что Хаим попал в руки людей организации "Тодт", строивших недалеко от места приземления оборонительные сооружения для немецкой армии. О том, что здесь ведутся такие работы, в "Ай-Форс" ничего не было известно.

Так миссия в пользу союзников завершилась еще до того, как она началась.

* Во время Шестидневной войны Лоренцо Росселли дель Турко, к тому времени профессиональный фотограф, записался в добровольцы, чтобы защищать Израиль, но так как война быстро окончилась, до фронта он не добрался и некоторое время поработал в одном из кибуцов на сборе яблок.

Глава двадцать вторая ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ

Когда Энцо был схвачен немцами, при каких обстоятельствах, сразу ли после приземления, или на завтра — никто не знает. Известно лишь то, что его взяли в плен как британского офицера — несколько месяцев он находился в обычном лагере для военнопленных в Германии и там его допрашивали. То ли Энцо сам объявил, что он еврей, то ли это обнаружили следователи, то ли его еврейское происхождение стало очевидным благодаря его высокому званию капитана в боевой еврейской части — неизвестно. Но неожиданно его снова переправили в Северную Италию в красавицу Верону — город Ромео и Джульетты, где он содержался в старой городской тюрьме.

Информация о "британском капитане из еврейской бригады" была послана в тюрьму политзаключенных из антифашистского подполья. Энцо удалось установить контакты с антифашистами в лагере военнопленных или по пути в Верону.

Профессор Джиованни Дин, политический заключенный из тюрьмы в Вероне, брошенный в "камеру босяков" (его судил особый трибунал за антифашистскую деятельность), видел английского капитана, когда все арестанты были сконцентрированы вместе из-за частых бомбежек, но ему так и не удалось с ним побеседовать. Спустя несколько дней после того, как сюда доставили капитана, профессор Дин получил свидание с женой, и та сообщила ему от имени Комитета национального освобождения района Венето, что этот английский капитан — итальянец и что его зовут доктор Серени, но ради его безопасности никто не должен об этом знать. Комитет просит политических заключенных помогать капитану всем, чем только можно.

Несмотря на все усилия, профессору Дину не удалось войти в контакт с капитаном. Ему стало известно, что его жестоко пытали и некоторое время он был закован в цепи, но все же успел подружиться со многими заключенными, в том числе с известным уголовником, приговоренным к 25 годам тюремного заключения, и тот, обладая Сольшим тюремным опытом, во многом ему помогал.

Когда пришел приказ о переводе этого узника в другое место, Энцо на прощание расцеловался со своим товарищем по камере.

25 августа 1944 года профессор Дин видел, как Энцо выводят из тюрьмы вместе с членами Комитета национального освобождения Вероны. Профессор Дин, имевший право держать в камере книги, записал имена тринадцати переводимых из тюрьмы узников, которых знал, в том числе капитана Шмуэля Барда. Запись была сделана между строк книги Луиджи Росси об итальянских классиках.

Поездка была непродолжительной: заключенных перевели из Вероны в Больцано, у подножия Альп, в Южный Тироль. Этот район уже не принадлежал государству Муссолини, он был присоединен к Третьему Рейху. Лагерь находился на окраине городка Грис и назывался его именем — лагерь Грис. Это был один из крупнейших концлагерей Италии, в нем находилось более трех тысяч узников одновременно. Лагерь размещался в ряде зданий со сводчатыми крышами, внешне напоминавшими ангары для самолетов. Внутри высокие перегородки делили каждое здание на большие блоки.

Порядки в этом лагере были такими, как и в других немецких пересыльных лагерях. Охрана — в руках эсэсовцев, но внутренняя администрация состояла из самих заключенных. Они были разделены на четыре группы — политические, каторжане, заложники и евреи (которые составляли здесь меньшинство).

Энцо был в числе самых опасных политзаключенных, которые носили на одежде красный треугольник, содержались в изолированных зданиях за колю-

чей оградой и, по соображениям безопасности, на работы не выводились. С ним в одной камере были 23 итальянца и американский офицер. Большинство узников носило арестантскую одежду — синюю спецовку и ботинки на деревянной подошве, но Энцо продолжал носить форму британского офицера, и на ней, кроме красного треугольника политического, был нашит желтый треугольник еврея. Узники получали дважды в день жидкий лагерный суп и 150 граммов хлеба, но некоторые из итальянских заключенных, главным образом квалифицированные рабочие, имели право получать пакеты от родных и покупать продукты за собственные деньги.

Как особо опасный преступник капитан Барда не имел права общаться с другими заключенными вне своей камеры, но охрана в лагере в ту пору была не очень строгой, и во время прогулок он не раз вступал в контакты с людьми. Луиджи Терадини, итальянец египетского происхождения, впоследствии рассказывал, что среди особо важных арестантов находился также офицер из армии де Голля, итальянский адмирал и агент американской разведки Ренато Бианко.

Видимо, лишь очень немногим лицам Энцо открыл, кто он такой. Терадини, уроженец Египта, разговаривал с капитаном Барда по-английски или по-арабски, которым хорошо владел. По его словам, капитан изредка употреблял некоторые итальянские слова: "Большинство наших бесед велось на темы, которые напоминали нам наши страны по ту сторону моря, как будто между нами существовала на этот счет молчаливая договоренность, и лишь иногда мы касались жгучих вопросов современности".

В своих отношениях с католическим священником Мауро Бонацци Энцо был гораздо откровеннее. Он долго с ним беседовал о военном положении, которое в ту пору давало основания для некоторого оптимизма — войска союзников быстро двигались на север. Может быть, немцам не удастся перевести их из Гриса, где, вопреки всему, все же можно выжить.

Для этого католического священника, который

прожил большую часть своей жизни в тихом районе озер и попал в Больцано лишь в сентябре этого года, пребывание в концлагере было страшным испытанием, и он находил душевную поддержку в словах Энцо. Мауро Бонацци писал:

"На меня оказало огромное влияние его душевное спокойствие, а его общество вселяло в меня бодрость. Он давал мне книги для чтения, и очень часто мы обменивались стихами из Библии, созвучными нашей современной действительности, находя в этом утешение. Между ним, евреем, и мной, священником, существовало большее взаимопонимание, чем между мною и другими узниками лагеря, моими соотечественниками.

Очень часто он поражал меня своим глубоким знанием Ветхого Завета, точными цитатами из него на иврите, греческом и французском. Он проявил также большую осведомленность в военных делах, и не только в Италии, но и на других фронтах, и его слова всегда возбуждали у меня большой интерес, — ведь раньше я был очень далек от современной жизни".

Священник Бонацци, Энцо и еще некоторые узники делили между собой те дополнительные продукты, которые им удавалось достать разными путями — главным образом картошку, хлеб, и тогда жидкий суп превращался в царское блюдо.

В лагере рассказывали, что капитан Барда был избит одним из немецких стражников, но его исключительная стойкость произвела такое впечатление на эсэсовца, что тот дал ему денег на покупку хлеба.

Тото Копман, голландка, арестованная гестаповцами в Милане и посланная в лагерь Грис как политзаключенная, увидела Энцо, когда прибыла сюда вместе с 25 итальянцами. Она сразу обратила на него внимание, так как он отличался от всех других. Энцо был в форме британского офицера, он был парашютистом и евреем. Так как она знала немецкий и итальянский, ее назначили переводчицей, а благодаря этому она пользовалась в лагере относительной свободой передвижения. Ей удалось несколько раз поговорить с

капитаном Барда, и она старалась ему помочь, чем только могла. Он рассказал ей, что приземлился в окрестностях Флоренции, был взят в плен и после обычной процедуры допроса был послан в лагерь военнопленных в Германию. Спустя несколько месяцев его неожиданно вернули в Италию, посадили в тюрьму в Вероне и там снова допрашивали, несколько раз тяжело пытали, заковали в цепи и держали в карцере, потом перевели вместе с другими арестантами в лагерь Грис. Тото Копман рассказала, что впоследствии все прибывшие с ним итальянцы были расстреляны, его же оставили в живых.

8 октября 1944 года, шесть недель спустя после прибытия Энцо в лагерь, немцы стали вывозить отсюда заключенных (так они время от времени делали и раньше), и два больших транспорта — один с мужчинами, другой с женщинами — были отправлены в Германию. Приказы об отправке всегда поступали неожиданно, дабы не дать возможности узникам подготовиться или попытаться бежать. Но Тото Копман удалось о происходящем в лагере сообщить партизанам, с которыми она была связана, а также встретиться с Энцо. Он просил ее, если ей удастся когда-либо выйти на свободу — а по его мнению, у нее было больше шансов остаться в живых, чем у него, — рассказать об этой встрече в одном из британских посольств.

После войны, когда ее освободили из лагеря в Равенсбрюке, Тото Копман вспомнила просьбу капитана Барда и написала о нем в британское посольство в Стокгольме, рассказала все, что знала о его судьбе, и просила сообщить ей адрес жены капитана, если его самого уже нет в живых. "Он вел себя очень мужественно в самых тяжелых условиях, и я бы хотела ей об этом рассказать".

Одному из итальянских священников, с которым Энцо беседовал в лагере на религиозные темы, он подарил сборник стихов, на полях которого была сделана запись по-английски, и попросил передать эту книжку Аде после освобождения. Священник хранил эту книжку, но и его неожиданно перевели в другой ла-

гер, и он не успел взять с собой свое имущество. То, что Энцо написал на полях книжки, тот даже не прочел, так как не знал английского.

8 октября 1944 года эсэсовцы загнали в вагоны для скота около 300 мужчин из лагеря Грис, по восемьдесят человек в каждый. В вагоне, где находился капитан Барда, были священник Бонацци, Луиджи Терадини, офицер из армии де Голля, полковник Паоло Росси (его тоже перевели из тюрьмы в Вероне в лагерь Грис), капитан Эрмано Бартеллини, ветеран итальянской социалистической партии и известный антифашист, два священника и несколько молодых итальянцев, в том числе Балотти, товарищ Терадини. Когда железнодорожный состав миновал Сен-Бернарский перевал по пути на север, всеми овладела глубокая печаль: пока они находились на земле Италии, была надежда, что для них война скоро закончится. А теперь кто знает, доведется ли им когда-либо вернуться к себе домой...

Капитан Барда пытался утешить своих друзей, он говорил с итальянцами спокойно и мужественно, и многим показалось, будто он излучает какую-то скрытую радость. Сердечная близость помогала иногда забывать о голоде и холоде во время этой длительной поездки: "Как добрые друзья мы поделили между собой последние скудные продукты, полученные с воли, которые у нас еще оставались — несколько бутылок вина, немного фруктов и хлеба", — вспоминает Луиджи Терадини, один из немногих "пассажиров" этого вагона, который остался в живых.

Когда поезд в конце концов остановился и узники вышли из вагонов, они прочли на станционном здании название местности — Дахау, но оно ни о чем не говорило итальянцам.

День был серый, дождливый. После короткого марша они вошли в ворота, над которыми высилась надпись: "Арбайт махт фрай". ("Труд дает свободу") и выстроились на широкой площади недалеко от входа. Итальянцы с любопытством озирались вокруг, чтобы понять, что это за место. Они увидели ограду, через

которую был пропущен ток, высокую башню и сторожевые вышки с вооруженными часовыми — и их сердца дрогнули.

Внезапно послышался возглас: "Барда!".

Терадини рассказывает, что капитан обратился к эсэсовцу, который выкликнул его имя по своему обыкновению улыбаясь, и тот при всех с размаху ударил его кулаком по лицу. Капитан стоял молча, не шевелясь, но итальянцы были в ужасе: это было первое проявление наглой и беспричинной жестокости на новом месте и не сулило ничего хорошего. Они не знали, чем капитан Барда заслужил к себе особое внимание. Может быть тем, что он был единственным среди них парашютистом-евреем.

Каждый узник получил номер, и отныне это было его единственным "удостоверением личности". Номер капитана Барда был 113160. В канцелярии работавший там писец, тоже из числа заключенных, записал и остальные данные: имя — Шмуэль Барда, дата рождения — 22.6.1895, национальность — еврей, а также шифры E и Sch, что означало: прибыл сюда из предварительного заключения, английский подданный. На красном регистрационном бланке писец поставил штамп и дату прибытия в Дахау — 9.10.44.

Немцы разделили новичков на группы и забрали у первых в каждой шеренге их жалкое имущество: папиросы, лекарства, сувениры. Стоявшие в последних рядах попытались было вынуть из карманов и спрятать на теле все, что можно было укрыть, но безуспешно, так как у них отняли и одежду. Голые они шагали в душ, находившийся у входа в лагерь, дрожа от холода.

В душевой узники-парикмахеры сбрили тупыми бритвами все волосы на их теле и безжалостно смазали кожу какой-то зеленой жгучей густой жидкостью. После душа каждому дали рваную рубашку, пару подштанников, ветхие брюки и дырявый халат — не считаясь ни с ростом людей, ни с их размерами. И за несколько часов с бывшими узниками лагеря Грис произошла разительная перемена: из людей, еще пом-

нивших вкус вина, улыбку женщины, звуки песни, они сразу превратились в "лагерменшин".

Когда они еще стояли на командном плацу, был дополнительный транспорт узников — французские подпольщики, участники движения Сопротивления и заложники, которые четверо суток ничего не ели. Итальянцы бросили им куски хлеба, которые у них были, — так они всегда делали в подобных случаях в Италии. В психологическом отношении они еще были лишь на пороге того мира, который не знает жалости.

Назначение этого места стало им более ясным, когда они шагали едоль ивовой аллеи, между блоками (все они имели номера и железные ворота). По этой аллее двигались живые скелеты в арестантской одежде с серовато-синими полосами и толкали тележки, на которых были баки с едой, тюки одежды и груды голых трупов.

Дрожа от холода, усталости и пережитых волнений, итальянцы долго стояли у входа в барак № 25, куда их привели. Каждого, кто хотел немного согреться и прижимался к деревянной стене барака, тотчас окатывали струей холодной воды. Затем они получили первый в лагере обед: холодный вонючий суп землистого цвета со вкусом, вызывавшим тошноту. Многие из итальянцев были еще не в состоянии проглотить его. Впоследствии они мечтали о таком супе.

В этом блоке, где проходили карантин, итальянцы впервые познакомились с помощниками капо*. В большинстве своем это были русские или поляки, которые в глазах эсэсовцев оправдывали свое существование лишь мерой жестокости по отношению к прочим узникам. Итальянцев разместили на трехэтажных нарах по трое на наре, предназначенной для одного человека, и они согревали друг друга своими телами. Первые дни их держали закрытыми в бараке, заставляя выстраиваться на проверку утром и вечером, и

* Старосты камер из числа заключенных. Вербовались обычно из числа бандитов, воров, отпетых уголовников.

эти мучительные проверки длились часами. Постепенно таяли все иллюзии: не будет писем из дому, не будет продовольственных посылок, не будет никакой связи с внешним миром. Предыдущий лагерь в Италии стал казаться раем.

В 25-м блоке Энцо познакомился с доминиканским священником из Кельна, Курбиньяном Ротом. Он был писарем блока, на него было возложено все делопроизводство, и он пользовался относительной свободой передвижения. Рот запомнил капитана Барда среди десятков тысяч узников, прошедших через этот блок (патер Рот остался в Дахау и после освобождения в качестве тюремного священника для 15 000 эсэсовцев, которые были там заключены), так как тот выделялся своим образованием, большой душевной силой и высоким интеллектуальным уровнем.

Рот рассказал, что в первые дни своего пребывания в Дахау капитан Барда часто беседовал с двумя офицерами — англичанином и французом, преимущественно на философские темы, и сам патер тоже иногда участвовал в этих беседах. Но капитан Барда очень быстро ослаб, начал страдать от болей в желудке и поноса, и на лице его появились следы мучительной боли, хотя он старался мужественно переносить все невзгоды. В блоке были сотни арестантов, и писарь мог посвящать отдельным из них очень мало времени. Когда капитана Барда перевели в другой блок, Рот потерял его из виду.

В 25-м бараке капитан Барда, полковник Пауло Росси, Луиджи Терадини и Педро Кармели заняли одну нару шириной 80 см и длиной 1,7 метра. Двое спали на ней, а двое — под ней, на полу. По людям ползали вши, в битком набитом помещении нельзя было ступить и шагу, чтобы не наткнуться на человека, воздух был спертый, осенний холод пронизывал до костей. Чтобы согреться, люди прижимались друг к другу, переступая с ноги на ногу наподобие аистов. Эти однообразные движения длились часами. Если узники получали иногда разрешение на некоторое время выйти из барака, они должны были бежать, а при

выходе их ругали и били палками. При восходе и заходе солнца, когда можно было на горизонте видеть тени величавых гор, контраст между спокойным ландшафтом и ужасной действительностью был особенно нестерпим.

По ночам сюда доносилось эхо далеких взрывов бомб, падавших на Мюнхен. Когда раздавался сигнал тревоги, немцы гасили прожекторы, освещавшие огромную лагерную площадь, и зажигали яркие огни, установленные вокруг пустого поля, дабы дезориентировать авиацию союзников.

В одну из ночей стража подняла на ноги итальянцев, заставила их быстро облачиться и после проверки всех погрузили в товарные вагоны и повезли в сторону Мюнхена. В 15 километрах от города их высадили и повели ремонтировать поврежденную бомбежками железнодорожную станцию. Состав остановился далеко от центра, и путь на станцию узники проделали пешком по улицам Мюнхена, на глазах у прохожих.

Если бы в Италии прошла такая процессия арестантов, истерзанных и истощенных, люди — будь-то католики или атеисты, рабочие или торговцы, взрослые или дети — выразили бы им свое сочувствие — взглядом, добрым словом, неспрошенной слезой, — подали бы кусок хлеба, папиросу. Здесь, в Мюнхене, прохожие их будто и не замечали — в лучшем случае, иные же плевались, бранились, угрожали кулаками.

На станции они видели много железнодорожных составов, и среди них были и итальянские вагоны, направлявшиеся к югу. Было страшно подумать о том, что этот вагон через несколько часов будет на итальянской земле, на их родине, а они, живые люди, будут снова возвращены в царство смерти.

Было странно наблюдать и за тем, что в мире, за пределами лагерей, жизнь идет своим чередом: матери возят детей в колясках, люди спешат на работу, есть еще на свете школы, магазины, кафе...

Капитан Барда работал вместе с молодым итальянцем Балотти, который был совершенно подавлен, как

и большинство итальянских узников. В глазах Балотти капитан Барда был человеком, на которого всегда можно положиться, и он спросил его, не лучше ли ему удрать, несмотря на все ожидающие беглеца опасности и на ничтожный шанс спастись. Капитан ответил, что лучше всего вооружиться терпением, ждать и пока ничего не предпринимать. Балотти его послушался, да у него, по правде говоря, не было другого выхода: нельзя было удрать из Дахау без помощи извне и без денег, в арестантской одежде, среди враждебного населения, для которого узники не принадлежали к человеческому роду.

В ту неделю, когда итальянцы работали на железнодорожной станции, было много воздушных тревог, а однажды бомбы начали падать на самой станции, к великой радости узников. Они чувствовали, что каждый взрыв приближает конец их страданиям, каждый взрыв вселяет надежду на избавление.

Когда наступала темнота, они шли пешком по улицам Мюнхена, а затем погружались в товарные вагоны, которые медленно отвозили их в Дахау. Там им разрешалось улечься и 3—4 часа поспать. В 4.30 утра, в темноте и холоде, они снова строились на проверку и снова отправлялись на работу. Спустя несколько дней они научились дремать стоя.

Однажды вечером, после возвращения из Мюнхена, итальянцев направили не в бараки, а в душ, и они со страхом следили за тем, как за ними наглухо закрылись двери. Было произведено поверхностное медицинское обследование, и относительно здоровые, и среди них капитан Барда, Корди, Теруччи, Векио и Энрико Пикалуга (студент и либерал-подпольщик, арестованный в июле этого года в Милане) были выбраны для перевода в другой лагерь. Таковы были порядки в Дахау, имевшем несколько десятков филиалов.

20 октября, в воскресенье, менее чем через две недели после своего прибытия в Дахау, отобранных итальянцев посадили на грузовик, и в тот же день они прибыли в лагерь Мильдорф, находившийся в 80 ки-

лометрах от центрального лагеря. Во время этой поездки Пикалуга познакомился с капитаном Барда. До того у них не было личных контактов. "Этот британский капитан был сброшен на парашюте на итальянской земле, — писал он в своих воспоминаниях, опубликованных после войны. — Капитан замечательно владеет итальянским, а также многими другими языками".

В Мильдорфе писцы регистрировали узников более обстоятельно — движение людей здесь было меньшим, чем в Дахау. На личной карточке Шмуэля Барда появились дополнительные данные: родился в Иерусалиме 22 июня 1905 года (а не в 1895 году, как записали в Дахау; но и эта дата не соответствовала действительности), по специальности — профессор философии, женат, отец троих детей. Последнее место жительства — Тель-Авив.

Новый транспорт не был частым явлением в Мильдорфе, а так как было воскресенье, день нерабочий, старожилы лагеря собрались возле ограды командного плаца, куда должны были привести новичков, в надежде услышать из их уст о том, что нового на белом свете. Они стояли в стороне, когда комендант лагеря и его помощник прошли среди выстроившихся в шеренги новичков. Неожиданно "лагер-эльтесте" (староста лагеря) Эберле (о нем говорили, что он родился среди немцев, живших в Палестине, и знает иврит) остановился и спросил:

— Кто тот еврей, который прибыл сюда, чтобы помогать нас бомбить?

Старые заключенные, в большинстве евреи, не верили своим ушам. Но из шеренги вышел смуглый парень в очках, который показался евреям, четыре года скитавшимся по разным гетто и концлагерям Европы, плотным и ладно скроенным, и сказал:

— Я.

Командир лагеря хотел знать подробности: откуда он родом, в какой армии служил, какое у него звание.

Спустя несколько минут немцы покинули площадь, и лагерные "ветераны" подошли к новичкам. Один из

них, тринадцатилетний Давид Срулович, которого доставили сюда после ликвидации гетто в Шяуляе (Литва), подошел к очкастому парню и заговорил с ним по-немецки. Но очень скоро они перешли на иврит.

— Откуда ты знаешь иврит?

— Учился в ивритской школе в Литве, — ответил Срулович.

Очкастый сказал, что он "цанхан ме-Эрец-Исраэль".

— Что такое "цанхан"? — удивленно спросил Срулович. — Это слово у нас в школе не употребляли.

— Парашютист, — объяснил очкастый, представившийся как Шмуэль Барда.

— От какого корня?

— Цади, нун, хет, ца-нах,* — объяснил капитан. Он добавил, что служил в британской армии и попал в плен в Италии, спустившись на парашюте.

— Знают ли в Эрец-Исраэль о судьбе европейских евреев? — спросил Давид Срулович.

— Мы все знаем, — ответил Барда.

Срулович рассказал ему о судьбе литовских евреев, а тот попросил его не распространяться о темах их бесед. Они договорились о новой встрече, и Энцо обещал рассказать ему кое-что о своей жизни.

Взволнованный Срулович побежал к своим друзьям, литовским евреям, чтобы поведать им о чуде — еврейском парашютисте. Еврей из Эрец-Исраэль, британский офицер, казался узникам, среди которых было немало сионистов, ангелом Божиим, посланцем из другого, почти забытого мира. Трудно себе было даже представить, что подобное возможно: еврей-парашютист. Аарон Зегарник, аптекарь, человек просвещенный, гордившийся тем, что он обучал в свое время Трумпельдора ивриту, исследовал происхождение слова "цанхан" и очень обрадовался, что иврит обогащается такими словами.

Назавтра итальянцев разделили. Несколько человек, обладавшие нужными профессиями, остались в

* Спустился, соскользнул.

Мильдорфе (среди них Отелло Векио как электрик и капитан Барда как переводчик), остальных же перевели в небольшой палаточный лагерь, который находился в лесу. Там работали евреи, обреченные на гибель.

В Мильдорфе, кроме литовских евреев, были также евреи из Венгрии (ранее их использовали на принудительных работах в оккупированных районах России) и евреи из Греции, которые прежде находились в Освенциме и в Варшавском гетто (там они разбирали здания, разрушенные во время подавления восстания). Здесь содержались также французские католики и несколько групп итальянцев — их сюда привезли после падения Муссолини. Лагерь не был окружен колючей проволокой, через которую пропущен ток, как в Дахау, но он хорошо охранялся эсэсовцами, а еврейские узники были настолько обессилены и деморализованы, что у них даже не возникала мысль о побеге. Они хотели жить, несмотря на голод, болезни и изнурительные работы на постройке гигантских туннелей. В Мильдорфе людей не казнили: они сами умирали от истощения и непосильного труда.

Капитан Барда был назначен переводчиком среди итальянцев — он единственный хорошо владел немецким. Большинство итальянцев были заняты на строительстве, они носили на спинах тяжелые мешки с цементом, доставляли материалы к бетономешалке. Работали и днем, и ночью, по двенадцать часов в смену с получасовым перерывом на обед, когда получали миску мутной тепловатой жидкости, которую называли супом.

Хаймович, литовский еврей, работавший на строительстве вместе с итальянцами, услышал, как немецкий надзиратель спросил однажды переводчика, какой он национальности, и тот ответил: "Еврей". Любопытство Хаймовича было сильно возбуждено, и при первой же возможности он заговорил с переводчиком. "Капитано" — так называли его итальянцы — попросил его рассказать подробности из жизни в гетто и несколько раз наказал передать евреям этого лагеря, с которыми

он не мог встретиться, так как тот был разделен на множество отделений, что мир знает о положении евреев и борется за их освобождение. Однажды во время беседы он сказал: "У меня была миссия во имя большой идеи, но я очутился в концлагере, и кто знает, выйду ли отсюда".

Хаймович рассказал, что итальянцы подчинялись своему "капитано" беспрекословно, и во время ссор, которые нередко вспыхивали в страшных лагерных условиях, тот умел быстро находить компромиссные решения. "Капитано" не уставал объяснять людям, что надо помогать друг другу, а не пытаться увилить от работы за счет товарища.

Однажды надзиратель наказал одного итальянца, заставив его в течение трех часов поднимать и опускать тяжелый груз. Когда стало очевидным, что тот совершенно обессилел, "капитано" обратился к эсэсовцу с просьбой уменьшить наказание, рискуя навлечь на себя суровую кару. Обычно такого рода просьбы и обращения наказывались с особой садистской жестокостью. В отличие от евреев, обладавших некоторым иммунитетом в результате двухтысячелетних страданий, большинство итальянцев напоминало беспомощных детей. Переход от свободной жизни в своем родном доме на родной земле к лагерной действительности был слишком резким, и они льнули к "капитано", как к отцу, брату, спасителю.

В начале ноября стало известно о бегстве трех узников из итальянского отряда, и в виде наказания немцы приказали всему отряду целый день простоять в строю. "Капитано" ходил между рядами и подбадривал людей: он призывал держаться из последних сил, не капитулировать.

Для того, чтобы усилить охрану итальянцев, из лесного лагеря вернули вторую группу, среди которой был Пикалуга. Через несколько дней в лагерь доставили и трех беглецов, схваченных немцами. Они были избиты и замучены до полусмерти. Их приводили к месту работы итальянцев, чтобы те видели, как они распухли от пыток, а на шее у каждого висела таб-

личка: "Мы снова здесь". Затем эти люди исчезли, и их никто больше никогда не видел.

Капитан Барда стал по просьбе итальянцев лагеря Мильдорф их представителем. В качестве переводчика он располагал несколько большей свободой передвижения, и он использовал это, как и свои знания языков, и организовал сеть для передачи сообщений о том, что происходит в мире. Одним из факторов, приводивших к душевной опустошенности узников лагеря, была полная оторванность от всего мира, такое чувство, что ты к нему больше не имеешь никакого отношения, что все происходящее вне лагеря тебя совершенно не касается, ибо ты уже не жилец на этом свете. Он пытался улучшить отношения между итальянцами, жившими изолированно, французами и греками, перебросить мост над недоверием и враждой, порожденных отчаянной попыткой найти хоть некоторое утешение в национальной консолидации до того как окончательно потеряешь человеческий облик. Он старался всячески укрепить чувство солидарности между всеми узниками на базе общности судьбы.

...Тяжело было нести мешки с цементом, это выматывало силы, но больше всего боялись узники, когда работа приостанавливалась из-за порчи механизмов: тогда палачи приказывали бесцельно переносить и разгружать строительные материалы, дабы лагерники не стояли без дела. Иногда во время вынужденного простоя устраивались обыски, или эсэсовцы просто измывались над своими жертвами и избивали их. "Капитан Барда был связным между нами и немецкими руководителями работ", — писал в своих воспоминаниях Пикалуга, который не знал, кто он, — и на этой должности обнаружили такие его качества, как высокая мораль, мудрость, такт и умение влиять на других. Он помогал нам тысячей способов, всячески старался облегчать наш труд. Мы работали все время, когда механизмам нужно было сырье (и тогда капо нас не избивали), но ему удавалось прятать нас от глаз немецких надсмотрщиков, когда ритм работы позволял это".

Только тот, кто знал, на что способны вечно голодные и истощенные люди ради нескольких ложек дополнительного супа, может оценить душевную щедрость капитана Барда, который постоянно отдавал товарищам свою дополнительную порцию супа, полагавшуюся ему как переводчику.

В ночь на 17 ноября, спустя четыре недели после перевода итальянцев в Мильдорф, в итальянский блок зашли два эсэсовца и вызвали Барда. Когда капитан, как опытный лагерник, попросил разрешения взять с собой одеяло и еще кое-какие вещи, составлявшие все его достояние, эсэсовец сказал: "Без одеяла". И каждый, кто слышал это, сразу понял, что сие значит: в одеяле больше не будет нужды...

Назавтра итальянцы отправились на работу особенно удрученными. Хаймович спросил их, что случилось, и один из них ответил дрожащим голосом: "Капуто иль капитано".

"После бегства троих, а еще более — после ухода капитана Барда, наше положение ухудшилось. У нас не было никаких вестей из внешнего мира, а на работе нам не хватало административных организаторских и дипломатических качеств "капитано". Более того, нам не хватало человека, который ежедневно говорил бы нам мудрые и проникновенные слова ободрения — мы в них очень нуждались, чтобы окончательно не пасть духом. Через месяц французы стали умирать, как мухи, даже быстрее, чем мы", — писал Пикалуга.

В январе 1945 года четыре итальянца пытались бежать, среди них — Эрмано Бартеллини и Энрико Пикалуга. Несколько дней им удавалось прятаться в окрестных деревнях, но потом они были схвачены и умерли один за другим в штрафных ротах Дахау. Только Пикалуга остался в живых, но это был ходячий скелет. "Капитан Барда и Бартеллини были единственными из огромной массы людей, которых я встречал в лагерях, кто сохранил чистоту своих чувств и высокую идейность в условиях, находящихся далеко за чертой отчаяния, в каких мы находились".

Пикалуга, Луиджи Терадини, Балотти, священник

Бонацци, Отелло Векио — все те, кто вернулись в Италию после освобождения, чувствовали даже спустя много лет, что своей жизнью не в малой степени они обязаны "капитано", который охранял их и учил не терять человеческого облика.

Тот, кто встречал Энцо в последние недели его жизни, сохранил в памяти его удивительное душевное спокойствие. Тут он увидел конец бездны — и не отпрянул. Тут развернулся последний поединок между его душевными силами и Судьбой — и он завершился его моральной победой.

Возвращение Энцо в Дахау зарегистрировано как "арест по приказу". Поступил ли приказ о его возвращении извне, из гестапо или другого учреждения, был ли этот приказ связан с побегом трех итальянцев, или вдруг обнаружилось, что он никогда не был тем, за кого себя выдавал — на эти вопросы пока никто не может ответить. Умер ли он от пыток во время допросов, был ли повешен на одной из трех виселиц, стоявших в южной части лагеря, или расстрелян, один или вместе с другими осужденными — никто не знает. Документы об этом молчат, а свидетелей не осталось. Известно лишь, что на следующий день после возвращения Энцо в Дахау, писарь вынул из картотеки личное дело Шмуэля Барда и поставил на нем печать: Фершторбен 18. Нов. 44.*

* Умер 18 ноября 1944 года.

ЭПИЛОГ

После гибели Энцо Серени прошло уже более тридцати лет. Гив'ат-Бреннер с населением, превышающим две тысячи человек, превратился в крупнейший кибуц страны, как об этом мечтал Энцо, хотя образ жизни в нем значительно отличается от того, каким он рисовался умственному взору и воображению его создателя.

Холмы, на которых расположился кибуц, давно не замыкают еврейских колоний с юга, а находятся сейчас в центре Израиля, и город Реховот неуклонно приближается, дунам за дунамом, к этому кибуцу. Большинство выходцев из Италии, состоявшие членами этого кибуца, покинули его после раскола движения Га-кибуц Гамеухад (Объединенный кибуц), произошедшего в 1952 году, и основали поблизости другой кибуц — Нецер Серени (Ветвь Серени или Отпрыск Серени) — в память об Энцо.

Ада Серени после окончания Второй мировой войны выехала в Европу искать следы мужа, и когда ничего другого не осталось, как констатировать тот факт, что его уже нет в живых, она продолжила его путь. В течение трех лет Ада Серени руководила нелегальной эмиграцией европейских евреев через Италию в Эрец-Исраэль, чьи границы держали на запоре англичане, и действовала с исключительным мужеством и размахом. Недавно об этой героической эпопее она опубликовала книгу.

Альфонса Серени, мать Энцо, перенесла весть о гибели второго сына с исключительным мужеством, как и все другие беды, которые на нее обрушивались. Она скончалась в 1961 году в Гив'ат-Хаим. После ее смерти опустел построенный на окраине кибуца дом Рокаса: Леа, сестра Энцо, и ее семья переехали в Тель-Авив.

Когда Ада вернулась из Италии, она не нашла себе места в кибуце и поселилась в Иерусалиме. Две ее дочери, Хана и Агарь, тоже живут сейчас в городе. Из семьи Серени остались в Гив'ат-Бреннере лишь две внучки Энцо и Ады и две маленькие правнучки. Ада Серени-Файнберг, дочь Энрико, старшего брата Энцо, сейчас — депутат Кнесета от партии Труда.

Даниэль — единственный сын, продолжатель рода Серени, "мой кадиш",* как любовно называл его Энцо, самый трудный период своей жизни рос без отца, да и мать в это время тоже была далеко. Он вырос красивым юношей, с мятущейся душою. Во время войны за Независимость Дани добровольцем, вопреки воле кибуца, вступил в ряды боевых отрядов Пальмаха, участвовал в боях, был ранен, вернулся в кибуц и работал в сельском хозяйстве механизатором. Он нашел свое личное счастье в любви к Офре Китрон, на которой женился в 1953 году, и это была первая супружеская пара среди уроженцев Гив'ат-Бреннера.

29 июля 1954 года Даниэль и Офра участвовали в торжественно-траурном собрании в память парашютистов, погибших при выполнении своей миссии, среди которых был и Энцо. Церемония происходила вечером на берегу озера Кинерет, в кибуце Мааган (Причал) при большом стечении народа. Перед снятием покрывала с памятника над собравшимися пролетел самолет "Файфер". Летчик хотел эффектным показательным маневром сбросить на землю листовки летного клуба, но пакет застрял меж колес самолета. Летчик сделал второй заход, но он летел слишком низко, и самолет рухнул на землю... Под его обломками нашли тела пятнадцати погибших, и среди них были 24-летний Даниэль Серени и его 20-летняя жена Офра. Других сыновей в этом роду нет, следовательно, нет больше мужчин, продолжателей династии Серени.

* "Кадиш" — так нередко в шутку называют сыновей, особенно единственных.

КОНЕЦ

- 1—2. Леон Юрис: ЭКСОДУС
3. Д-р А. И. Кауфман: ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит: ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав: НАПЕРЕГОНКИ
СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин: ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод: РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ
(Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель: ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ: Еврейские мотивы
в русской поэзии
11. Натан Альтерман: СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский: СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль: ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам: ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед: ХЕДВА И Я
16. Яков Цур: И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль: ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. Стихи советского еврея: ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ
19. Говард Фаст: МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский: РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА
И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон: ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер: УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш: ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. Ш. Й. Агнон: ИДО И ЭЙНАМ
Рассказы, повести, главы из романов
26. Элизер Смоли: ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский: СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А. Итай и М. Нейштат: ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург: ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С. Г. Фруг: СТИХИ И ПРОЗА
33. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ